МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ МАКСИМА ТАНКА

ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ:

ВОЗМОЖНОСТЬ БЫТЬ УВИДЕННЫМИ

Сборник научных статей

Выпуск 2

Под редакцией доктора исторических наук
И. Р. Чикаловой

Минск 2002

УДК 930.8
ББК 63.3
Ж 561

Печатается по решению редакционно-издательского совета
БГПУ имени Максима Танка

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор В.А. Федосик;
доктор исторических наук, профессор В.Н. Михнюк

Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. Выпуск 2 / Гл. ред. И.Р. Чикалова. — Мн.: БГПУ, 2002. — 320 с.

ISBN № 985-435-359-2

Сборник научных работ подготовлен по инициативе кафедры всеобщей истории Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка и содержит статьи белорусских, российских и украинских авторов. Затрагиваются различные аспекты соотношения пола и гендера в культурно-историческом пространстве, критически переосмысливаются взаимоотношения женщин с институтом церкви. Предметом рассмотрения является также социальный статус и положение женщин на различных этапах истории европейских стран, в том числе в период Средних веков, Нового и Новейшего времени. Исследуются конфликтующие интересы и альтернативный жизненный опыт женщин разных социальных категорий; гендерная идеология и гендерные политики в советское и постсоветское время.

ББК 63.3

ISBN № 985-435-359-2

С БГПУ имени М. Танка
С Коллектив авторов

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора
И.Р. Чикалова
Женская и гендерная история: открытый проект ……...5

Пол. Культура. Гендер

Е.И. Янчук
Культура порождает неравенство……11

И.Л. Коган
Гендерная классификация социальных и культурных объектов……..18

Христианская церковь и женщина

В.А. Суковатая
Женщина в религиозной истории и феминистская теология……...…33

Д.В. Мазарчук
Социальные роли библейских женщин……...……54

Женщина в средневековом обществе

Л.В. Вансович
Знаменитые женщины средневековой Германской империи (X—XI века)……61
Е.Н. Сурта
Средневековая женская мистика: Хильдегарда фон Бинген……..…….77

Гендерный аспект этнографических исследований

О.Р. Кись
Гендерные особенности брачного выбора в украинском селе конца XIX — начала XX веков.....89

В.В. Тугай
Латгальская женщина в XIX веке: черты правового положения и быта…….……...111

Социальные и политические опыты европейских женщин в Новое и Новейшее время: между традиционализмом и феминизмом

М.А. Буланакова
Основные черты социального опыта английских аристократок стюартовской Англии XVII века……...121

И.Р. Чикалова
Женский и детский труд в странах Западной Европы и США в XIX веке……...…148

Н.В. Новикова

Пацифизм и интернационализм в британском суфражистском движении в годы Первой мировой войны…….171

А.М. Ермаков
Женская «Служба труда» в Германии в годы Второй мировой войны……..198

В.В. Фрольцов
Положение женщин восточной Германии в 1990-е годы……...216

Гендерная идеология и гендерные политики в России

И.И. Юкина
Формирование феминистской идеологии в пореформенной России (вторая половина XIX — начало XX веков)……229

И.Р. Чикалова
И. Арманд и А. Коллонтай: феминизм, коммунизм и женский вопрос в России…….....241

Ю.В. Градскова
Конструирование гендерных различий в контексте советского культурного эксперимента 1920-х годов…….…….251

Г.Г. Карпова, Е.Р.Ярская-Смирнова
Гендерная идеология и социальная политика в официальном дискурсе международного женского дня. 1920—2001 годы…….…….261

Т.А. Ровенская
Периодизация русского женского литературного движения 1980-х —1990-х годов…..…….290

Сведения об авторах……..…310

От редактора

И.Р. Чикалова

ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ: ОТКРЫТЫЙ ПРОЕКТ

Изучение истории угнетенных, форм, методов, особенностей и механизмов угнетения и, главное, опыта сопротивления ему — одна из благородных целей социальной науки. Историки никогда не избегали исследования проблем неравенства и социального подавления, наоборот, изучение некоторых видов его было приоритетным направлением их работы — большая часть написанной истории посвящена вскрытию корней и описанию неравенства. Марксистская зарубежная и советская историческая наука тоже вплотную занимались исследованием истории одной из его форм — классового неравенства, включившую в себя как возникновение и развитие классов, так и историю их противостояния и борьбы.

В 1970-е гг. открылись политические перспективы для культивирования научного интереса к изучению прежде непопулярной среди исследователей формы неравенства — гендерного неравенства. Правда, в то время еще не был введен в широкий научный обиход термин *гендер*, который впоследствии станет маркером для обозначения более крупного явления, нежели только социополовое неравенство. Он стал использоваться для проведения т.н. горизонтальной социо-половой стратификации общества в отличии от вертикальной — классовой, сословной и подобных им. В то время как понятие пола является "нативистской" конструкцией, суммирующей биологические различия между мужчиной и женщиной, гендер, в свою очередь, — социальной, обозначающей особенности поведения и социальных стратегий личности: он — осознанное значение пола, социокультурная манифестация факта пребывания мужчиной или женщиной. Оба они находятся на разных полюсах в жизни человека. Пол очевиден с момента рождения, является стартовой позицией и детерминирован биологическими факторами — и прежде всего анатомией: "анатомия — это судьба" (З.Фрейд). Гендер — конструкция иного полюса. Это своеобразный итог социализации человека в обществе на данный момент в соответствии с его половой принадлежностью. Мужчины и женщины являются социально-культурными продуктами своих обществ, и культура является решающим фактором в формировании различий между ними: "женщиной не рождаются, ею становятся" (С. де Бовуар). Культура порождает не просто различия, но и неравенство мужчин и женщин. Ирвин Гоффман, перефразируя Маркса, писал, "что не религия, а гендер является опиумом для народа: современный мужчина, страдающий от давления разнообразных общественных структур, всегда найдет женщину, выполняющую функцию заботы и обеспечивающую уход — женщину, которая является обслуживающим персоналом по призванию"[1].

Общим местом будет говорить о том, что история женщин — это замалчивавшийся советской историографией пласт общественного бытия, научное изучение которого стало основанием для критического развенчивания еще одной базовой формы неравенства, а именно — по половому признаку. Последнее столь старо и так прочно укрепилось в умах и культуре, что производя иллюзию неизбежности, сохраняется и, более того, господствует в мире. Гуманизация общества самым тесным образом связана с преодолением неравенства женщин. Научное изучение неравенства, в основе которого лежит пол/гендер, ведется с 1970-х гг. —

[1] Goffman E. Frame Analysis of Gender // Lemert C. and A.Branaman (Eds.) Goffman Reader. Oxford: Blackwell, 1997. P.203; Цит. по: Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Введение в гендерные исследования. Ч.1: Учебное пособие/Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С.170.

именно тогда стали появляться работы, посвященные новым перспективам написания истории "женщин"[2].

Первые работы историков, исследующих социальное поле женщин, опирались на теоретический багаж либерализма. Его сторонники личную и гражданскую свободу ставят в центр существования демократического общества — ведь только она открывает путь к вершинам социальной иерархии, достижению достойного места в ориентированном на социальный прогресс обществе: индивид уже в дообщественном, догосударственном т.н. “естественном” состоянии наделен неотчуждаемыми правами (важнейшие из них перечислены в американской Декларации независимости и французской Декларации прав человека и гражданина), а потому он должен сохранить их и в последующие эпохи. Свобода независима от происхождения, способностей и знаний, характера и убеждений, а потому все люди равны перед законом, а гражданские права человека не должны зависеть от сословной или классовой принадлежности, должностного или имущественного положения. Либеральное устройство мира подразумевает и предоставляет возможность каждому человеку максимально развиваться и добиваться максимального результата. Однако даже в Новое и Новейшее время либеральная теория с ее акцентом на индивидуализм и гражданские свободы демонстрировала ограниченность в вопросе распространения эгалитарных прав на новые группы граждан — и женщин, прежде всего. Исключение женщин из практик свободы опиралось на их якобы "естественную" неспособность преступить за пределы их "биологического предназначения". Даже либералы пренебрегали ими просто потому, что они — женщины. Тем не менее, либерализм, продемонстрировав свои адаптивные возможности, предстает явлением более масштабным, нежели только буржуазная идеология. Благодаря подключению к развитию политической теории самих критически мыслящих женщин (пол исследователя становился принципиально важен) *либеральный феминизм*, хронологически первый (из разных феминизмов) вышедший на политическую арену, стал его важной расширительной составной частью и оказался особенно продуктивен в качестве теоретической базы для историка, привыкшего исследовать истоки, формы и последствия социального неравенства.

Феминистская методология в истории предполагает, во-первых, создание "женской истории" и, во-вторых, ревизию подхода к изучению общества с тем, чтобы учитывать его многокомпонентность, наличие набора стратификационных параметров, среди которых одним из важнейших является "пол/гендер". Посредством выяснения конфликтующих интересов и

---

[2] См., например: Caroll Berenice A. Liberating Women's History. Theoretical and Critical Essays. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1976; Scott Joan. Women in History: The Modern Period // Past and Present: A Journal of Historical Studies. Vol.101, 1983; Scott Joan. Women in *The Making of the English Working Class* // The Essay Delivered at the Meeting of the American Historical Association in December 1983. Опубликовано в: Scott Joan. Gender and the Politics of History. New York: Columbia University Press, 1999; Lerner G. The Creation of Patriarchy. Oxford: Oxford University Press, 1986; Scott Joan. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // American Historical Review. Vol.91. №5 (December 1986); Women in the Middle Ages and the Renaissaince: Literary and Historical Perspectives. Edited by Mary Beth Rose. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 1986; Become Visible: Women in European History. Edited by Renate Bridenthal, Claudia Koonz, & Susan Stuard. Boston: Houghton Mifflin, 1987; Connecting Spheres: Women in the Western World, 1850 to the Present. Edited by Marilyn H. Boxer and Jean H.Quataert. New York: Oxford University Press, 1987; Hufton O. What is Women's History…? // Gardiner T. What is History Today? N.Y., 1988; Kerber Linda K. Separate Spheres, Female Worlds, Woman's Place: The Rhetoric of Women's History // Journal of American History. June 1988. Vol.75. №1; Norton Mary B. (Ed.) Major Problems of of American Women's History. Documents and Essays. Lexington, Masschusets, Toronto: D.C. Heath & Compaby, 1989; Bock Gisela. Women's History and Gender History: Aspects of an International Debate // Gender and History. Vol.1. №1. Spring 1989; Scott J. Women's History // Burke P. (Ed.) New Perspectives on Historical Writing, 1992; Kerber L.K., A. Kessler-Harris, and K. Sklar (Eds.) U.S. History as Women's History: New Feminist Assays. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1995.

альтернативного жизненного опыта женщин разных социальных категорий и исторически сложившихся отношений господства и подчинения между мужчинами и женщинами в патриархатных структурах классовых обществ монологическая "женская история" на базе феминистской методологии соединяется с историей общества. Именно женщины являются центральным предметом исследования в этом историческом жанре, хронологически первом, исповедующем гендерный подход.

В 1980—1990-е гг. были открыты возможности, предоставляемые гендерным подходом для анализа не только угнетения женщин мужчинами, но шире — властных взаимозависимостей и иерархий, структур власти и подчинения, систем доминирования в общественной и приватной сферах. В этом свете изучение неравноправного положения женщин предстает только в качестве частного случая функционирования гендерной системы в целом. Под влиянием развития ранее периферийных областей, таких как "исследования мужчин"[3], "гей/лесбийские исследования"[4], "квир исследования"[5], в которых центральное место занимают вопросы изучения конструирования *маскулинности, феминности* и *сексуальности*, произошло перенесение акцента с исследования женщин на механизмы функционирования властного дискурса как такового.

Таким образом, появилась возможность использования и другого, более сложного подхода (и тоже гендерного) благодаря состоявшейся в 1980—1990-е гг. концептуализации понятия и развития теории гендера. Центральным предметом исследований выступает уже не столько "история женщин", сколько история властных взаимоотношений, иерархических взаимозависимостей и взаимосвязей между мужчинами и женщинами, мужчинами и мужчинами, женщинами и женщинами разных социально-классовых слоев, расовых/этно/конфессиональных групп и возрастов, т.е. гендерных отношений (между разными гендерами, репрезентируемыми названными группами), и создание "диалогической" истории *гендерных отношений*. На этой базе возможно создание гендерной (читай — обновленной и обогащенной социальной) истории, расширяющей свое предметное поле и включающей в него все сферы межличностных отношений как в общественной, так и в частной жизни. Во всяком случае, говоря словами американского историка Джоан Скотт, "интерес к расе, классу и гендеру показали, во-первых, приверженность ученых истории, которая включает сведения об угнетенных, анализ значения и природы их угнетения, и, во-вторых, научное понимание того, что неравенства власти распространяются, по крайней мере, в трех направлениях"[6].

И все же, осуществим ли проект гендерной истории в полном объеме? Этот вопрос мне кажется не риторическим, а более серьезным, чем если бы его задавал неисторик. На нынешнем этапе исследований вряд ли можно рассчитывать на быстрое появление некоего фундаментального полотна, охватывающего в гендерном ключе значительный период истории отдельных или, тем более, блока стран — для этого недостает фактического материала, локальных исследований в области исторической феминологии. Закономерно поэтому появление сборников научных работ (под какой бы рубрикой они ни издавались — "женская" или "гендерная история") в жанре женской истории. Выбирая название для первого сборника по гендерной (читай — женской истории), я исходила из того, что его название должно максимально отвечать тому, что в нем содержится. На мой взгляд, идея оказалась удачной. Поэтому перед читателями его новый выпуск и снова — "Женщины в истории: возможность быть увиденными"…

Ирина Чикалова

---

[3] С англ.: Men's Studies.

[4] С англ.: Gay/Lesbian Studies.

[5] С англ.: Queer Studies.

[6] Скотт Джоан. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Часть II. Хрестоматия / Под ред. С. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С.407.

Е.И. Янчук

КУЛЬТУРА ПОРОЖДАЕТ НЕРАВЕНСТВО

Гендерные отношения присутствуют везде, пронизывая все сферы социального бытия. При этом они неинвариантны, несмотря на относительную постоянность биологической природы человека. Любая социальная трансформация и инновация существенно отражаются на гендерных отношениях, причем, несимметричным образом — по-разному для мужчин и женщин, производя и воспроизводя на этой почве неравенство. Можно привести такой факт: рождение дочери во многих культурах часто воспринимается с сожалением. «Чувство невыразимого облегчения, но — дочь! Ему это казалось несправедливым. Пойти на такой риск, пережить все эти муки — и какие муки! — ради дочери! Он стоял в холле перед камином с пылающими поленьями, подталкивая их кончиком ботинка, и старался успокоиться. “А отец?” — вдруг подумал он. Какое горькое разочарование, и ведь этого не скроешь! В этой жизни никогда не получаешь всего, чего хочешь! А другой ведь нет, а если даже она есть, что в ней толку!»[7]

Во многих современных обществах как нельзя лучше отражается мужская доминанта культуры — целеустремленность, активность, сила, власть. Мир, культура сконструированы мужчинами и для мужчин. Женщине здесь отводится роль "инфернального" Другого, медиатора между Культурой и Природой. Мойра Гатенс называет женщину — в концептуальном и буквальном смысле — «мостом» для мужчины между природой и культурой, между разумом и телом, между приватной и публичной сферами. Но сама являясь мостом, женщина не может выйти за рамки природы в культуру, из тела к разуму, из приватного в публичное[8].

Более того, в большинстве случаев само понятие "человек" отождествляется исключительно с мужчиной. Причем не только в философском, но и чисто в лингвистическом плане. Сравните: немецкое "Das Man", английское "A man", французское "Un homme" означает и "человек", и "мужчина". Женщина же не является не только субъектом, но и объектом философского знания. Ее присутствие оценивается чаще всего негативно. Послушаем некоторых авторов. *Пифагор:* "Есть доброе начало, сотворившее порядок, свет и мужчину, и злое начало, сотворившее хаос, мрак и женщину*". Сократ:* «Три вещи можно считать счастьем: что ты не дикое животное, что ты грек, а не варвар, и что ты мужчина, а не женщина». *Иоанн Златоуст*: "Среди всех диких зверей не найти никого, кто был бы вреднее женщины". *Аристотель:* «Женщина является женщиной в силу отсутствия мужских свойств у нее. Мы должны видеть в женщине существо, страдающее природной неполноценностью». *Менандр:* "И на земле, и в море водятся чудища, и все же величайшее из них — это женщина. Женщина — это не оставляющее вас страдание".

Такое отношение проистекает от реального положения женщины в обществе. Последнее же определяется рядом факторов, среди которых участие в экономической жизни, способность к контролю над собственностью и продуктами труда, существующая система власти. Женщина — в лучшем случае вторична во всех этих отношениях, в худшем — вытеснена за их пределы. Да и сам женский опыт получает далекую от адекватности оценку. Так, с одной стороны, женщины составляют половину населения Земли и вовлечены в 2/3 всего рабочего времени. С другой стороны, на их долю приходится 1/10 всех доходов и менее 1/100 всей мировой собственности[9].

---

[7] Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах. М., 1973. Т.1. С.528.

[8] Gatens Moira. The Dangers of a Women-Centered Philosophy. The Polity Reader in Gender Studies. Oxford. Blackwell Publishers. 1994. P.98.

[9] Frankenhaeuser M., Lundberg U., Chesney M. Women, Work, and Health: Stress and Opportunities. N.Y.:

Гендерные различия можно искать как в биологии, так и в социокультурной среде. По первому пути идут так называемые "нативисты", более склонные к натуралистической позиции и нередко полностью игнорирующие опыт социализации и культурные различия. Ко второму пути склоняются представители оппозиционных нативистским теорий. Однако отдать преимущество генетическому или социальному здесь практически невозможно: в человеке сложно переплетается и то, и другое — и физиологически-гормональный статус, и социокультурный опыт. При этом не следует излишне преувеличивать нативистские различия (а на них очень часто ссылаются как многие феминистские авторы, так и их критики). Как бы то ни было, но в архаических обществах, где наблюдаются предельно тяжелые условия жизни, связанные непосредственно с выживанием: защита от диких зверей, пропитание, — исследователи не фиксируют существенных гендерных различий, доведенных до подчиненного положения женщин. С другой стороны, чем хуже условия проживания, тем сильнее должны быть различия и выше неравенство. С другой стороны, в таких обществах оба пола зависят друг от друга в большей степени, нежели в других типах сообществ. Поэтому в охотнически-собирательских культурах в целом фиксируется кооперативность, эгалитаризм, тенденция к интеграции и свободе вне зависимости от возраста, пола или персональности[10]. И если исходить из указанных факторов неравенства, то по мере продвижения общества по пути социального прогресса гендерных различий и неравенства на этой почве должно становиться все меньше и меньше, чего мы не наблюдаем. Таким образом, под значимыми факторами неравенства должны выступать не столько биологически-нативистские, связанные с биологическим разделением труда, сколько социокультурные особенности жизнедеятельности, включающие в себя аксиологически-коммуникативные отношения между людьми. Получается, что неравенство в виде дискриминации и подавления женщин пришло в культуру вместе с социальным прогрессом и просвещением. Политические, правовые, экономические институты, религиозные и другие авторитеты способствуют дискриминации, притеснению женщин и углубляют асимметрию гендерной структуры.

Для отображения существующей гендерной амбивалентности можно использовать термин "бинаризм". В целом в философии довольно отчетливо выражена тенденция к дихотомическому мышлению, к разного рода бинаризмам: материя — дух; тело — душа; разум — эмоции; свет — тьма; добро — зло; бытие — небытие; культура — природа и т.п. Авторы, ориентирующиеся на феминистскую традицию, подчеркивают своеобразную асимметричность дихотомий в плане ориентации на мужское или женское начало. "Мужское" — это дух, разум, свет, добро, бытие, культура и т.п. "Женское" — материя, тело, эмоции, тень, зло, небытие, природа… Жак Деррида в своей "Граммотологии" обратил внимание на иерархическую субординацию дихотомий: при ссылках на разного рода бинаризмы предпочтение чаще всего отдается одной из составляющих. Как правило, эта составляющая презентирует мужской интерес в культуре. Счастье мужчины зовется «Я хочу!». Счастье для женщины — «Он хочет» (по Ф. Ницше). «Мужчина есть буква А, женщина — Б. Мужчина ведет, женщина — ведома» (по Р. Барту). Дух, душа (олицетворение мужского) правит телом (олицетворением женского). Отсюда мужское восприятие мира и мужские образцы поведения становятся также доминирующими, обусловливающими своеобразную фаллократию. Интересная иллюстрация из области биоэтики. Здесь право принимать участие в разрешении медико-биологических проблем и делать выбор имеет лишь тот, кто идентифицирован как личность. А под личностью, например, можно понимать совершеннолетнего, психически и физически здорового мужчину, законопослушного гражданина с развитым интеллектом и наклонностью к самоутверждению через власть над внешними обстоятельствами.

Plenum. 1991. P.257.

[10] См.: Harry C. Triandis. Culture and Social Behavior. N.-Y.: University of Illinois, Urbana-Champaign, 1994. Pp.129-130.

Жак Деррида называет это "фаллогоцентризмом" и прослеживает его не только в устной, но и в письменной речи. Он предпринимает попытку деконструкции такого иерархизированного метафизического бинаризма для разрушения этой субординации, для поиска нового соотношения термов бинаризма. Деррида допускает даже разрушение самой бинарной структуры с целью создания пространства для множественности и разнообразия. Если вспомнить о чем идет речь, станет ясен довольно явный утопизм такого рода проекта: достаточно проблематично представить себе сексуальную множественность и разнообразие без различных форм трансвестирования. Так что бинарная структура, скорее всего, сохранится как средство идентификации и поиска согласования между *sex* и *gender*.

Обобщая известные в культуре ориентиры в дихотомии "мужского — женского", можно предложить следующую бинарную редукцию, взятую в трех проекциях-измерениях: *социально-онтологическом*, *социально-эпистемологическом* и *аксиологически-коммуникативном.* Так, социально-онтологическая проекция будет отражать наличие бинарной дифференциации реальности: бытие — небытие; культура — природа; дух, душа — плоть, тело; свет — тень; верх — низ; небо — земля; твердое — мягкое; холодное — теплое; сухое — влажное и т.п. Социально-эпистемологическая проекция концентрирует в себе дихотомию способов получения и потребления знания, расщепления мира на объект и субъект познания и трансцендирование субъекта вне природы: рациональность — эмоциональность; продуктивность — репродуктивность; активность — пассивность; истина — красота; абстрактность — конкретность; объективность — субъективность и т.п. Третье — социально-коммуникативное измерение —связано с аксиологически-нормативной сферой, реализуемой в форме различных образцов поведения: индивидуализм — коллективизм; общественное — частное; эгоизм — альтруизм; власть — подчинение; агрессия, насилие (в том числе и в первую очередь по отношению к природе) — ненасилие, экологичность; борьба — миролюбие; конфронтация — компромисс, согласие; монолог — диалог и полилог; отчуждение — слияние; деструктивность — конструктивность; сила — слабость и т.п.

Из этих универсалий несложно вывести нормы социального поведения для мужчин и женщин. Описанные три проекции задают своеобразную гендерную матрицу, позволяющую проследить социополовую идентификацию культуры. При этом мужское в культуре оценивается как позитивное, самодостаточное, а женское, в лучшем случае, как сопутствующее и несамостоятельное. Однако состояние цивилизации к концу прошлого столетия — духовный, экологический и другие кризисы — как нельзя лучше продемонстрировали несостоятельность, партикулярность мужской доминанты и необходимость поиска новых цивилизационных парадигм развития человечества в контексте его устойчивого развития. Причем сегодня эта проблема осознается как общекультурная, т.е. выходящая далеко за пределы экономической и правовой сфер общежития.

Подобная асимметрия бинарной гендерной структуры сегодня все чаще выглядит анахронизмом. Назрела и вполне осознается потребность проинвентаризировать имеющиеся в культуре несущие конструкции. Альтернативой существующей гендерной патриархатной матрице может стать культура матриархата. Однако такой алгоритм просто переведет стрелку в другую позицию, по существу проблему не решив. Мы просто "качнем маятник" в другую сторону, сохранив и асимметрию, и наличную диспозицию полов, только с другим знаком. Да и кто сказал, что гендерная матрица должна быть асимметричной? На мой взгляд, следует сохранить бинарную структуру, изменив оценочное отношение к ней. Именно на таком принципе станет возможным так называемый биархат, т.е. культура, поддерживающая равновесие в гендерном отношении. Женское и мужское — это миры-бинеры, и одно без другого просто невозможно: одно можно понять только при сопоставлении с другим.

В поле зрения феминистской критики сегодня попадает не только философия, социология, психология. Попала сюда и наука как один из наиболее развитых и влиятельных социальных институтов современности. Феминистские авторы предупреждают, что в обществе с сексистскими ориентациями формируется и соответствующая наука, т.е. сексистская наука.

Такой точки зрения придерживается, в частности, Элизабет Фи в своих исследованиях феномена науки в современной культуре. На поверхности это часто выливается в отсутствие у женщин равных с мужчинами возможностей в продвижении по вертикали в рамках профессии. А в сущности — в отказе женщинам в целом в способности к объективному, рациональному мышлению. Такой социально-гносеологический фундамент может быть разрушен разными способами. Можно попытаться «сделать» женщину более «научной», а можно сделать науку менее маскулинизированной. Первый путь крайне неэффективен, т.к. неясно, что же конкретно следует изменять. Ведь известно, что уровень образованности среди женщин на сегодня даже несколько превышает таковой у мужчин. Но специфика женского жизненного опыта, с одной стороны, и отношения к женщине со стороны научной администрации, с другой, сделали женщину такой «ненаучной». Посему корень проблемы — не в женщине, а в науке. Вернее, в том конкретном социальном институте, который сформировался в европейской культуре.

А что же с когнитивными способностями? Нет основания отказывать женщинам в последних. Но определенная специфика все же имеется. В литературе нередко различают мужской и женский типы познания и мужской и женский типы знания. Другими словами, можно говорить о мужском и женском гносеологическом образцах. Для первого характерны аналитичность, рациональность, абстрактность, объективность, что хорошо известно как «cogito» в декартовском смысле и составляет гносеологическое основание классической и современной науки. Женский образец — это иррациональное поле смыслов, это эмоциональность и эмпатическая сопричастность природе — объекту научного анализа. Нередко такая позиция ведет и вовсе к отождествлению мужского и научного мышления. Такие позиции разделяют, например, Robert J. Lifton (“Women as Knower”— «Познающая женщина»), Susan Griffin (“Women and Nature”— «Женщина и природа»), Carolyn Merchant (“The Death of Nature”— «Смерть природы»). Эти авторы в абстрактности науки видят проявление мужского отчуждения от природы и главный инструмент отчуждения от женщин. В результате представители обоих полов стали говорить на разных языках и именно женщине приходится вновь открывать свой собственный голос.

Критически настроенные феминистские авторы дают нам интересный образец (вне зависимости от нашего отношения к нему) анализа научного знания с "другой" точки зрения. Говоря об отчуждении науки от природы — своего объекта, они ищут причину такого противостояния в особенностях механистического материализма и науки XVII в., которые реально продемонстрировали хищническое отношение к природе. В античности природа была для человека его домом, его «экосом», он жил в согласии с природой. По крайней мере, природное и телесное, «экос» и «телос» были в почете у антиков. А вместе с тем и статус женского в культуре был достаточно высок. Закат античности и смена мировоззренческих ориентиров в средние века сделали природу исключительно зависимой от человека, сотворенной с единственной целью: удовлетворять, как и женщина, его — человека, мужчины — потребности. Человек, мужчина встал выше природы, поднялся над ней, почувствовал свое превосходство над всем природным. Именно этот период в истории Европы формирует парадигму господства над природой и делает возможным в будущем насилие над ней.

Эпоха Возрождения усилила эту тенденцию. Она воспитала человека-титана, стремящегося все познать, ко всему прикоснуться руками, на всем оставить отпечаток своего величия. В своей познавательной активности человек изменял природу, кромсал ее по своему разумению. Зарождающуюся в такой атмосфере науку нередко называют «естественнонаучным иезуитством», сравнивают с «испанским сапогом». «Ошалевшая от пыток природа» (сравнение М. Волошина) выдала кое-какие свои тайны. Вполне естественно, что в таком горниле ковался и союз экологического и феминистского, олицетворяющий несогласие с такой жестокой экспансией мужского интереса. Carolyn Merchant подчеркивает эту связь стремлением и феминизма, и экологизма выражать интерес природы против эксплуатации, принимать сторону матери-природы против ее сына — инженера и технолога. Женская культура в таком ракурсе — скорее кооперативная, нежели конкурентная, воспитывающая, а не эксплуатирующая,

ориентированная на общее выживание, а не на партикулярный интерес. Здесь феминистская критика науки звучит в унисон с другими движениями антисциентистской направленности против разных форм «тоталитаризма науки».

Интересен и может быть использован в качестве иллюстрации анализ отношения к природе нововременного человека, проделанный С. де Бовуар в работе «Нужно ли аутодафе?»[11] Через фигуру маркиза де Сада С. де Бовуар показывает, что природой правит злой гений. Человек в руках Природы — игрушка, орудие, с которым она обращается по собственному усмотрению. Природа жестока, она одержима духом разрушения. Видя в Природе такую кровожадную силу, Сад, по мнению С. де Бовуар, стремится «вырвать у Природы собственную свободу и обернуть ее против нее. "Давайте отважимся совершить насилие над этой непонятной Природой, овладеть искусством наслаждаться ею"…"Раз человек сотворен, он более не зависит от Природы; раз уж Природа бросила его, она более не имеет над ним власти. Человек не обязан подчиняться естественному порядку, поскольку тот ему совершенно чужд. Поэтому он свободен в своем нравственном выборе, который ему никто не вправе навязывать»[12]. Из множества возможных стратегий поведения Сад выбирает насилие, угнетение, преступление, направленное против Природы, олицетворяет которую Женщина. Так и слышится в таком отношении к Природе-Женщине отголоски средневековья с его потребительским и крайне враждебным отношением к Природе и с его «Молотом Ведьм», символизирующем антифеминистскую истерию того времени.

Оппозиция такой ориентации может привести к значительным когнитивным последствиям: может поменяться и способ получения, и сам характер знания. Определенные подвижки в этом направлении есть: достаточно сравнить классический тип научной рациональности с неклассическим и особенно с постнеклассическим. Причем в этом процессе акцент должен смещаться в плоскость отношений между двумя типами активности: получением знания и его использованием в социуме. Наука не должна делать различия между объектом и субъектом, между мышлением и чувствами, между производством знания и его использованием, между экспертом и неэкспертом. На этом пути, с одной стороны, предполагается интеграция всех аспектов человеческого опыта в понимании природного мира, с другой, — классические идеалы науки, как мы привыкли ее понимать, все более размываются. И если этот процесс превысит некоторую «критическую массу», то в привычном понимании наука вполне вероятно может уступить место чему-то другому (знанию и социальному институту), отвечающему описанным требованиям.

[11] Бовуар С. де. Нужно ли аутодафе? Маркиз де Сад и XX век. М., 1992. С.156-168.

[12] Там же. С.160.

И.Л. Коган

ГЕНДЕРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

Все виды объектов и отношений (а не только людей) имеют гендерную окраску[13]. Но что это значит, и как ее определить? Здесь мы попытаемся продемонстрировать тот семиотический механизм, который мы назвали гендерной классификацией. Конечно, нельзя считать его полностью отработанным, почему мы и говорим лишь о попытке; и тем не менее, мы считаем ее необходимой и чрезвычайно полезной как с точки зрения развития гендерной культурологии, так и с позиции расширения всего культурологического знания.

Разделение социальных и культурных объектов производится нами только для теоретических целей; в реальности же такого разделения нет и быть не может. Это дает нам возможность сделать существенное различение элементов, которые легли в основание понятия гендер и составляют его часть.

Для того чтобы осуществить гендерную классификацию социальных объектов в ее полноте, необходимо иметь представление о тех критериях, которые лежат в основании организации социального пространства и которые связаны с понятием гендер.

К социальным объектам мы относим социальные институты, социальную деятельность, роли, функции, статусы и группы (организации) людей. Все социальные объекты существуют благодаря нивелированию (до известной степени, конечно) индивидуальных особенностей, так что основным критерием их распределения между индивидами является критерий, по которому их можно объединять в различные группы функционально-ролевого или статусного характера. Буквально до недавнего времени такой основой социальной стратификации служил пол и возраст индивида. Именно биологический пол являлся показателем и критерием принадлежности индивида к социальной группе, выполняющей конкретную социальную функцию. В соответствии с полом чаще всего распределялись права, обязанности и привилегии. И даже несмотря на то, что социальное пространство развитых государств представляло собой многомерную реальность с многочисленными внутренними связями, мужское и женское продолжало служить основным критерием социальной стратификации. Это не означает, что не было других критериев, просто все они брали свое начало именно в поле, в понятиях мужского и женского. Все сферы общества были как бы поделены между женщинами и мужчинами, границы этих сфер были практически непреодолимы, причем, жесткость социальных границ оказывалась тем большей, чем менее разнообразней представлялись понятия женского и мужского.

Необходимо понимать, что употребление нами понятий мужчины и женщины как объектов жизненного пространства вовсе не определяет социальные понятия мужского и женского. За неимением других означений индивидов с различными первичными половыми признаками мы продолжаем пользоваться общеупотребительными, хотя, несомненно, может возникать некоторая путаница в понятиях и в изложении. Тем не менее, следует отличать мужское и женское в социальном смысле от биологического наличием социально-нормативного смысла в первом случае и его отсутствием во втором.

Именно в связи с этой путаницей социальная стратификация наделяла социальные роли, функции и статусы значениями мужского и женского. Происходила некая идентификация социальных объектов с индивидуальными половыми признаками как объектами жизненного пространства. Социальное значение ролей и функций наделяло различными статусами

[13] См. напр.: Ферри М.М. Феминизм и семейные исследования / Хрестоматия к курсу “Основы гендерных исследований”. М.: МЦГИ, 2000. С.255.

конкретных индивидов, обладающих конкретными половозрастными особенностями, так что последние уже в силу природной принадлежности к конкретному индивиду изначально определяли его будущие социальные роли и возможный иерархический статус. Вся социальная иерархия превращалась, таким образом, не просто в лестницу, где каждая ступень предполагала присутствие мужчин и женщин, но и предъявляла им определенные нормативные требования. Так что нормы, применяемые обществом в отношении ролей и функций, социальных статусов и значений, оказывались примененными к конкретным индивидам мужского и женского полов. Идентификация индивида с социальной ролью приводила к ее отождествлению с ролью, что дало повод некоторым социологам развивать полоролевую теорию общества.

Уже в силу своего рождения и половой принадлежности человек наделялся конкретными требованиями как к представителю социальной группы. Но так как вся социальная стратификация до сего дня берет свое основание в половозрастной стратификации людей, то определяющими оказывались социальные ожидания, применяемые к представителю мужского или женского полов. Социальные роли, исполняемые человеком, лишь накладывались на его половозрастные особенности, которые сами по себе обладали социально-нормативной нагрузкой.

Отсюда можно сделать вывод, что социальные группы объединялись по критериям, основополагающим из которых был половой признак, так что вся социальная иерархия могла быть представлена (в период до феминистского передела социального мира) как иерархия мужского и женского, где сфера женщин и женского ограничивалась определенной социальной высотой. Выше ее парили только представители мужского пола как носители социально-нормативного значения, применяемого к мужскому вообще. Различение мужского и женского оказывалось первичным критерием социальной стратификации, а социальные роли, функции и статусы отождествлялись со своими носителями как представителями того или иного пола.

Социальные объекты изначально разделялись на две сферы — сферы мужского и женского, где женское ассоциировалось с социальным низом, а мужское — с социальной иерархией. Все многообразие социального пространства, которое развивалось в историческом времени от простого к сложному, до недавнего времени основывалось на принадлежности к области мужского или женского, тогда как многочисленные роли и функции, исполнявшиеся человеком, практически отождествлялись с социально-нормативным значением пола. Каждый был сначала представителем пола и лишь затем — исполнителем иных социальных ролей. Другими словами, быть мужчиной или женщиной в социальном смысле — значит исполнять роль мужчины и женщины, т.е. подчинять свое поведение нормативным требованиям и социальным ожиданиям, применяемым к понятию и роли мужчины и женщины. В результате все социальные роли, функции и статусы можно понимать как элементы социальных требований и привилегий, применяемых к мужчине или женщине как к представителям мужского или женского.

Мужское и женское представляется в этом случае как нечто общее для всех мужчин и всех женщин, но подобное умозрение нуждалось в реальном подкреплении, так как к действительно общему можно отнести лишь первичные половые признаки, да и то без учета индивидуальных особенностей. Поэтому мужское и женское должно было находить себя в единой социальной реализации, где исполнение ролей и функций, а также принадлежность к социальной группе должна была объединять мужчин и женщин и тем самым устанавливать социальный порядок. Такой тип порядка всегда понимался как “природный” или “божественный”, установленный внешней по отношению к человеку силой. В этом случае люди приобретали удовлетворительное объяснение и оправдание социальному порядку, который они могли контролировать. Усложнение социальной структуры приводило к усложнению управлением огромными социальными системами, но благодаря присутствию изначального “полового” критерия социальной стратификации социальный порядок сохранял свою жизнеспособность. В основе такого порядка как порядка иерархического типа всегда лежит функционально-ролевая система взаимоотношений общества и индивида, основанная на

установленной и неподвижной мировой классификации. Так что мы можем связать изменение классификации и системы интерпретации мира (например, с помощью научных или философских открытий) с изменением типа социального порядка, с расшатыванием основ старого социального мира и выработкой новых критериев социальной стратификации.

В результате почти все историческое прошлое понимало под социальной стратификацией полоролевую стратификацию, так что определенные роли, функции, статусы и роды деятельности имели половой признак. Политик, воин, ученый, писатель, священнослужитель и многие другие роли были недоступны женщине, тем более что такое положение вещей освящалось и авторитетом Церкви, для которой женщина долгое время была существом без души, средством искушения и соблазна. Назвать профессию предполагало знание пола того, кто ее осваивал (даже вне грамматического определения); социальная роль в первую очередь указывала на половую принадлежность ее носителя. Получалось так, что любая деятельность мужчины или его статус в обществе не просто запрещены женщине, но что она не способна сделать “мужскую” работу или занимать высокое социальное положение. Здесь безукоризненно действовала максима Аристотеля о том, что женщина есть лишь неполноценный мужчина. Половой принадлежности и означению подвергалось практически все – начиная от одежды и прически и заканчивая способностью думать, делать, любить или руководить. Чем выше социальный статус и положение в социальной иерархии, тем более мужским характером наделялся их носитель.

Все социальные объекты, расположенные на социальной лестнице в иерархическом порядке, заключали в себе ту или иную степень *мужского как наличия и степень женского как отсутствия или недостатка*. И поэтому естественно, что чем выше в иерархической системе находился социальный субъект, тем большими правами, свободами и привилегиями он пользовался. Но в то же время иерархически более высокая роль или статус несли на себе большее бремя ответственности, груз нормативных требований и социальных ожиданий, связанных с наиболее важными социальными потребностями. Среди них поддержание социального порядка, сохранение традиций и знаний, воспроизводство ритуалов и обрядов всеобщего характера, модернизация жизни и служение идеалам. Реализация этих и других всеобщих потребностей ложилась целиком на плечи социальной элиты и, как правило, отождествлялась с областью мужского и мужчинами как его носителями. Область женского, даже до последнего времени ограниченная семьей, не имела больших свобод: семейные обязанности могли возникать только у субъекта отношений, кем был мужчина, тогда как женщина была и зачастую остается самой семьей. Женские социальные роли почти до нашего времени ограничивались ролями матери, жены или невесты; остальные же роли находились за пределами социальной структуры или на ее окраинах, например, монашество или проституция.

Мужчина и женщина, мужское и женское служили критерием классификации природы, социума и культуры. Пол в человеке понимался как проявление некоей всеобщей сущности, благодаря чему его носитель приобщался к свойствам этой сущности, становился сосудом, вмещающим ее дары. Мужское и женское в качестве понятий позволяли концентрировать определенные социальные объекты в целые группы, системы; множество не связанных социальных и культурных фактов соединялись воедино благодаря наличию понятия пола, которое распространяло свое действие на все мироздание – начиная от космических объектов и управляющих ими божеств и заканчивая мельчайшими частицами или свойствами души. Пол оказывался тем общим, которое объединяло мир человека с миром природы и божеств, но при этом пол представлял собой и нечто конкретное, проявляющееся в социальном мире. Пол оказывался тем именем и знаком, который служил критерием классификации и интерпретации социальных ролей, статусов, функций, а также собирательным понятием личностных и культурных качеств, ассоциировавшихся с социальными объектами. Мужчина понимался как носитель мужской всеобщей субстанции, пола, а значит, предполагалось, что он должен быть сильным, мужественным, решительным, способным к мудрому управлению или риску. Уже в силу половой принадлежности и исходя из *полового долженствования* индивид наделялся

нормативными требованиями поведения и ценностным содержанием душевной организации. Причем, мужской представитель одной из социальных групп был носителем тех нормативов и ценностей, которые ассоциировались с данным уровнем социальной иерархии, с возложенными на эту группу социальными обязанностями и правами. Но так или иначе, принадлежность к мужскому полу на любом социальном уровне означала некую степень приобщения к всеобщей сущности, к некоей полноте сил и возможностей, способностей и даров; женщина всегда мыслилась помощницей мужчины, и ее принадлежность к женскому началу понималась как приобщение к мировому источнику сил через мужчину. В этом смысле брак считался единственно возможным средством для женщины оказаться в поле действия мужского начала как источника даров.

Таким образом, мы видим, что общество использовало признак пола как средство концентрации социальных и культурных объектов (ролей и их культурных смыслов) в системы нормативного и смыслового характера. Понятие пола ассоциировалось с представлением о мировом порядке, пронизывающем мировое целое в виде иерархии, так что один пол должен был олицетворять вплетенность человечества в мировой Логос, в мировую иерархию и, как следствие, приобретение всех благ, связанных с этой иерархической ролью, а другой пол олицетворял хаос как отсутствие порядка, как слабость и недостаток сил. Так что иерархия полов выглядела совершенно оправданной с этих мифологических позиций, которых общество придерживалось вплоть до XVIII века.

Собственно гендерная классификация социальных объектов оказалась возможной только с развитием философского и научного мышления, когда качество или смысл могли мыслиться вне самого объекта. Вначале, конечно, все было наоборот: культурное пространство и его объекты подвергались полоролевой классификации, критериями которой являлся пол и его признаки. Исполнение социальных ролей требовало наличия определенных качеств в человеке, так что любая роль, функция или статус ассоциировались с целым комплексом свойств характера, способностей, образованности и т.п., с тем, что мы называем *культурным комплексом*. Социальная потребность формировала подобные культурные комплексы, которые также подвергались полоролевой классификации. Правитель, юрист, рыцарь, поэт и другие должны были быть не только мужчинами, но и опытными, образованными, стойкими, решительными, сообразительными и т.п. Поэтому большинство социальных ролей обладало своим легитимным культурным комплексом, который помимо социально-нормативных требований наделял их культурными смыслами и ценностями.

Но в последние два-три столетия жесткие связи, ассоциировавшие социальные объекты с культурными комплексами, начали ослабевать на волне всеобщей трансформации мирового порядка через изменение классификационной и интерпретационной систем. Человеческое поведение и человеческая деятельность стали изучаться отдельно от их носителей, так же как понятие “человеческой природы” как чего-то неизменного подверглось жесточайшей критике и стало пониматься как нечто приобретаемое, а не наследуемое[14]. В результате рассмотрение социального и культурного пространств как самостоятельных реальностей разрушило установленный ранее жесткий порядок, который обеспечивался первичными критериями социальной и культурной стратификации — признаками пола как социальной категории. Социальные роли оказалось возможным исполнять и без тех культурно-смысловых императивов, с которыми они раньше связывались и от которых зависели, а личностные качества вовсе не определяли собой социальную роль или статус, вообще место в социальной иерархии. Зачастую даже социальное вступало в противоречие с культурным значением, особенно в области религии или духовно-нравственного развития. В результате социальные ожидания и нормативные требования, предъявляемые к носителям той или иной социальной роли или статуса, оказывались в противостоянии к требованиям культуры по отношению к

[14] Иллюстрацией этого изменения могут служить максимы З. Фрейда “биология — это судьба” и С. де Бовуар “женщиной не рождаются, а становятся”.

человеку. Причем само понятие человек постепенно расширилось и наконец вобрало в свои границы и женщину как равноправного участника всечеловеческого процесса.

Все это привело к возможности выделить культурный смысл социального объекта или действия в независимую реальность, в объект самостоятельного культурного пространства и получить так называемую "чистую" структуру, "чистый" смысл или значение, которое можно применять в качестве аналогии к любым другим социальным или природным объектам или действиям, не участвовавшим в их образовании. Эти "чистые" структуры лежат в основании культурного пространства так же, как в основе социального пространства лежат отношения полов и полоролевая стратификация. Они сформировались в условиях полоролевой классификации мира, поэтому связаны с половыми отношениями, но не определяются ими. Маскулинность и феминность есть те "чистые" структуры, которые могут быть положены в основание гендерной классификации мира, когда объекты любого пространства наделяются как социально-нормативным, так и культурно-смысловым значением. Но в отличие от понятий мужского и женского понятия феминности и маскулинности реализуются только в системах "чистых" значений.

Подобный классификационный критерий позволяет отказаться от более примитивного критерия, связанного с полом и социумом. Как мы помним, Мосс показал, что первые классификации использовали социальную структуру и социальные группы в качестве инструмента мировой классификации, а также связывали аналогиями природные, космические и социальные процессы, в том числе и отношения полов. Между полами должна быть такая же иерархия, как во всем мире, и каждый пол должен быть носителем тех ролей и статусов, на которые возлагаются надежды по реализации основных насущных потребностей общества. Естественно, что сила буквально до промышленной революции служила подтверждением и как бы давала санкцию на любое (в том числе агрессивное) использование иерархического преимущества по отношению к любому другому субъекту. От этого мир не свободен и сегодня. Но провозглашаемые принципы международного права дают надежду на то, что наличие какого-либо преимущества перед другим не означает его агрессивного использования. Это позволит сохранить иерархический порядок как единственно возможный в социальном и культурном мире, где жизненно важно сохранение индивидуальности человека, этноса и культуры.

Отношение Я к не-Я как к "моему" должно быть заменено на отношение к "другому". Несмотря на критику философии "другого", например, де Бовуар, которая считала это мужской философией, дававшей право мужчине осуществлять свою власть над ней, мы все же считаем понятие "другого" ключевым для достижения истинного равноправия. Только понятие "другого" способно вместить в себя любое содержание не-Я, которое именно поэтому должно приобрести равные права с Я. Пересмотру подлежит не понятие "другого", а понятие Я, так называемая Я-концепция. Должна измениться самооценка и ее критерии, для чего необходимо сохранить мировой иерархический порядок, но наполнить его новым содержанием, исходя из новых классификационных и интерпретационных критериев. Поэтому мы предлагаем иной классификационный критерий, основывающийся не на социальной структуре и исторически выработанных формах социальных отношений, а на логических культурно-смысловых структурах.

Нельзя сказать, что эти структуры полностью лишены связи с их историческими прототипами: биология индивида и его полосоциальная роль долгое время служили объектами становления и развития архетипических моделей взаимодействий. Но сегодня это нисколько не мешает нам использовать полученные таким образом "чистые" структуры и перенести их с помощью механизма структурной аналогии на взаимодействия объектов природы, социума или культуры.

В условиях перехода социальных отношений к реальному или провозглашаемому равноправию, которое никак не зависит от биологических или полоролевых особенностей индивида, культурные объекты и их комплексы начинают играть определяющую роль в

распределении социальных статусов. Если раньше для получения высокой государственной или корпоративной должности от человека требовалось не только образование и воспитание, но и принадлежность к мужскому полу, то сегодня последнее имеет мало значения. Уже никто не верит в мужское превосходство только в силу действия в нем некоего мужского начала как всемирной сущности. Стало само собой разумеющимся, что наличие способностей и их эффективная реализация относятся к приобретенным навыкам; о врожденных способностях если и говорят, то безотносительно половой принадлежности. В силу этого культурные объекты (смыслы, ценности, значения, верования, идеалы, нормы и т.п.) приобретают определяющую роль при распределении социальных привилегий, прав и обязанностей.

Это приводит нас к заключению, что *сегодня актуальной является идентификация человека с объектами культурного пространства*. Объекты жизненного и социального пространства служили объектами идентификации длительный период времени, и лишь тот момент истории, который характеризуется обращением к понятию человека и личности[15], говорит об изменении идентификационной политики сознания. Личность в современном мире, пусть даже зачастую лишь формально, принимается в качестве цели и ценности любого общества. Набор культурных качеств, уровень образованности и воспитанности, степень обучаемости всему новому, нравственные черты характера, целеустремленность и способность любить — это и многое другое признается современным миром гораздо более ценным, чем принадлежность человека той или иной социальной группе или государству. Общество перестало ассоциировать социальные объекты с культурными, вернее даже отождествлять их. Человек может выполнять работу и быть при этом самостоятельной личностью со своими увлечениями. Личностные и культурные качества понимаются как самостоятельные объекты, обладающие определенной ценностью и смыслом, а их приобретение через механизм идентификации с ними лежит в области свободы выбора самого человека. Конечно, общество способно регулировать эти процессы до известной степени, но управлять направлением всего культурного и социального процесса оно еще не умеет. Как только человек выделился из общей человеческой массы и начал осознавать себя личностью, так сразу культурные объекты актуализировались в качестве самостоятельной реальности и, следовательно, в качестве объектов идентификации[16]. Чем характерны культурные объекты? В чем их отличие от социальных?

Социальные объекты (роли, статусы, ожидания, взаимодействия) связаны непосредственно с данным обществом, с настоящим временем. Социальные объекты окружают нас в нашей повседневной жизни и организуют ее до некоторой степени. С социальными объектами мы связываем реализацию своих социальных амбиций — достижение достойного

---

[15] Обычно этот период по традиции относят к моменту возникновения гуманистического движения в Европе, в том числе Ренессанса и Реформации, как проявления гуманизма. Но, вероятно, этот процесс гуманизации общества можно проследить, по крайней мере, формально с утверждения мировых религий, обращавшихся непосредственно к каждому человеку, и даже еще раньше (например, зороастризм считал возможной победу вселенского добра благодаря конкретным добрым поступкам, чувствам и мыслям каждого индивида).

[16] Можно сказать, что только культурные объекты всегда служили предметом стремления к ним людей, но вплоть до появления психологии и культурологии эти объекты концентрировались в образах природы или человека — сами по себе культурные объекты как бы не существовали. Так, в психоанализе дети идентифицируют себя с родителями, но при этом для первых важны лишь определенные качества, способности и возможности последних; идентификация с природными объектами также проявляла стремление человека овладеть их различными силами и свойствами, пусть даже мифологическими. В этом смысле мифология, религия и философия являются наиболее древними формами выделения ценностей, смыслов и значений из конкретных предметов среды, хотя долгое время ассоциативная связь между ними была непреодолима.

социального положения, высокого статуса, семейного и материального благополучия, которые даются с помощью определенного места в социальной иерархии.

Культурные же объекты (идеалы, ценности, смыслы, значения, верования, ритуалы и многое другое) как бы делают некоторую остановку в том социальном мире, в котором мы живем. Они приходят в наш социальный мир из далекого прошлого и идут значительно дальше, чем мы способны увидеть — в далекое будущее. Культурная традиция организует жизнь многих поколений социума, а благодаря наличию в ней идеальной сферы, в которой хранятся высочайшие идеалы и ценности, культурная традиция, в модернизированном виде, конечно, будет снабжать еще множество будущих поколений образцами поведения, мышления и чувствования. Культурные объекты, в отличие от социальных, существуют как бы вне данного социального времени, они вечны и неизменны, по крайней мере, между периодами революций, которые могут значительно изменить идеальную сферу этноса.

В результате оказывается, что культурная ценность, как смысл или значение, чрезвычайно сильно отличается от социальной ценности, хотя, безусловно, они могут быть связаны между собой или даже тождественны (во всяком случае, для некоторых людей или явлений). Если социальная ценность связана с достижением социальных благ или с удовлетворением насущных потребностей, то культурная ценность определяется ее положением в так называемой культурной иерархии, критерием которой являются понятия традиции-идеала, т.е. понятие высшей ценности.

Иерархия культурных ценностей была описана не однажды, в том числе и нами[17]. Здесь можно только напомнить некоторые положения этой теории. Культурное пространство структурировано так же, как и любое другое, причем, упорядоченность его объектов имеет иерархический характер. Место ценности в иерархии культуры можно определить несколькими критериями. Один из наиболее очевидных — это определение степени соответствия конкретного культурного объекта высшей, или абсолютной, ценности, господствующей в данной культурной традиции[18]. При этом каждый культурный объект имеет свой социальный масштаб, который также можно определить, например, через количество людей или социальных групп[19] (скажем, в процентном отношении к общей численности населения государства), для которых данный культурный объект окажется основным источником организации и смысла их повседневной жизни. Еще один критерий иерархической высоты культурного объекта — это его предметность, связанность с тем или иным объектом жизненного или социального пространств. Чем меньше культурный объект зависит от конкретного предмета природы или общества, чем более самостоятельным и независимым он является, тем он выше в культурной иерархии. Чаще всего такими объектами являются ценности, с которыми социальное большинство связывает удовлетворение своих глобальных надежд и потребностей. Исторически эти ценности формировались на основе образов божеств или единого Бога, впоследствии эти образы дополнялись различным многообразным смысловым содержанием, так что образ Бога и понятие о Нем были неразрывно соединены. С приходом материализма и атеизма большинство высших ценностей оказалось не связанным ни с какими конкретными образами, а превратилось в самостоятельные объекты культурного значения. Так, качество всезнания Бога превратилось в ценность знания как такового, вездесущие в качестве культурной ценности подталкивало к созданию средств передвижения и связи, что сегодня вполне может обеспечить человеческое “присутствие” в нескольких точках земного шара одновременно, и т.д. Тот же процесс коснулся личностных качеств Бога или богов, которые превратились в самостоятельные ценные свойства человеческой личности, и в качестве таковых они оказались культурной ценностью определенного масштаба.

---

[17] См., например: Коган И.Л. Этнопсихологические основания культурогенеза. Мн., 2001.

[18] Особенно четко это было описано антропологами как сакральная сфера общества, как священное средоточие культуры, включающее в себя все идеальные устремления данной культурной традиции.

[19] См.: Коган И.Л. Этнопсихологические основания культурогенеза. Мн., 2001.

Однако суть не в том, каким образом те или иные смыслы, значения или личностные качества превратились в культурные ценности известной иерархической высоты. Суть заключается в том, что социальная ценность оказывается ниже культурной ценности, если их соотнести с единой мировой классификацией. На единой лестнице мировой иерархии выше оказывается та ценность, которая обладает большими возможностями, большей силой воздействия и большим сроком актуальности, а вершиной этой иерархии является абсолютная ценность. Социальная ценность действительна только небольшое время, в течение которого она актуальна *для нас*, так как актуальны те преимущества, которые с ней связаны. Если изменилась социальная ситуация, изменяется и иерархия социальных ценностей. Но культурные объекты значительно превышают социальные во всех отношениях, по крайней мере, с той точки зрения, с которой любая социальная ценность относится только к живущему обществу, а культурная ценность организовывала множество предыдущих и будущих поколений. Следовательно, культурная иерархия поддерживается такими критериями, которые могут быть не только не связаны с социальной иерархией ценностей, но даже идти с ней вразрез. Так, религиозная преданность вере или нравственная чистота для многих людей важней сделки с совестью, в результате которой человек получает высокое социальное положение или материальную прибыль. Ценность нравственной высоты оказывается в мировой классификации иерархически выше, чем любая другая социальная ценность, так как она близка по смыслу абсолютной ценности.

Культурные объекты в этом случае превращаются в мотивы поведения индивида и целого общества, поскольку уже не столько социальные цели, т.е. цели, направленные на достижение насущных потребностей, сколько культурные идеалы придают смысл социальному существованию. Будучи вполне самостоятельной реальностью, культурные объекты уже не имеют жестких ассоциирующих связей с социальной иерархией, в том числе с иерархией полов. Сегодня нет зависимости между полом и совокупностью культурных качеств, или культурным комплексом. Но последние снабжают человека тем или иным образцом поведения, архетипом взаимодействий, в результате чего индивид входит в ту или иную систему значений не вследствие социального статуса или иерархически высокой социальной роли, а благодаря идентификации с конкретным культурным комплексом. Культурные ценности определенных личностных качеств во многом сами определяют место человека в социальной иерархии, но самооценка индивида здесь оказывается важнее социальных ожиданий или оценок.

Инкультурированная личность имеет доступ к мировой классификации и к ее критериям, которые могут не соответствовать критериям современного поколения или данного момента, и такая самооценка влияет на выбор системы значений и архетипов взаимодействий гораздо сильнее, чем возможные социальные установки или требования. В этом проявляется как положительная гуманистическая установка, делающая акцент на зрелой и самостоятельно принимающей решения личности, так и отрицательное следствие — возможность ошибки при интерпретации человеком того или иного явления, предмета или события. Результатом может оказаться неверный выбор системы значений и архетипов взаимодействий, что вообще приводит к отрицательным последствиям социального или психологического характера.

Таким образом, гендерная классификация культурных объектов заключается в определении каждого из них, их комплексов или культуры в целом в качестве источников тех или иных смысловых ролей и систем значений, а также как мотивов выбора тех или иных архетипов взаимодействий (маскулинное, феминное и смешанное).

Культурная иерархия, снабжающая мировой порядок классификационными и интерпретационными критериями, строится исходя из близости или удаленности культурного объекта к сфере абсолютной ценности. Это означает, что его степень всеобщности, или абстрактности, должна быть таковой, чтобы практически не иметь смысловой зависимости от объектов природы и социума, а также их отношений. Другими словами, если в природе господство самца над членами стада достигается физической силой, а в социуме к этому прибавляются еще различные интерпретации, то в культурной иерархии более высокая позиция

будет принадлежать ценности или смыслу, не связанному со столь предметным значением распределения иерархического статуса. Иерархия полов, рас, классов и других социальных групп не может служить ценностью в культурном смысле или критерием иерархии ценностей и значений в культурном пространстве: здесь следует выявлять степень удаленности какого-либо объекта от абсолютной ценности, не имеющей связи с конкретными предметами. Более того, абсолютная ценность по своему определению должна быть противопоставлена всему конкретному, так что истинное отношение здесь будет отношением между трансцендентным и имманентным, абсолютом (религиозным, моральным или социальным) и миром.

Никакая социальная роль, статус или ценность не имеют собственных критериев оценки и нуждаются во внешней оценочной шкале, имеющей отношение к гораздо более длительным и масштабным критериям оценки. Нельзя сегодня классифицировать социум, исходя только из соображений полноты власти или привилегий, которыми обладают социальные роли и статусы. Сам социум должен быть введен в более масштабную классификацию — в иерархию мира, где культура общества создала и хранит абсолютные критерии оценки иерархического положения объекта, а также его смысловой интерпретации. Получая культурную оценку, смысл и значение, природный, социальный или культурный объект вводится в гендерную систему значений, наделяется соответствующей смысловой ролью и избирает необходимый архетип взаимодействий, т.е. приобретает гендерное значение и классификацию.

В.А. Суковатая

ЖЕНЩИНА В РЕЛИГИОЗНОЙ ИСТОРИИ И ФЕМИНИСТСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

Современные исследователи единодушны в том, что традиционные религии нивелируют женский опыт Веры и потребности женщин в религиозном самовыражении. В каждой из мировых или национальных религий по сей день сохраняется целая система взглядов, принижающих роль Женского: от менструальных табу, согласно которым женщина считается «нечистой» в определенные дни (вплоть до того, что изгоняется в специальную хижину — в архаических обществах, либо не допускается в церковь — в христианстве), до вербальных инвектив о греховности и «вторичности» женщины (вследствие ее «происхождения» из ребра Адама), запретов на изучение женщинами священных текстов, преподавание теологии и ведение службы. Интерпретация Женского Тела как «сосуда греха», осуществляемая *как бы* в противовес мужской «непорочности», не только отчуждает женщину от легальных каналов духовности, но и потенциально оправдывает негласно существующую в обществе политику женской «виктимизации», которую Мери Дали, классик американского феминизма, назвала «садо-мазохистским ритуалом». Символику такого «*культурного* садо-мазохизма», утвердившегося на базе религиозных императивов, в течение многих веков воплощали индийское сати, африканская клитероктомия, китайское уродование ступней, японское перетягивание груди и т.д.

Вместе с тем, сама *религиозная история* содержит указания на то, что среди первых христиан женщины занимали значительное место, а наиболее активные вошли в сюжеты Священного писания. Например, Мария Магдалина, о которой повествуют все четыре евангелиста, стала одной из самых преданных последовательниц Христа; ей первой он явился после воскрешения (Мф. 27, 28; Мк. 15, 16; Лк. 8, 24; Ин. 19, 20). Другая Мария — жена Клиопа и мать Иакова (Мф. 27, 28; Мк. 15, 16) — присутствовала при воскресении Христа. Еще одна Мария — мать Иоанна; к ней приходит после спасения из темницы Петр и застает людей, молящихся о нем, что является описанием одного из первых молитвенных собраний, зафиксированных в тексте (Лк. 24; Ин. 19; Деян. 12). Лидия — торговка багряницами, богатая по тем временам *предпринимательница*, самостоятельно ведущая торговые дела после смерти мужа, принимает крещение от Павла и становится во главе одной из *первых* в Европе христианских общин (Деян. 16, 40).

Аналогичная ситуация складывается и в других институциональных религиях. Женщины играли важную роль на первых этапах формирования Ислама, о чем свидетельствует создание культа ближайших сподвижниц Мухаммеда: Амины, его матери, и Фатимы, любимой дочери. В классической арабской литературе весьма популярен образ «*героической* женщины», которая участвует в битвах и политической жизни государства наравне с мужем и другими мужчинами.

Известно, сколь велика роль еврейских женщин в спасении еврейского народа и сохранении иудейской духовности в период более двухтысячелетнего рассеяния евреев по миру. Мириам, которая упоминается в Ветхом завете поющей древнейший из национальных гимнов «Пойте Господу!», известна тем, что стояла у истоков освобождения евреев из четырехсотлетнего египетского плена, была пророчицей и вывела женщин по сухому дну во время их перехода через Чермное море (Исх. 15, 2; Числ. 12, 10, 20, 26; Втор. 24, Мих. 6).

Почему же столь высокие заслуги женщин перед народом, религией и государством были забыты, и теологи всех конфессий в течение многих лет проводили откровенно женофобскую политику?

Эта проблема, вербализированная в результате развития самосознания женского движения, позволила наиболее активным и образованным женщинам превратить личную боль о несбывшихся духовных потребностях в источник систематической критики наиболее одиозных,

сексистских аргументов Церкви. Женщины, ссылаясь на примеры из самой Библии, выступали против двойного стандарта в вопросах нравственности в аспекте веры. Наибольшего размаха *теологическое реформаторское движение* достигло в христианском мире в связи с большей активностью здесь женских общественных организаций. Несомненным его достижением стал допуск женщин в церковную иерархию, хотя число женщин-священников далеко не пропорционально количеству на этих должностях мужчин[20].

С середины XX в. часть наиболее радикально настроенных феминисток, сочтя «мягкое», постепенное реформаторство бесперспективным, выдвинула идею создания собственной «феминистской религии», основанной на женском опыте Веры и Духовности[21]. Среди ее качественных характеристик следует выделить Целостность, Единобытие, Экосознание, которые противопоставляются патриархатному (христианскому) Дихотомизму (Духа и Тела), Иерархичности (Рационального и Эмоционального) и Фаллоцентризму. Концепция «феминистской спиритуальности» объединяет теоретиков матриархатного футуризма, лесбийских радикалов, «поклоняющихся Богине», сторонниц шаманизма, мистических и ведьминских практик и любых форм веры, способных быть адекватными женской духовности и нести гармонию в мир[22].

Значительный вклад в создание дискурса «феминистской спиритуальности» и веры внесли Мери Дали, Джудит Пласков, Ребекка Шоп, Юлия Кристева, Сьюзен Гриффин, Адриенн Рич, Розмари Рушер, Люси Иригарэ. Обращаясь к сложной проблеме женского религиозного опыта и его интерпретаций, феминистские критики неизбежно сталкивались с рядом вопросов, основные из которых формулировались так: *можно ли, осознав наличие гендерного неравенства и его культурно-религиозных предпосылок, оставаться в пределах христианской или иудейской (мусульманской, индуистской и т.д.), иначе говоря, «своей» конфессиональности*? *И возможно ли создавать новый образ Веры на обломках патриархатных религий?*

Осознание факта, что «религия не беспола», обусловило стремление к выявлению гендерной модели, лежащей в основаниях той или иной религии. Предлагая альтернативное прочтение религиозных образов и традиций, в частности, с позиции феминисткой, постструктуралистской и постмодернистской рефлексии, современные исследователи переводят тем самым идеи Веры и Абсолютной Истины в плоскость наррации, доступной дискурсивному анализу. Следующим шагом, вытекающим из закрепления за теологией статуса семиотического объекта, является признание в ней формы культурной политики, а в ситуации феминистской теологии — политики, сосредоточенной на критике патриархата, постоянно воспроизводящего ценности фаллоцентрического мышления.

С точки зрения американской феминистской теологии, взращенной прагматическими философиями экономических и гражданских прав личности, публичная теология выступает одной из форм «товара» или «услуги», где степень её «доступности» для всех граждан (включая женскую половину), является одним из показателей демократичности культуры. В этой позиции ни один текст (в том числе и Священное Писание) не может рассматриваться как обладающий окончательным и завершенным знанием, ибо демократия предполагает непрерывное производство новых практик, ценностей и интерпретаций, с наибольшей полнотой обеспечивающих возможности самовоплощения и идентификации индивидов. Это объясняет тот факт, что феминистская теория и теология, не предлагая быстрых решений текущих национальных и международных проблем, имеет, тем не менее, политическую окраску в современной американской культуре. Она исходит из предположения, что «то, что есть, можно

---

[20] Feminist Interpretation of the Bible. Ed. by Russel Lm. Oxford: Blackwell, 1985.

[21] Goldberg N.R. Changing of the Gods: Feminist and the End of Traditional Religions. Boston, 1979; Griffin S. Woman and Nature. New York, 1978, others.

[22] The Politics of Women's Spirituality. Ed. by Ch. Spretnar. Garden City. New York, 1972.

изменить в то, что может быть лучше»[23]. Американская школа как бы «вписывает» феминистскую теологию в общую концепцию Прав Человека, обращенную к проблемам личного и социального блага как необходимого источника Свободы. Видные американские феминистские богословы Элизабет Шуслер Фиоренца, Сьюзан Брукс Тистивайт, Нэнси Хартсак, Мэри Маклинток Фулкерсон, Ребекка Шоп настаивали на том, чтобы понимать феминизм и его ревизию как критический ответ на проблемы века[24].

В то время как американская феминистская теория концентрируется на репрезентативной функциях религиозного языка, французский феминизм исследует его перформативность; американскому феминизму принадлежит лозунг «личное *является* политическим», французский, в противовес этому, выдвигает тезис о том, что «личное *становится* политическим». Отсюда следует различие: если американская феминистская теология видит особую ценность в создании нового дискурса этических высказываний и добивается полноправного участия женщин в общественной сфере, то французская — выражает сомнение в «правильности» самой структуры изложения фактов, пытаясь вызвать радикальное преобразование общественной теологии и природы *политического* посредством критического «расщепления» дискурсивных способов мышления патриархии. Французская деконструкция религии и ценностей мира, разделенного на женский и мужской, ставит под сомнение гендерные отношения как «описательные» и «предписательные», выявляя их обусловленность Властью и доминантными способами упорядочивания. Актуальная дискурсивность раздвигает границы понимания публичной теологии в соответствии со сверхзадачами феминистской культурной политики и реализует субъективность вне жестких рамок ультимативного выбора.

Предметом феминистской теологии является категория Женского в поле религии, публичной теологии, духовных практик и ритуалов. Феминистская теология изучает гендерные стереотипы, гендерные идеалы, гендерную иерархию социальных ролей, представленные в дискурсе традиционных вероучений и религиозных философий, и её целью является деконструкция гендерного неравенства в религиозной сфере с позиций феминистской критики и теории власти. Так, методология феминистской теологии базируется на современных концепциях постструктурализма, постлакановского психоанализа, «археологии власти», лингвистической критики значений, постфеминистских философий и ревизии классических источников. Феминистские авторы рассматривают, какое место занимает сексуальность и телесность в иерархии ценностей различных религий, и в какой степени это определяет категории морали и стандарты гендерных отношений в повседневности.

В современной западной феминистской теологии общепризнанными являются четыре активно заявляющих о себе направления: *ревизионистское, реформистское, революционное и реджектионистское* («отвергающее», критическое)[25]. *Реформистское* направление основано на либеральной критике религиозных традиций и структур маскулинно центрированного языка, использующегося в литургии и других ритуалах церкви. Оно тяготеет к выявлению антипатриархатных идеалов, исходя из оснований самих религий; требует полностью отказаться от сексистских обрядов и изъять тексты, способствующие продуцированию стереотипов гендерного неравенства. Идеологи этого направления считают нужным включить в церковную службу ритуалы, отражающие «женский» опыт духовности, женские представления и практики общения с высшим «Я». Они делают упор на введение женщин в церковную иерархию.

---

[23] «These … forms that attempt to change what is into a letter what can be» - See: Cornell West. The American Vision on Philosophy. A Genealogy of Pragmatism. Madison: University of Wisconsin Press, 1989. P.5.

[24] Shop Rebecce. From Patriarchy into Freedom: A Conversation between American Feminist Theology and French Feminism // The Postmodern God. Ed. by Graham Ward. Oxford: Blackwell, 1997.

[25] Mendell Nancy (ed.) Feminist Issues. Race, Class and Sexuality. Ontario: York University, 1998.

Представители *революционной* феминистской теологии выступают за ограничение влияния традиционных религий и выдвигают идею построения «новой, женской спиритуальности», которую они нередко черпают в смешении обычаев, на их взгляд, в наибольшей степени отражающих женский опыт постижения Божественного. Например, Шарлен Спретнак характеризует «женскую спиритуальность» как «внутреннее единство всех форм бытия»[26]. Господу как трансцедентному началу теоретики феминистской религии противопоставляют божества женского рода. Согласно Наоми Гольденберг, классический иудаизм и христианство не подходят современным женщинам, а потому будут заменены новыми образами религиозной экспрессивности, отражающими специфику женской субъективности[27]. Идеи «революционной феминистской теологии смыкаются с философией экофеминизма, т.к. Богини, выдвигаемые взамен исторических форм маскулинных божеств, не противостоят Природе в качестве альтернативного члена бинарии Природа-Культура, но стремятся взаимодействовать с «естественными силами, признавая их не как нечто, подлежащее покорению, но как другое измерение себя… Феминистская спиритуальность по существу есть экологическая форма поклонения[28].

«*Отвергающие*» феминистские теологи наиболее радикальны в своих воззрениях, так как считают, что сексизм, пронизывающий все религиозные практики народов мира, не позволяет женщинам выражать своё истинное духовное «я», и потому необходимо создать абсолютно новые, альтернативные формы веры и спиритуальных обрядов, основанные на понимании потребностей женского духовного развития. Концепция «альтернативной религии» сближает «отвергающих» теологов с теоретиками утопистской и лесбийской философий феминизма, а также с теми, кто настаивает на необходимости конструирования особого женского пространства, противостоящего метагалактике религиозного андроцентризма. Идеологи «отвергающей» разновидности феминистской теологии практикуют поклонение нетрадиционным, иррациональным символам веры, среди которых распространены ритуалы возрожденного ведьмовства, в частности, в его «северной» (рунической) или афро-карибской (вудуистской) традиции. Приверженцы альтернативной религиозности считают, что такие формы интуитивного знания и духовности, как астрология, магия, мистицизм, теософия, антропософия, шаманизм, маргинализированные официальной культурой и как бы «вычеркнутые» из истории цивилизации как изжившая себя «архаика» и «предрассудок», на самом деле воплощают истинно женскую суть, стремящуюся сохранить собственную самобытность в жерновах патриархата. «Маргинальные» сферы духовности деконструируют присущий мужским религиям дихотомизм, включая в свою систему ценностей такие приоритеты, как Субъективность, Интуиция, Спонтанность, Телесность и др.

«Революционный теолог» Шарлотта Кэрон[29] выделяет десять основных моментов, которые описывают специфику женского религиозного опыта и составляют структуру феминистской теологии: фокусированность на женском (а не «мужском»!) культурно-социальном и биологическом опыте жизни; рассмотрение в качестве наибольшего зла патриархата, репрессирующего Женское не только в социально-культурной, но и в духовной сфере; понимание «общего желания», существующего независимо от «объективности», как предрассудка, так как свои духовные ценности и символы люди формируют исходя из собственного мировоззрения; лозунг «личное является политическим» в данном контексте

---

[26] Spretnak Cn. The Politics of Women's Spirituality. Ed. by Spretnak. New York, 1982. P.XVI.

[27] Goldenberg N.R. Changing of the Gods: Feminism and the End of Traditional Religions. Boston, 1979.

[28] Цит. по: Степанянц М. Образ женщины в религиозном сознании: прошлое, настоящее, будущее // Феминизм. Восток. Запад. Россия. М., 1993. С.72.

[29] Caron Charlotte. You Make and Make Again: Feminist Ritual Theology. New York: Crossroad, 1993.

означает, что индивидуальное Спасение невозможно, что «никто не будет спасен, пока все не будут спасены», иначе говоря, разделение общества на праведников и грешников существует только в сознании патриархата, в действительности, люди взаимосвязаны друг с другом тысячами нитей и могут быть оценены только в рамках концепции «единобытия»; каждый, вне зависимости от сексуальной ориентации, расы, цвета кожи и физических недостатков, должен свободно, полно и публично участвовать в ситуации распределения общего блага и выражении своих духовных потребностей; женщины имеют право сами контролировать собственную жизнь, включая право на неприкосновенность тела и автономию духа; основанием современной повседневности является общественная жизнь, а посему при принятии решений и распределении благ позиция каждого должна быть учтена вне зависимости от пола, возраста, подключенности к власти, этнической и конфессиональной принадлежности; церковь не может говорить с верующими, используя «мужской» язык в качестве языка Бога, так как *совершенное существо* не имеет пола, Он — и «Создатель», и «Отец», и «Мать» одновременно; плюрализм феминистской идеологии позволяет принимать разнообразные формы и способы выражения женской духовности, традиционно отвергаемые в патриархатной культуре; феминизм расширяет понимание религиозности, выдвигая веротерпимость и гендерную свободу в качестве центральных концептов общественного сознания.

До середины XIX в. научные теологические исследования велись с позиций, базировавшихся на утверждении, что женский опыт не имеет отношения к интеллектуальной и духовной сферам, которые являются миром мужчин, «закрытым» для женщин. Библия, Коран, Веды, Тора и другие священные тексты, создававшиеся нарраторами-мужчинами отражали патриархатные взгляды и установки, канонизация которых в виде цитат, откровений, представлений способствовала укоренению патриархата в культуре и оправданию его с позиций духовного авторитета. Слово Священного писания служило обоснованием существовавшему неравенству женщин, вне зависимости о каких женщинах шла речь — черных, белых, мусульманских, иудейских или христианских. Традиционные религии разных стран сыграли немаловажную роль в формировании гендерных стереотипов, дискриминирующих Женское на фоне Мужского.

Транскультурные символизации половых различий в мифологиях древних и их проекции на реальность мирового порядка не являются независимыми и изначальными, они не только классифицируют мир в терминах биоидной дихотомии, но и придают ценностный статус объекту в зависимости от его принадлежности «мужскому» или «женскому», а также создают иерархию соподчинения и коннотативной маркированности. В обществе, где идеалом и нормой является мужская физиология, любое несоответствие ей рассматривалось как негатив, продуцируя у женщин комплекс неполноценности. Обоснованием «греховности» и «нечистоты» женщины в ряде религий служил её месячный цикл, с началом которого «невинное существо» якобы утрачивало свою «чистоту» и становилось сексуально «виновным». Менструальная «виновность» женщины отражена в Библии, Коране, архаических ритуалах. Изобретательность маскулинно центрированной идеологии проявилась в сакрализации гомосексуальных «любовных историй», принимающих в священных текстах образ «возвышенного брака». Это, например, — триединство Отца, Сына и Святого Духа, исключающее женское присутствие в качестве творящей силы.

В качестве стереотипа, продуцируемого большинством мифологических архетипов, является «логика насилия», активно тиражируемая патриархатной культурой. Разнообразные священные «умыкания», «похищения», «проникновения» (например, Юпитера к Данае в виде золотого дождя, или к Европе в образе могучего быка, т.д.) женщин богами в мифологии, превращены Патриархатом в модели, легитимирующие брак (секс) через изнасилование, вступление с женщиной в связь против её воли.

Ещё одним в ряду многих других опытов сексистской дискриминации может служить пример из Христианского символизма, где женщина представлена исключительно в двух ипостасях: грешной Евы, олицетворяющей Ответственность за падение человека (мужчины!) и

святой Марии — воплощении абсолютного материнства и вечной женственности. Идеализация и культ «*девственной женщины*» возникли из потребностей мужского духовенства реинтерпретировать древние образы «матерей-воительниц», праславянских «дев-богатырок» и приобрести пассивную, послушную паству, нейтрализовав активное женское лидерство[30]. Это подтверждает факт канонизации в церковном культе, в частности, православной церковью в основном тех женщин, чьи характеры отвечали идее «самоотреченной», «самоотверженной», «жертвенной» жены, иначе говоря, отрекающейся от своей личности во имя Другого — мужчины

Другая женофобская модель была сформирована в результате возвеличивания христианского идеала непорочного зачатия и рождения, который «по условию» объявлял «порочным» и «греховным» любое *иное*, т.е. физическое, реальное, плотское зачатие и рождение, переводя тем самым *идеал* в область мужской утопии и фантазма, а женщин ставя в положение «осквернительниц идеала». Так как «вне-плотское» рождение возможно только «умственным», «ментальным», «логическим» путем, то мужской тип творческого продуцирования — «из головы» — получил статус «превосходящего» и более ценного для культуры (в согласии с версией Платона), а женский, естественный и единственно возможный тип человеческого рождения, был объявлен «проклятьем и наказанием Господа». Однако, на самом деле, по мнению Мери Дали, мужчинам свойственна обратная установленному порядку Патриархата «маточная зависть», являющаяся ключом к фаллократическому обману, зафиксированному во многих мифах. Это подчеркнуто в попытках обосновать маскулинное «право на рождение» в таких образах как рождение Афины из головы Зевса или рождение Евы из ребра Адама[31].

Два фактора: «навязывание» женщине мотива *страданий* как единственно возможного пути искупления и сведение женской ипостаси и всего многообразия женских проявлений — разрушительного (индийская Дурга) и созидательного (египетская Изида), таинственного и могущественного (древнегреческая Геката) и мудрого и справедливого (древнеримская Минерва), исцеляющего (скандинавская Фрейя) и любвеобильного (африканская Ошун), девственного (римская Веста) и чувственного (малоазийская Иштар) *только к двум оппозитивным началам* — Еве (Лилит) и Матери-Богородице — свидетельствует о маскулинном характере осмысления женской роли. Бинарный символизм, по мнению Хоул и Левин[32], отражает фаллократическую идею секса — или блудница, или девственница, или «производящая» мать, или невинная «невеста Христова». Описание женщины в антиномичных категориях — или «невесты» (потенциального «товара», объекта обмена между мужчинами), или бесполой, асексуальной Матери (так как зачатие было «девственным», «невинность» Марии сохранилась) означает отношение к женщине исключительно в рамках секса, в то время как никому не приходит в голову оценивать качества мужчины по его брачному статусу, либо характеризовать его личность только через определения «непорочного», «безгрешного мужа и отца».

Так, утверждая абсолютный характер сакральных архетипов доисторического опыта человечества, Патриархат устанавливает иерархию творчества и жизни, в которой действительно реальная, чувственная жизнь личности получает наиболее низкие баллы. Известно, что князья Киевской Руси, как и римские кесари начала новой эры, использовали христианство для укрепления государственности и объединения земель, иначе говоря, монотеизм как нельзя лучше отвечал потребностям тоталитарной власти, вводя элемент единобожия в концепцию мироздания: «Один Бог на небе, один князь в Киеве (Риме)». Гендерная и сексуальная полифония исключалась при помощи придания Господу мужского

---

[30] See: Ruether Rosemary R. New Women/New Earth. New York: Seabury Press, 1975.

[31] См.: Dàly M. Gyn/Ecology. Boston, 1986.

[32] Hole J. and Levine E. Rebirth of Feminism. New York, 1971.

пола, так же как и образу Спасителя, апостолов и большинству других действующих лиц священной истории.

Начиная с 30–40-х гг. XX в. феминистские теоретики начали радикальное разоблачение сексизма в христианстве. Два наиболее мощных направления в христианской критике были представлены в *либеральном* реформировании существующих ритуалов и текстов Библии и в *утопических идеях* создания принципиально новых символов и практик Церкви. Феминистки не отказывались от веры, однако они требовали включения женского опыта в традиционно андроцентрированное богословие. Элизабет Стэнтон сделала, возможно, первый значительный вклад в концепцию трансформирования религии своей книгой «Женская Библия». Представительница «мягкого феминизма» конца XIX — начала XX вв. Э. К. Стэнтон верила, что Библия является главным источником вдохновения для женщин и, как совершенный в своем знании текст, содержит, по меньшей мере, две точки зрения на проблему женщин — как сексистскую, так и антисексистскую, которую следует обнаружить.

Мери Дали, представительница *радикального направления в феминизме*, до сих пор остается наиболее яркой фигурой феминистского богословия. Согласно Дали, легитимация садомазохизма является центральной идеей христианства, и потому она видит необходимость в создании особого «гиноморфического» языка, отражающего процесс развития женского самосознания и позитивной идентификации в XX в. По мнению Дали, женские персонажи в мифологиях в качестве объектов агрессии персонифицируют в мужской культуре образ «Другого как Врага» на гендерном и сексуальном уровнях, укрепляя тем самым принципы патриархатной власти. Дали показала, что христианство широко использовало культы женских богинь, введя их в собственную мифологию, переосмыслив, однако, с позиций фаллоцентристской идеологии. В работе «За пределами Бога-Отца» Мери Дали, используя фукианскую «археологию знания», последовательно изучает этапы отторжения женского опыта от официальной Церкви и формирования категории лиц, перешедших в статус религиозных маргиналов по признаку пола: колдуний, повивальных бабок, деревенских истеричек со стигмами, еретичек, отстаивающих право на собственное понимание духовности.

Несмотря на то, что в Книге Бытия говорится, что человечество создано «мужским и женским» по образу и подобию Божьему, из чего следует, что Бог должен быть Андрогином — и Отцом, и Матерью — символом христианства, возведенного в ранг государственной андроцентрированной религии, в течение многих лет оставались исключительно мужские персонажи.

Исходя из вышесказанного, важной сферой феминистских исследований в богословии остается воссоздание альтернативной духовной и церковной истории, способной поддерживать усилия женщин по укреплению личностной и гендерной идентичности. Используя работы нефеминистских историков и богословов, теоретики феминизма делают акцент на участии женщин в установлении и распространении христианства, восстанавливают забытые имена церковных активисток, мистиков, святых и мучениц Средневековья. Например, Элайн Пегельс, анализируя апокрифические евангелия раннего христианства, утверждает, что именно широкое присутствие в них женского символизма в ситуации утверждения патриархата как системы, привело к объявлению этих Евангелий еретическими[33]. Пегги Сэндей выдвигает идею о том, что общества, в которых доминировали ритуалы поклонения Природе, были гиноцентрированными. Отметим, что модель такого общества можно увидеть в древнескандинавском язычестве и северной викке (природной магии), получившей отражение в мифологических образах северных дев-воительниц, валькирий. Адриенн Рич обращается к

[33] Pagels Elaine H. What Became of God the Mother? Conflicting Images of God in Early Cristianity // Signs, 1972. Vol.2.

гиноцентрическому прошлому человечества, когда почитание женских богинь было источником социального устройства. Реформаторство «патриархатных религий» упирается в пределы, разрушение которых означало бы выход из самих вероучений. «Феминистские религии» предлагают вариант утопии, возможность воплощения которой в ряде случаев оказывается проблематичным. В настоящее время проблема «Женщины и Церковь» остается важным, но нерешенным звеном в развитии феминизма, имеющим не только духовный, но и политический характер.

Становление христианского учения и христианских организаций проходило в ожесточенной борьбе в ситуации, когда утверждались как империя, так и новое мышление монотеистического патриархата. Первые христиане принимали к себе всех «страдающих»: и презираемых сборщиков налогов, и блудниц, и калек. Раннее христианство для женщин оказалось единственной общественной сферой деятельности, где они могли выразить себя. Его привлекательность состояла в том, что оно позволяло выйти им из душных гиникеев и признавало их право на социально-политическую активность. Женщины часто стояли во главе первых христианских общин; в периоды гонений на христиан женщины наравне с мужчинами принимали пытки, преследования, изгнания. К периоду I—II вв. относят создание первых женских организаций при христианских общинах, в функции которых входила забота о социально незащищенных, в частности, о вдовах, оставшихся без средств. Маргинальность положения ранней христианской церкви при отсутствии потенциальных «рычагов давления» и средств принуждения в общине заставляли христианское руководство принимать во внимание потребности всех групп верующих — и женщин — в значительной степени.

Однако эта ситуация претерпела значительные изменения в самые ближайшие годы и столетия, когда христианская церковь превратилась в мощный институт. В 311 г. гонения на христиан ввиду их очевидной безрезультативности были отменены, а спустя два года был принят Миланский эдикт, легализовавший христианскую церковь в ряду других многочисленных культов империи. Смыкание государственной власти с духовной существенным образом трансформировало политику христианства, в частности, по отношению к женщинам, «именем Господа» оправдывая сексизм. Получив государственную поддержку, Церковь начала активно использовать административный аппарат насилия для решения теологических и морально-этических споров и разногласий: погромы стали одной из «мер воздействия» на неверующих.

Патриархатный характер средневековой «демономании» следует из того, что типическим субъектом гонений выступала *женщина*, пожилая, *бездетная* или вдова, находящаяся вне семьи, *одинокая,* лишенная средств к существованию, либо, напротив, очень *состоятельная* и хозяйственная, либо же *молодая* и вызывающая зависть (вожделение) телесной красотой, часто — представительница чужого этноса — цыганка, еврейка, т.е. как бы «*двойная другая*», иначе говоря, женщина, по какому-то социальному, брачному, имущественному, этническому признаку выпадающая из типики массового сознания и традиционного образа жизни. Около 6 млн. женщин было сожжено по обвинению в ведьмовстве[34]. Средневековые теологи, в том числе Фома Аквинский, интенсивно разрабатывали учение о суккубах и инкубах, физических приметах ведьмы, отслеживанию признаков её сношений с дьяволом, влиянию ведьмы на «мужскую силу», плодородие земли и скота. В 1484 и 1486 гг. появились печально знаменитые булла папы Иннокентия VIII “Summis de-siderantes affectibus” и “Молот против ведьм” Институриса, сакрализовавшие на много столетий вперед практики обыденного женофобства.

Немецкие социологи Г. Хайнзон, О. Штайгер и Т. Носнан утверждают, что источник «демонической мифологизации» женского тела лежал в массовой сексуальной депревированности населения, выступавшей в качестве центрального элемента христианской

[34] Der Speisel, 1984. №43.

аскезы и основы духовного благочестия[35]. В «ведьмовских процессах» интенсивно эксплуатировались эротические симуляции, воплощенные в садо-мазохистских технологиях массового наслаждения созерцанием обнаженного женского тела, выставленного напоказ во время пыток и испытаний, активной эксплуатации дискурса сексуальной перверсивности в массовом сознании (гомосексуализма, скотоложства, инцеста, педофилии), в обнародовании интимных частей тела, документов, вещей, хранящих печать личной биографии, индивидуальности репрессируемых субъектов. На само деле, считают Г. Хайнзон, О. Штайгер, Т. Носнан, преследования так называемых женщин-«ведуний» реализовывало идею тотального, религиозно-государственного контроля над репродуктивным поведением и практиками сексуальности. Центральной, но неартикулируемой причиной гонений против пожилых, одиноко живущих знахарок и гадалок было их умение изготавливать контрацептивные средства и делать аборты, известные еще в античности, но сохранившиеся лишь в спорадических, «женско-народно-магических» локусах Средневековья. В работе Барбары Эхренрейч и Дейдры Инглиш представлена концепция женского ведьмовства как эволюции медицинских знаний: от «ведьм» Средневековья — к «акушерке» и гинекологу XX в.[36] Опасения перед силой женщины провоцировались так же значительным влиянием женских монастырей, женщин-пророчиц и участия женщин в еретических течениях вплоть до XIII в.[37] Так, репрессии против женщин, обладавших нелегитимным знанием «скрытых особенностей» природы и человеческого тела имели целью разрушить маргинальные практики обыденной, т.е. *телесной* жизни, и установить контроль за деторождением, чтобы использовать репродуктивные возможности массы женщин с большей или меньшей интенсивностью в зависимости от потребностей государства, а не желаний или интересов женщины.

Феминистские теологи, продуктивно используя ревизию христианского вероучения о Спасителе, называют Иисуса "наша сестра", подчеркивая тем самым андрогинную и/или феминную сущность человека-бога[38]. Часть реформистов предлагает ввести средний род для обозначения Господа, чтобы избавиться от маскулинистских ассоциаций или более радикально включить в священный список тексты, исполненные женского символизма: новые гимны, сказания, молитвы, написанные женщинами-поэтами и даже переложенные на музыку[39]. Визуальным воплощением идей реформированной теологии является статуя «распятой женщины», которая находится в университете г. Торонто (США). Провокативность данного образа заключается в том, что, с одной стороны, он воплощает требование женского паритета на «сакрализованное страдание». С другой стороны, он может воскрешать в памяти женщин, *действительно* переживших насилие, подсознательную память о прошлых страданиях. Люси Иригарэ пишет о том, что если женщина в традиционном христианстве не может рассматриваться как «равная» «Отцу, и Сыну, и Святому Духу» то, видимо, следует искать (или создавать) парадигму, в которой женщина будет равна «Матери, и Дочери, и Сестре».

Центром христианской доктрины является проповедь телесного аскетизма и опасности от женской сексуальности. Хотя строгое воздержание и физическое разделение полов не определяют христианскую веру, тем не менее христианство конституирует Женское понятиями Греха (через Еву), разврата (образ блудницы) и предательства (например, Соломея). Удивительно, — пишет Элайн Пегельс, — но в отличие от многих древневосточных божеств

---

[35] Ibid.

[36] Ehrenreich B. and English D. Witches, Midwives, and Nurses: A History of Women Healers. New York: Feminist Press, 1973.

[37] Women in Medieval Society. Ed.by Susan M. Stuard. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1997.

[38] Reuther R.R. Sexism and God-Talk: Toward a Feminist Theology. Boston: Beacon, 1983.

[39] See: Carmody Denise. Christian Feminist Theology: A Constructive Interpretation. Oxford, Boston, 1995.

Бог Израиля не делится властью с женским божеством и не может быть ни мужем, ни любовником[40]. Эта сторона жизни бога оказывается сокрытой и для христиан: «Почему мы ничего не знаем о сексуальности Христа?» — вопрошает Люси Иригарэ. «Была ли у него жена или любовница? Если Христос воплощает моральный идеал для верующего, то, не зная, как Христос реализовал свою сексуальность, верующий не сможет воплощать свое желание в рамках христианской религии»[41].

В качестве сакрального женского образа христиане выбрали Марию, мать Христа, хотя, как свидетельствует история на ранних этапах веры, Марии уделялось мало внимания. Эббонниты учили, что святой дух снизошел на человека Иисуса во время крещения, а его мать осталась обыкновенной женщиной, женой плотника Иосифа. Антихристианская традиция в лице философа II в. Цельса передает, что Мария была бедной пряхой и Иисуса родила не от Иосифа, а от беглого римского солдата по имени Пантера[42].

Распространение христианства как монотеистической веры велось в конкурентной борьбе с политеистическими матриархатными культурами Средиземноморья, и Мария была единственным персонажем, способным претендовать на роль женского божества христианства. Она «вобрала» в себя семантику тех верований, в который было принято почитание богинь, в частности, в образе Великой Матери, Плодоносящей Земли, Божественной Природы — Деметры в Греции, Кибелы — в Малой Азии, Изиды — в Египте. Чем менее «человеческих» черт оставалось с эволюцией христианства в самом Иисусе, который все более идентифицировался с символикой своего грозного Бога-отца, тем острее становилась потребность верующих в воссоздании образа могущественной и доброй древней «матери богов». До IV в. почитание Марии наравне со Святой Троицей не поощрялось церковью. Однако в V в. культ Марии утверждается как нормативный, появляются анонимные Евангелия о детстве Марии и ее успении, пытающиеся засвидетельствовать ее божественное происхождение. Антифеминную направленность ортодоксального христианства подчеркивает тот факт, что легитимация божественности Марии происходит именно тогда, когда женщины оказались полностью отстранены от управления церковными делами и носит, таким образом, компенсаторную функцию. Центром поклонения Марии на начальных этапах культа становится малоазиатский город Эфес, издавна славящийся своим храмом в честь Артемиды-охотницы, почитавшейся в качестве богини плодородия и являвшейся, как известно из мифов, девственной. Культ девственной богини был «наложен» на мать Христа и, следовательно, в такой форме удовлетворял антисексуальные амбиции "отцов церкви".

Анализируя парадокс "матери-девственницы" в работе "В начале была любовь", Юлия Кристева отмечает, что потребность видеть мать непорочной проистекает из детского страха конкуренции с отцом и из желания сохранить за собой исключительность на право материнской любви. Игнорируя факт коитуса родителей, воображение верующего пытается таким образом защитить себя от фантазий, которые ребенок не в силах пережить. Однако идея произведения ребенка без помощи отца не является такой уж редкой в массах и служит источником мужского возвышенного воображения и женской истерии в результате невозможности соединить идеал с реальностью. «Самая образцовая» женщина нового завета — Мария — ничего общего не имеет с жизнью земных женщин: рожая, они перестают быть девственными, а чтобы забеременеть, вступают в контакт с мужчинами, т.е. либо «теряют» чистоту, либо вынуждены скрывать свою сексуальную активность от окружающих.

Правоверная христианская модель легитимирует концепцию о*нтологической* сексуальности, в которой Ева была создана из плоти Адама для удовлетворения его, где

---

[40] Pagels Elaine. What Became of God the Mother? Conflicting Images of God in Early Christianity // Sings, Winter, 1976.

[41] Irigarey Luce. Equal to Whom? // The Postmodern God. A Theological Reader. Ed. by Graham Ward. Blackwell, 1998.

[42] Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. М., 1987.

мужчина выступает в роли физического родителя собственной жены, как бы «замещая» мать и тем самым аннигилируя символику женского и сакрализацию Марии в дальнейших концепциях христианства. И хотя сам Христос сохраняет ряд качеств, приписываемых в традиционной модели «*женственному*» ряду и тем самым привносящих элемент *двойственного* гендера в фигуру Спасителя (трансвестита или транссексуала), тем не менее введение и сакрализация «девственной Марии» в пантеон христианских святых, с одной стороны, снимало подозрения в гомосексуальном характере отношений Бога-Отца и Сына и его учеников; с другой стороны, позволяло конструировать «бесполую женщину», «рожающую девственницу», желание которой могло не приниматься в расчет в силу объявления «несуществующей» ее сексуальности. Одновременно это позволяло репрессировать женское тело и изгонять женщин из активной общественной деятельности, оставляя собственно сексуальное наслаждение одним мужчинам.

Феминистская критика религий была основана евро-ориентированными философами, которые опирались прежде всего на собственный, христианский опыт богослужебных традиций и канонов, — Мери Дали, Юлия Кристева, Элизабет Шуслер Фиоренца, Розмари Рушер и др. Однако, с точки зрения женского движения и самосознания, этот опыт был однобоким, так как не включал *духовные практики не-белых, афро-американских, азиатских женщин*. Спустя 10 лет после выхода «Гин/Экологии» Мери Дали афро-американская писательница Одри Лорд опубликовала свой вариант «женской библии для цветных женщин» под названием «Этот мост, названый моей спиной», в которой подвергла критике основные постулаты Мери Дали, а также её принцип избирательной цитации — использования образов европейских богинь и игнорирования африканских[43]. Лорд писала о том, что нельзя анализировать религиозный и духовный опыт черных женщин только в контексте их виктимизации ритуалом клитероктомии, как это сделала Дали. Такой подход не отражает всей полноты существующих практик. Более того, проведение теоретиками «белого феминизма» бесконечных аналогий между угнетением «женщин» и «черных» способствует сохранению бессознательного расизма. Аудр Лорд, Барбара Смит писали о том, что только сама черная женщина может рассказать о том, какую роль играет взаимосвязь гендера, расы, религии в системе «черного патриархата», поэтому нельзя использовать лексемы «черный» и «чернота» («blackness») исключительно как метафоры в дискурсе белых теоретиков. Белл хукс — другая американская феминистка африканского происхождения — поддержала дискуссию, заметив, что «белый» религиозный опыт не отражает полноты опыта всех женщин и нуждается в дополнении — в исследованиях по духовным идентичностям черного этноса[44].

Элис Уолкер, американская поэтесса, один из лидеров «черного феминизма», ввела термин «*вуманист/вуманистка*» («womanist») по аналогии с «феминистом/феминисткой», предлагая его использовать для обозначения цветных представительниц феминизма, чьи исследования, по её мнению, обладают этноспецификой постановки проблемы и поисков решения[45]. Так, представительницы «черной» феминистской теологии выдвинули ряд принципов, которые, на их взгляд, отражают специфику теологической проблематики для цветных женщин. Во-первых, они считают необходимым ввести афро-американский опыт развития духовности в центр теологических исследований, чтобы черные женщины могли увидеть и осознать для себя важность детерминирующего характера христианской религии и её влияния на них в африканском и американском социумах[46]. Африканские теологи настаивают на том, что черные женщины воспринимают Иисуса отличным нежели белые женщины

---

[43] Lorde Audre. An Open Letter to Mary Daly // Moraga and Gloria Andaluzia (Eds.) This Bridge Called my Back: Writting by Radical Women of Color. New York, 1983.

[44] bell hooks. Ain't Ia Woman; Black Women and Feminisn. Boston, 1981.

[45] Walker A. In Search of Our Mothers' Gardens: Womanist Prose. San Diego, 1983.

[46] Williams Dolores. Sisters in the Wilderness: The Challenge of Womanist God-Talk. New York, 1993.

образом. Черные женщины видят его сострадающим им, как воплощение образа освобождения и расового равенства. Черные женщины идентифицируют себя с Иисусом (а не с Богородицей!), потому что, по их мнению, Иисус — черный, и именно к нему они обращают свои молитвы, так как он один концентрирует в себе все фигуры Троицы[47].

Вторым принципом, обязательным для рассмотрения, теоретики черной феминистской теологии называют тесную взаимосвязь расы, гендера, класса, имущественного и физического статуса, которые реагируют в комплексе на систему патриархатной доминации и обусловливают религиозную ситуацию в обществе. Так, пишет Тереза Хувер, несмотря на то, что черные женщины были «сердцем» местных церквей и находились на передовой борьбы черного сообщества против расизма, когда встал вопрос о контроле над финансами и над политическим курсом, они были легко забыты[48].

Третий момент, на котором акцентируют внимание черные исследовательницы теологии, это различие афро-американского и евро-американского семейных укладов, по-разному отображающих систему патриархатной власти и семейной религиозности. Матрилинейная структура родства, наследования, передачи знаний, сохраняющаяся в афро-центрированной идее семьи, сохраняет за черной женщиной гораздо больше уважения и реальной автономии, чем это принято в традиционной христианской семье (особенно в ортодоксальной). Так, согласно утверждению ряда исследователей, «феминность» вообще в большей степени актуализирована в черной культуре, чем в белой[49]. Этнофилософы, точку зрения которых разделяли Ж.-П. Сартр[50] и Э. Фромм[51], утверждали, что исконное мировосприятие африканца свободно от классических дихотомий верха/низа, рационального/эмоционального, духовного/чувственного, сознательного/бессознательного, чистого/нечистого и т.д. Африканской ментальности присуще более целостное и динамическое видение мира. Для неё характерна не бинарная европейская логика, пытающаяся «вписать» женщину в два противопоставленных стереотипа — святой или грешной, монахини или блудницы, Богородицы и Лилит, — а поливалентная логика, суперлогика африканского универсума, согласно которой Бог сам нуждается в человеке, так как способен эманировать себя только посредством человеческой плоти и чувственности[52].

Следующая идея черных феминисток следует из их понимания особенностей синтеза христианской веры с традиционной этно-религиозностью в современном мире. «Вуменистки» видят ценность своих изысканий прежде всего в их связи с фольклорными основами и возрождением народных вероучительных практик, в течение долгого времени репрессированных белыми колонизаторами. Бинаризация не знакома африканскому типу мировоззрения: уважая христианские святыни и участвуя в службах, афро-американцы считают необходимым выполнять ритуалы, предназначенные собственным, этническим божествам. Эти практики не конфликтуют в обыденной жизни афро-американца, а образуют гармоничный симбиоз, как это явствует, например, из современных ритуалов Вуду, тесно сросшихся с католической обрядностью[53]. Черные феминистские теологи уверены в важности сохранения

---

[47] Grant Jacguelyn. White Women's Christ and Black Women's Jesus: Feminist Christology and Womanist Response. New York: Harper and Row, 1989.

[48] See: Lerner G. (ed.) Black Woman in White America. New York: Vintage Books, 1973.

[49] Maurier Henri. Philosophie de i'Afrique Noire. Paris, 1985.

[50] Sartre J.-P. Orphee noir // Sartre J.-P. Situation III, Paris.

[51] Фромм Э. Расовая и более широкая идентичность // Фром Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. М: Прогресс, 1996.

[52] Senghor L.S. Liberte I. Negritude et Humanisme. Paris. 1964.

[53] See: Alves Neto Antonio. Pomba – Gira: The Firmidable Female Messenger of the Gods. Burbank, Technicians of the Sacked, 1990; Diana De Groat Brown. Umbanda: Religion and Politics in Urban Brasil. Ann Arbor, UMI Research Press, 1986, others.

народной веры и традиционных «черных церквей» наряду с эмансипирующим развитием христианства.

Ряд феминистских теологических исследовательниц сегодня стремится возродить *до-христианские верования*, в которых они видят источники формирования новой женской спиритуальности. Языческое благоговение перед природой, по мысли Розмари Рушер, представляется экологически продуктивным типом отношений между человеком и естественным универсумом, а древние культы женских богинь и матриархатные мифы открывают перед женщинами широкие возможности для альтернативной патриархату более целостной самоидентичности[54].

В 1971 г. вышла книга Элизабет Голд Дэвис «Первый пол», в которой она впервые сформулировала идею феминистской спиритуальности как позволяющей женщинам осознать свою силу и создать собственные правила. Дэвис определила существующую историю как «двести лет пропаганды»[55] женской недостаточности и, проанализировав мифологию, археологию, литературу древности, показала, что все они «скрывают» в своих недрах феминоцентрированное прошлое, которое она назвала «потерянной цивилизацией» человечества. Продолжили этот список работы Мерлин Стоун[56], Райан Эйслер[57], Элинор Гейдон[58], Энн Баринг и Джулиес Кэшфорд[59], Марии Гимбутас[60]. Практика поклонения богиням имеет целью освободиться от дробящего мир дуализма патриархатных иудео-христианских религий и трансформировать их в сторону целостного восприятия универсума, на котором базировалось раннее язычество. Поскольку формы древнего язычества были утрачены, их реконструировали посредством анализа иудео-христианских и античных мифов, сохранившихся ритуалов северного шаманизма, викки, витки, древнегерманской, древнескандинавской мифологии.

Цинтия Эллер в работе «Жизнь в лоне богинь: феминистское спиритуальное движение в Америке» перечисляет принципы поклонения богиням, разработанные в женском сообществе. Создатели новой феминистской религии принимают в арсенал новой веры все, что, по их мнению, является безвредным для душевного самочувствия женщин и способствует духовному исцелению. Одним из важных положений их этики является обожествление и одушевление природы, персонифицируемой в фигурах Матери-Земли, Матери-Природы, Геи. Отсюда одним из важных принципов новой религии выступает экологичность сознания, призыв к здоровому образу жизни как следствию «оздоровления» мышления, синтезу духовного-душевного-телесного благополучия. В ряде случаев акцент на экологии и «возвращении к природным ценностям» приводит к тому, что представительниц «новой феминистской религии» идентифицируют как участниц экологического движения, «религии экологии» или «экофеминизма»[61].

---

[54] Ruether R.R. Sexism and God-Talk. Towards a Feminist Theology. Beacon Press Boston, 1983.

[55] Davis Elizabeth G. The First Sex. Baltimore: Penguin, 1972. P.18.

[56] Stone M. When God Was a Women. London: Virago, 1977.

[57] Eisler Riane. The Chalise and the Blade: Our History, Our Future. San Francisco: Harperand Row, 1987.

[58] Gadon Elinor W. The Once and Future Goddess: a Symbol of Our Time. San Francisco: Harper and Row, 1989.

[59] Baring Ann and Julies Cashford. The Myth of the Goddess: Evolution of an Image. London: Viking Arkana, 1991.

[60] Gimbutas Marija. The Goddesses and Gods of Old Europe, 6500 to 3500 B.C. Berkeley; Calif. University of California, 1974.

[61] Reuther Rosemary Radford. Gaia and God: An Ecofeminist Theology of Earth Healing. San Francisco, Harper, 1992.

Одним из главных принципов неоязычества в женской спиритуальности является «религиозная терпимость», которая означает признание права каждого человека (или группы) формировать свою духовную идентичность собственным путем[62].

Кэрол Крист в статье «Символы Богинь и Боги в феминистской теологии» объясняет, что женщины нуждаются в широком функционировании феминистской символики и в ее легитимации потому, что это пробуждает в женщинах ощущение собственной силы и независимости; утверждает право на экспрессию женского тела и жизненного цикла; репрезентирует в качестве позитивных ценностей желание и волю феминно-центрированной культуры. Кэрол Крист говорит о том, что каждая из тех, кто желает поклоняться богиням, может избрать для себя одну из них, которая, по ее мнению, воплощает качество женской сущности, наиболее близкое ее самоощущению, и установить с Ней (Богиней) особенные, «личные» отношения.

Одним из главных положений *феминистского нео-язычества* является де-централизация Абсолюта и передача его важных функций «периферии». Богини не имеют иерархии. Поэтому поклоняющиеся богиням группы обычно маленькие и независимые, построены на не иерархических отношениях. В таких группах религиозный лидер часто отсутствует, либо лидерство является сменным. Их ритуалы достаточно эклектичны[63].

Феминистские исследования религии убедительно показывают, что существующие в культуре гендерные конструкции, выражаются и сохраняются благодаря культовым мифам, системам веры и ритуальным практикам. Мифы о происхождении мира архетипизируют гендерные позиции как «изначально данные», фиксируя «подчиненность» женщины под видом ее «естественного предназначения». Специфика морального поведения и общественного сознания в современной культуре также формируется с учетом гендерной этики, которая содержится в религиозных постулатах превалирующей веры. Патриархат монополизировал «право на духовность» через внедрение в массы маскулинных религиозных ценностей и путем ограничения доступа женщин к публичным каналам веры. Женская активность в течение многих лет сдерживалась, а определение сексуального желания как «нечистого» и «опасного» выводило его за пределы культурной легитимации. Женская духовность только в конце XX в. начала осознаваться как феномен, заслуживающий признания, изучения и социализации. Ни в одной из официально функционирующих систем веры прошлого и настоящего женщины не имели достаточных возможностей самовыражения. Поэтому так важен нынешний этап открытия пространств женской духовности. Феминистские исследования религии стремятся изменить традиционную точку зрения на женский духовный опыт в фундаментальных религиях в сторону меньшего сексизма и большей толерантности.

Различные взгляды существуют и на отношения феминистской теологии с официальной властью: часть феминисток оценивает создание новой религии как политическую акцию в контексте расширения других демократических прав и свобод[64], тогда как другие уверены, что вера должна быть отделена от политики[65]. Большинство практикующих склоняется к мысли, что «женское спиритуальное движение» не является «гендерно адресованным», оно должно принимать на равных условиях всех представителей человеческой расы[66]. Феминистки

---

[62] Eller Cyntia. Living in the Lap of the Goddes: The Feminist Spirituality Movement in America. New York, Crossroad, 1987.

[63] Frymer-Kensky Tikva. At the Wake of the Goddess: Women, Culture, and the Biblical Transformation of Pagan Myth. New York: Free, 1992.

[64] Ruether R.R. Motherearth and the Megamachine // Womenspirit Rising. Ed. Carol Christ and Judith Plaskow. San Francisco: Harper San Francisco, 1978.

[65] Starhawk (Miriam Simos) The Spiral Dance: A Rebirth of the Cencient Religion of the Great Goddess. San Francisco: Harper and Row, 1979.

[66] Eisler Riane. The Chalice and the Blade: Our History, Our Future. San Francisco: Harper and Row, 1987.

настаивают на необходимости гендерного эгалитаризма в области религиозного опыта и на легализации женских форм духовности, которые могут выглядеть достаточно революционными в глазах обывателя, однако представляются необходимым этапом развития женского самосознания.

Феминистская теология не является чем-то единым, она находится в процессе формирования и в состоянии внутренней дискуссии, претерпевая нападки со стороны ортодоксальных приверженцев религии и радикального феминистского крыла, требующего создания принципиально новой женской религии, "женской спиритуальности", т.к. патриархатный монотеизм не способен удовлетворять потребности женщин. Развитие феминистской критики религии находится в тесной связи с ростом общественной демократии в отношении прав и свобод личности и, следовательно, гендерной комплементарности в духовной сфере. Реабилитация чувственности, телесности, полилогизма желания и наслаждения способно расширить не только возможности женской экспрессии, но предложить и мужчинам, сторонникам традиционной веры, пути более глубокого понимания себя, своей роли в обществе и установления более тесных контактов как с Высшим Духовным Абсолютом, Космическим Универсумом, Природной Духовностью, так и с собственной анимой мужчины, определяющей гармонию внутреннего духовно-душевно-телесного самочувствия.

Д.В. Мазарчук

СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ БИБЛЕЙСКИХ ЖЕНЩИН

Прежде чем приступить собственно к предмету рассмотрения, необходимо очертить рамки дискурса, заданные имеющимся в нашем распоряжении источником. Речь идёт о корпусе священных книг иудаизма — Танахе[67]. Для его обозначения в работе используется более привычное название, берущее начало в христианской традиции — Ветхий Завет, который в целом соответствует иудейскому канону. Это касается как наименования отдельных книг Ветхого Завета, так и имён персонажей, которые приведены в хорошо знакомой каждому синодальной редакции (безусловно, далеко не всегда верно передающей особенности их произнесения на языке оригинала). Подобное следование синодальной традиции объясняется тем, что особенной необходимости в соблюдении терминологии источника нет, поскольку данная работа не предполагает глубокий филологический анализ, а призвана лишь ввести в проблематику. Итак, географические рамки настоящего исследования замыкаются на т.н. "ветхозаветном мире", охватывающем весь Ближний Восток с центром в Палестине. Хронологические рамки включают время приблизительно от XII до II в. до н.э., в течение которых складывался Ветхий Завет как историко-литературный памятник.

Священные тексты всех мировых религий, как известно, были написаны от имени мужчин, что в определённой степени повлияло на женские образы в них и на образ женщины как таковой. В отличие от них Ветхий Завет — священный корпус иудейской религии — создавался не только мужчинами, но и женщинами. Примечательно, что древнейшая часть Ветхого Завета, как показывает лингвистический анализ, написана от имени женщины. Речь идёт о Песне Деворы, входящей в Книгу Судей (Суд 5). Калейдоскоп женских образов Ветхого Завета во многом обусловлен жанровым многообразием этого памятника. В нём представлены такие литературные жанры, как эпическая песнь, любовная лирика, религиозные гимны, воспоминания, философские размышления, историческая хроника. Характерно употребление притч, т.е. небольших рассказов, иносказательно доносящих до читателя то, что хотел сказать автор. Большой комплекс в составе библейских текстов составляют правовые нормы. Нам представляется, что из этого многообразия можно выделить определённые характерные образы, матрицы, представляющие женский пол в Ветхом Завете. Эти матрицы, описывающие общественные роли женщин Ветхого Завета, суть следующие: женщина в семье; женщина-герой; женщина-носитель порока или греха. Рассмотрим, как эти роли представлены в источнике.

Среди тройки первых библейских персонажей перед нами предстаёт праматерь Ева, первая женщина, супруга праотца Адама. Хорошо известный всем сюжет грехопадения и изгнания из райского сада ставит Еву в ряд женщин-искусительниц, подталкивающих мужчин на путь греха. Следует отметить, что в библейском рассказе праматерь не является собственно первопричиной совершения греха; она лишь служит орудием дьявольского разума змея[68]. Вслед за этой фигурой поистине глобального масштаба в Библии предстаёт множество ярких образов искусительниц. Знаменитый герой Самсон сталкивается сразу с двумя таковыми. Это его жена-филистимлянка (Суд 14: 5-20) и любовница Далила (Суд 16: 4-21), в конце концов и погубившая его. Образы этих двух женщин заметно отличаются от фигуры нашей праматери. Если Ева предстаёт частью широкой эпической картины и её грехопадение отражается в судьбах всех последующих поколений, то филистимская жена Самсона и Далила выступают в роли предательниц, действующих против евреев на благо их политических противников. Другой пример женщины-носителя порока — жена египетского вельможи Потифара, пытавшаяся соблазнить Иосифа. Поскольку ей это не удалось, она предпочла обвинить его в попытке её изнасиловать (Быт 39).

По нашему мнению, к женщинам-искусительницам можно отнести жену Лота, обратившуюся в соляной столп. Жена Лота поступила вопреки воле Бога — "не оглядывайся назад, и нигде не останавливайся в окрестности сей" (Быт 19: 17)[69]. Её поступок можно интерпретировать как результат слишком большой привязанности ко всему тому, что семейство её мужа оставило в Содоме. Таким образом, она оказалась слишком зависимой от материального мира, связанного с грехом. В результате поступок жены Лота можно рассматривать в ключе искушения в прямом смысле — как побуждения к чему-то греховному, даже и простому сожалению по миру греха. Итак, роль женщин-носительниц порока и зла в Ветхом Завете раскрывается, по крайней мере, с двух сторон. Во первых, они прямо или косвенно толкают мужчин на путь греха (искушают); во-вторых, они предают мужчин в руки врагов их, выступая в роли изменниц в политических и военных делах. В обоих случаях женщины предстают

---

[67] Слово Танах является аббревиатурой, объединяющей в себе названия трёх разделов: Тору (в христианской традиции — Пятикнижие), Небиим (Пророки), Кетубим (Писания). Христианский Новый Завет, представляющий совершенно иную историческую традицию, в рамки настоящей работы не входит.

[68] Лейбович Н. Новые исследования книги Брейшит (в свете классических комментариев). Иерусалим, 1997. С.24-29.

[69] Здесь и далее цитируется Синодальный перевод библейских текстов.

как антагонисты, противники мужчин. Социальный пол здесь смыкается с полом биологическим, и со времени Евы женщина рассматривается как источник греховности, подталкивающая мужчин (именно мужчин!) к запретному, недопустимому.

Роль женщины в семье показана в Ветхом Завете достаточно хорошо. Исследовательница Э. Дин отмечает, что во всей Библии (Ветхом и Новом Завете) несколько десятков раз упоминается сноха и более 200 раз дочь[70]. Столь же широко представлены женщины и в качестве жён и матерей. Подробно выписаны фигуры супруг патриархов: Авраама — Сарра, Исаака — Ревекка, Иакова — Рахиль и Лия. Последние две, сёстры, выступают настоящими соперницами в борьбе за благосклонность мужа: "И увидела Рахиль, что она не рождает детей Иакову, и позавидовала Рахиль сестре своей…" (Быт 30:1). Жёны, оторвавшись от отчего дома, полностью примыкают к своему мужу; та же Рахиль стала на его сторону в споре с отцом и скрыла похищенные у него Иаковым фигуры божков. В ещё большей степени проявляется любовь матерей к своим сыновьям. Можно вспомнить примеры защиты Ревеккой своего любимца Иакова от старшего сына Исава и ту роль, которую она сыграла в "покупке" у последнего права первородства (Быт 27). Вообще представляется, что материнские функции женщины в семье заслоняют в Ветхом Завете все остальные. О стремлении женщины буквально любыми средствами выполнить своё предназначение матери свидетельствует, к примеру, история Фамари, которая ради этого притворилась блудницей (Быт 38: 6-26).

Брачно-семейным отношениям уделено достаточное внимание в т. н. библейском праве, т.е. в системе правовых норм, содержащихся в Ветхом Завете. На основании этого материала можно представить более или менее ясную картину брачно-семейных отношений и места женщины в кругу семьи. Примеры показывают относительную свободу для девушки в выборе мужа; так, Ревекку спросили о её желании вступить в брак с Исааком (Быт 24: 58), а Мелхолу выдали за любимого ею Давида (1 Цар 18: 20-21). Главным требованием к невесте признавалась её невинность, если же муж обвинял новобрачную в недевственности, разбор конфликта передавался суду старейшин. Если обвинения оказывались справедливыми, новобрачную побивали камнями (Втор 22: 13-21). Вступив в брак, женщина целиком зависела от своего мужа, как было сказано Еве: "…К мужу твоему влечение твоё, и он будет господствовать над тобою" (Быт 3:16). Например, инициатива развода, согласно Второзаконию, принадлежит только мужу и обосновывается простым его желанием (Втор 24: 1). Супруга рассматривается в Ветхом Завете в качестве хранительницы домашнего хозяйства. В этом смысле примечателен своеобразный гимн хозяйке дома, помещённый в книгу Притч: "Кто найдёт добродетельную жену? Цена её выше жемчугов. Уверенно в ней сердце мужа её, и он не останется без прибытка. Она воздаёт ему добром, а не злом, во все дни жизни своей. Добывает шерсть и лён, и с охотою работает своими руками. Она, как купеческие корабли, издалека добывает хлеб свой. Она встаёт ещё ночью, и раздаёт пищу в доме своём и урочное служанкам своим… Она наблюдает за хозяйством в доме своём, и не ест хлеба праздности" (Притч 31: 10-15, 27).

Наконец, женщина-герой. Прежде чем подробнее раскрыть этот образ, основанный на библейской картине, охарактеризуем сам статус героя в библейском тексте. Он выступает в двух основных ипостасях — как военный или как религиозный лидер (пророк). Первое связано прежде всего с освобождением Израиля от иноземного ига или же с предотвращением такового. Характерной фигурой в этом случае являются т.н. "судьи" — правители различных израильских племён в доцарский период. То, что обычно переводят как "судья" (*šōpēt*), является производным от глагола "править, управлять", включая и функции принятия судебных решений. Но прежде всего *šōpēt* являлся правителем, аналогом царя, что подтверждается параллелями в других семитских языках[71]. Герой в другой ипостаси — это пророк, т.е. религиозный лидер, говорящий от имени Бога. Как правило, свои пророчества эти люди наблюдали во снах или видениях, а затем пересказывали людям. Сохранившиеся в ветхозаветном каноне книги пророков представляют собой реальные записи таких выступлений.

В этой связи весьма интересной фигурой предстаёт Девора, названная в Библии "судьёй Израиля и пророчицей" одновременно (Суд 4: 4). То, что прославило имя Деворы в истории, это победа над одним из череды многочисленных враждебных евреям палестинских правителей — царём Хацора Иавином, и его военачальником Сисарой. Девора предстаёт в библейском рассказе деятельным участником этой победы: "…Послала и призвала Варака, сына Авиноамава… и сказала ему: повелевает Господь, Бог Израилев: пойди, взойди на гору Фавор, и возьми с собою десять тысяч человек из сынов Неффалимовых и сынов Завулоновых. А Я приведу к тебе, к потоку Киссону, Сисару, военачальника Иавинова, и колесницы его и многолюдное (войско) его, и предам его в руки твои" (Суд 4: 6-7). Девора лично присутствовала при разгроме израильтянами вражеского войска.

Помимо Деворы, в тексте Ветхого Завета среди женских персонажей действует немало других ярких представителей образа героя. Можно вспомнить хрестоматийные фигуры Есфири и Иудифи. История последней, строго говоря, не относится к иудейскому священному канону (книга Иудифь относится к "внешним", второканоническим книгам). Однако, несомненно, она была составлена в русле предшествующей религиозной и литературной традиции. Подвиг Иудифи заключался в том, что она проникла в палатку вражеского военачальника Олоферна и, сумев ему понравиться, дождалась, когда он потерял бдительность. Во время сна Олоферна Иудифь отсекла ему голову. После этого на неприятельское войско "напал… страх и трепет, и… все они, бросившись, бежали по всем дорогам равнины и нагорной страны" (Иф 15: 2). Что касается Есфири, то она в течение

[70] Дин Э. Знаменитые женщины Библии. М., 1995. С.279.

[71] Ahlström G. The History of Ancient Palestine. Minneapolis, 1993. P.371-372.

нескольких веков занимает особенное место в иудейской традиции. С именем этого библейского персонажа связывается учреждение одного из главных праздников иудаизма, подобно тому, как Песах возводят к Моисею, а Ханукку к Маккавеям. Это праздник Пурим, символизирующий чудесное избавление евреев от грозившей им опасности уничтожения. Согласно книге Есфирь, её главная героиня сыграла одну из центральных ролей в спасении своего народа: "И продолжала Есфирь говорить пред царём, и пала к ногам его, и плакала, и умоляла его отвратить злобу Амана Вугеянина и замысел его, который он замыслил против Иудеев" (Есф 8: 3).

Не касаясь подробно многогранного образа Есфири, обратимся к другому, менее известному персонажу героического характера — Иаиль. Речь идёт о героине той же самой войны с Иавином и Сисарой, в которой прославилось имя Деворы. С Иаиль связана смерть вражеского полководца Сисары после его поражения. Книга Судей рассказывает, как Сисара хотел скрыться во владениях союзного (?) ему Хевера Кенеянина. Супруга последнего Иаиль пригласила Сисару к себе в шатёр для укрытия и там умертвила его: "Иаиль, жена Хеверова, взяла кол от шатра, и взяла молот в руку свою, и подошла к нему тихонько, и вонзила кол в висок его так, что приколола к земле; а он спал от усталости, и умер" (Суд 4: 21). Получилось так, как предсказывала Девора: "…в руки женщины предаст Господь Сисару" (Суд 4: 9). Безусловно, этот эпизод напоминает уже упомянутый рассказ об убийстве Иудифью ассирийского полководца Олоферна.

Описанные три эпизода выявляют характерные черты образа женщины-героя. Это, во-первых, то, что они выступают в качестве освободителей, избавителей целого народа (евреев) от грозящей ему опасности. Во-вторых, это то, что героизм связывается прежде всего с оружием и, как следствие, смертью, истреблением противника (противников). В этом смысле женские героические образы ничем не отличаются от подобных мужских. Однако особенность пола играет и здесь большую роль. Вероятно, Сисара мог довериться только женщине, что и погубило его (ср. рассказ о Самсоне и Далиле). Далее, именно привлекательность Иудифь помогла ей проникнуть к Олоферну, что позволило убить его. Наконец, и Есфирь получила возможность влиять на судьбу своего народа только став царской супругой.

Данный очерк отнюдь не претендует ни на полноту раскрытия женских образов в Ветхом Завете (это не ставилось в задачу), ни даже на всестороннее рассмотрение предложенных автором типичных женских социальных ролей. Его целью было лишь очертить основные пути интерпретации библейского текста в свете гендерного подхода для их дальнейшего изучения. Вероятно, "женский мир" Библии не исчерпывается теми тремя архетипическими характерами, которые обрисованы выше. В статье Хелены Злотник предлагается анализ королевских образов Иезевели и Есфири и их сравнение[72]. Возможно, следует выделить образы женщины-мудреца, женщины-любимой и прочее. Но это уже тема для другого исследования.

[72] Zlotnick H. From Jezebel to Esther: Fashioning Images of Queenship in the Hebrew Bible // Biblica, 2001. № 82. P.477-495.

Л.В. Вонсович

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (X—XII ВЕКА)

Главенствующее положение в средневековом немецком обществе занимал мужчина. Это было связа тем, что в Германии долгое время сохранялся патриархальный общинный строй древних германцев, мужской пол был более востребован. Подчиненное положение женщины определяла также и религио доктрина, обвинявшая представительниц слабого пола в первородном грехе. Таким образом, христиан нашло в отношении к женщине точку соприкосновения с варварским строем, вследствие чего она оказала подчиненном положении и в хозяйстве (к примеру, право наследования земли и имущества принадле только мужчинам рода, женщина же владела только тем, что перешло ей от матери), и в церкви.

Между тем, роль женщины в средневековом обществе значительна и определяется новым социаль статусом, который придал представительницам слабого пола феодализм. Рост этого нового статуса, « параллельно с процессом оформления супружеской семьи, становлением нового взгляда на взаимоотнош полов»[73]. Это были отношения духовного единения, заложенные в концепции христианского бр эмоциональной близости и партнерства в рамках брачного союза. В основе этого партнерства лежал прин взаимодополняемости, четко фиксирующий ролевые функции мужа и жены. Согласно ему, идеалом женщ являлась смиренная, но пользующаяся авторитетом хозяйка — супруга и мать. Она должна была заботить воспитании наследников, тем самым сохраняя традиции рода, править делами дома, оберегая его от лн опасности. Это был самый высокий уровень общественного бытия представительниц слабого по средневековом мире.

С формированием идеала женщины связано развитие представлений о сфере возможных для нее заня Официальное неприятие активной деятельности представительниц слабого пола в сфере полит административном управлении, профессиональных системах не означало, однако, что они действительно б к этим делам непричастны. Достаточно часто женщина, особенно знатного происхождения, перестуг существующие общественные барьеры и становилась спутницей мужчины как в повседневной жизни, так политических событиях своей эпохи. Она разделяла судьбу своего супруга, являясь для него помощни советчицей и самым верным союзником в борьбе с врагами. Кроме этого, положение реген соправительницы, опекунши, как свидетельствуют многочисленные факты, открывало женщинам выс социальных слоев доступ к решению ответственных политических вопросов, касающихся управления стр герцогства, города.

Средневековая женщина была далеко не невежественна. Воспитанием особ женского пола в средние занимались монастыри, являвшиеся хранителями и передатчиками знаний, центрами духовной жизни. Им там девушки знатного происхождения могли получить образование. Монахини обучали воспита рукоделию, молитвам, а также уделяли внимание изучению литературы, истории, житий Святых и т.д. Од из таких центров являлся монастырь в Гандерсгейме (близ Гоцлара) — древнейшее религиозное учрежд саксов, основанное родоначальником Саксонской династии герцогом Людольфом. Большинство аббатис э монастыря было связано с германским королевским двором и принадлежало к династии Людольфингов. племяннице Оттона I (936—972) аббатисе Герберте монастырь стал настоящей академией, где занима преимущественно изучением классической литературы. Среди ученых монахинь как своими познаниями, т поэтическим талантом выделялась Росвита — один из наиболее ярких женских образов Германии X которую за ее литературный талант называли «звонким голосом Гандерсгеймским»[74]. Она жила в монасты 984 г. и сложила несколько поэм духовного содержания. Среди них наибольшей популярностью пользова «Vicedomius Theophilus», послужившая прототипом литературного Мефистофеля.

---

[73] Средневековая Европа глазами современников и историков. Книга для чтения в пяти частях. Ч. III. Средневековый человек и его мир / Отв. ред. А.Л. Ястребицкая. М., 1995. С.288.

[74] Шерр И. История цивилизации Германии. СПб., 1868. С.93.

Поэтическое наследие Росвиты показывает, что ее искусство занимает промежуточное положение между древнегерманской героической песней и комедиями Теренция, которые она использо при сочинении своих произведений. Фактически монахиня стала родоначальницей новой формы драм религиозной мистерии. Но драматический эффект не был для Росвиты целью ее творений. Она л стремилась вытеснить безнравственного Теренция с тем, чтобы, как указывает исследователь герман истории К. Лампрехт, «похвальное целомудрие святых девственниц прославить в том же роде поэзии, в ка до сих пор воспевали отвратительный разврат распутных женщин»[75]. Тем самым Росвита создала и женщины по христианским понятиям, противопоставив его униженной языческой женщине. Женская присутствует во всем творчестве Росвиты. Заимствуя сюжеты из своего времени, она умело изобраз духовную сущность представительниц слабого пола, их чувства, желания, проблемы. Таким образом, мо сказать, что поэтесса писала о женщинах и для женщин, воплощая в своих произведениях классиче культурное развитие X столетия.

Кроме поэм, монахиня создала несколько исторических произведений, касающихся становл государственности в Германии. По просьбе Оттона II (972—983) она рассказала латинскими гекзаметра деяниях его отца — Оттона I Великого. В отличие от других средневековых хронистов, в частности, Видук Корвейского, Росвита по иному смотрела на подвиги Оттона в Германии. Несомненно, больший интерес нее представляла его внешнеполитическая деятельность, приведшая к венчанию могущественного мон императорской короной. Следует заметить, что при написании этого произведения поэтесса находила крайне затруднительном положении. Это было связано с тем, что в поэме описывалась негативная ро истории Германии Генриха Баварского, являвшегося отцом аббатисы Герберты. Тем не менее Рос изложила историю своего времени достаточно объективно, пользуясь правилами, сложившимися германском дворе и опираясь на народное воображение. Перу монахини принадлежит еще одна поэм «Garmen de primordiis et fundatoribus coenobii Gandreshemensis» (Поэма о начале и основателях монас Гандерсгеймского), которая является панегириком предкам Оттона I и имеет большое историческое значе поскольку была написана по древним документам, хранившимся в монастыре.

Таким образом, монахиню Росвиту, безусловно, можно назвать выдающейся представительницей эп Оттоновского возрождения, сумевшей доказать способность женского пола творить историю своего врем наравне с мужчинами.

В общественной жизни Германии X ст., которое немецкий исследователь С. Фишер-Фабиан на «веком женщин»[76], не менее значительная роль принадлежит германским правительницам — королев императрицам — Адельгейде и Феофано. Обе они являлись иностранными принцессами и принес Оттоновский королевский дом не только богатое приданое, но и элементы римской и греко-византий культуры. Адельгейда и Феофано стали своеобразным эталоном средневековой правительницы, спосо самостоятельно осуществлять важнейшие функции государственного управления.

Жизнь королевы Адельгейды описана несколькими хронистами средних веков, в частности, Одилон Согласно его сведениям, а также материалам, изложенным в поэме Росвиты, Адельгейда (Athelaida, Adel — королева Италии, затем Германии и, наконец, императрица Римской империи — сыграла огромную ро истории этих государств. Двое королей были ее мужьями, двое других — сыном и внуком, и на них Адельг имела большое влияние. По этой причине она вошла в историю Германии как первая женщина-политик.

Адельгейда (932—999) родилась в семье короля Верхней Бургундии Рудольфа II. Вскоре после см отца ее мать Берта вышла замуж за Гуго Прованского (938 г.). Правивший Северной Италией Гуго, д «окончательно завладеть Бургундией»[78], решил женить своего сына Лотаря на 6-летней падчерице Адельге С точки зрения большой политики, это была весьма выгодная партия. Соединение итальянских и бургунд земель под властью Гуго способствовало на некоторое время его укреплению на шатком престоле Италии.

---

[75] Лампрехт К. История германского народа. М., 1895. Т.II. С.472.

[76] Fischer-Fabian S. Die deutschen Kaiser des Mittelalters. Ottonen, Salier, Staufer. München, 1987. S.50.

[77] Одилон. Жизнь императрицы Св. Аделаиды // История средних веков. СПб., М.; 1999. С.652-659.

[78] Балакин В.Д. Итальянская политика Оттона I (К вопросу о происхождении Священной Римской империи) // Средние века. Вып. 63. М., 2001. С.303.

Уже с детства юную Адельгейду гораздо больше интересовали различные политические и военные вопросы, нежели те, что по традиции считались женскими. Однако талант королевы в каче государственного деятеля в полной мере проявился после того, как ее 16-летний супруг Лотарь II (931— стал полноправным правителем «призрачного Итальянского королевства»[79]. Энергичная Адельгейда, вни во все тонкости и хитросплетения большой политики, с самого начала стремилась помочь мужу управ государством. Это вызвало недовольство крупнейших магнатов страны, оспаривавших у Лотаря прав корону Италии. Они всячески противились вмешательству Адельгейды в государственные дела, считая, что оказывает на короля дурное влияние. Сам же Лотарь любил свою очаровательную супругу, по всей видимо настолько сильно, насколько это возможно для человека его склада — чуждого сентиментально замкнутого, холодного, немногословного. Юная Адельгейда — полная противоположность мужу — разочарована развитием супружеских отношений. От этого брака у нее родилась дочь Эмма, ставш будущем французской королевой (954—986).

После загадочной смерти в 950 г. Лотаря II (скорее всего, он был отравлен) Адельгейда вступила в бо за власть с Беренгаром Иврейским, и, как отмечает Росвита, «на деле доказала свои права на королев сан»[80]. Беренгар, короновавший себя итальянской короной, попытался выдать замуж вдовствующую коро за своего сына Адальберта и таким образом обосновать законность приобретения престола Италии. Адельг отказала Беренгарию, за что была лишена королевского сана и попала в заключение в замок I находившийся на севере Апеннинского полуострова. На помощь королеве пришел епископ Реджио Адалы который помог ей бежать и спрятал в замке Каносса.

Не находя выхода из сложившегося положения, итальянская королева обратилась за помощью к сам могущественному правителю Европы — немецкому королю Оттону I. Оттон расценил этот призыв удобный случай вмешаться в итальянские дела, поскольку в его планы входило расширение Германс королевства. Италия являлась самым богатым и экономически развитым регионом Западной Европы X в. отличие от Франции и Германии она не стала единой державой, каждая ее область развивалась вп самостоятельно. Правители областей враждовали между собой, оспаривая право на королевский прест императорский титул, доставшиеся Италии в наследство от Каролингской империи. Оттон уп воспользовался возникшей ситуацией и в сентябре 951 г. во главе своей армии вошел в Северную Ита овладел Павией и женился на Адельгейде.

36-летний германский монарх с первого взгляда покорил королеву. Веселый, словоохотливый, страст он был прямой противоположностью ее первому супругу. Жизнь Адельгейды во втором замужестве к изменилась. Деятельный Оттон ни минуты не сидел на месте, и Адельгейда часто сопровождала его в поез по стране. Более того, как указывает исследователь итальянской истории Тарле, она «стала побуждать му более агрессивной политике на Апеннинском полуострове»[81]. В 962 г. королева добилась желаемого. О Великий покорил вечный город и одновременно с этим получил корону новой империи (2 февраля 962 названную впоследствии Священной Римской империей. Вместе с мужем в соборе Св. Петра Адельгейда коронована в качестве императрицы.

После смерти Оттона (973 г.) Адельгейда правила государством вместе со своим сыном Оттоно Более того, по свидетельству ряда средневековых хронистов, она пыталась полностью сосредоточить влас своих руках, что привело к конфликту в королевском семействе. Чтобы избежать разрыва отношений с сы Адельгейда уступила ему верховные властные полномочия в стране и вернулась на родину — в Бургун (978 г.). Такое решение было продиктовано политической необходимостью сохранения единства и целостн государственного здания, над возведением которого всю жизнь трудился Оттон Великий. На такой компромисс императрица пошла и в отношениях со своей невесткой Феофано, не желавшей делить власт свекровью при несовершеннолетнем Оттоне III (983—1002). Она уступила Феофано права регентства и уе в Италию. Только после смерти Феофано (991 г.) Адельгейда вернулась к активной политической жи

[79] Грегоровиус Ф. История города Рима в средние века (V—XVI вв.) СПб., 1904. Т. III. С.266.

[80] Росвита. Из поэмы об Оттоне Великом // История средних веков. СПб.; М. 1999. С.642.

[81] Тарле Е. История Италии в средние века. СПб., 1906. С.96.

оставшись единственной опекуншей внука. До конца своих дней, как утверждает Одилон, она заботилась «о величии Римской империи»[82], помогая Оттону III управлять огромной державой.

Кроме активного участия в политических событиях X в., Адельгейда, «царствуя с император Оттонами, сначала с мужем, потом с сыном, и, наконец, с внуком»[83], повсюду строила монастыри, чем сыг значительную роль в распространении христианства в Европе. Свой первый монастырь Патерли (современная Швейцария) она основала в Бургундии в честь Божьей матери. Будучи королевой Ита Адельгейда построила монастырь близ Павии в Италии и передала его в управление близкому своей с аббату Майолу. В 987 г. императрица основала город Зельц в Эльзасе и здесь же построила еще о бенедиктинский монастырь, передав его аббату Экцемагнусу. Кроме этого, она приносила щедрые д монастырям, наделяя их землями и зависимым населением, посещала святые места, покровительство духовенству, поддерживала епископальную систему, созданную Оттоном I. В последние годы ж Адельгейда окончательно посвятила себя служению Богу, передав церкви все свое имущество.

В декабре 999 г. в Италии императрица скончалась. Средневековый хронист Одилон, описавши жизнь, заканчивает свое творение следующими строками: «Своим домочадцам она оказывала самое друже обхождение, чужим — полное достоинства приличие, бедным — сострадание, храмам Господним — щед помощь, добрым — благоволение, злым — справедливую строгость, а в своих желаниях — воздержан одеянии — простоту, в чтении и молитвах — неутомимость»[84]. Эти слова как нельзя лучше характери личность великой правительницы, привнесшей в развитие Германии ряд новых черт, неизвестных германск строю.

Еще одной значительной женской фигурой на политическом небосклоне Германии X в. явля «прекрасная гречанка» Феофано (958—991)[85]. Судьба, обстоятельства, характер помогли ей стать не пр королевой и императрицей, а настоящим государственным деятелем, олицетворением Германии, симво силы и независимости государства.

Принятие Оттоном I в 962 г. императорской короны вынуждало немецкого короля искать признан Европе, и в первую очередь, у Византии, считавшей себя преемницей великого Рима. Первонача византийские базилевсы не признавали новоявленных германских императоров, считая их, как утверж средневековый хронист Лиутпранд, всего лишь «самозванцами»[86]. Именно по этой причине Никифор Ф отказал посольству Оттона I, в 968 г. прибывшему в Константинополь сватать его дочь Анну. Он мотивир это тем, что «настоящая принцесса императорской крови не может стать женой варвара»[87]. П государственного переворота в Византии Оттон сделал вторую попытку породниться с императорс семейством. Он посватал для своего сына и наследника падчерицу нового византийского правителя Иоан Цимисхия — Феофано.

Детство и юность Феофано прошли в сложной череде государственных переворотов. Она видела, умирал ее отец — византийский император Роман II, отравленный ее же матерью, как затем мать ее с женой Никифора Фоки, а позже перешла в объятия его убийцы Цимисхия. После этого новый византий правитель отправил императрицу в один из монастырей на территории Армении, а Феофано решил вы замуж за сына германского императора. Выросшая под небом Востока, развитая и умная не по ле принцесса последовала на Запад, где ей предстояло жить среди суровых воинственных саксов, которы Византии называли варварами.

Императорская невеста отправилась в Германию в сопровождении архиепископа Кельнского Геро апреля 972 г. она вступила в Рим и была встречена женихом. В этот же день 16-летняя Феофано обвенчала 18-летним Оттоном II (973—983) и вскоре из рук папы Иоанна XIII получила императорскую корону.

---

[82] Одилон. Указ. соч. С.655.

[83] Там же.

[84] Одилон. Указ. соч. С.659.

[85] Fischer-Fabian S. Указ. соч. S.51.

[86] Liudprandi. Antapodosis // Liudprandi episcopi Cremonensis opera omnia. Ex monumentis Germaniae historicis regudi fecit / Ed. G. Pertz. Hannoverae, 1839. P.98.

[87] Сергеев А.Г. Правители государств и отцы церкви Европы за 2000 лет. Владимир, 1997. С.175.

Пребывание юной императрицы в Германии не было безоблачным. Ее муж был поглощен борьбой с герцогами внутри страны и противоборством с сарацинами за обладание Южной Италией. Те менее, одиннадцать лет супружества Феофано считала самыми счастливыми в своей жизни. Она родила м трех дочерей — Аделаиду, Софию, Матильду, а в 980 г. произвела на свет давно ожидаемого наследн названного в честь деда и отца Оттоном.

В 983 г. муж Феофано в возрасте 28 лет скончался. После его смерти на престол взошел ее трехлет сын, незадолго до смерти отца коронованный в Аахене. Поскольку Феофано находилась в Италии, ситуа воспользовался родственник и давний враг Саксонского дома Генрих Сварливый, который при жизни Отто был лишен Баварского герцогства и находился в заключении в Утрехте. После смерти короля Генрих, ве свои баварские владения, предъявил претензии на трон и принял, как утверждает средневековый хро Титмар Мерзебургский, «из рук архиепископа Кельна Варина 3-летнего короля»[88]. Претензии на опекун выдвинул и другой родственник Людольфингов (так называли Саксонскую династию) — французский ко Лотарь. Против обоих претендентов была создана оппозиция, возглавшаяся архиепископом Майнц Виллигисом. Германские магнаты остались верны королевскому дому и поддержали законного опекуна ю монарха — его мать Феофано, которая на сейме в Ране (984 г.) получила сына обратно и стала вместе со с свекровью Адельгейдой регентшей и правительницей Германской империи.

На протяжении 7 лет своего регентства Феофано сделала все возможное для того, чтобы укре внутренний мир и внешнеполитическое положение Германии. Это делалось ради закрепления власти за сы поскольку его малолетство могло привести к потере династией прав на престол. Анализируя деятельн Феофано в качестве императрицы, следует отметить ее политическую дальновидность и талант управ государством. Первоначально Феофано нейтрализовала главных противников Саксонского д стремившихся изменить расстановку сил не в пользу Людольфингов. Императрица удалила от двора с свекровь Адельгейду, которая, по ее мнению, жертвовала огромные средства церкви. Это вело к опустоше королевской казны, а значит, к ослаблению королевской власти. Вдова Оттона Великого покорилась судь уехала в родную Павию, так как по-настоящему боялась невестки, отличавшейся воинственностью характер

После этого Феофано решила примириться со своим главным противником Генрихом Сварливым, ве ему Баварское герцогство. Таким же образом были нейтрализованы и другие соперники королевского дом они получили ряд привилегий и подачек со стороны императрицы. В результате этих мероприятий гер были подчинены центральной власти, о чем свидетельствует Титмар Мерзебургский, указывавший, императрица «смирила и устрашила тщеславных»[89]. Кроме этого, славянские и венгерские марки, вызыва беспокойство в империи, получили надежных и преданных короне правителей — Мешко I Польск Болеслав II Богемский признали свою зависимость от Германии.

В 988 г. Феофано, умиротворив Германию и утвердив власть своего сына, уехала в Рим и попыта навести порядок в итальянских владениях. Обычно столь несговорчивая Италия выказала ей, гречанке, по повиновение. Более того, римский патриций Иоанн Крещенций преклонил перед ней, как матерью импера колено. Деятельность Феофано в Италии указывает на масштабность ее мышления, поскольку она считала не просто королевой Германии, а, прежде всего, императрицей Германской империи. Об этом свидетельст подписи на документах, на которых Феофано обозначала себя, как «von Gottes Gnaden Kaiserin»[90] (б избранная императрица). Более того, на документах, относящихся к последним годам ее правления, подписывалась как «Theophanius imperator augustus»[91], т.е. не императрица, а император. Таким образом, мо с уверенностью сказать, что Феофано сосредоточила в своих руках огромную власть и подчинила практич все части Германской империи. Все это было достаточно необычно для оттоновского времени, поскольк неписаному (обычному) и писаному (франкскому) праву именно мужчины руководили всеми сферами жи а женщинам отводилась второстепенная роль в обществе. Тем не менее Феофано смогла доказать св времени, что и женская половина человечества не уступает мужчинам в логике и политическом мышлени

[88] Титмар Мерзебургский. Время Оттона III // История средних веков СПб., М., 1999. С.682.

[89] Титмар Мерзебургский. Указ. соч. С.673.

[90] Fischer-Fabian S. Указ. соч.. S.55.

[91] Там же.

991 г. в возрасте 35 лет императрица скончалась от туберкулеза, о котором медицина в то время практически ничего не знала. Она была похоронена в церкви Св. Пентелеона в городе Кельне.

В середине XI в. в Германской империи вновь появляются женщины, имевшие огромное влияние на политических событий своего времени. Среди них, несомненно, обращает на себя внимание жена Генрих Берта Савойская (1052—1091), находившаяся во главе немецкого королевства в один из самых нестабиль периодов его истории, связанный с борьбой империи и папства.

Берта была дочерью графа Савойи и маркграфини Тюрингии Аделаиды, одной из самых влиятельн богатых женщин своего времени. Аделаида Савойская рано освоила искусство политической интриги, в свя чем вся Европа восхищалась ею как способной и умелой правительницей. Будучи также весьма практич она устроила всем своим детям выгодные политические браки еще тогда, когда они были малолетними самую блестящую партию она устроила своей младшей дочери Берте, которая должна была выйти замуж наследника германского престола. Генрих IV (1056—1106) обручился с Бертой в 5-летнем возрасте. Дев росла при германском дворе, воспитывалась как будущая королева и заранее готовилась нести бремя правл огромной державой. Такой выбор невесты был сделан не случайно. Женитьба Генриха на Берте обеспечи немцам не только влияние в Северной Италии, но и прочный политический, военный и финансовый с Германии с итальянскими областями империи. Это был обычный по средневековым меркам брак, заключен исключительно по политическому расчету. Подобное требование к браку подкреплялось и требовани христианской морали, согласно которым следовало выдавать девушек замуж «лишь по зрелому обсужде родителей»[92]. Именно поэтому брак по взаимной любви встречался в средние века крайне редко.

13 июля 1065 г. по настоянию крупнейших магнатов государства 15-летний Генрих обвенчался с Бе в Трибуре. Юная королева не была прекрасна в строго классическом понимании этого слова, но мн современники находили ее весьма привлекательной. У нее была тонкая бархатистая кожа, длинные шелко волосы, королевская осанка и грация. И глаза — прекрасные, темно-голубые, умные, в которых отражало жизнелюбие. Несмотря на это, Генрих не любил свою супругу и, как указывает средневековый хронист Бр «в течение 3 лет уклонялся от исполнения супружеских обязанностей, продолжая вести распутную жизн Подобные поступки молодого короля отчасти объясняются теми неблагоприятными условиями, в кото протекала его юность. Произвол князей, царивший в империи, оставил на его характере неизгладимый с Генрих вырос самовластным, вспыльчивым, скрытным, и, как отмечает исследователь прошлого века Вязигин, «склонным к чувственным наслаждением»[94]. Берта сносила оскорбления, молча скрывала недовольство и пыталась держаться дружественно. Она была почтительна, скромна и благонравна.

Не желая жить с нелюбимой супругой, молодой король начал мечтать о расторжении брака. При английского короля Вильгельма, заставившего своих епископов развести его с женой, дал Генриху наде осуществить задуманное. Первоначально король привлек на свою сторону щедрыми обещаниями архиепис Майнцского Зигфрида, а затем и остальных крупнейших духовных сановников. Все они обещали содействие в бракоразводном деле, и Генрих предвкушал успех. Однако обстоятельства неожид изменились. Римская курия, набиравшая силу в христианском мире, неожиданно вступилась за невинну несчастную Берту. Великий реформатор Гильденбранд, хорошо знавший немецкий королевский двор, царили симония, разврат, заговоры, тайные убийства, склонил на свою сторону майнцского архиепископ направил в Германию своего верного помощника Петра Доминиани. В самым решительный момен Майнцском соборе (1069 г.), который должен был решить вопрос о разводе, в качестве посланника папст появился Доминиани. Престарелый аскет оказался на высоте. Именно он воспрепятствовал расторжению б и «пламенными убеждениями сумел пробудить лучшие черты Генриха — великодушие и религиозност После этих событий судьба Берты изменилась. Начавшаяся борьба короля с папой Григорием VII прими супругов. Более того, в Берте Генрих нашел любящую и преданную подругу и самую надежную союзницу.

---

[92] Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989. С.242.

[93] Brunonis. Liber de bello Saxonico // Patrologiae cursus completus. Ser. latina / Acc. J.-P. Migne. Parisiis, 1853. Tomus CXLVII. Col.498.

[94] Вязигин А.С. Григорий VII, его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1891. С.30.

[95] Вязигин А.С. Очерки по истории папства в XI веке. СПб., 1898. С.131.

разделила с мужем все тяготы, выпавшие на долю королевской семьи. Очарованный добропорядочностью поведения и острым умом Берты, Генрих полюбил ее и вскоре начал доверять ей бол чем всем своим государственным сановникам.

В 70-е гг. XI в. в Германии возникла мощная княжеская группировка, стремившаяся свергнуть Генри престола. В это же время германский король получил удар и от своего главного союзника — церкви. Па желал мириться с положением, при котором он, «помазанник Божий», во всем подчиняется мирс правителю. Смуты в Германии оказались весьма кстати. Папа Григорий VII запретил продажу церков должностей светским лицам (так называемую симонию), ввел обет безбрачия для духовенства и выст против инвеституры. Это наносило сильный удар по всей системе управления государством, созданной саксонскими королями и всячески поддерживаемой Генрихом IV. Между светской и духовной вла началась открытая борьба. Папа отлучил немецкого короля от церкви, что произвело в Германии сил впечатление. Для магнатов это был удобный повод лишить Генриха власти, поскольку по средневеко меркам человек, находившийся вне церкви, оказывался и вне общества. Король понимал, что его спас заключается в примирении с Григорием VII. Он решил не дожидаться прибытия римского епископ Германию для решения вопроса о судьбе немецкого престола, а отправиться в Италию для снятия отлуче За несколько дней до Рождества 1076 г. Генрих покинул свою резиденцию Шпейер и отправился в путь. Р с ним в этой дороге была именно Берта, которая вместе с малолетним сыном Конрадом решила сопровож супруга и разделить с ним его судьбу. Она прекрасно понимала, что от встречи с папой зависит не толь будущее, но и будущее империи, поэтому использовала любую возможность помочь Генриху. Берта угово свою мать Аделаиду Савойскую пропустить королевскую чету через свои владения и совершила вме мужем тяжелейший переход через снежные Альпы при Мон-Сенисе. В Северной Италии королева акт вербовала сторонников, и вскоре на сторону Генриха IV стали практически все ломбардские епископ светские магнаты.

В последующем Берта принимала участие практически во всех событиях, которые касались ее мужа. сопровождала его в поездках по стране, в походах против непокорной Италии, поддерживал продолжавшейся борьбе с папством. Берта родила пятерых детей, двое из которых — сыновья Конрад и Ге — были немецкими королями. Ее дочь Агнесса стала женой герцога Швабии Фридриха и положила начало одной королевской династии Германии — Гогенштауфенам.

Умерла королева в 1091 г. от непонятной болезни. В те времена медицина была так мало развита, чт инфекционные болезни, будь то оспа, чума или лихорадка, одинаково назывались «черной смерт остальные были просто «непонятными болезнями». Берту оплакивали ее родные, которые лишились вер друга и наставника. Она оставила мужу великое Савойское наследство, благодаря которому немецкий мо смог расправиться с антикоролевской оппозицией.

Приблизительно в этот же период на политическом небосклоне средневековой Европы сверкала еще женская фигура, жизнь и деяния которой до сих пор вызывают большой интерес. Речь идет о маркгра Матильде Тосканской (1045—1015), сыгравшей одну из значительных ролей в противостоянии Герман империи и папства. Известная как защитница апостольского престола, она была поистине одной из са героических и фанатических женщин XI в. А в жизни великая маркграфиня испытала триумф и траге величие и позор.

Матильда приходилась дочерью маркграфу Бонифацию Тосканскому, погибшему от рук наем убийцы в мае 1052 г. Ее мать Беатрисса, наследовавшая имперские лены покойного супруга, спустя 2 вышла замуж за герцога Лотарингии Готфрида, прозванного Бородатым. Готфрид, находившийся враждебных отношениях с германским императором Генрихом III (1125—1156), спасаясь от королевс правосудия, бежал в Италию. Там он женился на Беатриссе и стал управлять обширными владениями жен имени ее несовершеннолетних детей. Это обстоятельство вынудило немецкого монарха отправиться в Ита для усмирения непокорного вассала. Между Готфридом и Генрихом началось открытое противосто Германский король, чтобы нейтрализовать соперника, отдал приказание взять под стражу его жен падчерицу. Это было первым большим потрясением Матильды, которое в последующем вылилось в откры неприязнь к немецкому королевскому двору.

После смерти Генриха III (1056) отчим Матильды оказался на вершине политического ус Императрица Агнесса признала его верховные права на обладание землями Тосканского маркграфства.

Готфрида Фридрих взошел на папский престол под именем Стефана IX, что сделало влияние Лотарингского дома практически неограниченным и в Италии, и в Германии. Кроме того, Готфрид прибав имеющимся у него владениям герцогство Сполето и, таким образом, сосредоточил в своих руках все земл Мантуи и Феррары до Римской области. Главной целью герцога стало создание в Италии независимог Германской империи государства, для чего использовались все методы и средства. Таким образом, уж детства Матильда очутилась в эпицентре политических событий, послуживших прологом длительной бор императорской (светской) и папской (духовной) власти.

Мировосприятие юной графини складывалось под влиянием матери, которую постоянно окруж духовные лица. Матильда слушала их разговоры о суете и греховности всего земного, о преле самообуздания страстей, созерцательной жизни и умерщвления плоти и о той великой награде, которая жд эти подвиги на небе. Под влиянием подобных рассуждений Матильда превратилась в благочести последовательницу римско-католической церкви и решила посвятить себя служению Богу в монастыре судьба распорядилась по-иному. В 1069 г. умер отчим Матильды Готфрид Бородатый. Перед смертью просил жену соединить брачными узами единственную оставшуюся в живых дочь Беатриссы и своего сын первого брака. Эта просьба, как утверждает А.С. Вязигин, «была поддержана и главой церковной рефо Гильдебрандом, для которого было крайне важно, чтобы такая могущественная владетельница и сос являлась преданной дочерью святой церкви»[96]. По настоянию матери Матильда, мечтавшая о монаст вынуждена была выйти замуж за сына своего отчима — Готфрида, прозванного Горбатым. Бракосочета состоявшееся в том же 1069 г., закрепило Лотарингию и итальянские владения тосканской маркграфи руках все той же фамилии.

Несмотря на замужество, Матильда продолжала жить в Италии у матери. Ее муж, не разделяв религиозной одержимости жены и тещи, находился в Лотарингии. Этой холодностью между супру воспользовался Гильдебранд (будущий папа Григорий VII), который попытался с помощью Мати осуществить свои планы. Оказавшись под влиянием великого реформатора, графиня увлеклась его и спасения человечества и стала одним из самых преданных союзников папства. Именно в этом она увидела предназначение и стала готовить себя к жизни настоящего крестоносца. После смерти матери и убийства м в 1076 г. Матильда обрела огромного состояние и превратилась в самого могущественного феодала Севе Италии. Она показала себя прирожденной правительницей и заняла одно из самых значительных мест в гал великих европейских женщин своей эпохи.

Личная дружба Григория VII и Матильды является одной из загадок средневековья. Это был, пожа единственный случай в истории римской курии, когда «между папой и молодой, энергичной женщ существовали, как указывает итальянский исследователь Ф. Грегоровиус, отношения серьезного характер Подобные отношения породили в средневековой Европе ряд сплетен и слухов относительно любовной с римского понтифика с Матильдой. Основания для таких слухов действительно были. Владея значител частью Италии и располагая огромными богатствами, графиня всегда следовала за папой и приходила ем помощь в любой ситуации. Она жертвовала церкви деньги и имущество, выступала вместе с Григорием против его врагов, всеми доступными средствами добивалась расширения влияния апостольского прест мире. Враги папы, особенно духовные сановники, которым было запрещено вступать в брак, обви Матильду в «нецеломудренной любви»[98]. Доказательством любовной связи Матильды и папы, свидетельству современников, являлся отказ графини вступить во вторичный брак, на что злые языки замеч что она не желает иметь другого мужчину, кроме главы католической церкви. Однако недруги Григ тщетно пытались набросить тень подозрения на папу. Большинство современников великого реформатор соглашались с предположением, что такой человек, как Григорий, смог снизойти с высоты своих вел замыслов до простой любовной связи. Но, возможно, как отмечает тот же Ф. Грегоровиус, что «в чув дружбы, вызванном восхищением великим понтификом, участвовало также и сердце не менее вел

[96] Вязигин А.С. Григорий VII, его жизнь и общественная деятельность. С.32.

[97] Грегоровиус Ф. История города Рима в средние века (от V до XVI столетия). СПб., 1912. Т.IV. С.148.

[98] Lambertus Hersfeldensis. Annales // Patrologiae cursus completus. Ser. latina / Acc. J.-P. Migne. Parisiis, 1853. Tomus CXLVI. Col.1088.

женщины»[99]. Вполне возможно предположить, что Матильда по-настоящему была влюблена в Григория. Одаренная сильным характером и умом, графиня, тем не менее, преклонялась перед гением п которому она отдала и свой мужской ум, и свое женское сердце.

Свое служение идеалам Григория VII (1073—1085) Матильда начала с участия в первом соборе э папы, созванном в Риме в 1074 г. Этот собор положил начало борьбе духовной и светской власти за господ в христианском мире. Именно здесь Григорий подтвердил все декреты своих предшественников, относивш к реформе, а затем объявил низложенными тех духовных пастырей, которые продолжали вести брачную ж и были причастны к симонии. В развернувшейся за этими событиями борьбе папы и немецкого ко Матильда первоначально выступала как посредница между ними, пытаясь примирить недругов в Канос затем приняла активное участие практически во всех военных действиях, ведшихся папой против Генрих Борьба велась с фанатичной яростью, присущей религиозным войнам. Летописцы того времени назы дворец великой маркграфини «гаванью»[100], в которой находили убежище гонимые германским монар священники, аббаты и другие лица, враждебно настроенные против королевского двора.

После смерти Григория VII (1085) Матильда продолжала поддерживать римских пап в борь немецкими монархами. Такую помощь она оказала Урбану II (1087—1099), который только благо маркграфине смог укрепиться на папском престоле. К моменту воцарения Урбана ослабленная бесконеч борьбой партия Матильды все более склонялась к примирению с Генрихом IV. Однако новый папа опаса что подобный мир приведет к расширению влияния императора в Италии. Чтобы не допустить этого, У уговорил Матильду вступить во второй брак. Этим искусным маневром папа достиг того, что в лице суп Матильды дал церкви нового борца за ее права.

Вельф IV, сын маркграфа Аццо II д'Эсте и сестры последнего швабского герцога Кунигунды из Вельфов, в 1055 г. стал наследником владений этого дома. Женившись на дочери герцога Баварии, Вел 1077 г. получил от немецкого короля в ленное владение герцогство своего тестя, восставшего против г государства. Вскоре Вельф сам стал противником Генриха IV и ревностным сторонником курии. П длительной борьбы глава римской партии в Германии получил возможность возвеличить дом Вельфов больше. Он поддержал предложение Урбана II выдать замуж маркграфиню Матильду за своего 19-лет сына Вельфа V. Из-за большой разницы в возрасте супругов этот брак был осмеян современник Фактически молодой Вельф был принесен в жертву политике своего корыстного отца и хитрого п Притягательная сила для обоих заключалась не в самой Матильде, которой было уже 42 года, а в ее владен Огромное состояние маркграфини прельщало не только Вельфов. Претендентом на руку Матильды был та принц Роберт — наследник Вильгельма Английского. Но графиня отдала предпочтение юному Вел поскольку считала интересы церкви превыше своих. Бракосочетание состоялось в 1089 г. Могуществе Тосканское маркграфство вместе с ломбардскими владениями дома д'Эсте и Баварское герцогство образо нераздельную политическую силу, предоставленную папству для новой борьбы с Германской империей.

Великая правительница, знамя борьбы которой теперь находилось в руках ее юного супруга, сражала фанатическим упорством. Она отвергала все уговоры своих вассалов прекратить бессмысленную борьб 1091 г. немецкий король нанес маркграфине ряд серьезных поражений. Обеспокоенная ситуацией, Мати решила противопоставить императору нового врага, более страшного, чем все предыдущие. План графини прост. Она решила привлечь к борьбе старшего сына немецкого правителя Конрада, который уже в теч нескольких лет был наместником отца в Италии. Служители церкви давно опутали своими сетями ю короля. Длившаяся без конца борьба империи и папства казалась ему ужасной, грубые люди, окружавшие с производили на него отталкивающее впечатление, а отлучение от церкви представлялось тяжким бедств Поддавшись уговорам Матильды, Конрад, который отличался мягким характером и религиозным фанатиз решил примкнуть к римской партии и восстал против отца. Именно эти события лишили маркграф Матильду того «блестящего ореола»[101], которым была окружена ранее эта великая женщина. Образ Мати в Каноссе, стоящей возле Григория VII и умоляющей его о милосердии к униженному Генриху, трогател привлекателен не только для современников, но и для потомков. Но ее образ 16 лет спустя, когда она тол

[99] Грегоровиус Ф. Указ. соч. Т.IV. С.148.

[100] Там же. С.192.

[101] Грегоровиус Ф. Указ. соч. Т.IV. С.293.

сына того же короля поднять оружие против отца, производит действительно отталкивающее впечатление. Кроме того, вполне можно предположить, что именно интриги Матильды вынудили вторую ж Генриха IV Евпраксию бежать от мужа и также примкнуть к римской партии.

Брак Матильды и Вельфа был фиктивным и чисто платоническим. Великая маркграфиня не нуждала муже, а тем более в наследнике своим владениям. Ей нужен был человек, который держал бы в руках зн борьбы с Генрихом IV. Очень скоро юный Вельф не захотел более находиться в подчинении у своей супру решил сам вступить в обладание ее землями. К подобному желанию мужа Матильда отнеслась категорич отрицательно. Между супругами возникли противоречия. Именно это и обнаружило интересней обстоятельства, которые ранее не были известны Вельфам. Дело в том, что владения маркграфини б принесены в дар церкви еще при жизни Григория VII, о чем имелись соответствующие документы. Именн этой причине брак Вельфа и Матильды был расторгнут (1095 г.). Бракоразводный процесс был достато скандальным. Вельф во всеуслышание заявил, что его жена, знаменитая маркграфиня, не желает испол супружеский долг и что брак с ней не более чем платонический союз. Самую большую выгоду из этих собы извлек папа Урбан II, который способствовал расторжению фиктивного брака. Это произошло в тот мом когда союз Матильды и Вельфа не представлял больше выгоды для апостольского престола. Фактически устранил претендента на владения Матильды.

Великая марграфиня пережила всех своих знаменитых современников. Она умерла 24 июля 1115 г., 70 от роду, в замке Bondeno de Ronconi (близ Каноссы), оставив римских пап наследником своих земель. знаменитое наследство стало одним из самых роковых приношений, известных истории. В будущем явилось «брошенным яблоком раздора между римскими папами и германскими императорами»[102]. Да обстоятельство дает возможность указать на тончайший образец политического искусства Матильды, кот даже после своей смерти заставила потомков еще долго держать свое имя на устах. Тем самым она ка продлила свою необыкновенную, полную борьбы жизнь.

Образы представленных здесь женщин, несомненно, заслуживают внимания. Все они — женщ незаурядной судьбы, оставившие свой след в истории средневековой Германии. Их деятельность подтверж утверждение автора о том, что роль представительниц слабого пола в политическом и культурном разви немецкого государства достаточно велика.

[102] Deutsche Könige und Kaiser des Mittelalters / Hg. von E. Engel und E. Holz. Köln, Wien: Böhlau Verl., 1989. S.137.

Е.Н. Сурта

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЖЕНСКАЯ МИСТИКА: ХИЛЬДЕГАРДА ФОН БИНГЕН

Говоря о развитии средневековой теологической, философско-исторической мысли, научных знаний, естествознания, мы имеем в виду, как правило, пусть и неосознанно, так сказать, мужской аспект средневековой западноевропейской культуры, средневекового мировоззрения. Однако действительно ли только мужчины формировали духовно-цивилизационные основы западноевропейского средневековья? Всегда ли только они шли в авангарде интеллектуальных поисков своего времени? Реальность была такова, что женщинам было невозможно выступать в качестве авторитетов в теолого-философской учености, где практически абсолютно доминировали мужчины, практически монополизировавшие систему образования и ограничивавшие доступ к нему женщин. Последние вынуждены были в такой ситуации искать иные возможности высказать свое мнение по активно дискутировавшимся вопросам той эпохи. Некоторые из женщин находили эту возможность в рамках своих мистических писаний, так как только в созерцательно-мистической области легитимировались пророческие выступления и обличение пороков своего времени женщинами. В то время как представительницы слабого пола подчеркивали и были убеждены, что их произведения происходят собственно от Бога и что сами они являются лишь недостойным орудием в руках всевышнего, мужчины, напротив, могли представлять деяния Бога в истории человечества от собственного имени.

Ярким примером в этой связи, несмотря на всю суровость ее характера и монастырский образ жизни, является одна из самых притягательных женских фигур немецкого средневековья Хильдегарда фон Бинген. Обращаясь к образу ее мыслей и правилам жизни, мы сталкиваемся прежде всего с отдаленностью и отчужденностью от нас средневековья, которые можно преодолеть только благодаря настойчивым усилиям в области исторического понимания. Кажется странным и удивительным, когда она, сама женщина, в своей апокалиптической критике времени обозначает негативно оцененную ею собственную эпоху как tempus muliebris debilitatis, что переводится примерно как «время изнеженности» или «женской слабости»[103]. Являлось ли это формой смирения, осознания себя в своей женственности как особо убогой и нуждающейся в божественной милости? Идентифицировала ли она себя с андроцентрической картиной мира, если сравнивала отношения мужчины и женщины с отношением неба и земли, солнца и луны? Воспринимала ли она некритично феодальный общественный порядок, если согласно консервативным убеждениям принимала в свой монастырь Руперсберг только дворянок, а чтобы обеспечить доступ в монастырь простым, незнатным женщинам, основала конвент Айбинген? И тот и другой находились под ее руководством. Было ли это осознанием предрассудков своего общества, которое оказалось не в состоянии преодолеть сословный порядок, в том числе и за монастырскими стенами? Несет ли Хильдегарда, выступавшая с проповедями против катаров, бремя вины за преследование еретиков? Критика современной ей эпохи выглядит противоречивой. Выступала ли она как Бернард Клервосский против прогрессивных, просветительских сил, которые олицетворялись тогда в Абеляре или же, наоборот, она боролась с реальным проявлением упадка?

Хильдегарда фон Бинген родилась в 1098 г. в дворянской семье и была десятым ребенком у своих родителей. В возрасте 8 лет она была отдана на воспитание к монахине Ютте фон Шпонхайм, с которой жила в женском ските под Бингеном под покровительством тамошнего мужского бенедиктинского монастыря. Образование Хильдегарды охватывало по меньшей мере элементарные занятия по Библии и латинской патристике, семь свободных искусств и литургию бенедиктинцев. После смерти Ютты фон Шпонхайм в 1136 г. Хильдегарда взяла на себя руководство женской общиной. В 1147—1152 гг. она добилась строительства монастыря Руперсберг под Бингеном, а в 1165 г. его филиала в Айбингене. Умерла Хильдегарда в 1179 г. в монастыре Руперсберг под Бингеном.

Хильдегарда фон Бинген, пророчица и медик, занимает выдающееся место среди средневековых европейских женщин. Она вошла в историю как самая известная немецкая женщина-мистик. Уже в детстве Хильдегарду посещали видения: «Когда мне шел третий год, я увидела такой яркий свет, что моя душа задрожала, но из-за своих малых лет я не смогла это передать. И до 15 лет я видела многое, кое о чем я рассказывала, и те, кто это слышали, очень удивлялись, когда это пришло и от кого. Я и сама удивлялась, что когда я глубоко смотрела в свою душу, все же сохраняла внешнее зрение… Многие внешние вещи я не знала из-за частых болезней, которыми я страдала с младенчества и до сих пор, которые ослабили мое тело…Я попыталась узнать у моей кормилицы, видела ли она что-либо кроме внешних вещей. И она возразила: ’Ничего', потому что она ничего подобного не видела. Так я была охвачена большим страхом и не осмеливалась это кому-либо открыть»[104].

---

[103] Goessman E. Hildegard von Bingen // Gestalten der Geschichte. Mittelalter II. Bd.3. Stuttgart-Berlin-Koeln, 1994. S.224.

[104] Das Leben der hl. Hildegard von Bingen. Herausg und Uebersetz. von A. Fuehrkoetter. Duesseldorf, 1968. S.64.

С 1141 г. Хильдегарда стала записывать на латинском языке свои видения. Первым появилось ее самое известное мистическое произведение «Scivias» («Познай пути»)[105], в котором она на языке, пропитанном мистико-пророческими ощущениями, развивала собственную теологию и антропологию. В 1147—1148 гг. ее видения благодаря папе Евгению III, ученику Бернарда Клервосского, получили официальное церковное признание. В 1150-е гг. Хильдегарда написала свои работы по естествознанию и медицине. В период между 1158 и 1163 гг. она работала над Liber vitae meritorium («Книга праведной жизни»), а в 1163—1173 гг. появилось ее третье мистическое произведение Liber divinorum operum («Книга божественных творений»). С 1160 г. в течение десяти лет она предприняла четыре большие миссионерские поездки по городам Германии, во время которых выступала с проповедями против еретиков-катаров, а также против падения нравов у клира и в народе. Мистические взгляды и реальная жизнь не составляли у Хильдегарды противоречия.

Три ее больших мистических произведения структурно делятся на две части: 1) Описание созерцаемого с личными переживаниями; 2) Толкование соответствующего видения, из которого она пыталась устранить всякий субъективный элемент. По сути это были ее философско-исторические исследования в рамках так называемого исторического символизма. В мистических работах Хильдегарды, как и у других женщин-мистиков, мы находим постоянно повторяющееся представление о себе самой как ничтожной женщине, ограниченном человеке с женской слабостью, необразованной и недостойной. В этом случае она использовала представление о женщинах своей патриархальной эпохи для того, чтобы подчеркнуть библейскую мысль о том, что Бог для обращения к людям как раз избирает не сильных, а слабых.

Хильдегарда, которая понимала даже латинские проповеди, осознанно умаляла свое литературное образование, т.к. хотела, чтобы ее воспринимали как необразованную пророчицу. В течение долгого периода своего творчества она имела помощника, бенедиктинского монаха Вольмара Дизибоденберга, который обладал полным для того времени литературно-философско-теологическим образованием. Ему вменялось в обязанность только устранять ее грамматико-стилистические неточности в латинском языке и не позволялось вмешиваться по содержанию в субстанцию ее видений или их истолкований. Хильдегарда, которая еще не имела возможности лицезреть готические соборы с их многочисленными изобразительными циклами витражей, тем не менее описывает свои видения во всех цветных нюансах вплоть до природных и архитектурных деталей так живо, что сразу представляется готическое искусство витражей.

В сочинении «Scivias» Хильдегарда излагает свое истолкование взаимной интеграции космоса и священной истории. Антропология, содержащаяся в ее видениях и основанная на средневековом учении о макро- и микрокосмосе, исходит из библейско-исторического способа рассмотрения: природно-органическое и духовное в человеке находится в гармонии с космическими силами, но эта гармония была нарушена человеческим грехопадением и должна быть восстановлена силой искупительного подвига, что достигается полностью только в эсхатологии.

Во вселенском видении, открывающем «Scivias», Хильдегарда, для которой космическая метафизика нуждалась в наглядной демонстрации, использует современную ей птолемеевскую картину мира. При этом она исходит из мотива, восходящего к первоначальным матримониальным элементам мифологии и космогонии. Она описывает космос в образе яйца (встречавшегося уже в Древнем Китае и в восточном культе Митры), в котором заложены, по ее мнению, как силы развития, так и оберегание, укрытость и безопасность божьих творений. Земля, словно яичный желток, образует центр Вселенной. При толковании этого видения Хильдегарда видит в совместной игре солнца и трех верхних планет не только описанную в патристике тринитарную структуру творения мира, но и прежде всего таинство человеческого становления Логоса, «солнца справедливости». Она во многом предвосхищает те описания творения, которые были развиты затем в поздней францисканской теологии. Хильдегарда в своих работах высказывает собственное мнение по теологическим вопросам в мистико-пророческой форме. Ее историческое толкование в «Scivias» благодаря острому обличению пороков своего времени и постоянным предостережениям от коррумпированных человеческих поступков может одновременно трактоваться как оптимистическое и реалистическое. Видения, описанные и истолкованные в «Scivias», изображают ход истории человечества с его различными ступенями в Ветхом Завете. Сначала он нацелен на благо, счастье, затем происходят радикальные изменения в результате становления человеческого Логоса, появления церкви и вплоть до апокалиптически изображенного конца времен. В двух аллегорических женских фигурах синагоги и ecclesia (церковь) Хильдегарда видит отдельные фазы исторического процесса. Авраам с его верой в Бога, Моисей, через которого закон Бога был передан людям, и пророки, указывающие на грядущего спасителя, придают синагоге известное сходство с образом ecclesia. В этих образах Хильдегарда представляет как популярные в ее время идеи эквивалентности, соответствия ветхозаветной и христианской истории.

Своей Ecclesia Хильдегарда придает форму тринитарного видения, в котором символ человеческого образа заменяет вечный Логос: «Потом я видела сверхяркий свет и в нем сапфирно-голубую человеческую фигуру, которая насквозь горела в сверкающем пламени нежно-красного цвета. Яркий свет наполнял все сверкающее пламя и сверкающее пламя весь яркий свет. И оба, яркий свет и сверкающее пламя, наполняли всю человеческую фигуру, все трое были как единая полнота света…»[106] Как нижняя часть синагоги появляется в черных тонах, что

[105] Hildegard von Bingen. Wisse die Wege. Deutsch. Uebertrag. Von M. Boeckeler. Salzburg, 1954.

[106] Hildegard von Bingen. Wisse die Wege. Deutsch. Uebertrag. Von M. Boeckeler. Salzburg, 1954. S.154.

является намеком на то, что ее покидает божественный завет, так и нижнюю часть Ecclesia Хильдегарда тоже видит нечетко, что означает как незнание будущего, так и упадок и страдание конца времен. В своей системе видений Хильдегарда отнюдь не представляет историю человечества в прямолинейной целенаправленности[107]. Она находит прогресс в Ветхом Завете, так же как регресс в новозаветной истории. В исторических взглядах Хильдегарды, проявляющихся также в других ее работах, пороки ее времени кажутся настолько тяжелыми, что она воспринимает их как возвращение вины Евы; и поэтому обозначает этот период как «женский». У Хильдегарды можно четко увидеть циклическое или спиралеобразное понимание истории. Для эсхатологии Хильдегарды характерно, что не только синагога достигает объединения с церковью, но также большая часть языческих народов открывается для церкви. Новый блеск элементов, очистившихся через победу веры и прекращение циклического небесного движения, символизирует для нее эсхатологический покой, т.к. по ее представлению перед грехопадением человека не было космического движения.

Вторая мистическая работа Хильдегарды фон Бинген «Liber vitae meritorum» написана в традициях популярных в средневековье дискуссий между добродетелями и пороками, которые берут свое начало в древнехристианской "Психомахии" («Psychomachia»/«Душевная борьба») поэта IV в. Пруденция. В ней проявляются особенности мышления Хильдегарды. Мифические существа, состоящие из различных животных и частей тела человека, олицетворяют собой пороки. Сценарий видений в этой работе также имеет космический вид: превышающая естественные размеры мужская фигура поворачивается в ходе видений по разным направлениям света и символизирует Бога. Огненные облака добродетельных сил, вылетающие из его рта, заботятся о том, чтобы порочные речи не оставались безответными. А вот как Хильдегарда представляла сладострастие, похоть: «Седьмое явление имело образ женщины, которая лежала на своем правом боку. Ноги она согнула и подтянула так, как это делает человек, который удобно устраивается на своей постели. Ее волосы были как огненное пламя, а ее глаза белы как мел. На своих ногах она имела белую обувь, которая была такой скользкой, что женщина на ней не могла ни идти, ни стоять. Из ее рта исходило зловонное дыхание и текла ядовитая слюна. Ее правую грудь сосал щенок, левую — змей. Руками она срывала цветки с деревьев и трав и вдыхала их аромат носом. На ней не было одежды, она была окутана в нагой жар, и тот, кто к ней приближался, тот иссушался этой страстью как сено…»[108] В этом описании, как и в целом в работе, заметна многозначность символов, метафор и аллегорий. Например, белый цвет и цвет огня имеют преимущественно позитивную символику, но в описании похоти — и что особо показательно — изображенной в женском обличье, они, наоборот, характеризуют падение как перверсию добра. Подобное происходит у Хильдегарды также и с символами мужского и женского. Так, например, сила и твердость у мужчин могла расцениваться как позитив, а слабость женщины — как негатив. Но существовало и обратное: твердость как символ несовершенства Ветхого Завета, а мягкость как совершенство Нового Завета. Кроме того каждый из обоих полов символизировал как ценность, так и малоценность.

Третья и последняя мистическая работа Хильдегарды «Liber divinorum operum» или «De operatione Dei» представляет собой по сути ревизию теолого-космогонических, христологических и апокалиптико-эсхатологических видений «Scivias» с позиции уже более зрелого взгляда автора. Но прежде всего речь здесь идет о представлении макро- и микрокосмического взаимодействия. «В двух образах круга и креста пророчица видит человека, который стоит с широко раскинутыми руками, символизирует микрокосмос и пронизывает макрокосмос-круг, который заключает в себе, трансформирует и поддерживает Бог — творец»[109]. Колесо мира перед грудью Бога — это элемент макрокосмических представлений азиатского происхождения. В частности, в даосистской традиции Древнего Китая и Кореи можно увидеть человека, изображенного в центре макрокосмоса, на котором этот макрокосмос держится и одновременно силами которого создается. Так же как в этой древней азиатской космогонии у Хильдегарды соотносятся части тела человека с космическо-природными элементами (кровеносные сосуды — реки, глаза — небесные светила и т.д.). Одна из характерных вариаций этой мыслительной формы Хильдегарды заключается в добавлении к космическо-человеческой параллели еще и библейско-священноисторической: «От макушки черепа до крайней границы лба человека расположены семь точек, равноудаленных друг от друга. Тем самым символизируются планеты, отделенные друг от друга равными интервалами на небосводе… Это означает, что душа в человеческом теле с момента ее сотворения должна с равным усердием почитать семь даров Святого Духа»[110].

Труды Хильдегарды по естествознанию, хронологически последовавшие за «Scivias», не отличаются строгим мистическим стилем, но тем не менее связаны с теологией творения. Речь идет прежде всего о работе с названием «Liber subtilitatum diversarum naturarum creaturarum» («Книга о внутренней сущности различных природных созданий»). Она написана около 1150—1160 гг. и фактически распадается на две части: «Liber simplicis medicinae», известную как «Физика», и «Liber compositae medicinae» или «Causae et corae». В «Физике»

---

[107] Dempf A. Sacrum Imperium. 3. Aufl. Muenchen, 1962. S.163-268.

[108] Hildegard von Bingen. Der Mensch in der Verantwortung. Das Buch der Lebensverdienste. Uebersetz. Von H. Schipperges. Salzburg, 1972. S.142.

[109] Fuehrkoetter A. Hildegard von Bingen. 2. Aufl. Salzburg, 1979. S.44.

[110] Hildegard von Bingen. Das Buch «De Operatione Dei» Uebersetz. H. Schipperges. Salzburg, 1965. S.92.

описываются растения, минералы, деревья, камни, животные и металлы с присущими им лечебными и не лечебными свойствами. Многие из медицинских наставлений Хильдегарды имеют только историческую ценность. Однако некоторые из них в XIX—XX вв. были доказаны научно и актуальны сегодня. Во введени к «Физике» Хильдегарда развивает свою концепцию соответствия человека и природы согласно библейскому сказанию о творении мира: «Когда создавался человек, была взята земля от земли, и эта земля есть человек. Все элементы служили ему, потому что они чувствовали в нем жизнь … И они действовали с ним, и он с ними… Так воплощает земля в своих полезных травах высокие духовные способности человека, а в своих неполезных травах открывает она его плохие и дьявольские свойства»[111].

Хильдегарда судит о природе в рамках ее священноисторических предпосылок и считает, что творение мира было искажено и обратилось к плохому в результате человеческого грехопадения. Она хотела бы передать свои знания о природе людям. Как и ее современник Гуго Сен-Викторский, она видит весь мир пронизанным священными знаками и подчеркивает этим сакраментальную структуру творения. Она пытается использовать природные качества камней, растений и животных вместе с молитвами, так как считает, что в этом случае соединяются действенные силы природы и избавительные силы молитв. Однако, по мнению Хильдегарды, это всегда зависит от воли Бога, позволит ли он или нет в каждом отдельном случае осуществиться целебному действию. Один пример: «Человеку, который страдает слепотой, или глаза которого мутны…, помогает гиацинт. Кто околдован и заговорен магическими словами так, что в нем бушует безумие, берет теплый ржаной хлеб, вырезает корку в форме креста, протягивает гиацинт через эти надрезы и говорит: "Бог, который отнял у дьявола всю драгоценность камня, может также и у меня взять колдовство и избавить меня от страданий безумия…" Кто страдает болезнью сердца, может крестом с гиацинтом ударять в области сердца, ему станет лучше»[112].

Среди трав Земли Хильдегарда называет такие, которые радуют душу человека, проясняют его интеллект, очищают сердце и разум, устраняют печаль души и бесплодие тела, изгоняют своим запахом демонов. Она рекомендует растения, которые дают энергию, бодрость и добродетель. В своем учении о драгоценных камнях Хильдегарда утверждает, что в цветном естественном блеске камней человек обретает первоначально присущую ему ясность, а из-за своей водной и огненной природы камни являются также символами Святого Духа.

В сочинении «Causa et curae» Хильдегарда обращается к человеческому телу, его органам и функциям. В соответствии с теологическим учением о сотворении мира и грехопадении Хильдегарда исходит из господствовавшего в то время понимания наследования первородного греха через человеческий половой акт. По этому поводу она писала: «Первое возникновение человека берет свое начало от желания сладострастия, которое змей дал человеку при вкушении яблока, ибо уже тогда кровь мужчины была возбуждена порочностью…»[113] Впрочем, эта тема представлена много шире в мистико-теологических работах Хильдегарды, чем в ее естественнонаучных сочинениях, в которых она с большой непосредственностью пишет о мужских и женских телах и даже придумывает выразительные эвфемизмы для обозначения половых органов и функций. Хотя, пожалуй, в наше время они могут быть восприняты скорее как грубые. Вот пример из ее учения о формах: «Сексуальный ветер, который пребывает в бедрах мужчин, более страстный, чем ветренная природа. Как в дымовую трубу он дует в два своеобразных органа. Оба эти органа составляют основу всех мужских сил и им помогают… как два воздуходувных меха, которые разжигают огонь надлежащим образом. …Если один раз они создали род, то этот род может процветать в создании потомства…»[114] «Некоторые женщины имеют природную склонность к дородности… Их кровеносные сосуды… проводят обильную и чистую кровь… Такие женщины имеют чистый и беловатый цвет лица. В любовных объятиях они прелестны и любезны; они также разбираются в изящных искусствах, они довольны своим душевным состоянием… Их лоно сильно развито и способно к деторождению. Они плодовиты и могут принимать в себя мужское семя…»[115]

Сочинения Хильдегарды по естествознанию принесли ей славу первой немецкой женщины-врача. На какие источники она при этом опиралась? Это еще должно стать предметом дальнейшего исследования. Очевидно, что она использовала античное учение о телесных соках и темпераментах, с которым познакомилась в работах архиепископа Исидора Севильского (около 560—636), автора «Этимологии», своеобразной энциклопедии эпохи раннего средневековья. Другой источник информации — это собрание рецептов средневековых бенедиктинских монастырей, а также рекомендации и практические навыки, передававшиеся от женщины к женщине, которые частично восходят к дохристианским традициям. Встречающиеся немецкие слова в латинских текстах Хильдегарды дают возможность это предполагать.

Хильдегарда вела также обширную переписку. Среди ее адресатов были, например, такие известные личности как папы Евгений III, Анастасий IV, которых она остро критиковал за их слабую власть. Хильдегарда

---

[111] Hildegard von Bingen. Das Buch von dem inneren Wesen der Verschiedenen Naturen in der Schoepfung. Uebersetz. von P. Riehte. 3. Aufl. Salzburg, 1980. S.15.

[112] Ibidem. S.83.

[113] Hildegard von Bingen. Das Buch von dem Grund und Wesen und der Heilung der Krankheiten. Uebersetz. Von H. Schipperges. Salzburg, 1967. S.125.

[114] Ibidem. S.137.

[115] Ibidem. S.144.

переписывалась с папой Адрианом IV и германским императором Фридрихом I Барбароссой[116], которого она знала лично и от которого в 1163 г. получила охранительную грамоту для своего монастыря. Однако это не помешало ей критиковать императора за его римскую политику и продолжение схизмы в результате назначения антипап. Переписка Хильдегарды с епископами, мужщинами и женщинами-руководителями орденов и монастырей касалась чаще всего конкретных проблем и служебных обязанностей. Но и здесь мы можем увидеть своеобразие ее мистических переживаний. Так, в известном письме к Виберту фон Гембло, который позднее стал ее последним секретарем она писала: «В этом свете я вижу иногда … другой свет, который я называю «живой свет». Когда и как я это вижу, я не могу сказать. Но пока я его вижу, всякая печаль и всякий страх меня покидают …»[117]

В XV—XVI веках сочинения Хильдегарды фон Бинген были включены в «Catalogus vivorum illustrium» и в «De scriptoribus ecclesiasticis». В 1928 г. бенедиктинским орденом началось научное изучение ее жизни и творчества. Хильдегарду оценили как сведущую в травах целительницу и автора поэтических произведений. Подробное исследование ее мировоззрения в феминологическом аспекте, вероятно, тоже не заставит себя долго ждать.

[116] Hildegard von Bingen. Briefwechsel. Uebersetz. Von A. Fuehrkoetter. Salzburg, 1965. S.82.
[117] Ibidem. S.227.

О.Р. Кись

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БРАЧНОГО ВЫБОРА В УКРАИНСКОМ СЕЛЕ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Парни и девушки

Парнями и девушками[118] считали в украиском селе молодежь в возрасте 14—18 лет [Сявавко, 1974, с.62], что вполне соотносится с периодом активного полового созревания и появления вторичных половых признаков. Эта особая социальная категория по своим характеристикам существенно отличалась от предыдущей возрастной группы, объединявшей подростков 12—13 лет. Если вступление мальчика-подростка в юношеское сообщество (*«парубочу громаду»*) сопровождалось вполне определенными ритуальными действиями, а также испытаниями физической силы, психологической стойкости, владения хозяйственными навыками и т.п., то обретение статуса девушки было по существу лишено соответствующего обрядового оформления[119]. В рамках молодежной группы существовало две подгруппы: младшие — *"переддівки"* и *"підпарубчаки"* (до 15-16 лет) и старшие — молодые люди, достигшие брачного возраста и имевшие право создавать семью [Балушок, 1998, с.82; Пирятин, л.62-63]. Первый этап рассматривали как период, когда молодежь только осваивала характерные модели поведения, постепенно приобщаясь к молодежной субкультуре села. Парни и девушки 12-14 лет объединялись в отдельные группы (*"гурти"*) по половозрастному принципу, во всем следуя молодежи постарше.

Между родными братьями и сестрами сохранялась известная возрастная сегрегация: в некоторых регионах (Подолье, Юг Украины, Надднепровье) соблюдали очередность вступления братьев в юношеское сообщество — младший начинал «парубочити» только после женитьбы старшего или же братья становились членами разных молодежных групп [Ястребов, 1896, с.192,112; Боржковский, 1887]. Схожая практика имела место и в отношениях сестер: младшие не носили соответствующих возрасту головных уборов и подстригали волосы; они не могли стать участницами девичьего сообщества и выйти замуж до тех пор, пока «дівочить» старшая сестра [Заглада, 1929, с.74]. Строгое соблюдение обычая последовательного вступления в брак дочерей — от старшей к младшей — имело место в разных частях Украины [Кайндль, 2000, с.27; Полтавщина, л.1,67; Полесье, л.41,74,101,117,122; Бойкивщина, л.13], и мы склонны считать это общеукраинским явлением.

Отличительной чертой молодежи как социально-возрастной категории было существенное расширение личной свободы и снижение контроля со стороны взрослых[120]. Но, с

---

[118] В Украине парней называли “парубками” (Центральная Украина), “лэгинями” (Гуцульщина, Бойкивщина), “хлопцами” (Полесье), девушек — “видданыцями” (Гуцульщина), “девками” , “невестами” (Полесье), “дивочками” (Бойкивщина), “на пори” (Центральная Украина) и др.

[119] Единственная найденная запись более-менее развернутого ритуала, который лишь условно можно назвать инициацией, сделана в середине XIX в. в Черниговской губернии [Богуславський, 1855, с.13]. В других местах наблюдатели фиксируют лишь отдельные элементы таких ритуалов, среди которых чаще всего встречается приобретение некоторых видов одежды, изменение прически и т.п. [Кабакова, 1999, с.37-38].

[120] Утверждение В.Балушка о якобы строгом контроле за поведением молодежи во время вечерничных собраний со стороны хозяев дома кажется нам несколько преувеличенным: их вмешательство ограничивалось, как правило, лишь согласованием условий «аренды» помещения и побудкой утром [Пирятин, л.74]. Присутствие любой посторонней замужней женщины на вечерницах

другой стороны, сохранялась общая подчиненность парней и девушек отцовской/ материнской воле: они должны были безусловно выполнять все хозяйственные распоряжения родителей и соблюдать все наложенные ими запреты и ограничения.

Исследователи подметили, что поскольку взрослые парни выходили из прямого подчинения родителей и много времени проводили вне дома, те иногда не спешили разрешать им вступление в юношеское сообщество [Каминский, 1928, с.10-11]. С другой стороны, такой парень обретал новые права в семье и общине: иногда он мог зарабатывать и тратить деньги по своему усмотрению, имел право в отсутствие отца участвовать в сельском сходе и голосовать на нем, за общественные проступки его наказывали по приговору суда, а не поручали исправительные мероприятия отцу и т.д. [Боржковский, 1887, с.771]. Парень пользовался уважением и у родителей, для которых становился первым помощником в хозяйстве, и в молодежной среде — младшие обращались к нему на «вы» и кланялись ему при встрече [Ястребов, 1896, с.115].

Другое дело — девушка. В этот период мать направляет все ее усилия на приготовление приданого («скрині»), назначая некую "дневную норму" прядения или вышивания. Лишь выполнив ее, девушка получала право на посещение молодежных собраний, а за невыполненную работу могла быть даже физически наказана [Полтавщина, л.11; Гуцульщина, л.35]. Девушка *"на відданні"* — период максимального и самого яркого проявления креативного потенциала, апогей творческой активности, что обусловлено доминирующей установкой на замужество. Таким преимущественно девичьим занятием считали вышивание: *"вишивати — найбільше молоді дівчата, а старі баби більше прєли", дівчина "має свою роботу: вішивала літо і зиму (...) сорочки, рушники"* [Волынь, л.3,11]. Особенно много вышивала она в период между сватаньем и свадьбой: *"засватана (...) нікуди вже не йде (...), сидить дома, шиє... Була, коли й подруг зазве до себе, шоб помогли ж їй шить, вишивать"* [Полтавщина, л.46, 55, 59]. Некоторые исследователи вообще склонны считать шитье/вышивание особенной прерогативой девушек на выданье, по существу — главной приметой их полнолетия и готовности к браку [Бернштам, 1999]. Исключительное значение шитья и вышивания связано прежде всего с необходимостью приготовления приданого, включавшего рушники, платки, сорочки, постельные принадлежности, а также обычаем дарить родственникам молодого вышитые сорочки и использованием нескольких собственноручно вышитых рушников в ходе свадебного обряда. Кроме того, умение невесты тонко прясть и приготовить достаточное приданое было одним из самых важных критериев ее оценки как потенциальной хозяйки [Чугай, 1979, с.20].

Формы общения и модели поведения молодежи

"Ой не ходи, Грицю, та й на вечорниці,
Бо на вечорницях дівки чарівниці…"

Вечерницы, досветки и "улица" — те институты молодежной субкультуры украинского села, изучение которых является крайне важным при анализе особенностей последнего этапа социализации молодежи на пути подготовки к семейной жизни. Именно благодаря существованию на значительной части Украины (на Полтавщине, Черниговщине, Сумщине, Черкащине, Киевщине, на Полесье и Слобожанщине) вечерниц/досветок (осенью—зимой)[121] и «улицы» (весной—летом) сельская молодежь имела возможность полноценно реализовать потребность в знакомстве и общении с противоположным полом[122]. Наш последующий анализ

считали позорным [Гнатюк, 1919, с.45; Тарасевський, 1919, с.126].

[121] Обычно сезон вечерниц начинался на праздник Покрова (14 октября) или святого Николая (19 декабря) и заканчивался накануне начала Великого поста [Сумцов, 1886, с.3; Воропай, 1993, с.28].

[122] Однако самые характерные их черты (подробно рассмотренные далее) несвойственны собраниям одноименным собраниям молодежи в Галиции, на Буковине, в Закарпатье, Холмщине та Подляшье: там

институтов социализации молодежи основан преимущественно на материалах из указанных районов, где те обрели наиболее полную и развернутую форму.

В рамках института вечерниц/досветок/улицы процесс социализации приобретает качественно новое измерение, так как изменяется его общая направленность: главный акцент смещается с трудового воспитания на сферу коммуникативную, где главными мотивами становятся проблемы общения с противоположным полом, любовь и грядущий брак. Как было замечено, в этот период молодежь приобретает некоторую свободу действий, больше не пребывая под постоянным надзором родителей. В то же время возрастает и мера личной ответственности за свои поступки и поведение, требования к которым со стороны институтов социального контроля становятся все более жесткими, прежде всего для девушек.

Обычно девушки начинали посещать вечерницы с 13—15 лет, причем каждая вечерничная группа[123] объединяла преимущественно соседок-сверстниц. Следует заметить, что именно девичье сообщество играло главную роль в их подготовке и проведении[124]. По существу, все заботы, связанные с устройством вечерниц были сферой ответственности девушек: они определяли место таких ежедневных собраний (хату), договаривались с хозяевами (которых впредь называли «вечерничными матерью и батьком»), обеспечивали все необходимые хозяйственные издержки (лучину или керосин для освещения, солому или дрова для отопления), а также все продукты для приготовления совместного ужина (муку, яйца, постное масло, сало, крупу, мясо и т.п.) [Полтавщина, л.2,3,42,52]. Кроме того, они заботились о чистоте в вечерничной хате (белили ее, мазали глиной печь и пол, украшали интерьер, убирали), и, что важнее всего, именно девушки возмещали хозяевам дома своеобразную «аренду» — они пряли («відпрядали») для них один день в неделю (обычно, в четверг) [Пирятин, л.69; Полтавщина, л.2,23; Іванов, 1907, с.185 и др.]. Вклад со стороны парней был куда более скромным: он обычно ограничивался приглашением музыкантов[125], поставкой алкогольных напитков для ужина (только на праздники). Они же приносили солому, которую использовала молодежь, ночуя на вечерницах/досветках[126].

Важно помнить, что половое воспитание в рамках традиционной украинской семьи практически не осуществлялось, а разговоры в кругу семьи на темы физиологии женщины, особенностей ее половой сферы и репродуктивных функций считались недопустимыми. Такое поведение родителей было отчасти мотивировано универсальной культурной нормой — табу инцеста [Агапкина, 1999, с.418]. Избежание кровосмешения, предупреждение возникновения любых сексуальных импульсов (даже неосознанных) между родственниками было краеугольным камнем в построении отношений между родителями и детьми, равно же как и между разнополыми подростками в семье. Именно по этой причине родители были склонны отправлять своих чад соответствующего возраста ночевать на вечерницах [Іванов, 1907, с.209; Полтавщина, л.31]. Табу инцестуальных контактов привело к возникновению другого строго соблюдаемого обычая: родные братья и сестры должны были посещать разные вечерницы, вплоть до требования присутствия на одном собрании только одного человека из семьи [Полтавщина, л.40; Гнатюк, 1919, с.45; Воропай, 1993, с.28; Иванов, 1907, с.186]. Такое разделение усиливалось также упомянутым уже обычаем формирования вечерничных

они приобрели преимущественно трудовой характер, объединая для совместной работы неженатую молодежь и супружеские пары; их продолжительность была меньше, совместные трапезы были лишь прздничным исключением; они были практически лишены эротических компонентов (за исключением, разве что, девичьих гаданий о замужестве) Гомик, 1929, с.3; Сенчин, 1908, л.11-12; Гнатюк, 1919, с.42].

[123] На Полтавщине такие группы девушек называли «табунами».

[124] Хотя иногда музыкантов нанимали также и девушки [Заглада, 1934, л.88].

[126] Как правило, парни приносили ее из дома или же по обыкновению воровали обмолоченные снопы у других хозяев.

компаний по возрастному принципу, т.е. "більші парубки з більшими дівками, менші — з меншими" [Пирятин, л.65,74; Полісся, л.3,15,86,99,123,126].

Одной из самых важных примет украинских вечерниц/досветок были очевидные гендерные различия в поведении девичьих и юношеских групп, которые состояли прежде всего в статической, ожидательной позиции девушек в противовес активности и мобильности парней: "хлопці на яку хоч [улицю] ходили, а дівчата не ходили по чужих же улицях — дівчата на своїх", "хлопці можуть піти на другі досвітки кудись, а дівчата нікуди не мають права йти, тільки ж на свої. А до цих дівчат другі ж якісь хлопці йдуть", "дівчата на місці сиділи, на своєму кутку" [Полтавщина, л.61,30,1,40; а также: Данілов, 1909, с.2].

С другой стороны, как ни парадоксально, парни того или иного конца села считали местные вечерницы «своими», всячески препятствуя визитам сюда «чужих» парней: "беруть натичками й б'ють: *"Не ходіть до наших дівчат!", ганяють", "вони, буває, б'ються між собою, а так проводять з улиці натичками"* [Полтавщина, л.30]; Пирятин, л.64; а также: Богуславський, 1855, с.22]. В пользу такого предположения свидетельствует другой интересный обычай, которых был зафиксирован в 1934 г. в одном из сел Чернобыльского района Киевской области: *"Хлопці з собою приводили чужих хлопців, один хлопець на вечурках рахувався за хазяїна і угощав чужих хлопців своїми дівчатами (...) Як яка дівка приглянеться чужому хлопцю, то він шепне тому, хто його привів; і вже той тягне ту дівчинуу на куль [солому] і так угощає його своєю дівчиноюою (свого села), а той (в свою чергу) так робить у себе. Як дівка не хоче з хлопцем тим ночувати, то її насильно заставляють; свій хлопець ще поб'є, лає її й каже: "Як я був у них, то мені давали дівку, а ти не хочеш". Йому стидно перед чужим хлопцем ...»* [Заглада, 1934, л.87-88].[127] На Покутье имел место похожий обычай: парню, который только что стал членом юношеского сообщества, оно предоставляло девушку, с которой он и танцевал весь этот день. Примечательно, что она не могла отказать такому парню, даже если он ей не нравился [Костащук, 1929, с.23; Балушок, 1998, с.91]. По-существу, такая иммобильность девушек в сравнении со значительной свободой передвижения парней на этом этапе жизненного цикла является логическим продолжением начатой еще на ранних этапах социализации линии на гендерную дифференциацию сфер и форм проявления активности (внутренняя зона, дом, статика — "женская", внешняя, вне дома, динамика — "мужская").

По известным причинам между разными девичьими группами имело место соперничество на почве завоевания симпатий юношей. Определяя дом для вечерниц, девушки обращали внимание на его расположение, отдавая предпочтение той хате, которая стоит *"на видному місці, над вулицею, щоб зручніш було парубкам заходить"* [Пирятин, л.74], а также привлекали внимание парней песнями [Воропай, 1993, с.330; Волынь, л.9]. Если же парни слишком часто посещали одни вечерницы, пренебрегая другими, это могло послужить причиной для настоящей «войны» между девушками: обделённые вниманием пели в адрес соперниц постыдные песенки или пачкали навозом дверь «вражеской штаб-квартиры» [Пирятин, л.67,71].

Исследователи отмечают, что общение на вечерницах имело более или менее выраженное эротическое наполнение[Ястребов, 1896, с.119; Иванов, 1907, с.188; а также: Гуцульщина, л.21]. Инициаторами всяческих развлечений с эротическим подтекстом (игры, шутки, загадки, рассказы и т.п.) были преимущественно парни. Мощная установка на брак и психофизиологические особенности юношеского возраста определяли общую направленность деятельности и мотивацию поведения присутствующих. Вся полнота и разнообразие ее проявлений обозначена термином *"женихання"*.

Важно, что для всей территории полноценного функционирования вечерниц/досветок характерен обычай совместной ночевки парней и девушек (в осенне-зимний период — в вечерничной хате, летом — в хозяйственных постройках вне дома) [Балушок, 1998, с.103-104],

[127] Все же следует иметь в виду, что подтверждения существования упомянутого обычая в этом или других регионах Украины пока нет.

что воспринималось как естественный, допустимый или даже обязательный компонент добрачного общения сельской молодежи. Таким образом молодежь, кроме эмоционального, приобретала также и первый опыт непосредственного телесного контакта с представителями другого пола. Естественными и вполне допустимыми считались такие ласки, как поцелуи, объятия, прикасания к интимным частям тела, щекотание и т.п. [Пирятин, л.62-63; а также Гуцульщина, л.32]. Парни считали нормой, что *"хлопцеви нияка дівчина не може одказати, щоб не поцилуваться"* [Гнатюк, л.2].

Хотя пара для совместной ночевки образовывалась, как правило, по взаимному согласию, инициатива в этом принадлежала парню, девушка же могла принять или отвергнуть его предложение [Гнатюк, 1919, с.46; Иванов, 1898, с.103,740,861; Пирятин, арк.70; ІМФЕ, арк.34,109]. Этнографические материалы[128] свидетельствуют о гендерных отличиях в оценках этого обычая: парни считали его необходимой частью общения, а девушки, хоть и признавали такое поведение нормальным, все же действия парней воспринимали как в некотором роде насилие, считая такие требования чрезмерными [Кузеля, 1906; а также: Иванов, 1898, с.103,861; Рильський, 1890, с.352; Полісся, л.76,104,126]. Если же девушке удавалось избежать ночевки, парни могли публично оскорбить недотрогу или же нанести материальный ущерб хозяевам вечерничной хаты [Милорадович, 1897, с.99; Гнатюк, 1919, с.48; Пирятин, л.74; Полтавщина, л.67; Балушок, 1998, с.97].

Такое давление на девушек со стороны парней является недвусмысленным проявлением двойного стандарта в требованиях к женской и мужской нравственности и невинности до брака. Американская исследовательница Кристин Воробец, проанализировав содержание множества украинских народных рассказов на эту тему, пришла к выводу, что культура санкционирует мужские притязания, однако строго осуждает девичью уступчивость, рассматривая такие ситуации как испытания девичьей нравственности, но не выдвигая аналогичных требований к парням [Worobec, 1990, p.233-234]. Иногда парням и в самом деле удавалось обмануть (*"піддурити"*) и совратить неопытную девушку, обещая взять ее замуж [Кузеля, 1906, с.104,119-120], но судебный иск ее родителей по этому поводу мог быть удовлетворен лишь в том случае, когда ее репутация была безупречной [Worobec, 1990, p.236-237].

Главная задача, стоявшая перед девушкой «на выданье», — сохранение девичьей чести до брака, поскольку именно это было основным критерием определения ее нравственности и способности стать порядочной супругой. Так что воспитанные на традициях христианской морали и в духе здорового крестьянского прагматизма, трезво оценивавшие весьма непривлекательные жизненные перспективы матери-одиночки («покрытки»), девушки старались всячески избегать рискованных ситуаций, словом и делом пресекая поползновения со стороны сильного пола («*кричать, хлопців б'ют, сварютсе…", "вона могла в писок дати"* [Волынь, л.9; Гуцульщина, л.21; Пирятин, л.75; Афанасьев-Чужбинский, 1855, с.142; Иванов, 1898, с.213; Иванов, 1898, с.213]. Чтобы сохранить самоконтроль и способность противостоять мужскому натиску, девушки не злоупотребляли алкоголем (хотя его употребление считалось допустимым) [Пирятин, л.75]. Кое-где (например, на юге Киевской губернии) играли в «притулу», которая является на самом деле неполноценным половым актом, что позволяло избежать дефлорации и беременности [Кузеля, 1906, с.96-97]. Естественно, такие забавы были довольно рискованными, вследствии чего в селе появлялась еще одна «покрытка» (хотя и случалось это крайне редко) [Гнатюк, 1919, с.41].

---

[128] Примечательно, что большинство опубликованных ранее материаллов, собранных исследователями мужчинами у информаторов мужского пола, предлагали нам именно мужскую или, точнее, андроцентричную точку зрения, позитивно оценивающую этот аспект молодежной субкультуры села, т.е. имели явно однобокий характер. Только привлечение информации, полученной от женщин, позволило сделать наши реконструкции более целостными и продемонстрировать сложный и противоречивый характер явления, в котором женщины нередко усматривали санкционированное культурой принуждение девушки выполнять мужские желания.

Мысль о необходимости спать с парнями (которую те всячески проводили в жизнь) и вера в то, что вечерничный избранник вероятнее всего станет суженым, в сознании девушек постепенно трансформировалась в формулу-убеждение: *"треба обов'язково з хлопцями спати, а то і заміж не підеш"* [Заглада, 1934, л.87]. Такая модель поведения превращалась в нормативную, а иногда и в престижную в молодежной среде [Гнатюк, 1919, с.46].

Большинство исследователей подчеркивает преимущественно довольно невинный характер отношений на вечерницах: парни, как правило, с уважением относились к девичьей чести и не преступали черты, за которой начинался разврат [Труды, VII, с.352-354; Афанасьев-Чужбинский, 1855, с.141-142; Николаев, 1854, с.17; Сумцов, 1886, с.20; Вовк, 1995, с.228; Гуцульщина, л.31,32]. Однако и это общепризнанное и строго соблюдаемое правило имело свои досадные исключения. Общественное мнение, осуждавшее и наказывавшее в первую очередь согрешившую девушку[129], на самом деле вовсе не снимало ответственности за проступок и с парня. Гуцулы, например, не только публично наказывали его палкой, но и все юношеское сообщество демонстрировало к нему свое презрение [Онищук, 1912, с.313-314]. Там считали это большим грехом, сравнимым с поджогом церкви, и верили, что такого человека всю жизнь будут преследовать несчастья в наказание за причиненное девушке зло. [Гуцульщина, л.31,37].

Можно предположить, что обычай публичного физического наказания парня был некогда распространен и в других регионах Украины. Об этом опосредствованно сведетельствуют тексты народных песен, сюжет которых рассказывает о попытках и обстоятельствах избежания такого наказания посредством материального возмещения моральных убытков девушки [Гнатюк, ЕМУР, с.191; Чубинський, с.346; Кузеля, 1906, с.119-120]. События фольклорных сюжетов отчасти отражают жизненные реалии. Ведь по Магдебургскому праву и Литовскому статуту суд должен был выносить смертный приговор за растление девичества или изнасилование. Но, как свидетельствуют документы конца XVII—XVIII вв., на практике наказание смягчалось и виновника обязывали к материальной компенсации пострадавшей [Левицкий, с.113-119; Гошко, с.82-91]. Но уже в XIX в. это требование касалось только женатых мужчин [Онищук, с.319-320]. Интересно, что родители парня принуждали его к браку с опозоренной им же девушкой, как правило, руководствуясь меркантильными соображениями и интересами, если девушка была из зажиточной семьи [Гуцульщина, л.36].

Описанное выше поведение парней и девушек, явно противоречащее всем социально-признанным и устоявшимся морально-этическим нормам, вызвано, вероятно, действием в группе некоторых социально-психологических механизмов. В данном случае речь идет об актуализации полового влечения на фоне общей эротизированности ситуации вечерничного общения. На усиление общих тенденций в группе непосредственно влияет также количество присутствующих и плотность их расположения в помещении (так называемая «массовидность» поведения). В таком случае естественно, что упомянутые эротические импульсы становились более интенсивными именно на вечерницах, когда в сравнительно небольшом помещении собиралось до 20 и более человек. Кроме того, современные социальные психологи утверждают, что в группе снижается самоконтроль, что приводит к ослаблению нормативного сдерживания, т.е. в некоторых групповых ситуациях люди склонны отбросить нормативные поведенческие ограничения, теряют чувство индивидуальной ответственности за собственные поступки и действуют «как все», даже вопреки собственным ценностям [Майерс, 1997, с.369-374]. В группе также актуализируются механизмы конформизма: чем больше привлекательной является для человека некая группа, тем сильнее он будет наследовать принятые в ней модели поведения, опасаясь санкций с ее стороны (высмеивание, неприятие и т.п.) [Робер, Тильман, 1994, с.144].

Все эти факторы, несомненно, действовали во время вечерничных собраний, временно изменяя поведение молодежи на асоциальное. Собственно, мы имеем дело с двойным

[129] О положении девушки-«покрытки» подробнее см.: Кісь, 1998.

поведенческим стандартом и двойной моралью: одни нормы — для общения молодежи на людях, другие — в условиях отсутствия контроля со стороны взрослых. Ведь общеизвестно, что в повседневной жизни поведение девушек отличалось сдержанностью и скромностью. Исследователи и респонденты в один голос подчеркивают, что публичные проявления симпатии между парнем и девушкой было недопустимым: обычно "раньше вдень не побачиш дівку з хлопцем, бо засміють — тільки увечорі" [Заглада, 1934, л.88; а также: Полесье, л.73]. Как правило, "колись дівчина стидалася хлопця (…) Во постояв трохи, подивилось єдне на другого… Не можна по ночах було волочитися — батько сварився" [Волынь, л.9], "шоби шринькав парубок з дівков понадвір'ю цего давно не було (…) — тогди май тримали в огрозі", "Давно дівчина навіть не мала права заговорити на дорозі. Дівчина ни має нічого до бесіди" [Гуцульщина, л.31,35].

На Гуцульщине, где отношения молодых людей были довольно свободными [Кайндль, 2000, с.18-19], строго соблюдались некоторые ограничения общения в присутствии взрослых, в частности, табу на разговор во время танца: "У данци ни говорили, бо з цего дуже би си були люди сміяли. Дєдя, мама були би сварили і били їх [молодь], єк би вони си довідали, шо вони у данци говорє. У данци вони одно слово одно до другого не примов'єли" [Гуцульщина, л.33,31]. Даже в промежутках между танцами парни и девушки должны были соблюдать некую дистанцию, располагаясь отдельными половозрастными группами [Гуцульщина, л.31]. Общий взгляд на отношения молодежи выражен в народной песенке (коломыйке):

Ой, любім си, мій миленький,
Потайно, потайно.
Єк пидемо межи й люди —
Вкупі ни сідаймо [Гуцульщина, л.32].

В других лирических народных песнях также закрепляется эта установка на соблюдение тайны отношений влюбленных:

(...) Ішов козак потайком
До дівчини, серденько, вечірком (...) [Антология, 1989, с.228]
(...) Любилися. Кохалися
Ніхто не знав, но двох нас (...) [Балады, 1987, с.173]
(...) Бо нас двоє, серце моє,
Кохаймося зтиха (...) [Антология, 1989, с.225]

Так или иначе, но общественное мнение допускало значительную свободу общения молодежи на вечерницах/досветках и «улице». Родители усматривали в них древний обычай и считали, что было бы несправедливо отказать детям в таком общении и досуге, который в свое время и сами познали [Грушевский, 1993, с.257-259; Иванов, 1907, с.209; Рыльський, 1890, с.352 и др.]. Интересно, что крестьяне были довольно снисходительны не только к вечерницам как явлению, но и к другим проявлениям асоциального поведения молодежи. Это касалось прежде всего юношеских групп, которые своим «антиповедением»[130] часто наносили немалый материальный и моральный ущерб, воруя солому и дрова для вечерниц, а иногда устраивая довольно досадные молодецкие «забавы» (перетягивали улицу веревками, преграждали проход перевернутой бороной, похищали и уносили прочь ворота, затаскивали возы на крышу, шумели, портили хозяйственные и жилищные постройки и т.д.). Надо заметить, что от всего этого страдали в первую очередь те хозяева, которые не пускали дочерей на вечерницы [Балушок, 1998, с.97].

Таким образом, вечорницы/досветки и "улица" были той средой, где главным образом и происходила социализация молодежи брачного возраста, здесь девушки и парни могли лучше узнать противоположный пол, овладеть стилем и формами поведения, присущими взрослым, обрести некоторые знания и опыт с сфере личных отношений. Более близкое знакомство с

[130] Термин заимствован у В.Балушка [Балушок, 1998, с.96].

потенциальными брачными партнерами во время практически ежедневного общения на протяжении нескольких месяцев позволяло выяснить недостатки и преимущества каждого, что, естественно, позитивно сказывалось на качестве будущего супружеского выбора. Известная исследовательница молодежной субкультуры русской деревни Т. Бернштам считает, что в рамках института вечерниц происходила некая символическая имитация семейных отношений (как хозяйственных, так и личных), и это играло определяющую роль на последнем этапе подготовки молодежи к самостоятельной жизни [Бернштам, 1988, с.238].

Добрачное общение молодежи не ограничивалось упомянутыми формами. Парни и девушки использовали практически любой случай для знакомства. Одним из важнейших мест интенсивного общения крестьян была сельская церковь. Собираясь возле нее в воскресенье и праздники, парни и девушки тоже имели такую возможность. На Волыни рассказывали, что "на Пасху, на Різдво, коли-не-коли такоє свєто якоєсь, чи Спаса, чи Зелені свята — то вже йдуть хлопці й дівчата назад ідуть з церкви, ну то вже тримає за руку, то йде за товбою — вже знакомляться якось" [Волынь, л.24]. Так же происходило и на Гуцульщине, где парень, присмотрев девушку, "питаєтси у старших людей — бо це таки молодші ни знают, а старші підкажут цему. Тогди вин так си закрадає видтив, видтив — аби дес її стріти, аби щос ї зачепив до бесіди, аби заговорила. Та й так 'дної ниділі, та так дес другої…" [Гуцульщина, л.32]. На Пасху в этом регионе имел место еще один интересный обычай — девушки дарили парням росписные яйца («писанки»), а те в ответ приглашали их на танец. Происходило все это вот как: "Після вечірні у церкві на Великдень [хлопці] прав'є у дівчат писанки. Кажут: "Дівчєта, маєте по писанці дати?" Хто хоче дати, то каже "Маю", а хто ни хоче дати – то ни дає. А котрий хоче — тот си всердит та й ті писанки віб'є у кишені або у пазусі, а то лиш почюрит… За це, шо писанки давали, то хлопці брали дівок у данец. (…) И так трьох день прав'є. И так дівки дают писанки за то, шоби гуляли. Бо котра ни мала писанок, а мало давала — и мало гуляла. А котра мала багато писанок та й давала, — то та добре гуляла" [Гуцульщина, л. 32-33]. Интересно, что парень, получивший писанку, не отказывал в танце даже некрасивым девушкам, и, случалось, что они "тільки раз на рік танцували — за цу писанку" [Гуцульщина, л.35]. Кроме того, в пасхальный понедельник (называемый в народе "волочільний") гуцульские хозяйки устраивали пир, приглашая юношей и девушек повеселиться и потанцевать [Воропай, 1993, с.291].

Брачный выбор

"Ой ви, батьки з матерями, на те уважайте,
Ой як дасть Бог дітям пару, то не розлучайте…"[131]

Именно в юношеском возрасте, в период «дівування» и «парубочення» актуализировалась одна из фундаментальных социокультурных установок — установка на создание семьи. Она оставалась главным смыслообразующим фактором всей коммуникативной деятельности молодежи на этом этапе жизни, подчиняя все поведение достижению главной цели — брака. Характерно, что именно в девичьей среде это оказывалось крайне важно, о чем говорят поговорки (не имеющие, кстати, «мужских» аналогов): "Хоч за старця, аби не остаться", "Хоч за лапоть, аби не плакать", "Нехай вже і патик, аби був у мене чоловік"[132]. Особенно актуальным этот вопрос становился ближе к концу осеннего сезона сватаний (который заканчивался с началом Пилиповки — предрождественского поста). Так, на праздник Покрова (14 октября) девушки по всей Украине обращались к Бородице с просьбой-заклинаньем:

Свята мати, Покровонько,
Завинь мою головоньку,

[131] Из народной песни «В нашім селі, на тім конці сталася новина» [Балади, 1987, с.200].
[132] Здесь и далее использованы паремии из сборника [Прислів'я, 1990].

Чи в шматку, чи в онучу,
Най ся дівкою не мучу! [Воропай, 1993, с.456; Килимник, 1963, с.176-177].

Непросватанные к празднику Дмитрия (8 ноября) девушки становились менее разборчивыми, спеша выйти замуж, что отражено в поговорках: "До Дмитра дівка хитра, а по Дмитру — хоч за старця, аби не остаться", "Як Дмитра кінчається — сама дівка чіпляється" [Пирятин, л.144; Воропай, 1993, с.195]. Такая безусловная целеустремленность девушек вполне понятна, если учесть тот факт, что лишь в рамках семьи существовало легитимное поле для воплощения женского гендера, т.е. для реализации тех ключевых социальных ролей матери и хозяйки (а также их производных), которые только и могли обеспечить достижение женщиной статуса социально полноценной личности. Безбрачие, как известно, оценивалось в народе негативно, одинокого человека, как правило, осуждали или жалели [Гура, 1994, с.147-148].

Весьма показательным в этом смысле является обычай "колодка", целью которого было символическое наказание и осмеяние совершеннолетних молодых людей, не воспользовавшихся случаем создать семью [Иванов, 1907, с.77; Килимник, 1994, с.15-16; Соколова, 1979, с.54]. Обряд заключался в том, что неженатым молодым людям (или их родителям) женщины цепляли к руке или ноге деревяную колодочку, а те в ответ должны были откупиться магарычом, угощением или деньгами. Следует заметить, что касалось это в первую очередь парней, а девушек лишь в том случае, если они на протяжении года отказывали сватам [Агапкика, с.372]. Мы склонны усматривать в этом подтверждение нашего предположения о предписании традицией брачной инициативы парню (его и наказывают в первую очередь за недопустимую безынициативность), тогда как девушке надлежало пассивно принять свою «судьбу» (и ее наказывают как раз за противодействие!)[133].

Девушки, которым не посчастливилось в этом сезоне, пытались определить свою дальнейшую судьбу с помощью мантики. Девичьи гаданья о замужестве[134], являясь интегральной частью девичьей субкультуры, свидетельствуют о пасивно ожидательной позиции девушки в ситуации брачного выбора. При всем разнообразии приемов и способов, все они были направлены на выяснение нескольких наиболее важных для женской судьбы моментов:

- *Сроков замужества* (позитивным и негативным полюсами всего спектра возможных вариантов были соответственно «выйти замуж в ближайшем брачном сезоне» и «остаться старой девой»).
- *Характеристик будущего мужа* (возраст, статус — парень или вдовец, материальное положение, место жительства, хозяйственность, черты характера, дурные привычки и т.п.)
- *Характеристик будущей семейной жизни* (счастливая/несчастливая, длительная/раннее вдовство, главенство мужа/жены и т.п.)

Прогнозирование судьбы было особенно актуальным именно для девушек на фоне общей неопределенности брачных перспектив и ограниченных возможностей влиять на ситуацию, управлять ею или же контролировать ее, что подметил еще Н. Костомаров, анализируя доминирующие сюжеты лирических народных песен [Костомаров, 1906, с.939].

В пользу объектной (а не субъектной) роли девушки в ситуации супружеского выбора свидетельствует весенний обычай устраивать "ярмарки на дівчата", который был распространен в некоторых районах Карпат и Закарпатья. В.Гнатюк описывает происходившее так: "*На кожний ярмарок сходяться численно дівчата, що вже на відданю [з матерями] і легіні. Дівчата уставляються рядами коло моста, як можна найкраще причерурені, алегіні переходять попри них і приглядаються їм (...) Як котра котрому сподобається, то зараз*

[133] Некоторые исследователи, рассматривая знаково-семиотическое наполнение этого ритуала, подчеркивают его эротические импликации (в частности, из-за фаллической формы колодки) и доказывают, что главной его целью была символическая передача вегетативной энергии и плодовитости неженатой молодежи [Гаврилюк, 1999, с.43].

[134] Подробнеее см.: Виноградова, 1981.

зачинається на місці відповідна розмова. Коли легінь цілком не знає дівчини, а се трафляється часто, то наперед питає, хто вона і звідки вона, а потім виходять з нею з гурту на розмову (...) В цей спосіб розпізнається багато молодих людей з околиці Перегинська, а такі знайомства кінчаються звичайно вінчанєм (...) Парубки приходять нераз навіть дуже здалека" [Кузеля, 1914, с.1-2]. Этот пример является яркой иллюстрацией гендерного распределения ролей при избрании супружеской пары по принципу активность/пассивность.

Родители, как правило, стремились поскорей выдать дочь замуж, особенно если дочерей в семье было несколько [Тютрюмов, 1879, с.136]. Как показывают этнографические материалы, средний возраст вступления в брак в Украине для девушек составлял 15—18 лет, для парней — 18—20 [Пономарев, 1989, с.54]. Столь раннее супружество было обусловлено как экономическими соображениями, так и заботой родителей о нравственности своих детей. Установка на ранний брак отражена в множестве паремий, не имеющих смысловых антиподов: «Жни пшеничку приземлесеньку — віддай дочку молодесеньку», «Коня бистрого зараз сідлай — дівку молоденьку заміж віддавай» и т. д. К тому же в народе, как правило, осуждали тех, кто отказывал сватам, постулируя иной нормативный сценарий: "Тоді дочку давай заміж, коли беруть", "Дівка виходить заміж, як свати прийдуть", "Дівку віддавай, коли люди трапляються", "Хто перший, той ліпший" и т.п.

Далее мы внимательно проанализируем доступные исторические, этнографические и фольклорные материалы и попытаемся выяснить, в самом ли деле девушка была полностью лишена права голоса и имело ли значение ее мнение о женихе. Известный исследователь обычного права П.Ефименко в свое время утверждал, что среди украинцев "равенство [полов] до брака в некоторой степени служит предпосылкой равенства в браке" [Ефименко П., 1916, с.659]. Наша задача состоит в том, чтобы, с одной стороны, определить степень гендерного дисбаланса в ситуации брачного выбора (т.е. разницу в правах и возможностях парней существенно влиять на ее ход и результат), с другой — опровергнуть или же подтвердить изложенную выше мысль о существовании гендерного паритета (равенства) при избрании супружеской пары.

Обычно украинцы усматривают в девушке сторону пассивную, пребывающую в ситуации ожидания сватов со стороны жениха, которому и должна принадлежать инициатива в этом деле. В целом, анализ фольклорных и этнографических материалов обнаруживает характерную закономерность в том, что касается заключения брака: позиция девушки отмечена как зависимая, ожидательная — ее *отдают* или *берут* замуж, она *ждет* прихода сватов («старостів»), ее судьба во многом зависит от воли родителей и инициативы со стороны парня. Однако следует заметить, что употребление таких глагольных форм как «одружитися», «побратися», «пошлюбити» по отношению к обеим сторонам брачного соглашения содержит оттенок обоюдности, паритетности такого действия и соблюдения в некотором роде гендерного равенства (хотя бы и номинального) в ситуации заключения брака.

Возможен ли обратный порядок сватовства? Как указывают исторические записи, в среде крестьян-казаков конца XVI — начала XVII вв. был распространен обычай, дающий девушке возможность самой сватать своего избранника. Она приходила в его дом и оставалась там, настаивая на браке вплоть до получения согласия самого парня и его родителей [Боплан, 1832, с.60-62; Шерер, 1994, с.63-64][135]. Схожий обычай, получивший название "прийти на піч", наблюдался еще в конце XIX в. на берегах Днестра [Пономарев, 1994, с.236][136], другие исследователи также находили подтверждение его существования [Вовк, 1995, с.225; Тарасевский, 1919, с.120]. Так, в с.Стеблив около Канева рассказывали, что *«колись дівчата самі сватались за парубків: кажуть, що дівчина прийде було в хату, де вона назнає собі*

[135] Подробный анализ исторических свидетельств существования данного обычая см. [Курочкін, 1971].

[136] На этой территории он характерен также и для молдаван под названием «вени пе куптьор», о чем писал М.Коцюбинский в рассказе «Пе коптьор» [Коцюбинський, 1935, с.231-251].

парубка, покладе хліб на столі і сяде на лаві. То був знак, що вона хоче заручитись з господарським сином (...) Люди мали за гріх давати гарбуза дівчині» [Нечуй-Левицкий, 1878, с.36]. Отзвуки его найдены и в фольклоре:

Ой прийшла Маруся, стала біля ліжка:
Прийміть мене, мамо, я ваша невістка (...)
Ой прийшла Маруся, стал коло столу:
— Прийміть мане, мамо, я люблю Миколу.
Ой прийшла Маруся, стала у куточку:
— Прийміть мене, мамо, за ріднюю дочку [Дей, 1971, с.82].

Брачная инициатива могла исходить от девушки и в иной специфической ситуации. Речь о той полулегендарной норме обычного права, которая позволяла освободить преступника от казни, если какая-нибудь девушка согласится немедленно вступить с ним в брак. Легенды с таким сюжетом распространены в Приднепровье и в Галичине, а на Волыни даже найден документ, подтверждающий актуальность этого обычая в начале XVII в. [Левицкий, 1905, с.89-97]. Другой документ из г. Броды свидетельствует, что еще в начале XVIII в. помилование преступника для девушки было весьма популярной правовой нормой [Щурат, 1907, с.103]. Но нам следовало бы также обратить внимание на замечание, которое весьма уместно высказал В. Гнатюк: "за злодія чи розбійника ледве злакомило би ся багато порядних дівчат виходити замуж і ще таким незвичайним способом" [Гнатюк, 1906, с.216]. Кроме того, нужно иметь в виду, что упомянутые возможности брачной инициативы со стороны девушки были актуальны лишь в чрезвычайных обстоятельствах, т.е. являются исключением, которое подтверждает правило. На это указывает и незначительное количество упоминаний о таких фактах, и их локальность, и довольно раннее и практически полное исчезновение из практики. Однако нам приходится признать, что при некоторых обстоятельствах в сценарии сватовства могла произойти своеобразная нормативная инверсия мужской и женской ролей, что можно рассматривать как некое ситуативное проявление гендерного равенства.

Важнейшее (если не главное) значение в деле создания супружеской пары имели мнение и позиция родителей как девушки, так и парня (согласно ст.6 «Свода законов» Российской империи). Речь идет не об их слепом произволе, а скорее о реальной хозяйственной необходимости. По народным представлениям, семья — это прежде всего хозяйственная ассоциация, благосостояние которой зависит главным образом от зажиточности и трудолюбия ее членов. При таком акценте на экономическом аспекте брака[137] согласие родителей приобретает первостепенное значение. Именно они, по всеобщему убеждению, имея значительный жизненный опыт и благие намерения, способны избрать наилучшую пару для своего сына или своей дочери [Чубинский, 1869, с.14; Тютрюмов, 1879, с.131-132]. Старики, нуждавшиеся в помощи по хозяйству, торопили сына с женитьбой, предлагая на его выбор нескольких девушек из числа желаемых невесток (обращая внимание преимущественно на приданое, род и личные качества) [Шарович, 1896, с.6; Труды, 1877, с.52; Чубинский, 1869, с.12; Полтавщина, л.5 и др.].

Показательным для нас является замечание некоторых исследователей о том, что родители выбирали невесту для своего сына, *"не дивлячись на те, чи вона до вподоби синові, чи ні. Женять сина рідко за його згодою, а більш усього без його згоди й відома. Батько куда захотів, туда й пішов у свати"* [Брюховец, 1919, с.74]. Порой кажется, для молодежи вообще не существовало никакой свободы выбора, что случалось на Полтавщине: *"Тоді поїхав батько на ярмарок, десь там ще хтось виїхав на ярмарок – випили, познакомились: "В тебе дочка, в мене син – давай посватаємось!"* [Полтавщина, л.5]. В том же ключе следует рассматривать

[137] О том, что именно материальные соображения были ключевыми при женитьбе опосредствованно сведетельствует также и тот факт, что даже количество браков в селе год от года напрямую зависело от урожая зерновых [Ганкевич, 1891, с.28].

практику поочередного сватовства ко всем потенциальным невестам по очереди в надежде получить согласие хотя бы у одной из них: *"Берут там собі чоловіка якогось і посилают єго: одного вечора часом обійде три хати: «Мене прислав той то і той то. Чи Вашу дочку можна за нього замуж видавати? Чи вона може за него йти?» Дехто відказав, а дехто не відказав. А хтось відказав – пішов дальше. Дочка не мала голосу — то батьки»* [Волынь, л.15-16; Коломийченко, 1919, с.92; Кайндль, 2000, с.26]. В таком контексте роль молодых в избрании "подружжя" оказывается минимальной, так как и парни, и девушки являлись сравнительно пассивными объектами брачного соглашения[138].

Критерии популярности девушки в молодежной среде (красота, умение петь и танцевать, веселый нрав и т.п.) не были столь актуальны в ситуации создания семьи. Присматривая невесту для своего сына, родители обращали внимание прежде всего на состоятельность семьи (рассчитывая размер приданого, прежде всего земли и скота). Поэтому девушки из богатых родов скорее выходили замуж, чем их бедные сверстницы. Даже обделенные красотой и здоровьем дочери богачей могли рассчитывать на хорошую партию, ведь, как говорят карпатские боки, «Великі воли гнилу корову повезут» [Бойкивщина, л.27,11,38; Волынь, л.1,6,14]. Но поскольку первостепенными обязанностями женщины в браке были материнские и хозяйственные, здоровье и трудовые навыки все же имели для нее крайне важное значение [Крачковский, 1874, с.3]. О главных критериях оценки девушки как потенциальной жены рассказывает народная песня:

— Чи то, тату, тую брати, що воли-корови,
Чи то, тату, тую брати, що чорнії брови?
— Не питайся, мій синочу, чи вона багачка,
Тільки ходи, людей питай, яка з неї швачка.
Не питайся, мій синочку, чи головка гладка,
Тільки ходий, людей питай, чи метена хатка.
Не питайцся, мі синочку, брівок на шнурочку,
Тільки ходи, людей питай, чи спряде сорочку.
Не питайся, мій синочку, яка там на вроду,
Тільки ходи, людей питай, чи чесного роду [Антология, 1989, с.225]

Естественно, что интересовались не столько девичьей красотой, сколько тем, "чи метена хатка", "чи діжу замісить", "чи сорочку зробить", словом — "чи ділечко робить" [Труды, IV, 1877, с.52-53].

Преференции родителей и детей совпадали далеко не всегда из-за различий в критериях. Поэтому возможны несколько вариантов развития событий. В первом, типичном случае родители убеждением или силой принуждают сына или дочь согласиться с их выбором [Афанасьев-Чужбинский, 1855, с.141; Бойкивщина, л.2,7,11,12,15,32,38,54; Полтавщина, л.5,36,37,46,56,59]. Исследователи отмечают, что дети редко противятся родительской воле, как правило, довольно пассивно принимая их выбор [Ганенко, 1886, с.144; Шарович, 1896, с.6; Чубинский, 1869, с.13; Гуцульщина, л.35; Иванов, 1898, с.215].

Если позиции родителей и детей не подлежали компромиссу и ни одна из сторон не собиралась уступать, имели место случаи брака без родительского согласия. Девушка, предварительно договорившись со своим суженым, тайком убегала из отчего дома, прихватив с собой только кое-что из одежды [Сумцов, 1902, с.25; Полтавщина, л.5]. Однако эта практика не была обычной из-за санкций, применявшихся родителями к такой паре. Как правило, родители не справляли свадьбы («весілля»), что фактически означало общественное непризнание брака;

[138] Уместно также вспомнить обычай, имевший место в Украине еще в конце XVII в., в соответствии с которым родители заключали брачное соглашение для собственных несовершеннолетних детей, в которых за несколько лет вперед определяли время свадьбы, оговаривали размер приданого невесты и "віна" со стороны жениха, а нарушение такого договора какой-либо из сторон наказывалось значительными денежными компенсациями [Левицький, 1906, с.64].

не давали родительского благословения на венчание, что предвещало, по народным воззрениям, несчастливую семейную жизнь; молодая семья также не получала никакой материальной помощи от родителей, чья воля была нарушена (приданого, скота, земли, иногда даже жилья) [Чубинский, 1869, с.13; Тютрюмов, 1879, с.133; Шарович, 1896, с.7; Бойкивщина, л.38 та ін.].

Оптимальным сценарием развития событий следует считать полное совпадение намерений родителей и желания молодых или разумный компромисс между ними. Исследователи подчеркивают, что именно он был наиболее типичен для украинского села [Малороссия, 1876, с.50-51; Труды, 1877, с.52; Левицкий, 1900, с.112; Чубинский, 1869, с.13-14; Ганенко, 1886, с.144 и др.]. Особенными правами располагали совершеннолетние девушки в Полтавской и Черниговской губерниях: для них существовало юридически закрепленное право обращаться в суд за разрешением на брак в случае родительского запрета (согласно ст.7 «Свода законов»).

Рассматривая брак как пожизненный союз двух людей, украинцы весьма ответственно относились к выбору человека, с которым придется прожить до смерти. При этом ориентировались прежде всего на всестороннее стартовое равенство молодых — возрастное, имущественное, социальное и т.п. Считали нежелательной слишком большую разницу в возрасте, что, конечно, оправдано психологически. Народный взгляд на это отражен во множестве поговорок: "Знайся рівня з рівнею", "Бочкор до бочкора, чобіт до чобота", "Знайся віл з волом, а кінь з конем". Принадлежность супругов к одному социальному слою означала близость, родственность их ценностных ориентаций, установок, представлений о браке, ожиданий относительно гендерных ролей друг друга. Естественно, это способствовало скорейшему достижению взаимопонимания, налаживанию равноправных отношений, смягчало процесс взаимного приспособления и уменьшало вероятность конфликтов, особенно на первых порах семейной жизни или же в условиях принудительного брака.

В заключение заметим, что:

1. В молодежной субкультуре украинского села явно прослеживается гендерная дифференциация стиля и моделей поведения девушек и парней, а именно: первые демонстрируют пассивность, зависимость, статичность, тогда как другие проявляют активность, доминантность и мобильность в отношениях с противоположным полом.
2. В исключительных обстоятельствах соционормативная культура украинского села допускала инверсию гендерных ролей, предоставляя девушке право проявить активность и инициативу в вопросе брака.
3. Социальный контроль за поведением девушек и санкции за нарушение норм были более жесткими, чем в отношении парней, которые пользовались снисходительностью односельчан и чаще безнаказанно демонстрировали асоциальное поведение (недопустимое для других половозрастных категорий).
4. При выборе невесты/жениха, сватовстве и браке, несмотря на то, что формальная инициатива принадлежала парню, прослеживается некое гендерное равенство сторон в смысле их подчиненности воле родителей и невозможности самостоятельного определения собственной судьбы (хотя и здесь соционормативная культура оставляет молодежи шанс преодолеть родительский деспотизм).

ЛИТЕРАТУРА

Агапкина, 1996: Агапкина Т.А. “Колодка” и другие способы ритуального осуждения неженатой молодежи у славян // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С.354-394.

Агапкина, 1999: Агапкина Т.А. Инцест // Славянские древности. Этнолигвистический словар / Под общей ред. Н.И.Толстого. Т.2. М., 1999. С.418-420.

Антология, 1989: «Закувала зозуленька». Антологія української народної творчості. Пісні, прислів’я, загадки, скоромовки. К., 1989. 606 с.

Афанасьев-Чужбинский, 1855: Афанасьев-Чужбинский А. Быт малорусского крестьянина (преимущественно в Полтавской губернии) // Вестник Императорского Русского Географического Общества. Ч.13. СПб., 1855. С.129-156.

Балады, 1987: Балади. Кохання та дошлюбні взаємини. К., 1987. 471 с.

Балушок, 1998: Балушок В. Обряди ініціацій українців та давніх слов'ян. Львів-Нью-Йорк, 1998. 216 с.

Бернштам, 1988: Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начало XX века. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. 277 с.

Бернштам, 1999: Бернштам Т. "Хитро-мудро рукодельице" (вышиванье-шитье в символизме девичьего совершенолетияу восточных славян) // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. Сборник Музея антропологии и этнографии. T.LVII. СПб., 1999. С.191-249.

Богуславський, 1855: Богуславский Ф. Село Юриновка Новгородсеверского уезда Черниговской губерниии в историческом и этнографическом отношениях // Черниговские Губернские Ведомости. 1855. №19-21. С.1-43.

Бойкивщина: Етнографічні матеріали з Бойківщини, записані О.Кісь під час експедиції "Закарпатськими стежками В.Гнатюка через 100 років" у серпні 1995 р. // Архів ІН НАНУ. Ф.1. Оп.2. Од.зб. 418.

Бондаренко, 1993: Бондаренко Г. Від хлопчика до мужа…// Хроніка. 2000. Наш край. 1993. №1-2 (3-4)

Боплан, 1832: Боплан. Описание Украйны. Перевод с франц. СПБ., 1832.

Боржковский, 1887: Боржковский В. «Парубоцтво» как особая группа в малорусском сельском обществе // КС. 1887. №8.

Боровиковский, 1879: Боровиковский А. Женская доля по малороссийским песням. Очерк из малороссийской поэзии. СПб., 1879. 64 с.

Брюховец, 1919: Брюховець І. Весілє з прилуцького повіту Полтавської губернії (Запис 1917 р.) // Матеріяли до української етнольогії. Т.19-20. Львів, 1919. С.74-81.

Виноградова, 1981: Виноградова Л.Н. Девичьи гаданя о замужестве в цикле славянской календарной обрядности (западно-восточнославянские параллели) // Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст. М., 1981. С.13-43.

Вовк, 1995: Вовк Х. Шлюбний ритуал та обряди на Україні// Студії з української етнографії та антропології. К., 1995. С.219-335.

Воропай, 1993: Воропай О. Звичаї нашого народу. Етнографічний нарис. К., 1993. 590 с.

Ганенко, 1886: Ганенко М. Семейно-имущественные отношения крестьянского населения в Елисаветградском уезде // Степ. Херсонський белетрестичний сбірник. СПб., 1886.

Ганкевич, 1891: Ганкевич М. Про жіночу неволю в історичнім розвою. Львів, 1891. 49 с.

Гнатюк: Гнатюк В. Улиця і весілля // Відділ рукописів ІМФЕ ім.Рильського. Ф.28. Оп.3. Од.зб. 389. Без дати.14 с.

Гнатюк, ЕМУР: Гнатюк В. Етнографічні матеріали з Угорської Руси. T.IV.Нови Сад: Руське Слово, 1986. 283 с.

Гнатюк, 1906: Гнатюк В. [Рецензія на працю О.Левицького «Обычай помилования преступника, избранного девушкой в мужья»] // ЗНТШ. Т.73. Львів, 1906. С.214-217.

Гнатюк, 1919: Гнатюк В. Пісня про покритку, що втопила дитину. Львів, 1919. 144 с.

Гомик, 1929: Гомик І. Лемківські "вечірки" (вечерниці). Львів, 1929. 6 с.

Гошко, 1999: Гошко Ю. Звичаєве право населення українських Карпат та Прикарпаття XIV—XIX ст. Львів, 1999. 332 с.

Грушевський, 1993: Грушевський М. Історія української літератури. Т.1. Київ, 1993.

Гура, 1999: Гура А.В. Безбрачие // Славянские древности. Этнолигвистический словарь / Под общей ред. Н.И.Толстого. Т.1 М., 1995. С.147-148.

Гуцульщина: Етнографічні матеріали з Гуцульщини, записані Р.Кісем під час експедицій 1970—1972 рр.// Архів ІН НАНУ. Ф.1. Оп.2. Од.зб. 202а.

Данилов, 1909: Данилов В.В. Из народной жизни в Малороссии. К., 1909. 6 с.

Дей, 1971: Кілька фольклорних свідчень про сватання дівчини до парубка // НТЕ. 1971. №4. С.81-83.

Дикарив, 1919: Збірки сільської молодіжи на Україні, з паперів Митрофана Дикаріва // Матеріяли до української етнольогії. Т.18. Львів, 1919. С.170-275.

Ефименко П., 1916: Ефименко П. Обычноеправо украинского народа // Украинский народ в его прошлом инастоящем. Т.2. Пг., 1916. С.648-663.

Заглада, 1929: Заглада Н. Побут селянської дитини. Матеріяли до монографії с.Старосілля // Матеріяли до етнології. Т.1. К., 1929. 260с.

Заглада, 1934: Заглада Н. Матеріали з етнографічних досліджень в Чорнобильському районі на Поліссі в 1934 р.// Відділ рукописів ІМФЕ ім.Рильського НАНУ. Ф.43. Оп.5. Од.зб.166. 93 арк.

Иванов, 1898: Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии: очерки по этнографии края // Под ред. В.В.Иванова. Т.1. Х., 1898. 1012 с.

Иванов, 1907: Иванов П.В. Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии // Сборник Харьковского Историко-Филологического Общества. Т.17. Х., 1907.

ИМФЕ: Етнографічні та фольклорні матеріали з Полтавщини. 1927—1935 рр. // Відділ рукописів ІМФЕ ім. Рильського. Фонд 1. Опис 7. Од.зб.790. 192 арк.

Кабакова, 1999: Кабакова Г.И. Девственность. Девушка // Славянские древности. Этнолигвистический словар / Под общей ред. Н.И.Толслото. Т.2 М., 1999. С.35-39.

Кайндль, 2000: Кайндль Р.Ф. Гуцули: їх життя, звичаї та народні перекази. Чернівці, 2000. 208 с.

Каминский, 1928: Камінський В Нариси звичаєвого права України. К., 1928.

Квітка, 1928: Квітка К. Українські пісні про дітозгубницю. К., 1928. 61 с.

Кись, 1998: Кісь О. Дівчина-покритка в українському селі кінця XIX — початку XX ст. // Народознавчі Зошити. 1998. N 6. С.684-692.

Коломийченко, 1919: Коломийченко П. Весіллє в с.Прохорах Борзинського повіту Чернігівської губ.// Матеріяли до української етнольогії. Т.19-20. Львів, 1919. С.81-118.

Костомаров, 1906: Костомаров Н. Семейный быт в произведениях южнорусского народного песенного творчества // Костомаров Н. Собрание сочинений. Исторические монографие и исследования. Кн.8. Т.XXI. СПб., 1906. С.933-1081.

Коцюбинский, 1935: Коцюбинський М. «Пе-коптьор». Твори в 3-х тт. Т.1. К., 1935. С.231-251.

Крачковский, 1874: Крачковский Ю.Ф. Быт западно-русского селянина. М., 1874. 212 с.

Кузеля, 1906: Кузеля З. Дитина в звичаях і віруваннях українського народа. Матеріали з полудневої Київщини// Матеріали до українсько-руської етнології. Т.8. Львів, 1906.

Кузеля, 1914: Кузеля З Ярмарки на дівчата. (Причинок до української етнольогії) // Львів, 1914. 12 с.

Курочкин, 1971: Курочкін О. До історії сватання на Україні // Народна творчість та етнографія. 1971. №4. С.77-81.

Левицкий, 1900: Левицкий О. Южно-русская женщина в XVI—XVII ст.// Иллюстрированый сборник Киевского Литературно-Артистического Общества. К., 1900. Т.1. С.108-122.

Левицкий, 1902: Левицкий О. Очерки народной жизни в Малороссии во второй половине XVIII в. Киев, 1902.

Левицкий, 1905: Левицкий О. Обычай помилования преступника, избранного девушкой в мужья. (Страничка из истории обычного права В Малороссии) // Киевская Старина. 1905. Т.88. Кн.1. С.89-97.

Левицкий, 1906: Левицкий О. Сговор малолетних (страница из истории брачного права на Украине XVI в.) // Киевская старина. Т.92. 1906. С.64-72.

Майерс, 1997: Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1997. 684 с.

Малороссия, 1876: Малороссия. Описание края в историческом, географическом и этнографическом отношении. СПб., 1876. 63 с.

Милорадович, 1897: Милорадович В.П. Народные обряды и песни Лубенксого уезда Полтавской губернии, записанные и 1888—1895 г. // Сборник Харьковского Историко-Филологического Общества. Харьков, 1897. Т.16.

Нечуй-Левицький, 1878: Нечуй-Левицький // Правда. 1878. Т.2. С.36.

Николаев, 1854: Николаев А. Свадебные обряды малоруссов // Москвитянин. 1854. №7.

Онищук, 1912: Онищук А. Родини і хрестини та дитина до шостого року // Матеріяли до української етнольогії. Т.15. Львів, 1912.

Перлини, 1989: Перлини української народної пісні. Пісенник / Упорядник М.М.Гордійчук. К., 1989.

Пирятин: Етнографічні та фольклорні матеріали з Полтавщини, записані студентами Пирятинського педтехнікуму у 1925—1927 рр. // Відділ рукописів ІМФЕ ім.Рильського НАНУ. Ф.1. Оп.6. Од.зб. 621. 167 арк.

Полесье: Етнографічні матеріали з Київського Полісся, записані О.Кісь в липні 1998 р. // Приватний архів О.Кісь.

Полтавщина: Етнографічні матеріали з Полтавщини, записані О.Кісь у липні 1997 р.// Архів ІН НАНУ. Ф.1. Оп.2. Од. зб. 438.

Пономарев, 1994: Пономарьов А. Українська етнографія. К., 1994. 316 с.

Прислів'я, 1990: Прислів'я та приказки. Людина. Родинне життя. Риси характеру. К., 1990. 522 с.

Рилецкий, 1919: Рілецький О. Парубочі й дівочі звичаї в с. Андріяшівці на Полтавщині // Матеріяли до української етнольогії. Т.19-20. Львів, 1919. С.155-169.

Робер, Тільман, 1994: Робер М.А., Тильман Ф. Групповая динамика. Руководство и лидерство в малой группе // Хрестоматия по социальной психологии. М., 1994. С. 142-155.

Рыльський, 1890: Рыльский Ф. К изучению народного миросозерцания. II. Семейные отношения // Киевская старина. Т.30. К., 1890. С. 341-372.

Сенчин, 1908: Етнографічні матеріали. Записав Я. Сенчин на Холмщині та Підлассю. 1903—1908 рр. // Відділ рукописів ІМФЕ ім.Р. Ильського. Ф.28. Оп.3. Од.зб. 174. 18 арк.

Соколова, 1979: Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белоруссов: XIX — начало XX в. М., 1979.

Стельмащук, 1993: Стельмащук Г.Г. Традиційні головні убори українців. К., 1993. 238с.

Сумцов, 1886: Сумцов Н.Ф. Досветки и посиделки. К., 1886. 24 с.

Сумцов, 1918: Сумцов Н.Ф. Слобожане. Історично-этнографічна розвідка. Харків, 1918. 228 с.

Сявавко, 1974: Сявавко Є.І. Українська етнопедагогіка в її історичному розвитку.К., 1974. 150 с.

Тарасевский, 1919: Весілє в Борисівці Валуйського повіту в Вороніжчині, записав П.Тарасевський // Матеріяли до української етнольогії. Т.19-20. Львів, 1919. С.118-158

Труді, IV: Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край... Т.IV. СПб., 1877. 713 с.

Труді, VII: Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край... Т.VII. СПб., 1877. 608 с.

Тютрюмов, 1879: Тютрюмов И. Крестьянская семья. (Очерк обычного права). Ч.2 // Русская речь. 1879. Июль. С.123-156.

Чубинский, 1869: Чубинский П. Очерк народных юридических обычаев и понятий в Малороссии. СПб., 1869. 41 с.

Шарович, 1896: Шарович И.С. Юридические обычаи крестьян Печенежской волости Волчанского уезда Харьковской губернии. Х., 1896. 38 с.

Шерер, 1994: Шерер Ж.-Б. Літопис Малоросії, або Історія козаків-запорожців та козаків України або Малоросії. Переклад з франц. К., 1994. 310 с.

Щурат, 1907: Щурат В. Увільнення злочинця дівчиною в Бродах 1727 р. // ЗНТШ. Львів, 1907. Т.75. С.96-103.

Ястребов, 1896: Ястребов В. Новые данные о союзах неженатой молодежи на юге России // Киевская Старина. 1896. №10.

Worobec, 1990: Worobec C. Temptress or Wirgin? The Precarious Sexual Position of Women in Postemancipationa Ukrainian Peasant Society // Slavic Review. Vol.49. №2. 1990. Pp.227-238.

В.В. Тугай

ЛАТГАЛЬСКАЯ ЖЕНЩИНА В XIX ВЕКЕ: ЧЕРТЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ И БЫТА

В ходе борьбы ведущих европейских государств за Прибалтику в силу сложившихся исторических условий Латгалия оказалась административно отторгнутой от остальной территории Латвии. До 1772 г. она входила в состав Речи Посполитой, а после ее первого раздела была присоединена к России и вошла в состав Витебской губернии. В 1917 г., когда в Латвии была провозглашена Советская власть, Латгалия административно соединилась с остальной частью Латвии. Поскольку Латгалия на протяжении длительного времени административно входила в состав Витебской губернии, этой культурно-исторической области были присущи те же черты, что и остальным белорусским губерниям: в ней преобладали небольшие деревни с чересполосным землепользованием, в то время как на остальной территории Латвии — хутора. Латгалия представляла собой район широких этнических контактов и взаимовлияний, поскольку в ходе исторического развития здесь поселились представители разных национальностей и конфессий. Совокупность географических, экономических, социально-политических и других факторов способствовала сохранению в повседневной жизни латгальских крестьян, в том числе и в семейном быту, некоторых специфических национально-этнических форм, которые не были характерными для остальной территории Беларуси.

Путем исследования и анализа различных сторон крестьянского семейного быта: форм и структуры семьи, ее внутреннего строя, взаимоотношений родственников, их прав и обязанностей в семье, организации домашнего хозяйства, брака, имущественных отношений и т.д. автор попытался показать роль и положение женщины в Латгалии. Изучение латгальской семьи и роли в ней женщины служит выяснению ряда вопросов этнической истории латышей, раскрытию национальной специфики их быта.

Доминирующей чертой положения в обществе латгальской женщины являлось ее правовое неравенство и экономическое угнетение.

Для Латгалии XVIII—XIX вв. были характерны две формы семьи — малая и неразделенная[139]. Как правило, их отличительным признаком являлось число рабочих рук, в том числе и женских, которыми эти семьи располагали. Малые семьи, состоявшие преимущественно из одной супружеской пары с детьми и неженатых родственников боковых линий, обычно имели одного-двух взрослых работников-мужчин. Более сложные по составу неразделенные семьи имели обязательно двух-трех (иногда более) взрослых работников-мужчин и некоторое количество работников-подростков. Число женщин в малых и неразделенных семьях обычно превышало мужской состав. Наличие в семье нескольких трудоспособных мужчин выдвигало хозяйство в число крепких, тогда как преобладание женщин приводило к его упадку.

Домохозяин возглавлял полевые работы и, в основном, руководил работой мужской половины семьи. Иногда вследствие различных причин его заменяла жена[140]. В некоторых работах — отдельных видах обработки льна, сенокосе, молотьбе — участвовали как мужчины, так и женщины. В обязанности женщин входило ведение домашнего хозяйства: приготовление пищи, стирка, поддержание чистоты в доме, уход за домашним скотом (кроме лошадей), заготовка и сохранение впрок продуктов питания, воспитание детей[141]. Кроме того, существовало более детальное разделение обязанностей в соответствии с возрастом, умением и навыками каждого члена семьи.

В неразделенных семьях в делах, связанных с ведением домашнего хозяйства, женщины подчинялись домохозяйке, а при выполнении полевых работ — домохозяину. Особенно

---

[139] Ефремова Л.С. Латышская крестьянская семья в Латгале. 1860—1939. Рига, 1982. С.101.

[140] Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф.2635. Оп.1. Д.434. Л.35.

[141] Ефремова Л.С. Указ. соч. С.102.

большой властью и авторитетом пользовалась свекровь. В семьях, состоявших из нескольких женатых братьев, домохозяйкой считалась жена главы семьи, обычно это была старшая невестка. Домохозяйка, обладавшая большой властью в отношении женской половины семьи, в то же время находилась в подчинении у главы семьи.

Основной обязанностью домохозяйки было распределение между женщинами домашних дел и контроль за их выполнением. При этом в неразделенной семье учитывалась необходимость сочетания работ по хозяйству в целом с удовлетворением замужними женщинами нужд своей малой семьи. В действиях домохозяйки по определению обязанностей каждой женщины часто наблюдался произвол. Наиболее легкая работа доставалась дочерям или любимым невесткам. При этом принималось во внимание состоятельность семьи родителей невестки и величина приданого. Пристрастное распределение домохозяйкой домашних обязанностей, тяжелое, а нередко и унизительное положение женщины часто приводили к конфликтам между невестками, с одной стороны, и свекровью, с другой, а также между невестками и золовками. В неразделенных семьях сложилась достаточно узкая специализация труда женщин и при распределении обязанностей между ними соблюдались определенные традиции: наиболее ответственная, требующая трудовых навыков работа возлагалась на старших невесток. Приготовлением пищи, например, занималась сама свекровь или под ее руководством старшая невестка, младшие невестки и дочери к приготовлению пищи по обыкновению не допускались[142]. Зато они, как правило, участвовали в полевых работах: во время уборки урожая жали, вязали снопы, на сенокосе сгребали сено и складывали в копны, обрабатывали лен; на них возлагался также уход за огородом. Замужние женщины, кроме того, занимались переработкой продуктов животноводства. Одной из наиболее утомительных обязанностей девушек и молодых женщин являлся размол зерна на ручных жерновах[143]. В латгальском фольклоре часто встречаются песни, отражающие этот нелегкий труд: "Прежде всего весной — // Желтые одуванчики. // Прежде всего замужем — // У тяжелых жерновов"[144].

При полунатуральном характере хозяйства у женщин много времени уходило на ремонт и изготовление одежды. Каждая невестка полностью обеспечивала бельем и одеждой свою семью, а если свекор и свекровь были нетрудоспособными, — то и их. Одной из основных забот как самих девушек, так и их матерей, являлось приготовление приданого. Пряли и ткали, шили и вязали в основном в длинные зимние вечера. Посиделки сопровождались песнями, а если не приходились на посты, то и танцами[145].

Тяжелый физический труд в поле, изнурительная домашняя работа не только подрывали здоровье женщины и приводили к ее раннему старению, но и в значительной степени задерживали ее культурный рост. Несмотря на довольно высокий уровень грамотности населения Латгалии, женское образование находилось на низком уровне. Крестьяне, усматривавшие практическую выгоду от обучения мальчиков, — грамотный скорее мог получить прибыльную работу, легче приспособиться к военной службе, а также активнее участвовать во всех делах крестьянского общества, — не видели никакой пользы в обучении девочек. Несмотря на это, латгальские женщины, впрочем как и латгальские мужчины, оставались в XIX в. наиболее грамотным населением в крае[146]. Во второй половине XIX в. несколько изменился и быт латгальских крестьян: избы стали более высокими, светлыми, с двумя или тремя помещениями. Все это создавало более благоприятные условия для жизни латгальской семьи.

---

[142] Центральный государственный исторический архив Латвии (ЦГИА). Ф.1607. Оп.1. Д.59. Л.1-8; Д.189. Л.1-11.

[143] Памятная книжка Витебской губернии. СПб., 1866. С.149.

[144] Вольтер Э. Материалы для этнографии латышского племени Витебской губернии, ч.1. СПб., 1890. С.264.

[145] Ефремова Л.С. Указ. соч. С.102.

[146] Сементовский А. Этнографический обзор Витебской губернии. СПб., 1872. С.34.

Латгальская женщина довольно рано — в 16 лет — вступала в брак[147] и фактически попадала в полную экономическую и моральную зависимость от мужа. Это положение несколько изменилось в пользу женщины к началу XX в. Поздние браки, как правило, были повторными, что нередко было вызвано смертью одного из супругов. Родители часто выдавали дочерей замуж вопреки их желанию, исходя из своих материальных соображений[148]. Если молодой человек выбирал невесту, неугодную отцу, то им обоим нередко приходилось уходить из отцовского дома во избежание скандалов, на что, учитывая строгость отцовского воспитания в крестьянской семье, непререкаемый авторитет родительской власти, всемерно поддерживаемый католической церковью, мог решиться не каждый. Семейная жизнь латгальской женщины в XIX в. строилась на ярко выраженных домостроевских патриархальных началах, на подчинении жены мужу. Женское неравноправие было полным и всеобъемлющим. Так как в крестьянском хозяйстве и земля и имущество находились в руках мужчин, труд женщин, каким бы интенсивным и продуктивным он ни был, не обеспечивал ей экономической самостоятельности, и она всецело зависела сначала от отца, затем от мужа[149]. Имели место случаи, когда муж прогонял жену. Волостные суды допрашивали свидетелей о поведении жены и, если в нем не было ничего дурного с точки зрения нарушения норм нравственности, обязывали мужа принять жену обратно в семью или, по крайней мере, выдавать ей и детям содержание, заключавшееся не только в питании, но и в предоставлении жилища[150]. В начале XX в. с ослаблением патриархальных устоев участились случаи, когда латгальская женщина, не желавшая жить с притеснявшим ее мужем, обращалась в земскому начальству с просьбой о получении отдельного вида на жительство. Последний, выслушав показания свидетелей, подтверждавших невыносимые условия ее жизни в семье мужа, мог разрешить ей жить отдельно[151].

В Латгалии нередки были межнациональные браки. В подавляющем большинстве при их заключении молодые отдавали предпочтение белорусам[152], а супруги принадлежали к одному вероисповеданию, но если встречались браки представителей различных религий, то это, как правило, были белорусы и латыши[153].

Жизнь женщины-крестьянки в браке была тягостной. Даже во время беременности ей приходилось много работать. В 60—70 гг. XIX в. для родов часто использовали бани, которые стояли в стороне от остальных усадебных построек, что было вызвано не только гигиеническими соображениями, но и стремлением уберечь женщину и ребенка от сглаза[154]. Роды принимали деревенские повитухи, иногда свекровь или мать роженицы. Квалифицированная медицинская помощь почти отсутствовала. Антисанитарные условия и невежество повитух часто приводили к смерти матери или ребенка[155]. В народе бытовало много различных поверий и легенд, связанных с благоприятным исходом родов, проходивших в бане: "Где рождаются умные люди, // Где — стройные жеребята? // В бане рождаются умные люди, // В конюшне — стройные жеребята". Отдых женщины после родов был крайне непродолжительным. Уже на третий день крестьянка выполняла наиболее легкую домашнюю работу, а спустя неделю считалась полноценной работницей.

Новорожденного старались окрестить в течение недели, особенно в тех случаях, когда он родился слабым. В выборе имени участвовали родители, близкие родственники и крестные.

---

[147] Свод законов Российской империи. Кн. 3. Свод законов гражданских. СПб. Т.10, ч.1, п. 63. С.7.

[148] Креслинь Я. Инфлянтия. 1896. №1-2. С.163.

[149] Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1979. С.122.

[150] Ефремова Л.С. Указ. соч. С.162.

[151] ЦГИА Латвии. Ф. 680. Оп.1. Д.707. Л.2.

[152] Ефремова Л.С. Указ. соч. С.153-154.

[153] Там же. С.153.

[154] Витебская губерния. Историко-географический обзор. Вып. 1. Витебск, 1890. С.249.

[155] ЦГИА Латвии. Ф.657. Оп.1. Д.14. Л.67.

Часто ребенка называли именем того святого, в день которого он родился или его крестили. В XIX в. в латгальской деревне был широко распространен обычай давать новорожденному имя в честь отца и деда, матери и бабушки

К матери в крестьянской латгальской семье относились с большей теплотой и любовью, чем к остальным родственникам. Она, как правило, всю жизнь бескорыстно и самоотверженно трудившаяся ради благополучия детей, не являлась собственницей имущества, из-за которого между родственниками могла разразиться вражда. Со смертью домохозяина его вдова лишалась своего привилегированного положения в семье, и домохозяйкой становилась жена нового главы семьи. Престарелую мать-вдову, изъявившую желание жить самостоятельно, не могли судебным порядком принудить жить в семье сына или дочери. В то же время по существовавшему в латгальской деревне обычаю мать после раздела хозяйства мужа имела право жить у любого из сыновей[156]. Мать, особенно потерявшая трудоспособность мать-вдова, переходила на содержание детей и традиционно проживала у того из них, к кому перешел отцовский дом. В семьях с доброжелательными отношениями между родственниками содержание матери не вызывало особых споров: она жила и питалась вместе с семьей сына или дочери. В противном случае братья и сестры нередко заключали между собой договор о ее содержании с подробным перечислением полагающегося матери количества продуктов. Однако и такие соглашения часто не соблюдались, в результате чего положение прежней домохозяйки резко ухудшалось[157]. Так, крестьянка Карсавской волости Мейкулова указывала в жалобе в волостной суд, что она в течение 9 лет находится в семье сына на положении работницы, терпя от него и невестки постоянные оскорбления и обвинения[158]. Аналогичную жалобу в 1880 г. направила крестьянка Пилдской волости Анна Криштофова[159]. Известны случаи, когда сыновья вообще отказывались содержать престарелую мать и ей приходилось обращаться за помощью к крестьянской администрации[160].

Еще более тяжелой оказывалась участь мачехи-вдовы. Она имела право на хозяйство своего мужа только в том случае, если их брак был официально зарегистрирован. Часто пасынки спекулировали на этом, желая доказать, что мачеха не являлась законной женой отца. Начиналась длительная тяжба и поиски документов, подтверждавших брак. Пока выяснялась законность прав мачехи-входы, пасынки пользовались всей землей[161]. Бесправное положение крестьянок в неразделенных семьях явилось предметом специального обсуждения на Витебском губернском совещании в 1899 г. В решении совещания указывалось, что оно "считает необходимым расширить права жене домохозяина и женам сдольников в сводной семье вопреки обычному порядку, устраняющему их и вдов от участия в семейном совещании, касающемся распоряжения земельными участками"[162].

Традиционный семейный быт и патриархальные нравы с наибольшей силой проявлялись и дольше сохранялись в неразделенных семьях зажиточных крестьян. В семьях хозяйственно слабых сложившийся порядок нарушался, а женщины нередко были вынуждены работать на стороне. По данным переписи 1897 г., в Витебской губернии в целом среди работавших по найму женщины составляли 42,4%[163]. Из крестьянок, которые занимались местными и сторонними промыслами, 46% приходилось на женщин из малых семей земельных крестьян, 44,5% были безземельными и 9,5% из неразделенных семей. Таким образом, значительное

---

[156] Ефремова Л.С. Указ. соч. С.105.

[157] ЦГИА Латвии. Ф.1605. Оп.1. Д.740. Л.15.

[158] Там же. Ф.7067. Оп.1. Д.11. Л.88.

[159] Там же. Ф.725. Оп.1. Д.644. Л.1.

[160] НИАБ. Ф.2642. Оп.1. Д.90. Л.1.

[161] Ефремова Л.С. Указ. соч. С.134.

[162] Лозина-Лозинский М.А. Крестьянский двор // Вестник права. СПб., 1899. №5. С.6.

[163] Абезгауз З.Е. Развитие промышленности и формирование пролетариата Белоруссии во второй половине XIX в. Минск, 1971. С.109.

число женщин, работавших по найму, составляли малоземельные и безземельные крестьянки[164]. Значительная часть женщин, уходивших на заработки, батрачили. Их было 33,5%. Обширную группу — 17,3% — составляла прислуга. 14% являлись ткачихами и выполняли работу по заказу, 8,4% занимались прядением шерсти и льна, 7,8% были горничными и 7,6% отмечены как отходницы[165]. Из приведенных данных следует, что из числа работавших по найму женщин большинство батрачили или занимались переработкой сельскохозяйственной продукции.

Латгальские женщины обладали личной собственностью, которую составляли подарки, полученные от мужа и родственников во время свадьбы и различных праздников; сюда входили также имущество и денежные средства, перешедшие по наследству. Невестки получали шесть овец, шкуру коровы; приплод от скота также считался их собственностью[166]. Но желание воспользоваться имуществом своих близких и стремление к обогащению нередко порождали бессердечные, а порой и жестокие поступки родственников по отношению друг к другу[167]. Конфликтные ситуации часто возникали в семьях, где совместно с братьями проживали их незамужние сестры. Если последним не хватало энергии или здоровья отстаивать свои имущественные права в судебных инстанциях, то братья устраняли их от владения хозяйством. Положение сестер в таких семьях мало чем отличалось от положения батрачек, к тому же бесплатных. Пока сестра была в состоянии трудиться, она работала на семью, а с потерей трудоспособности в ней больше не нуждались и зачастую прогоняли[168]. Крестьянка-вдова, жизнь которой в браке не сложилась, также имела мало надежды на теплый прием в семье братьев[169].

Таким образом, на протяжении XIX в. имущественное и правовое положение латгальской женщины и мужчины было неравноправным. Так как в крестьянском хозяйстве семейная жизнь женщины строилась на патриархальных началах, а земля и имущество находились в руках мужчин, труд ее не обеспечивал ей экономической самостоятельности, и она находилась в полном подчинении у мужа.

---

[164] Ефремова Л.С. Указ. соч. С.108.

[165] Там же.

[166] ЦГИА Латвии. Ф.1607. Оп.1. Д.10978, 10979, 10982.

[167] Там же. Ф.1607. Оп.1. Д.739. Л.2-5.

[168] Там же. Ф.1605. Оп.1. Д.774. Л.1-18.

[169] Там же. Д.265. Л.1-12.

М.А. Буланакова

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА АНГЛИЙСКИХ АРИСТОКРАТОК СТЮАРТОВСКОЙ АНГЛИИ XVII ВЕКА

Особенности положения женщины в английском обществе раннего нового времени во многом определялись противоречиями традиционных норм и менявшихся стереотипов социального поведения англичан. Изучение практического опыта представительниц женского пола, анализ самобытных элементов женской субкультуры позволяет не только выявить основные критерии социальной активности женщины, но и более полно раскрыть своеобразие социальной организации английского общества раннего нового времени.

В связи с этим обращение к опыту представительниц английской знати не случайно. Обладая привилегиями своей социальной группы, знатные женщины располагали более широкими возможностями влияния на организацию социальных и властных отношений, хотя большинство представительниц аристократии следовало патриархальным представлениям о гендерной идентичности женщины, что являлось реальным фактором, регулирующим активность знатных женщин сфере образования, публичных отношений.

Вопрос о том, почему многие английские аристократки поддерживали традиционные представления о субординированности женщины в системе гендерных отношений и строили свое поведение в соответствии с патриархальными стереотипами социальной активности женщины, представляется одним из центральных при изучении особенностей организации женского опыта в английском обществе раннего нового времени. В связи с этим в рамках настоящей статьи исследуются особенности организации социального опыта английских аристократок в контексте патриархальной традиции, выявляются особенности восприятия аристократками стюартовской эпохи собственной гендерной позиции.

Патриархальная модель гендерных отношений, доминирующая в Англии раннего нового времени, определяла подчиненный статус женщины на всех уровнях социальной иерархии стюартовского общества. Однако, как замечал Л. Стоун, социальные установки и стереотипы по-разному действовали в различных социальных средах[170]. Представления о патриархальной субординированности женщины среди английской знати нередко вытеснялись реальными возможностями, которыми обладала знатная женщина. Основанием служили происхождение и родственные связи аристократки, ее юридический статус в отношении собственности, участие в политической жизни двора и королевский фавор. На бытовом уровне статус знатной женщины определялся ее образом жизни, кругом общения, особенностями времяпрепровождения, формулами этикета.

Наиболее общие компоненты социального статуса аристократки раскрываются при изучении понятий, традиционно используемых современниками стюартовской эпохи при обращении к знатным женщинам. Подобные обращения определялись особой традицией. Ричард Верстеган-Старший в сочинении "Восстановление пришедших в упадок сведений о древности наиболее благородной и славной английской нации" среди почетных титулов английской знати выделял "древнее и благородное обращение к женщине" — леди. Этимологию этого слова автор возвел к англосаксонским корням и объяснял древним обычаем гостеприимства, по которому супруга хозяина дома распоряжалась обслуживанием своих гостей за столом. Верстеган упоминал и то, что этот древний обычай сохранился в обязанностях современных ему благородных женщин[171].

---

[170] Stone L. The Family, Sex and Marriage in England 1500—1800. L., 1990. P.23.

[171] Ibid. P.372-373.

Очевидно, что в ситуации приема гостей знатная женщина наравне с супругом выполняла функции гостеприимства, демонстрируя тем самым прочность семейных уз и домашнего хозяйства, устойчивость социальных связей своего круга.

Участие знатной женщины в социально значимых действиях подчеркивает и Дж. Селден в своем трактате "Титулы благородства"[172]. Параллель между почтительным обращением к женщине "леди" и латинским понятием "domina", которую проводит Селден, позволяет говорить не только о хозяйственных функциях присущих женщине, но и раскрывает ее возможности в сфере социального влияния. Domina — хозяйка, в значении госпожа.

По Верстегану, "леди — это имя или благородный титул, посредством которого в основном обращаются ко всем знатным особам женского пола (principal women) и, который применим при обращении к женам дворян от рыцаря до короля... Так же в этот список включаются особы, чьи мужья не являются рыцарями, а лишь исполняют или исполняли административные обязанности и именуются господами (master)... "[173].

В "Титулах благородства" Джон Селден отмечал, что обращение "леди" его современники относят обычно к знатным женщинам достигшим четырнадцати лет, с целью подчеркнуть благородный статус и происхождение женщины. Селден подробно разъясняет, что существуют различия в употреблении титула "леди". Если по отношению к дочерям графов и знати более высокого достоинства это обращение может расцениваться как эквивалент титула, отражающий определенные позиции женщины в системе социальной иерархии. То при обращении к женам дворян меньшего достоинства титул леди приобретает характер общепринятого почтительного обращения к женщине, а "по обычаю, который считается правилом во всех гражданских делах, леди, которые являются женами рыцарей в большинстве случаев именуются дамами... "[174].

Но при любом смысловом определении — или в качестве благородного титула, или в качестве почтительного обращения — имя леди адресовалось при обращении к женщинам, находящимся в отношениях родства (дочь, жена, сестра) с мужчинами — носителями дворянских титулов.

Положение знатной женщины в аристократической среде определялось благородством и положением ее рода или же статусом супруга, одновременно с этим знатная женщина теоретически обладала формальным правом на дворянский титул наравне с мужчинами.

В результате брака женщина становилась носительницей титула своего супруга. Так же женщина могла унаследовать родовой титул (титул своих предков), если она являлась единственной прямой наследницей. Такие случаи на протяжении XVII в. носили единичный характер и привлекали к себе особое внимание со стороны современников, нередко женщины наследовали родовые титулы после продолжительных судебных разбирательств. Особо показательна история наследования владений рода Клиффордов, когда в борьбу за наследство с мужскими родственниками вступила единственная прямая наследница Джорджа Клиффорда, 3-го графа Камберленда, леди Анна Клиффорд.

Передача родового титула женщине могла быть осуществлена в соответствие с формулой *de suo jure,* а также по формуле *per se*, как. *л*ичное дворянство на пожизненный срок.

1 июля 1618 г. на основании патента мать лорда Бекингема леди Мэри Бомонт получила пожизненный титул графини Бекингем[175]. Леди Элизабет, виконтесса Сэвидж, ранее входившая в департамент Спальни королевы Анны Датской, в 1641 г. после смерти своего отца, Томаса

---

[172] Selden J.Titles of Honor. 2d Edition. L., 1631. P.880.

[173] [Verstegan R.] Restitution...L., 1673. P.372.

[174] Selden J.Titles of Honor... P.880.

[175] Nichols J. The Progresses, Processions and Festivities of King James I. Vols.I-IV. L., 1828. Vol.I. P.XXXI, (afterwards — Nichols); Selden J. Titles of Honor… P.878.

Дарси, графа Риверса, получила отцовский титул в соответствии с формулой *per se*, т.е. на пожизненный срок[176].

В предписаниях короля «О древних обычаях Англии», изданных в 1641 г. для членов палаты лордов, было определено, что «титулы, которые традиционно именуются дворянскими, равно как и сама корона, в случае прекращения мужской линии обоснованно и всецело передаются женщинам. Исключение составляют те случаи, когда наследование может быть обеспечено на основании иного права... И если граф или барон, умирая без сыновей, в качестве наследников имеет нескольких женщин, то, несмотря на то, что порядок наследования в отношении земель и владений уже установлен — или на основе соглашения, или на основе раздела — в соответствии с общим правом королевства, титул остается неделимым. Дворянские достоинства и титул по желанию короля переходят обычно в соответствии с прерогативой рождения...»[177], т.е. по формуле *possessio fratris.* Примером может служить история наследования баронства Огл. На основании патента от 4.12.1628 г. Кэтрин Кавендиш наследовала титул по формуле *possessio fratris,* после смерти своей старшей сестры. Патент закреплял баронский титул Огл за ее наследниками[178].

Права женщин как прямых наследников могли урезаться на основании Закона об отмене ограничений прав наследования для представителей когнатической линии. Этот закон передавал права наследования широкому кругу родственников и служил основанием для изменения раздачи и присвоения дворянских достоинств - устанавливалось или пожизненное держание титула, или наследование, полностью исключавшее женщин из круга наследников[179].

В апреле 1604 г. в парламенте обсуждался вопрос наследования баронского титула Эбергавени и ограничения прав наследования титулов и земель[180]. После смерти Генри Невилла, лорда Эбергавени его единственная дочь и наследница Мэри Невилл, вдова Томаса Фэйна заявила свои притязания на титул Эбергавени на правах наследницы. На основании патента от 25 мая 1604 г. она была возведена в титул баронессы Ле Деспенсер вместо титула баронессы Эбергавени, поскольку титул баронов Эбергавени отошел к мужским наследникам рода Невиллов[181].

Существовали прецеденты возведения женщин в титул независимо от степени дворянского достоинства рода или же титулов супруга аристократки. Примером может служить история леди Барбары, графини Каслмайн, супруги Роджера Палмера, графа Каслмайна. Леди Барбара на протяжении долгих лет являлась фавориткой короля Карла II. Она была титулована как баронесса Нонсач, графиня Саутчемптон, герцогиня Кливленд[182]. В дальнейшем титулы переходили ее старшему сыну Чарльзу Палмеру и его наследникам по мужской линии.

Пример графини Каслмайн представляет скорее исключение, однако расположение королевских особ нередко позволяло придворным аристократкам разрешать вопросы наследования в свою пользу. Леди Элизабет Петти получила пожизненный титул баронессы Шелбурн в качестве признания заслуг ее покойного мужа сэра Уильяма Петти, Главного земельного устроителя Ирландии[183].

---

[176] Complete Peerage of England, Scotland, Ireland, Great Britain and the United Kingdom. Vols. I-VIII. L., 1887—1898. Vol. VI. P.372-373. (afterwards — CPE).

8. The Harlein Miscellany: or, a Collection of Scarce, Curious, and Entertaining Pamphlets and Tracts. L., 1744. Vol. I. P.234. (afterwards — HM).

[178] CPE Vol. VI. P.117.

[179] Ibid. P.235.

[180] Calendar of State Papers. Domestic Series. 1603—1625. L., 1858—1882.

1603—1610. P.94. (afterwards — CSP Domestic)

[181] CPE Vol. I. P.19; Vol. III. P.94.

[182] CPE Vol. II. P.284-285.

[183] CPE Vol. VII. P.126.

В том случае, если знатная женщина не являлась наследницей, т.е. не получала родовой титул и основные владения, наиболее остро проявлялся вопрос ее обеспечения, вопрос сохранения ее статуса. По замечанию Джона Хабаккука, английские аристократические семьи стремились обеспечить всех своих детей, наделив их долей наследства. Обеспечение потомства считалось своеобразным долгом чести для родителей[184]. Однако, на основании майората приоритет наследования сохранялся за старшим сыном и мужскими наследниками. Отец не всегда мог в достаточной мере обеспечить своих младших детей. Часть наследства могла выделяться младшим детям при достижении совершеннолетия, при вступлении в брак, по завещанию отца или по усмотрению старшего брата[185].

Обеспечение дочерей было не редко более высоким, чем обеспечение младших сыновей[186]. Родители стремились обеспечить дочерей хорошим приданым с целью заключения выгодного брака, поскольку размер «вдовьей доли» напрямую зависел от размера приданого. К концу XVII в. даже установилась пропорция: на 1000 фт.ст. приданого рассчитывали выплачивать 100 фт.ст. годового дохода в качестве «вдовьей доли»[187].

Однако «вдовья доля» представляла собой отсроченный платеж, который не выплачивался до смерти мужа. По общему праву муж был обязан обеспечивать свою жену, и в течение жизни супруга женщина могла получать средства на карманные расходы (на булавки — pin-money) из доходов с владений мужа, это практика особо получила распространение к концу XVII в.

Перечисляя богатства, которые остались после смерти королевы Анны Датской, Джон Чемберлен в письме к Дадли Карлтону от 27 марта 1619 г. замечал, что «король таким образом экономит до 60000 фт.ст. в год». В эту сумму он включил питание королевы — 24000 фт.ст., ее «вдовью долю» — 13000 фт.ст., плюс ее карманные деньги и расходы на одежду[188].

Аристократический образ жизни представительницы английской знати могли поддерживать и за счет финансовой поддержки со стороны королевских особ. Английские аристократки, приближенные ко двору нередко в качестве источников дохода получали пожизненные пенсии, земельные держания, фиксированные ренты, королевские патенты и т.д. Уже в первые годы правления династии Стюартов пенсии были назначены Одри Уолсингем, Леди департамента Спальни королевы, леди Стаффорд, представительнице клана Говардов, дочерям и сестре графа Вестморленда и др.[189] Размер пенсий, как правило, варьировался от 50 до 200 фт.ст. «Стандартную» пенсию в 200 фт.ст. получила еще в Шотландии Арабелла Стюарт, лишившаяся титула и владений[190].

Выплаты могли носить и разовый характер, в качестве вознаграждения за услуги королевским особам, исполнение служебных обязанностей, в качестве возмещения недоимок, компенсации морального ущерба или потери территориальных владений. Кэтрин Бриджес, исполнявшая обязанности наставницы придворных фрейлин (Mother of the Maids) при дворе Анны Датской, в июле 1611 г. получила в качестве разового пожалования 100 фт.ст.[191] В конце этого же года ее имя упоминается в списках тех придворных, кто получил пожалование со стороны короля[192]. В случае леди Рэли, назначенные ей на девятом году правления Якова I 8000

---

[184] Habbakuk J. Marriage, Debt and Estates System: English Landownership. 1650—1950. Oxford, 1994. P.15.

[185] Ibid. P.17.

[186] Ibid. P.156.

[187] Ibid. P.147.

[188] CSP Domestic. Vol. III. P.27.

[189] CSP Domestic. 1603—1610. P.30, 113, 124.

[190] Smith E.T.B. Life of Lady Arabella Stuart. Vol.I. L., 1889.

[191] CSP Domestic. 1611—1618. P.58.

[192] Nichols. Vol. II. P.440.

фт.ст., явились компенсацией за манор Шерборн, который отошел фавориту короля Роберту Карру[193].

Размеры денежных вознаграждений могли варьироваться достаточно широко, что во многом зависело от королевского фавора и положения аристократки в системе придворных служб. Джейн Драммонд, дочь Патрика, 3-го лорда Драммонда, входила в Департамент королевской спальни Анны Датской. По замечанию испанского посла Хуана де Таксиса, она являлась центральной фигурой Департамента спальни королевы[194]. В конце 1605 г. она получает пожалование в 2200 фт.ст.[195], а в 1636 г. уже Карл I назначает ей большую пенсию размером в 1200 фт.ст. на срок в 31 год, возмещая тем самым задолженности в выплате ее пенсии, назначенной королем Яковом I[196].

По традиции преподнесения новогодних подарков, знатные женщины могли выступать как в роли дарителей, так и принимали презенты со стороны королевских особ. В новогодних списках за 1605—1606 гг. фигурируют имена графинь Эрандел, Шрусбери, Ратленд, Ноттингем и др., в списке баронесс упоминается имя леди Мэри Фэйн, баронессы Ле Деспенсер[197].

Нередко земельные пожалования осуществлялись совместно на супругов с указанием имен и условий пожалования. Так, на условиях аренды и возвращения земель первоначальному владельцу фаворит Якова I Филипп Герберт, его супруга леди Сьюзан, а также их наследники получили 30 декабря 1604 г. манор в Шурленде и другие земли в Шеппи в графстве Кент, выделенные из владений Томаса, лорда Чейни[198]. Они же в апреле 1605 г. получили в качестве королевского пожалования ренту с прихода в Блэкборне[199]. Одна из влиятельнейших пар яковитского двора граф Саффолк и леди Кэтрин совместно с их вторым сыном Томасом Говардом в июне 1607 г. получили право торговли в Шораме, графство Сассекс[200].

Земельные пожалования могли осуществляться и непосредственно женщинам. Графиня Ноттингем получила на срок жизни манор и дом в Челси, графство Миддлсекс[201]; леди Елизабет Хадсон — маноры на условиях держания в графстве Йорк[202] и т.д. Доходы с пожалованных земель рассматривались как источник пожизненного обеспечения. Графиня Нортумберленд, получив возможность распоряжаться доходами с земель (500 фт.ст. ежегодно) ранее принадлежавших ее отцу, потеряла возможность получать пенсию в 400 фт.ст., которая по распоряжению из Вестминстера была аннулирована[203].

Наиболее влиятельные аристократки двора получали королевские патенты, что позволяло частично решать проблемы обеспечения и снятия долгов. Леди Бедфорд в течение нескольких лет получила ряд патентов на добычу приморского угля, разработку золотых и серебряных жил и др.[204]

Королевские пожалования знатным женщинам определялись не только потребностями аристократки, но влиятельностью и заслугами ее родственников, и не редко были формой

---

[193] Ibid.

[194] A report from Juan de Tassis…// Transaction of American Philosophical Society. Vol. 53; pt. 6, 1963. P.54.

[195] Nichols. Vol. II. P.43-44.

[196] Peck L. Court Patronage and Corruption in Early Stuart England. L., 1993. P.69.

[197] Nichols. Vol. I. P.600—601.

[198] CSP Domestic.1603—1610. P.180.

[199] CSP Domestic. 1603—1610. P.210.

[200] CSP Domestic.1603—1610. P.360.

[201] CSP Domestic. 1603—1610. P.119.

[202] CSP Domestic.1603—1610. P.121.

[203] CSP Domestic.1603—1610. P.114.

[204] Lewalski B. Lucy, Countess of Bedford: Images of Jacobean Courtier and Patroness // Politics of Discourse: The Literature and History of Seventeen-Century England. Bercley. Los Angeles, London. 1987. P.72.

поощрения и демонстрации фавора королевских особ. Близость ко двору в действительности была не только источником обеспечения, но и важным элементом политической активности аристократок, участия знатных жен в политически значимых событиях.

Наряду с мужчинами женщины входили в систему придворных служб, выполняя должностные обязанности в хаузхолде королевы; многие аристократки приглашались ко двору для участия в празднествах, для исполнения частных поручений королевы; отдельные знатные особы прибывали ко двору, сопровождая своих мужей или влиятельных родственников.

В период утверждения Стюартов на английском престоле, в ходе процессии 1603 г. и празднеств, связанных с первыми церемониями возведения в дворянские звания, многие английские леди стремились продемонстрировать свое верноподданническое отношение новой династии. На праздник Св. Георгия и по случаю официального признания принца Генри и ряда высокопоставленных особ членами Ордена Подвязки в июле 1603 г. «влиятельнейшие леди Англии, во исполнение своих обязанностей и в честь королевы, прибыли ко Двору с целью выразить свою преданность Ее Высочеству… В глубоком поклоне… одна за одной благородные дамы целовали руку Ее Высочества… »[205]. Список имен английских аристократок, приветствовавших королеву, представляет особый интерес, поскольку многие из участниц этой церемонии в дальнейшем станут активными участницами придворной жизни. Катерина, графиня Саффолк, супруга Томаса Говарда, 3-го графа Саффолка, в дальнейшем приобретет влияние в хаузхолде королевы, она будет исполнять обязанности Хранителя драгоценностей королевы (Keeper of the Queen's Jewels) и фрейлины. Люси Гаррингтон, графиня Бедфорд, жена Эдварда, 3-го графа Бедфорда, исполняя обязанности фрейлины, станет наиболее влиятельной патронессой при дворе Якова I и др.

"Женские" должности и связанная с ними служба супруге монарха была не менее престижна и почетна, чем придворная служба королю. Характер влияния отдельных представительниц знати определялся, с одной стороны, статусом и влиянием их мужей или родственников мужчин при дворе, а с другой напрямую зависел от той роли, которую играла знатная женщина в системе придворных связей, формировавшихся вокруг королевы. И в этом случае большое значение играл личный выбор королевы.

В ходе поездки по Англии в 1603 г. королева Анна Датская отказалась принять на службу большинство английских аристократок, рекомендованных Яковом I. Однако именно в период утверждения Стюартов на английском престоле особое расположение королевы получила графиня Бедфорд[206].

Близкой подругой королевы еще в Шотландии была Барбара Ратвен, несмотря на то, что она являлась вдовой участника антигосударственного заговора 1600 г. графа Гоури, в сентябре 1603 г. ей была установлена пенсия в 200 фт.ст. ежегодно. Как указывалось в пожаловании "из сочувствия к ее трудностям… поскольку, несмотря на то, что ее семья выступила против короля, сама леди не проявила подобных настроений"[207].

Фактом принадлежности к кругу влиятельных придворных особ для аристократок было участие в церемониях двора, торжественных и праздничных мероприятиях. Королевские процессии, погребальные мероприятия, торжества по случаю рождения и крестин членов королевской семьи, церковные праздники, дипломатические приемы, брачные церемонии — все эти события требовали соблюдения придворного этикета и демонстрации верноподданнических настроений.

Своеобразным показателем единства дворянского сословия и короны стали королевские маскарады — театрализованные представления, вошедшие в моду в правление Якова I. При поддержке супруги короля Анны Датской, маскарады стали одним из центральных событий

---

[205] Nichols, Vol.I. P.194

[206] Ethel Carleton Williams. Anne of Denmark Wife of James VI of Scotland: James I of England. L., 1970. P.76, 79.

[207] CSP Domestic. 1603—1610. L., 1857. P.43.

культурной жизни раннестюартовского двора. Удачно сочетая танцы, пение, драматическое действие, маскарады являлись великолепным зрелищем «вершиной художественного воплощения двора Якова I»[208]. По замечанию Стефана Оргела, маскарады выражали триумф аристократического сообщества, центральным звеном которого была вера в иерархию и вера в идеальный характер правления[209].

Маскарады готовились по случаю рождественских и новогодних праздников, нередко знаменовали особые события в жизни двора — брачные церемонии фаворитов, торжества королевской семьи. Самуэль Дэниел, автор нескольких маскарадов, в предисловии к изданию текста маскарада «Праздник Тефис, или пробуждение королевы» (Tethy's Festival; or, the Queen's wake, 1610) писал: «обычно подобные представления относятся к памятным событиям времени, они призваны олицетворять собой праздник и великолепие торжественного момента»[210]. Собственно «Праздник Тефис» был приурочен к церемонии возведения наследника принца Генри в титул принца Уэльского.

Наиболее известные маскарады Анны Датской были рассчитаны на участие в них влиятельных аристократок двора. Состав участниц маскарадов обсуждался заранее, для них персонально разрабатывались костюмы и утверждались роли. Современники активно обсуждали театральные представления Анны Датской. В середине декабря 1604 г. господин Дж. Паркер писал господину Уинвуду о том, что при дворе идет подготовка маскарада королевы, среди участниц он называет леди Бедфорд, Саффолк, Сьюзан де Вер, Дороти Рич и др. Отдельно упоминает и тех аристократок, которые не смогут принять участие в маскараде. «…Леди Нортумберленд будет отсутствовать по причине болезни; отсутствие леди Хартфорд извиняет ее заболевание корью; леди Хаттон могла бы что-нибудь придумать в собственное оправдание, но по неизвестным причинам она не участвует в маскараде и даже собирается отправиться в собственную резиденцию; леди Ноттингем страдает полипами в носу, и существуют опасения, что их придется удалять…»[211]. «Маскарад Темноты» (Masque of Blackness, 1605), участниц которого обсуждал в своем послании господин Дж. Паркер, завершал празднества по поводу брачной церемонии фаворита короля сэра Филиппа Герберта и леди Сьюзан де Вер, а также по поводу возведения принца Карла в титул герцога Йоркского[212]. Участницы маскарада танцевали парами, по описанию Бена Джонсона леди выступали друг за другом, представляя символы справедливого правления — золотое дерево, украшенное фруктами; чашу, наполненную вином; облако, набухшее крапающим дождем и т.д. В паре с королевой Анной танцевала графиня Бедфорд, за ними следовали пары леди Герберт и графини Дерби; леди Рич и графини Саффолк; леди Говард и леди Сьюзан де Вер и др.[213] Имена отдельных аристократок повторяются в нескольких списках участниц театрализованных представлений. Маскарад Красоты, представленный в Уайтхолле в январе 1608 г., насчитывал шестнадцать участниц, среди уже известных имен влиятельных особ появляются новые лица — леди Арабела Стюарт, графиня Эрандел, графиня Монтгомери, леди Мэри Невилл, леди Анна Клиффорд и др.

Участие в маскарадах для аристократок было доказательством особого королевского фавора по отношению к ним или же их родственникам. Одновременно с этим, маскарады были возможным вариантом демонстрации собственного влияния. Джон Чемберлен делает интересное замечание по этому поводу в послании господину Д. Карлтону в связи с

---

[208] Ethel Carleton Williams. Anne of Denmark, Wife of James VI of Scotland: James I of England. L., 1970. P. 124.

[209] Цит. по: Bergeron David M. Royal Family, Royal Lovers: King James of England and Scotland. Univ. of Missuori Press, 1991. P.75.

[210] Nichols. Vol.II. P.346.

[211] Nichols. Vol.I. P.468-469.

[212] Nichols. Vol.I. P.479-530.

[213] Nichols. Vol.I. P.488-489.

подготовкой Маскарада Красоты: «…а в том, что им будет сопутствовать успех в танцах, вы не станете сомневаться, увидев богатейшие драгоценности, которыми должна быть украшена баронесса (Ле Деспенсер), (более чем на сто тысяч паундов), следовательно и леди Арабелла не позволит себя превзойти, равно как и королева не должна уступить…»[214].

Идея придворных маскарадов поддерживалась королевской властью, сам Яков I уделял особое внимание организации пышных театральных представлений, которые первоначально осуществлялись по инициативе и при личном участии королевы и ее приближенных дам. Позднее маскарады переходят в сферу влияния короля, а основными участниками представлений становятся придворные мужчины.

В период расцвета маскарадов королевы, среди регулярных распоряжений Якова I встречаются указания об оплате расходов необходимых для подготовки маскарадов королевы[215]. Одно из наиболее длительных и разработанных представлений — Маскарад Королев (Masque of Queens, 1609) одновременно считается и самым дорогостоющим. По случаю его подготовки официальные лица королевского хаузхолда — граф Саффолк, лорд Чемберлен и граф Ворчестер, шталмейстер двора получили особое распоряжение короля о том, что для обеспечения реквизита, необходимого при постановке маскарада на Рождество, следует выделить достаточные суммы в распоряжение королевы[216].

Необычным для современников и особо привлекательным моментом в театральных представлениях Анны Датской было участие в них самой королевы и аристократок из ее окружения. Диссонанс королевской сцены и традиций публичного театра был очевиден, поскольку женские роли на английской сцене, как правило, исполнялись мужчинами. В 1629 г. на театральных подмостках появились актрисы, но они были француженками. В годы гражданской войны театральные представления были вовсе запрещены. Значительно позднее, уже в эпоху Реставрации женские роли в Англии перешли актрисам[217].

Социальный статус участниц представлений Анны Датской отражал цели маскарадов, такие как демонстрация лояльности по отношению к правящей династии, манифестация монархического правления. Одновременно, как замечает Б. Левалски, маскарады были звеном самостоятельной придворной политики королевы, возможным способом декларации своих политических амбиций[218].

Женщины могли по-разному организовывать свое влияние при дворе, посредством достижения официальных должностей при дворе или в хаузхолде королевы, посредством демонстрации лояльности к правящей династии и участия в официальных и торжественных мероприятиях двора, путем участия в брачной политике аристократических кланов. Одновременно с этим женское участие в организации политических отношений оставалось опосредованным и локальным. Используя возможности социального статуса, влияние своего супруга и семьи, аристократка выполняла репрезентативную, представительскую функцию. По замечанию С. Мендельсон и П. Крауфорд, политическое влияние знатной женщины в значительной степени определялось соответствием поведения женщины критериям гендерной идентичности, т.е. тем, насколько поведение аристократки отвечало представлениям о женственности, насколько сексуальность женщины становилась фактором ее влияния в придворной политике[219].

Представления об участии женщин в политической жизни общества исключали возможность прямого участия представительниц женского пола в центральных политических

---

[214] Nichols. Vol.II. P.162.

[215] CSP Domestic. 1603—1610. L., 1857. P.386, 590, 612, 646, etc.

[216] CSP Domestic. 1603—1610. L., 1857. P.472.

[217] Чебышев А.А. Очерки из истории европейской драмы. Английская комедия к. XVII и половины XVIII века. СПб., 1897. С.5.

[218] Lewalski B. The Writing Women in Jacobean England. Harvard, 1993. P.28-30.

[219] Mendelson S. H., Crawford P. Women in Early Modern England. 1550—1720. Oxford, 1998. P.313-314.

структурах английского общества. Анонимный юридический трактат 1632 г. «Традиционный порядок урегулирования женских прав» (The Lawes Resolution of Womens Rights) воспроизводит типичные патриархальные представления об участии женщин в политической жизни общества. Автор трактата подчеркивает, что женщины не имеют голоса в парламенте, не участвуют в составлении и утверждении законов, а с юридической точки зрения о женщинах можно рассуждать лишь как о женах или девицах, готовящихся к замужеству[220]. Это достаточно типичное представление было обосновано тем, что юридический статус женщины по патриархальной схеме определялся через юридическую правомочность мужа, родителей или опекунов. Но даже при безоговорочном принятии подобного положения женщины, сами современники признавали возможность того, что некоторые представительницы женского пола способны изменить существующее положение дел.

Очевидно, что прерогатива на преодоление границ культурных стереотипов и существующих норм регламентации женского поведения в обществе во многом принадлежала представительницам английской аристократии. Высокое происхождение и удачные браки нередко открывали для аристократок возможности широкого политического влияния и активного участия в социальных процессах. Одновременно с этим знатная женщина, в соответствии с гендерной субординацией, относилась к патриархальной модели власти, равно как и ее современницы, более низкого социального происхождения, т.е была включена в систему патриархальной зависимости, принимала условия гендерной субординации, воспроизводила ее основные элементы. Социальный статус позволял знатным женщинам расширять границы социального опыта, изменяя тем самым существующие патриархальные стереотипы гендерного поведения.

***

Главным показателем значимости социального опыта женщины в стюартовском обществе было исполнение ею патриархальных обязанностей, а влиятельность женщины определенной социальной группы во многом зависела от соответствия ее поведения традиционным гендерным стереотипам. Нарушение общепризнанных границ гендерного поведения со стороны женщин воспринималось как нарушение социальных устоев и вызывало осуждение со стороны общества. Соответствие же гендерному статусу в его патриархальной трактовке воспринималось в стюартовском обществе как необходимое условие соответствия нормам христианской морали и представлениям об организации социального порядка.

Господство биологических детерминант в описаниях женского пола и ограничение социальных возможностей женщин детородной и хозяйственной функциями приводило к тому, что гендерные характеристики признавались главными и исчерпывающими критериями ее социального поведения.

Знатная женщина, являясь представительницей своей социальной группы, не только разделяла ценности и стереотипы аристократической среды, но и активно участвовала в формировании этих представлений в повседневной практике — на уровне воспроизводства этих ценностей, а также на уровне их рефлексии.

Аристократическое сообщество формулировало целый комплекс требований и представлений по поводу гендерной идентичности женщины. Наиболее общие параметры женского опыта определялись патриархальными ценностями, а реализация этих установок в повседневной практике на индивидуальном уровне регулировалась ценностями и образом жизни аристократического сообщества.

В связи с этим женское аристократическое общество может быть описано как социальная группа, основными критериями которой могут выступать социальная принадлежность и гендерная идентичность. Однако, как культурный феномен — женское сообщество

[220] Цит. по: Gowing, L. Domestic Dangers. Women, Words, and Sex in Early Modern London. Oxford, 1996. P.11.

представляет собой особую социальную группу с крайне размытыми границами и скорее может быть представлено описательным способом, т.е. способом перечисления социальных ролей знатной женщины, описанием образа жизни аристократок.

Представления о гендерной идентичности, формировавшиеся социальными институтами извне женской группы, осваивались аристократками и непосредственно реализовались в рамках повседневного опыта. В связи с этим особое значение для понимания критериев женского поведения в аристократической среде имеют те характеристики повседневного опыта женщин, на которые обращают внимание сами представительницы стюартовской знати.

Богатым источником подобной информации могут служить мемуарные и литературные тексты английских аристократок, описывающие "изнутри" повседневный опыт знатной женщины. Особое внимание в настоящем исследовании отводится сочинениям двух влиятельных представительниц английской аристократии времени Стюартов. В центре внимания — дневники леди Анны Клиффорд, графини Пемброк, Дорсет и Монтгомери (1590—1676) и литературные тексты леди Маргарет Кавендиш, герцогини Ньюкасл (1623—1673).

Имена этих героинь широко известны в историографической традиции, факты их биографий нередко используются исследователями с целью доказательства зарождения феминистской традиции в английском обществе раннего нового времени. Однако, анализируя ценности и представления об организации женского социального опыта, которые проявляются на страницах сочинений леди А. Клиффорд и леди М. Кавендиш, можно говорить о тесной взаимосвязи этих аристократок с общими представлениями стюартовской эпохи о патриархальном статусе женщины. Неординарность жизненного опыта и Анны Клиффорд, и герцогини Ньюкасл лишь с большей очевидностью позволяет говорить о наиболее типичных и традиционных характеристиках женского статуса в стюартовском обществе.

Дневники леди Анны Клиффорд и сочинения леди Маргарет Кавендиш позволяют двояко взглянуть на характер жизнедеятельности женского аристократического сообщества. Дневники Клиффорд отражают видение этих социальных связей «изнутри», путем фиксации событий. Взгляды же леди Кавендиш представляют собой оригинальную рефлексию социального опыта современниц, его критическое осмысление. Обе аристократки демонстрируют свой высокий социальный статус и принадлежность к аристократической среде, однако, по-разному ощущают себя в женском сообществе, по- разному формулируют свое соответствие гендерному статусу.

***

Важным элементом гендерной идентичности для представительниц стюартовской знати являлась принадлежность к женскому аристократическому сообществу, соответствие его нормам и критериям поведения.

Женское общество, которое описывает в своих дневниках леди Анна Клиффорд — это круг представительниц родственных и союзных между собой аристократических семей. Близкие по статусу и образу жизни аристократки были связаны единым времяпрепровождением, дружескими симпатиями или же требованиями светского этикета. Центрами их социальной активности выступали королевский двор, городские резиденции и провинциальные имения знати.

Королевский двор Стюартов являясь центром всех наиболее значимых событий в жизни английской элиты, концентрировал очевидные и скрытые амбиции аристократов[221]. Жизнь при дворе становилась исключительным желанием любой молодой аристократки, как пишет

[221] См. Федоров С.Е. Стюартовские придворные: Некоторые аспекты самосознания и поведения общности / Федоров С.Е., Кондратьев С.В., Питулько Г.Н. Англия XVII века: социопрофессиональные группы и общество. СПб., 1997. С.9-84.

леди Анна[222]. Атрибуты придворной жизни — личное знакомство с членами королевской семьи, участие в церемониях и празднествах двора, доступ к высшим привилегиям, полнота политического и социального влияния супруга и мужских родственников, осознавались аристократками как элементы высокого социального статуса, на основе которых складывалось сообщество представительниц знати. Представляя свой круг общения, леди Анна Клиффорд неоднократно упоминает имена влиятельных родственниц — графинь Уорвик, Бедфорд, Бат и др. Сам факт перечисления этих имен для современников правления Якова I Стюарта означал высокую степень социальной протекции и отражал принадлежность персоны к аристократическому кругу.

Герцогиня Ньюкасл, напротив, крайне редко произносит в своих текстах имена реальных лиц, оставляя своим героиням лишь инициалы. Женская портретная галерея, которую представляет леди Маргарет, создается автором для разоблачения отрицательных качеств современниц, поэтому часто в ее текстах появляются ремарки о том, что аристократки нередко осуждают ее за рассуждения о характере отношений между женщинами и мужчинами, об уровне женской образованности, о поведении женщин и их предрассудках. В силу этого она стремится сохранить свою независимость, стремится к уединению или же предпочитает мужское общество. Среди представительниц женского пола равными по статусу она скорее воспринимала образованных и талантливых женщин, нежели аристократок собственного круга. «Письма общения» адресованы анонимной особе, благородной женщине, чей интеллект и духовные способности очаровали герцогиню. В реальности у леди Ньюкасл подобные дружеские отношения существовали лишь с немногими современницами. Возможно, что прототипом анонимной участницы переписки могла быть одна из известных современниц леди Маргарет — Катерина Филлипс (1631—1664), поэт и драматург, прозванная своими почитателями «несравненная Оринда»[223]. Известно, что Филлипс находилась в переписке с леди Маргарет, их знакомство состоялось после возвращения Кавендиш из-за границы. Героиня эпистолярного сочинения герцогини Ньюкасл литературно одаренная особа, что неоднократно признает сама леди Маргарет.

Одной из наиболее значительных причин своего отшельничества и неприятия женского аристократического общества леди Маргарет называет бессмысленность и бесполезность времяпрепровождения знатных современниц. Остроты леди Кавендиш по поводу пустых разговоров и карточных игр — любимых развлечений аристократок — были не беспочвенны.

Образ жизни или характер времяпрепровождения — один из определяющих показателей единства аристократического сообщества. Для представительниц знати — это характерный набор развлечений и домашних занятий. Карточные игры — один из атрибутов светского образа жизни и один из излюбленных способов времяпрепровождения английских аристократок. Так леди Анна Клиффорд не раз отмечает на страницах дневника свои карточные проигрыши и обязательства не играть в карты: «… леди Грей пригласила леди Карр для игры в глеко, я проиграла им 15 фунтов. Все мы, а также леди Грэнем и сэр Джордж Маннерз ужинали у меня…»[224]; «…Я обедала у себя наверху в спальне…Вечером я играла в глеко с леди Грей и проиграла 27 фунтов и мелочь»[225]; «Я потратила весь день, гуляя и играя в карты…Мне настолько не везло, что я поклялась не играть в течение трех месяцев…»[226].

Ожесточенная критика карточных игр для леди Маргарет Кавендиш имела свои основания. Пытаясь объяснить причины женского приниженного положения в обществе, она указывала

---

[222] The Diaries of Lady Anne Clifford. Countess Pemprok, Dorset and Montgomery (1590—1676) / Ed. by D.J.H. Clifford. Alan Sutton, 1990. P.21. (afterwards — The Diaries)

[223] A Dictionary of British and American Women: Writers 1660—1800 / Ed. by L. Todd. L., 1987. P.247-248.

[224] The Diaries…P.29.

[225] The Diaries…P.43.

[226] The Diaries…P.51.

на тот факт, что женщины невежественны по своей природе, но более того они не желают расставаться со своей необразованностью и невежеством, поскольку ленивы от природы и бесполезно, в том числе на карточные игры тратят свое время[227]. Критические суждения герцогини Ньюкасл как нельзя лучше отражают общее состояние женской образованности в стюартовской Англии, а жесткий тон возможно определяется тем, что герцогиня соотносит уровень женского образования с образованностью представителей мужского пола.

Тем не менее, домашнее образование, которое, как правило, получали знатные женщины, соответствовало запросам общества — девушку готовили к замужеству и материнству, самостоятельной хозяйственной деятельности, светскому общению. «Женщина должна быть хранительницей очага и матерью»[228]. В аристократических семьях существовала практика приглашать для девушек наставников, с целью изучения языков, обучения чтению и письму. Молодая аристократка обязательно брала уроки музыки и танцев. Наставник леди Анны Клиффорд поэт Сэмюель Дэниел, известный ученый эпохи Елизаветы I, опытный учитель — ранее он был наставником в доме Пемброков, руководил обучением младшей сестры Филлипа Сидни, графини Мэри Пемброк[229]. С. Дэниел был наставником леди Анны всего в течение трех лет. Результатом этих занятий стал особый интерес леди Клиффорд к занятиям историей и английской литературе[230]. Поклонница одной из самых азартных карточных игр — глеко, с не меньшей тщательностью фиксировала в дневнике чтение книг по истории, религиозных сочинений, художественных текстов, свои занятия по составлению семейных хроник: «Мы завершили чтение Исхода с господином Раном, после ужина я играла в глеко со стюартом, как я это часто делаю после обеда и ужина» (8.03.1617 г.)[231]. «12 и 13 августа [этого же года] я провела большую часть времени, играя в глеко, а также слушая чтение Мол Невилл, которая читала для меня «Аркадию»… »[232]. В Ноулском дневнике леди Клиффорд ссылается на чтение широкого круга литературы. Среди исторических и политических текстов она упоминает историю Нидерландов[233], всеобщую историю турков Ричарда Нокса[234], Республику Лестера[235], среди религиозных текстов — Град Божий Аврелия Августина[236], историю церкви Евсевия, Псалмы, Книги Иова, Екклесиаста, другие книги Библии; среди литературных сочинений — произведения Овидия[237], Спенсера[238], Монтеня, Сидни, Чосера[239] и др.

Образование женщины регулировалась со стороны ее родителей, опекунов или мужа. В соответствии с желанием своей матери леди Маргарет Кавендиш в молодости не утруждалась занятиями по языкам и философии, о чем неоднократно сожалела в дальнейшем[240]. Несмотря на это, о своем образовании леди Кавендиш отзывалась в положительных тонах: «…моя мать заботилась более всего о том, чтобы мы были воспитаны добродетельными и скромными, по

---

[227] CCXI Sociable Letters, Written by the Thrice Noble, Illustrious and Excellent Princess, the Lady Marchioness of Newcastle. L., 1664. P.38-40. (afterwards — Sociable Letters).

[228] Mendelson S.H., Crawford P. Women in Early Modern England…P.83.

[229] Spence R.T. Lady Anne Clifford. Countess Pembroke, Dorset and Montgomery (1590—1676). Sutton Publishing. 1997. P.12-13.

[230] Notestein W. Four Worthies. New Haven, 1957.

[231] The Diaries…P.50.

[232] The Diaries…P.61.

[233] The Diaries…P.41.

[234] The Diaries…P.54.

[235] The Diaries…P.81.

[236] The Diaries…P.68.

[237] The Diaries…P.76.

[238] The Diaries…P.48.

[239] The Diaries…P.54.

[240] См. например: Philosophical Letters…L., 1664. P.2.

законам чести и благородства…»[241]. Среди своих домашних занятий она перечисляет пение, танцы, игру на музыкальных инструментах, обучение чтению и письму. Упоминая своих братьев, леди Маргарет указывает на то, что их образование было предметом особой заботы матери: Элизабет Лукас более жестко контролировала занятия мальчиков[242], нежели дочерей.
Констатируя общий уровень образованности женщин, леди Маргарет Кавендиш отмечала: "Женский пол ослеплен невежеством и пребывает в неграмотности…женщины настолько далеки от управления собственными страстями и желаниями, что страсти и желания управляют всей их жизнью…"[243]. Следовательно, и критика леди Маргарет в большей степени предполагала разоблачение ограниченности системы женского образования, а понятие «женское невежество» отражало тот узкий уровень знаний, которым довольствовалось значительное большинство представительниц аристократии.
Определенно и то, что женская образованность не была востребована стюартовским обществом, в силу господства патриархальной модели социальных отношений, не предусматривавшей иной социальной активности женщины, нежели материнство и хозяйственная деятельность. На институциональном уровне образование женщины оставалось не востребованным. Женщины, обладавшие высокой образованностью, были скорее исключением, нежели подтверждали общий уровень образованности женщин.
Контуры образовательного статуса большинства английских аристократок определялись патриархальной формулой. Если в мужском обществе высокая образованность рассматривалась, как один из возможных вариантов социального продвижения, то для женщин образование оставалось частным делом и служило лишь дополнительным украшением к патриархальным добродетелям женщины. Для значительной части образованных женщин возможностью социальной реализации их образовательного статуса, интеллектуального и духовного потенциала оставались занятия литературным сочинительством, организация патронажа или же воспитание собственных детей.
Поведение знатной женщины в обществе было предметом особого рассмотрения и внимания со стороны светского общества. Умение держать себя в обществе, соблюдая требования этикета и моды, составляло целую науку, которой обучались девушки в аристократических семьях. Умения петь, танцевать, развлекаться, музицировать, вести приятные беседы, модно одеваться составляли значительные достоинства современниц стюартовской эпохи.
Женская красота трактовалась как факт социальной значимости, понималась не только как источник наслаждений и предмет женской гордости, но и рассматривалась как реальный аргумент для уменьшения размера приданого при составлении брачных контрактов, являлась основанием фавора и доступа к дворянским титулам и привилегиям.
Распространенная в обществе раннего нового времени теория возрастов, определяла для женщины необходимость соответствовать своему возрасту в речах, поступках, одежде[244]. Об этом упоминает маркиз Галифакс, в наставлениях добродетельного отца он советует собственной дочери строго соответствовать требованиям возраста, и каждые семь лет менять прежний гардероб на тот, что будет соответствовать возрасту, а также внимательно относится к косметике и беречь возраст от нелепости омоложения[245]. Герцогиня Ньюкасл указывает, что возраст женщины, когда она уже не может называться красивой, должен стать временем расцвета ее мудрости[246].

---

[241] A True Relation of the Birth, Breeding, and Life of Margaret Cavendishe, Duchess of Newcastle / The Lives of William Cavendishe, Duke of Newcastle and his Wife…L., 1871. P.271.

[242] Ibid.

[243] Sociable Letters…P.38-40.

[244] Mendelson S. & Crawford P. Women in Early Modern England. Oxford, 1998. P.76.

[245] Advice to a Daughter…P.114-115.

[246] Sociable Letters… P.54.

Значительным показателем женской привлекательности для представительниц английской аристократии было умение модно одеваться. Визуальное воплощение своего статуса посредством дорогостоящих нарядов, драгоценностей и украшений было для знатной женщины одним из способов демонстрации собственной принадлежности к высшим слоям общества, а также представления богатства семьи и влиятельности ее супруга. Английская знать активно заимствовала традиции европейской моды, с начала XVII в. на территории Англии конкурировали линии испанской и французской моды. Специалисты в области истории костюма отмечают, что веяния континентальной моды вводились в Англии повсеместно, настолько быстро, что постоянно выходили из моды[247].

Увлечение собственной внешностью и гардеробом было одним из излюбленных занятий представительниц знати, тем более, что эти занятия поощрялись обществом и определялись запросами аристократической среды. Леди Маргарет среди своих слабостей и любимых занятий называет увлечение модой и стремление создать неповторимый стиль в одежде[248]. Леди Анна Клиффорд в Ноулском дневнике регулярно отмечает случаи пошива новых нарядов, детали собственных платьев, а также описывает собственные украшения. Любое пополнение гардероба означало для знатной женщины значительные расходы, поэтому признавалось возможным преподносить подарки, не только в виде украшений, но и деталей женского платья. 2 ноября 1618 г. леди Анна отмечала в дневнике: «…Я отправила королеве через леди Ратвен юбки к белому атласному платью, полностью украшенные жемчугом и цветной вышивкой, все это обошлось мне в восемьдесят паундов без стоимости атласа»[249].

Женский интерес к моде и нарядам определялся общими представлениями о женском воспитании, требованиями светского образа жизни. Модная одежда являлась наиболее значимым способом репрезентации человека и считалась важным условием для куртуазного общения, позволяла женщине привлекать к себе внимание общества и поклонников. Леди Маргарет называет умение одеваться и следовать моде женской поэзией, подчеркивая, что мода является предметом, занимающим внимание значительного большинства подданных государства.

Центральное звено светского образа жизни и наиболее привлекательная сторона столичной реальности для знатной женщины — куртуазные отношения, посредством которых молодые аристократки нередко получали возможность избавиться от моральной опеки со стороны родителей, достигая определенной свободы общения и презентации своих качеств в высшем обществе.

Куртуазные отношения как компонент социальных взаимодействий необходимо впитывали общие представления об отношениях и иерархии полов. Мужская субординированность по отношению к женщине в куртуазной игре, равно как и сеньориальная власть женщины по отношению к поклоннику — понимались как условность и трактовались современниками в качестве отправной точкой построения светской модели патриархальных взаимодействий полов.

Особое внимание в аристократической среде уделялось положению женщины в браке. С этим аспектом жизни английской леди были связаны вопросы материального обеспечения женщины, степени ее влиятельности в аристократической среде, достоинства и моральных устоев женщины. Леди Маргарет, подчеркивая эти представления, рассматривает брак как условие счастливой жизни любой женщины. Брак позволяет упрочить или даже улучшить социальный статус женщин, обрести самостоятельное домохозяйство, стать уважаемой матерью. “Когда существует взаимоприятный союз душ и тел в браке, когда доблесть и

---

[247] A History of English Custome. L., 1937. P.79-102.

[248] A True Relation of the Birth, Breeding, and Life of Margaret Cavendishe, Duchess of Newcastle / The Lives of William Cavendishe, Duke of Newcastle and his Wife…L., 1871. P.302-304.

[249] The Diaries…P.64.

благочестие являются двумя вершинами, на которых восседает брачная пара"[250]. Поэтому особое внимание следует уделить выбору мужа. Женоподобные красавцы не привлекательны, поскольку более всего они заботятся о своей внешности и о том, какой эффект производят на публику. Важнее выбрать человека, чьи действия определяются честью и достоинством, того, кто заботится не об объеме речи, а ее содержании. Брак необходимо заключать с человеком мудрым, который избегает глупых ссор, руководствуясь разумными доводами[251]. Брак с таким человеком гармоничен и достоин всякого уважения и защиты даже при условии, что супруг не является знатным и не имеет титула.

Представления и рассуждения о браке и морали составляют значительную часть литературных сочинений леди Маргарет Кавендиш. Т. Гоббс, после прочтения пьес леди Маргарет, отметил, что: «ее пьесы пронизаны идеей добродетели и чести более, чем любая книга по вопросам морали, которую он когда-либо читал…»[252]. Пиетет по отношению к патриархальным нормам брака, переносится герцогиней Ньюкасл и на реальный жизненный опыт. Стремление соответствовать патриархальным представлениям о поведении женщины в браке для леди Маргарет стало одним из импульсов написания биографии мужа Уильяма Кавендиша. Биография У. Кавендиша представляет собой апологию его политических и военных заслуг, одновременно этот текст отражает его патриархальное влияние в семье, леди Маргарет характеризует своего супруга как любезного мужа и заботливого отца[253]. На протяжении всей биографии леди Маргарет свидетельствует о том, что беспрекословно принимает решения своего мужа и поддерживает все его решения. Брак герцогини и герцога Ньюкасл подкреплялся единством духовных и интеллектуальных интересов. Значительное число произведений леди Маргарет сопровождается эпистолами Уильяма Кавендиша, который высказывает одобрение в адрес жены. Значительная часть поэтических сочинений герцога предназначалось его супруге леди Маргарет. Его небольшое стихотворение Супружеская любовь (Love's matrimony) идейно совпадает с пониманием брака в сочинениях леди Маргарет:

«…Мы подобны королю и королеве, —
Две фигуры на одной монете,
Только их единство без объятий…
Мы с тобою с глазу на глаз — двое…»[254]

Браки леди Анны Клиффорд были не столь гармоничны, но идеализировались не меньшей степени самой графиней. И первый, и второй брак были источниками серьезных переживаний леди Анны. Конфликты, о которых она регулярно сообщает в дневнике, как правило, определялись расхождениями супругов по вопросам собственности. Первый супруг леди Анны Ричард Саквилл, 3-й граф Дорсет, под давлением короля отказался поддержать притязания леди Анны на наследство Клиффордов, что привело к решительному разладу супружеских отношений. На фоне записей о переживаниях, обидах, чувстве одиночества, которые переживала леди Анна, контрастно выглядят лондонские новости о занятиях и образе жизни графа Дорсета. В середине мая 1616 г. леди Анна делает запись: «…все это время мой господин находился в Лондоне, где обладал многим и бесконечные блага нисходили на него. Он многократно посещал петушиные бои, кегельбан, театральные представления и

[250] Sociable Letters…P.123-124.

[251] Sociable Letters…P.220-222.

[252] Цит. по: Grant D. Margaret the First. Toronto, 1957. P.221.

[253] A True Relation of the Birth, Breeding, and Life of Margaret Cavendishe, Duchess of Newcastle / The Lives of William Cavendishe, Duke of Newcastle and his Wife…L., 1871. P.188.

[254] Signet Classic Poets of the 17th Century. Vol.2. P.327.

лошадиные скачки… Он почитаем всем обществом, …тогда как я остаюсь в деревне, печалясь и с тяжелым сердцем… »[255]. Болезненно воспринимая одиночество, леди Анна, однако, с особой гордостью указывает на исключительные качества своего супруга, а также особо подчеркивает близость графа Дорсета к королевским особам. Граф обладал исключительным расположением короля. На петушиных боях, птицы Якова I и Ричарда Саквилла бились друг против друга, что почиталось за особую честь. Однако, фаворит привлекался и к исполнению особых поручений. 13 февраля 1617 г. леди Анна писала: «…в этот день король произносил речь в Звездной Палате по поводу дуэлей…Мой супруг стоял вблизи с королем, поскольку он обладает исключительной милостью и фавором короля»[256].

Леди Анна почитала своего супруга и за его образованность, и за хорошие манеры. Граф был приятным собеседником, он любил чтение и нередко уединялся за книгой или же читал для своей супруги вслух, когда леди Анна занималась вышиванием[257]. Превосходные качества характера, присущие графу Дорсету, которые отмечает леди Анна уже после смерти супруга, позволили ей сказать: «Будучи его женой, я была счастлива во многих отношениях»[258].

Второй супруг леди Анны Клиффорд Филипп Герберт, 4-й граф Пемброк и Монтгомери был не менее известной фигурой при дворе Якова I и его приемника. «3 июня [1630], после того как я оставалась вдовой шесть лет два месяца и пять или шесть дней, я вышла замуж в церкви Ченей (Cheneis) в Бекингемшире за моего второго супруга Филиппа Герберта, графа Пемброка и Монтгомери, лорда — Чемберлена королевского хаузхолда и рыцаря Ордена Подвязки»[259]. По случаю смерти Филиппа Герберта леди Анна сделает в дневнике обширные записи о чертах его характера и заслугах перед королем: «…он был величайшим человеком своего времени в Англии по всем своим качествам…»[260].

Идеализация собственных браков английскими аристократками — прием, позволяющий знатной женщине подчеркнуть значимость собственного статуса посредством демонстрации влиятельной позиции супруга и материальных выгод брака для обоих супругов.

Статус женщины в рамках ее социальной группы повышалась в зависимости от той гендерной роли, которую воплощала женщина на определенном жизненном этапе. Патриархальная традиция признавала, что каждая женщина на различных этапах своей жизни может являться дочерью и родственницей, невестой, законной супругой (возможно вдовой), матерью. Эти основные грани женского опыта воспринимались как своеобразный алгоритм развития ее социального опыта.

Своеобразной вершиной женского опыта понималось материнство. Социально одобряемая и религиозно освященная роль матери была показателем социальной значимости и востребованности женщины. Плодовитость матери и здоровье потомства были предметами действительной гордости женщины любого социального ранга. Констатируя этот факт, леди Маргарет Кавендиш отмечала, что вопрос рождения детей для большинства женщин — это прежде всего вопрос женского достоинства. В представлениях современного М. Кавендиш общества “постыдно быть старой девой или же бесплодной, поскольку уже во времена Христа было крайне постыдно не иметь детей, поэтому большая часть девиц и замужних дам желают иметь мужей и детей на любых условиях”[261].

Рождение ребенка — событие исключительной значимости, связанное с божественной волей и милостью. Леди Эгертон, графиня Бриджуотер (1623—1661) в своей молитве на время родовых схваток, обращаясь к Господу, просила о том, чтобы ее дитя появилось на свет без

---

[255] The Diaries…P.33.
[256] The Diaries…P.49.
[257] The Diaries…P.40.
[258] The Diaries…P.87.
[259] The Diaries…P.89, 91.
[260] The Diaries…P.85-87, 105-106.
[261] Sociable Letters…P.184.

каких-либо повреждений, что стало бы свидетельством высочайшей милости Бога[262]. Леди Анна Клиффорд, как и многие образованные современницы, записывала факты рождения детей, внуков и даже правнуков. Увеличение численности потомства она воспринимала с исключительным чувством гордости, тяжело переживала неудачи своих потомков, их болезни и смерть. Сама леди Анна Клиффорд была матерью двух дочерей леди Маргарет (1614—1676) и леди Изабеллы (1622—1661), и пятерых сыновей, которые умерли в младенческом возрасте. Дневниковые записи кендалского и более позднего периодов жизни леди Анны содержат обширные записи о потомстве графини.

Материнство представляет особо значимый опыт женщины. Леди Маргарет Кавендиш полагала, что женщина, рождая потомство, сохраняет благородное имя семьи, и таким образом, является хранительницей традиции. С рождением же ребенка основная задача матери — его воспитание с целью всеобщего улучшения нравов. Леди Маргарет Кавендиш на протяжении всей жизни оставалась бездетной, свои представления о материнстве она черпала из опыта собственной матери Элизабет Лукас. Из кратких автобиографических сведений леди Маргарет отчетливо видно, что в ее понимании важнейшими компонентами материнства можно назвать заботу о воспитании, здоровье и обеспечении детей[263].

Герцогиня Ньюкасл отражает те стороны материнского опыта, которые навряд ли можно обнаружить в текстах морализаторского содержания, например, в проповедях Томаса Тейлора[264] или Совете маркиза Галифакса[265]. Рождение детей — не только благородная задача женщины, но крайне хлопотная и небезопасная. В критическом ракурсе герцогиня Ньюкасл рассматривает многие проявления материнского опыта. Она размышляет о том, что чрезмерные волнение женщины по поводу пола ребенка, переживание изменений в своем организме, боязнь родов, не умение сдерживать свои эмоции и аппетиты во время беременности, увлечение подготовкой вещей для новорожденного, а также планирование жизни ребенка без учета его склонностей и предпочтений и забвение своих обязанностей воспитателя — все это свидетельствует о том, что большинство английских аристократок не осознают истинного назначения материнства и достойны критики[266]. Попытки закрепить материнское влияние в процессе воспитания ребенка, сохранить материнский опыт находили выражение в тех советах и наставлениях, которые современницы адресовали своим детям, или же в рекомендациях, которые предлагались представительницам женского пола.

Обширная панорама материнского опыта предстает в женских Советах. На протяжении XVII в. было опубликовано более тридцати материнских Советов, семь из которых были изданы впервые[267]. Обсуждая понятие материнского долга, женщины сами признавали эти обязанности в качестве основополагающих в организации социального опыта женщины. Требование исполнения материнского долга было одним из основных в размышлениях графини Линкольн, которая выступила с осуждением того, что многие ее современницы отказываются кормить своих младенцев грудью, а предают их няням и кормилицам. Женщины аристократического круга настолько невежественны, что верят предрассудкам, будто бы кормление грудью разрушает здоровье матери. Графиня убеждает знатных женщин в

---

[262] Цит. по: Women's Worlds in Seventeenth-Century England. A Sourcebook / Ed. by P. Crawford and L. Gowing. L. & N.Y., 2000. P.20.

[263] A True Relation of the Birth, Breeding, and Life of Margaret Cavendishe, Duchess of Newcastle / The Lives of William Cavendishe, Duke of Newcastle and his Wife…L., 1871. P.268-271.

[264] A Commentarie upon the Epistle of Saint Paule written to Titus. Priched in Cambridge by Tomas Taylor. Cambridge, 1619.

[265] The Ladies New Year's Gift, or Advice to a Daugther. 6th edition. L., 1699.

[266] Sociable Letters…P.94-97.

[267] Crawford P. Women's Publishing writings 1600—1700 // Women in English Society 1500—1800 / Ed. by M. Prior. L., 1985. P.269.

том, что только они сами материнской любовью сумеют обезопасить жизнь своих новорожденных детей[268].

Понятие материнского долга — неизбежный атрибут любого нравоучительного текста по вопросам воспитания женщины и организации ее социального опыта. В семейных отношениях это понятие скорее восполнялось развитием чувственных отношений и значимостью эмоциональных связей родителей и их детей.

Воспитание детей и хозяйственная активность женщин в рамках патриархальной семьи по представлениям стюартовской эпохи составляли основу социальной активности представительниц женского пола. Однако, как отмечают С. Мендельсон и П. Крауфорд, хозяйственные занятия представительниц аристократии имели особенности в сравнении с возможностями их современниц из низших слоев общества. Это определялось более широкими экономическими возможностями знатных женщин. Одновременно с этим аристократки выполняли более узкий спектр хозяйственных обязанностей, тяжелые виды работ передавались прислуге. Как правило, знатная женщина лично занималась или контролировала приготовление пищи и заготовки припасов — консервы, маринады, варенья и т.д., а также занималась изготовлением одежды и рукоделием[269].

Занятия хозяйственными делами находили отражение в счетовых книгах, которые получили значительное распространение именно в XVII в. Ведение подобных книг составляло важную обязанность хозяйки дома. Леди Анна Клиффорд контролировала записи своих расходов на территории всех своих владений. Записи о расходах в землях Вестморленда за 1673 г. представляют значительный спектр распределения средств на хозяйственные нужды. Общая сумма расходов составила 2600 фт.ст., а среди основных статей расходов фигурируют затраты на обеспечение провизией, вином, солодом, углем. Особо выделяется статья на личные расходы графини (поездки, книги и т.д.), заработную плату слуг и ремонтные работы[270].

Заготовка продуктов — консервирование, маринование, варение, сушка и пр., как сезонный вид работ, являлся особым пристрастием английских леди, составлявших целые тома по кулинарному делу, передавая эти книги по наследству, обмениваясь рецептами друг с другом[271]. Заготовки на зиму — излюбленное времяпрепровождение леди Анны Клиффорд, многообразие продуктов и вариантов их обработки, описанные в реестрах заготовок, может служить тому доказательством. Список заготовок за 1673—1675 гг., проходивших под руководством графини, содержит сведения о характере обработки продуктов, места происхождения фруктов, ягод и пр., указывает на поставщика: "Делает сироп из лимонов и апельсинов. Получила клубнику из ее сада в Броухеме, а также артишоки; вишню; крыжовник; лаванду и др. травы…" (19.06.1674)[272].

Рукоделие оставалось одним из наиболее привлекательных видов домашних работ для представительниц английской знати и, возможно, одним из наиболее нарицательных "женских" занятий. В литературных женских текстах XVII в. нередко появляется признание того, что занятия рукоделием есть имманентно женское качество, а отказ трудиться с пяльцами и иглой для женщины равнозначен социальному протесту. Леди Анна Клиффорд представляет положительный патриархальный опыт, и свою идентичность современным представлениям о женственности и, соответственно, женских обязанностях. Важным штрихом следует назвать ее занятия вышиванием, о которых она регулярно делает записи в дневнике. Она вышивает, как правило, шелком и бисером. Наиболее значительные работы

---

[268] The Countess of Lincoln's Nursery // HM. Vol. IV. L., 1744. P.25-31.

[269] Mendelson S.H., Crawford, P. Women in Early Modern England. 1550—1720. Oxford, 1998.

[270] Spence R.T. Lady Anne Clifford…P.214.

[271] См. подробно: Федоров С.Е. Некоторые черты бытового поведения знатной женщины в стюартовскую эпоху: Элизабет Бертс и Мэри Уиддрингтон // Англия XVII: социальные группы и общество. СПб., 1994. С.54-62.

[272] Цит. по: Spence R.T. Lady Anne Clifford…P.220.

предназначались для подарков. Так, в январе 1616 г. леди Анна преподнесла королеве в качестве новогоднего подарка диванную подушечку богато украшенную серебряной вышивкой с изображением герба короля Дании, выполненную особой техникой[273].

Исключительный опыт леди Маргарет Кавендиш, отрицавшей необходимость занятий для образованной женщины хозяйственными делами и лично отдававшей предпочтение литературным упражнениям и изучению наук, можно рассматривать как доказательство того, что обыденные или рутинные хозяйственные дела заполняли повседневность знатной женщины и требовали ее максимального участия в вопросах управления хаухзолдом. Таким образом, женщины, не занятые в придворных службах, были вынуждены курсировать между Лондоном и родовыми владениями для организации и выполнения собственных хозяйственных функций, а также с целью подтверждения собственного статуса и соблюдения норм светского этикета.

Образ жизни аристократки и требования патриархальных образцов поведения знатной женщины фиксировали ее зависимый статус в рамках собственной социальной группы. Общество формулировало такие требования к женщине знатного ранга, выполняя которые, она воспроизводила патриархальные ценности и представления о женской субординированности. Расхождения с традиционными представлениями общества о гендерной идентичности женщины приводили к конфликту аристократки прежде всего с представительницами женского общества.

Женское аристократическое общество, сформировавшееся на основе патриархальных стереотипов социального поведения, крайне сложно воспринимало все попытки изменить или модернизировать образ жизни, поскольку, прежде всего, эти попытки разрушали устоявшуюся модель гендерного соответствия и баланса в правовых, образовательных, хозяйственных и других интересов.

[273] The Diaries… P.66.

И.Р. Чикалова

ЖЕНСКИЙ И ДЕТСКИЙ ТРУД В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И США В XIX ВЕКЕ

Развернувшаяся в XIX в. модернизация Европы принесла перемены, определявшиеся не только завершением промышленной и аграрной революций, демократизацией общественной и политической жизни, подъемом художественной и духовной культуры, но и новым стилем повседневной деятельности и быта людей. Городские жители раньше других получили возможность пользоваться многими изделиями, являвшимися роскошью еще в 1830-е гг., но к концу XIX в. ставшими обыденными. Одежда, постельные принадлежности, мебель стали разнообразнее и обеспечивали больший комфорт. Газовое и керосиновое освещение постепенно уступало место электричеству. Рельсовый транспорт — сначала конки, а затем трамвай и метрополитен — облегчили внутригородские перемещения. Городскую разобщенность помогал преодолеть появившийся еще в 1870-х гг. телефон, который вскоре завоевал такую популярность, что к концу первого десятилетия XX в. емкость многих городских телефонных сетей исчислялась десятками тысяч абонентов.

Осознание того, что хорошее жилье является одной из основ социального мира, побуждало городские власти к расширению муниципального строительства. К концу XIX в. внешний вид промышленных городов, населенных преимущественно рабочими, резко изменился. Улицы избавились от грязи и лачуг, на месте которых возводили большие каменные дома. В Париже первый комплекс коммунального недорогого жилья с помпезным названием “Город Наполеона” ввели в 1851 г. В Великобритании в 60—90-х гг. XIX в. приняли ряд законов, предусматривавших реконструкцию или снос непригодных для проживания домов. Значительное строительство велось акционерными обществами. Возведенные ими дома были более комфортны, чем муниципальные.

Созданием более благоприятных жилищных условий для рабочих начали заниматься фабриканты: промышленники поняли преимущества сохранения стабильной рабочей силы и патерналистского подхода к своим рабочим. Во Франции первыми среди индустриальных компаний стали обеспечивать своих рабочих семейными домами угольные шахты. В Великобритании начало фабричному жилищному строительству положил владелец фабрики по производству мыла Левер, который в 1887 г. перенес свое предприятие в окрестности Ливерпуля и построил “образцовую деревню” из домов коттеджного типа для рабочих. Его примеру последовали и другие промышленники[274]. Все они руководствовались не столько филантропическими побуждениями, сколько трезвым расчетом: лучшее жилье привязывало рабочих к фабрике, сдача домов внаем сама по себе приносила прибыль.

В 1850—1860-е гг. фабрики начали производство швейных машин. Их ежегодный выпуск одна только фирма “Зингер” к концу века довела более чем до 600 тыс.[275] Швейные машины стали необходимой принадлежностью чуть ли не каждого дома. Облегчилось не только шитье. К концу века во многие дома пришли водопровод, центральное отопление, газ, а затем и электричество. Женщины освобождались от многих прежде неизбежных хозяйственных дел, поскольку промышленность поставляла пищу, одежду, предметы обихода не только в изобилии, но лучшего качества и дешевле, чем это могло быть произведено в домашних условиях. Медленно, под влиянием идей либерализма, призывов известных общественных

[274] Брюсов А. Жилище. История жилища с социально-экономической точки зрения. Л., 1926. С.87–88, 100.

[275] Техника в ее историческом развитии. 70-е годы XIX—начало XX в. М., 1982. С.35.

деятелей, активности женских организаций менялось и общественное мнение в отношении положения женщин. Стали складываться существенные предпосылки к их включению в активную деятельность вне дома.

Индустриализация открыла женщинам из семей, зарабатывавших на жизнь собственным физическим трудом, новые возможности. Внедрение машинной техники в ходе промышленной революции упростило производственные операции, свело трудовые функции к выполнению сравнительно простых приемов и допускало использование элементарно обученных, малоквалифицированных работников. К тому же применение паровых двигателей требовало меньше физической силы для обслуживания станков, особенно в текстильной промышленности, а это позволяло заменять мужчин женщинами. На производстве дешевый женский и детский труд стал повсеместным и широко распространенным явлением. Текстильные фабрики эпохи промышленной революции, возможно, вообще не были бы построены, если бы их владельцы не рассчитывали на постоянный приток дешевой женской рабочей силы. Женщины стали существенной частью новой рабочей силы, обреченной на длинные часы работы на механизированной фабрике с полным отсутствием возможности проявить собственную инициативу. Во Франции женщины составляли 56-57% (в 1838 г.) персонала текстильной промышленности и 24,1% (в 1847 г.) — в мастерских, в каждой из которых работало более 10 человек[276]. Среди фабричных рабочих Великобритании в 1839 г. женщин насчитывалось 57,7%[277]. Даже в государствах Германии, где промышленная революция проходила позже, в 1848 г. количество фабричных и ремесленных рабочих-женщин достигало 18%[278].

В США рабочая сила текстильных фабрик почти с самого начала промышленной революции состояла преимущественно из молодых женщин (65 тыс. из 100 тыс. в 1822 г.)[279]. Женщины-работницы преобладали на предприятиях по производству обуви, пуговиц и перчаток; они были широко представлены в отраслях, не ассоциировавшихся раньше с традиционными женскими работами — в высокомеханизированной обувной промышленности, изготовлении сигар и переплетном деле[280]. В 1850 г. промышленные предприятия США на четверть были укомплектованы женщинами[281]. Число отраслей производства с преобладающим женским трудом постоянно возрастало. Судя по переписи 1900 г., в США на каждую 1000 занятых приходилось: в белошвейном производстве — 994 женщины, в производстве предметов моды — 980, в швейной промышленности — 968, на трикотажных фабриках — 728 работниц, в целом же во всех отраслях общественного производства женщины составляли 18,8%[282].

Условия труда. Приведенные цифры важны не только как показатель роли женщин в экономике своих стран, но и по другой причине: какая часть женского населения изменила свой статус, и собственную жизнь под воздействием работы вне дома. Это важно в связи с хорошо известным фактом, что промышленная революция привела к понижению уровня и качества жизни значительной части фабричного пролетариата. В бедственном положении находились, например, английские рабочие, покинувшие разорявшуюся деревню и вынужденные от безвыходности положения соглашаться на любые условия заводского труда. В одном из

---

[276] Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. В 7 т. М., 1976. Т.1. С.128.

[277] Подсч. по: Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 9 т. М., 1984. Т.1. С.350.

[278] Германская история в новое и новейшее время. М., 1970. Т.1. С.215.

[279] Degler Carl. Out of Our Past. The Forces That Shaped Modern America. Third Edition. New York. 1984. P.130.

[280] Ibid. P.385.

[281] Трагер Дж. Великие женщины. Хроника. События. Факты. С.308.

[282] Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959. С.273—275.

описаний, появившемся в 1851 г., говорится: “Как, например, живет рабочий народ в Манчестере? Рабочие, занятые на хлопчатобумажных фабриках, встают в 5 часов утра, работают на фабрике с 6 до 8 часов, потом... пьют жидкий чай или кофе с небольшим количеством хлеба... и вновь работают до 12 часов, когда дается часовой перерыв на обед, состоящий обычно из вареного картофеля у тех, кто получает низшую заработную плату... Те, кто получает высшую заработную плату, присоединяют к этому мясо — по крайней мере, три раза в неделю. По окончании обеда они вновь работают на фабрике до 7 часов вечера или позже, затем вновь пьют чай, часто с примесью спирта и с небольшим количеством хлеба. А некоторые второй раз едят вечером картофель или овсянку... Питающееся таким образом население живет скученной массой в домах, отделенных узкими, немощеными, зараженными улицами, в атмосфере, пропитанной дымом и испарением большого мануфактурного города. А в мастерских они работают в течение 12 часов в день в расслабляющей, разгоряченной атмосфере, часто насыщенной пылью от хлопка, с нечистым воздухом от постоянного дыхания или от других причин, — будучи при этом заняты делом, поглощающим внимание и требующим неослабной затраты физической энергии в соперничестве с математической точностью, беспрестанным движением и неистощимой силою машины... Домашним хозяйством рабочие пренебрегают, домашний уют им неизвестен..., помещения грязны, неуютные, непроветривающиеся, сырые... В знаменитом морском порте Ливерпуле, прославленном по всему свету за величину и богатство, от 35 до 40 тысяч населения живет ниже уровня почвы — в погребах, не имеющих вовсе стока... Таковы условия, в которых живет беднейший, низший класс городского населения. Хотя было бы ошибочным думать, что все рабочие живут в таких же условиях, как эти несчастные, однако, еще большей ошибкой было бы предположение, что масса народа принимает участие в том, что обычно считается за “улучшения нашего времени”[283]. Описанная ситуация напрямую или опосредованно касалась и женщин. В 1840 г. британская правительственная комиссия в своем докладе обратила внимание на факты тяжелейших условий их труда. Женщин, используя в качестве тягловой силы для перевозки угля в шахтах, впрягали, как лошадей, в вагонетки. Эксплуатация женского труда превратилась в настоящее бедствие и не только в этой, но и в других странах Европы. Врач и социолог Виллернс в 1847 г. писал: "Надо видеть, как каждое утро они приходят в город и каждый вечер возвращаются обратно… Встают в четыре утра, идут пешком несколько километров, таща с собой своих детей, и вечером снова проделывают тот же путь после 12—13 часов работы в ужасающих условиях"[284].

Общественные деятели и публицисты XIX в. расценивали участие женщин в промышленном производстве в негативном свете в связи с изнурительным характером труда, дискриминированным сравнительно с мужчинами материальным положением, отвлечением от семейных обязанностей. При всей обоснованности оценки статуса работниц как дискриминационного, сами женщин подчас не драматизировали свое положение в фабричном мире. В сопоставлении с работой, которую дочери фермеров и крестьян выполняли дома, фабричный труд, на первый взгляд, хорошо оплачивался и сулил лучшие возможности. И действительно, с чем сталкивалась женщина, работая на ферме или в крестьянском хозяйстве? На крестьянку ложились заботы о коровах, молодняке, свиньях, домашней птице, огороде, выращивании корнеплодов, мака и льна, приготовлении пищи, выпечке хлеба, переработке молока в масло и сыр, консервировании мяса, плодов и капусты, варке обеда и стирке белья. Женщины постоянно выполняли тяжелейшие физические работы. В Финляндии пахота и посев были занятием женщин, тогда как мужчины занимались лесным хозяйством, рыбной ловлей и охотой. Но имели место случаи, когда и женщины работали на лесоповале и заменяли одного

[283] Джонстон У. Англия в политическом, социальном и промышленном отношении в половине XIX века // Лавровский В. Английский капитализм во второй половине XIX века. М., 1925. С.45-46.

[284] Трагер Дж. Великие женщины. Хроника. События. Факты. М., 1999. С.253, 256.

из мужчин при распилке деревьев ручной пилой. О ситуации в Тироле середины XIX в. сообщается: "Но тяжелейшей работой всегда остается переноска сена. Мужчины переносят охапки весом от 120 до 150, а женщины от 50 до 80 фунтов по горным склонам, то круто поднимающимся вверх, то резко опускающимся вниз… Как правило, весь урожай переносится на спине. Этот тяжелый труд изменяет фигуру женщин, делая ее придавленной и раздавшейся. И если хозяин-муж суров и не жалеет свою жену, выкидыш становится обычным явлением"[285]. Но угнетала не только тяжесть труда, но и моральная ущербность в связи с мужским доминированием, характерным для большинства крестьянских сообществ. Распространенная в Южной Франции пословица утверждала: "Недостоин быть мужчиной тот, кто не является господином своей жены"[286].

Спрашивается, так ли уж боялись тяжелых фабричных условий привычные к тяготам крестьянской жизни женщины, рассчитывавшие на лучшее существование в городе и, бывало, не разочаровывавшиеся в своих ожиданиях? Особенно, когда общественные движения заставили предпринимателей с большей гуманностью относиться к работающему персоналу и улучшить условия труда. Хозяева упоминавшихся фабрик в Лоуэлле создали систему пансионов — общежитий с организованным питанием, и у родителей возникала иллюзия, что их дочери будут жить в здоровом окружении. Письма, посланные домой, часто свидетельствовали об удовлетворенности молодых женщин своим новым положением. "Фабричная девушка" из Массачусетса Люси Энн выразила этот новый взгляд на смысл своей работы с полной определенностью: "Я скопила денег на образование, и разве я не имею права на это? Или я должна отправиться домой и, как примерная девочка, отдать деньги отцу в руки, а значит, распрощаться с моими кровными сбережениями?"[287]. Другими словами, на первый план вышел мотив финансовой независимости, которую принесла женщинам, особенно незамужним, работа на производстве.

В этом аспекте приход женщин на фабрики имел и свои положительные стороны. В работе на фабриках все больше стали видеть не только способ оказания помощи семье, но и средство личного самоутверждения. Появившаяся благодаря индустриализации возможность работать вне дома ослабила зависимость женщины от отца или мужа. Обобщая сложившуюся ситуацию, Дж.М. Тревельян замечает: "Женщины, которые шли работать на фабрики, хотя и теряли некоторые ценные преимущества своей прежней жизни, зато обретали независимость. Деньги, которые они зарабатывали, были их собственными. Фабричная работница занимала определенное экономическое положение, которое с течением времени стало возбуждать зависть других женщин"[288]. Можно сказать, экономическая независимость приносила женщине освобождение от диктата семьи.

Детский труд. Детский труд тоже нашел широкое применение на фабриках. Однако эксплуатация детей не была исключительным следствием промышленной революции. Дети во множестве трудились в кустарном производстве и на мануфактурах, причем даже наиболее ревностные филантропы того времени всячески содействовали распространению детского труда. И.М. Кулишер приводит на этот счет следующий факт: "Какой наивной радостью преисполнялись люди XVIII века, когда им удавалось доставлять детям полезную работу в возможно раннем возрасте: конгресс, заседавший в Раштадте в 1714 г. по поводу заключения мира, решил устроить прядильню для бедных детей, — она должна была наилучшим образом

---

[285] Цит. по: Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII — XX вв.) М., 1997. С.30.

[286] Цит. по: Там же. С.31.

[287] Эванс С. Рожденная для свободы. История американских женщин. М., 1993. С.90.

[288] Тревельян Дж. М. Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории. М., 1959. С.493.

увековечить деятельность конгресса"[289]. Точно так же в Англии приходы раздавали детей-сирот кустарям. Такое применение детского труда встречало у современников полное одобрение. На промышленников, получавших не только даровую рабочую силу, но и денежную плату за "обучение" детей, смотрели как на благодетелей. В Германии и Австрии правительства выдавали премии владельцам мануфактур за каждого мальчика и девочку, взятых на работу. В Пруссии в XVIII в. имелись мануфактуры, которые пользовались исключительно детским трудом, не применяя другой рабочей силы.

Когда же технология машинного производства позволила расширить сферу приложения детского труда, наниматели не преминули воспользоваться представившейся возможностью, тем более, что власти это поощряли, а родители мирились — чаще из-за нищеты, а подчас и в силу сложившихся традиций. Высокая доля детского труда характерна для всех стран, вставших на путь фабричной организации промышленности. В 1839 г. 46% фабричных рабочих Великобритании не достигли 18-летнего возраста[290]. В это число входили и совершенно малолетние дети. Официально признавалось: "Бывают случаи, что дети начинают работать с 4-х лет, иногда с 5, 6, 7 и 8 лет в рудниках"[291]. В 1840 г. правительственная комиссия парламента Великобритании признала вопиющими условия труда малолетних детей: их привязывали к угольным тележкам, чтобы пройти по узким проходам шахты[292]. В Бельгии на главной прядильной фабрике Брабанта по данным за 1843 г. трудились 318 рабочих, в число которых входили 26 детей от 9 до 12 лет. На тюлевой фабрике этого города было 70 рабочих, в т.ч. 30 девочек в возрасте от 8 до 12 лет. Прядильные фабрики г. Акоста принимали даже семилетних детей, в Монсе поступали точно так же. Уже тогда местная торговая палата считала это злоупотреблением[293]. В 1840 г. во французском департаменте Нор на различных фабриках работали 11114 детей в возрасте от 4 до 12 лет[294]. К концу XIX в. в европейских странах количество несовершеннолетних фабричных рабочих не стало меньше. Ситуация в США была аналогичной. Здесь в 1900 г. число работающих детей в возрасте между 10 и15 годами достигло 1750178 человек[295].

Движение за улучшение условий труда в Европе. Наемный рабочий, утратив старые патриархальные, корпоративные, цеховые связи, оказался без какой бы то ни было экономической, социальной и нравственной опоры перед произволом фабрикантов. Каждый отдельный работник индивидуальным прекращением работы не был в состоянии оказать давление на предпринимателя, поскольку не составляло труда поставить на его место другого, и лишь коллективное выступление могло стать результативным в силу невозможности в короткий срок найти замену всему составу фабрики. Для женщин-работниц и на первых порах, и в последующем первоочередной задачей оставалось достижение более благоприятных условий работы, именно в этом направлении разворачивалась их борьба. Стремление к защите своих интересов неизбежно подводило их к осознанию необходимости объединения, и забастовка в этом отношении стала начальной формой временной самоорганизации, сначала освоенной мужчинами-рабочими, а затем и женщинами. Из стачки со временем возникнут постоянные рабочие ассоциации — профессиональные союзы.

На протяжении XIX — начала XX вв. рабочие постоянно выдвигали экономические требования, добиваясь ограничения женского и детского труда, улучшения жилищных условий,

---

[289] Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. М.; Л. 1931. Т.2. С.156.

[290] Подсч. по: Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 9 т. М., 1984. Т.1. С.350.

[291] Ностиц Г. Рабочий класс Англии в XIX столетии. М., 1902. С.334.

[292] Трагер Дж. Великие женщины. Хроника. События. Факты. С.253.

[293] Шлепнер Б. С. Сто лет социальной истории Бельгии М., 1959. С.29.

[294] Потемкин Ф. В. Промышленная революция во Франции. М., 1971. Т.2. С.13.

[295] Зубок Л. И. Очерки истории рабочего движения в США. 1865—1918. М., 1962. С.23.

социального страхования. Один из доминирующих мотивов стачек состоял в стремлении гарантировать минимум и увеличить размер заработной платы, обеспечить своевременную ее выплату, повышение расценок по сверхурочным работам, отмену штрафов и всякого рода произвольных удержаний. Повышение оплаты труда было важнейшей целью 95,5% стачек, проведенных рабочими Германии в 1899—1914 гг.[296] Другие страны в этом отношении не составляли исключения.

Причиной стачек могла стать неустроенность быта. В 1909—1910 гг. в Южном Уэльсе разразилась крупная шахтерская забастовка под влиянием жен шахтеров. Введение 8-часового рабочего дня побудило владельцев шахт ввести несколько смен. Поскольку мужьям и сыновьям редко удавалось попасть в одну смену, женам пришлось готовить обед в разное время. Недовольные этим, они инициировали стачку, в которой и сами играли активную роль: преследовали штрейкбрехеров, забрасывали полицейских камнями, били окна контор и т.п.[297]

Еще одна задача стачек состояла в том, чтобы принудить нанимателей сократить продолжительность рабочего дня, не нарушать время обеденных перерывов, гарантировать отдых по церковным праздникам и воскресеньям. В 20—40-х гг. XIX в. рабочий день на английских фабриках начинался в 5 часов утра и заканчивался в 7—8 часов вечера. За вычетом трех перерывов для приема пищи (1 час на обед и по 20—30 минут на завтрак и ужин) он длился 12—13 часов. Во Франции многие бумагопрядильные фабрики в 40-х годах установили рабочий день в пределах от 13,5 до 15 часов, а некоторые из них даже 17 часов в сутки, из которых на отдых выделялось по получасу три раза за смену. Распространенной становилась работа по воскресным дням. Рабочий день был одинаков для мужчин, женщин и детей. Отпуска никому не предоставлялись.

Поначалу рабочие соглашались на 12 часов работы в день и лишь со временем начали добиваться ее сокращения. В Англии движение за 10-часовой рабочий день уже в 1830 г. охватило рабочих всех фабричных районов страны, а прядильщики хлопка намеревались начать 1 марта 1834 г. всеобщую забастовку с намерением заставить предпринимателей ввести 8-часовую работу. С 80-х гг. это требование стало одним из главных в забастовочном движении европейских стран. Пролетариат через стачки стремился отвоевать право на полноценный отдых за счет сокращения рабочего времени. Не сразу эта борьба привела к реальному результату, но последовательно подтачивала сопротивление буржуазии и правительств, пока не вынудила их к законодательной регламентации трудовых отношений. Характер женского и особенно детского труда, который стали признавать опасным для физического и умственного развития, постепенно стал вызывать обеспокоенность в обществе.

Английские фабричные законы. Началом английского фабричного законодательства, регулировавшего детский труд, считают закон 1802 г.[298] За ним последовал ряд других, принятых в 1816, 1819, 1833, 1842, 1844 гг. Закон 1844 г. впервые признал необходимость защиты труда женщин старше 18 лет, для которых установили такие же нормы рабочего времени, какие применялись в отношении подростков. Следующие парламентские акты (1847, 1850, 1853 гг.), вводя определенные ограничения, касались только текстильной промышленности. Перелом наступил в 1860—1864 гг., когда сферу применения фабричного законодательства расширили за счет отраслей с господством ручного труда: белильного, красильного, кружевного, чулочного производств, гончарных, спичечных, обойных, патронных

[296] Подсч. по: Там же. С.76.

[297] Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII—XX вв.). М., 1997. С.175.

[298] Строго говоря, самый первый шаг в сфере охраны детского труда был сделан в 1747 и 1792 гг., когда мировым судьям предоставили право отнимать учеников у тех мастеров, которые плохо с ними обращались.

фабрик, горных предприятий, пекарного и трубочистного промыслов. Венцом фабричного законодательства той эпохи явился закон 1867 г., распространивший охрану труда на металлургические, машиностроительные и бумажные фабрики, а равно на все предприятия с числом рабочих более 50, если они были заняты на работе не менее 100 дней в году.

Что касается содержания фабричного законодательства, то в Великобритании его развитие на протяжении 1802—1867 гг. привело к регулированию трудовых отношений, которое обеспечивало защиту трудовых прав в следующих пределах:

- Охрана труда распространялась на все предприятия с числом рабочих свыше 50. Этим был реализован новый принцип, который исходил из необходимости охраны любого труда, независимо от характера производства.
- Рабочий день подростков 13—18 лет и женщин старше 18 лет устанавливался в 10,5 часов в первые 5 дней недели и 7,5 часов в субботу при том, что работа должна совершаться с 6 часов утра до 6 часов вечера с перерывами для еды в 1,5 часа, которые должны предоставляться всем рабочим в одно время. Не допускался ночной труд.
- На фабрики могли принимать детей с 9-летнего возраста. Рабочий день малолетних рабочих 9—13 лет устанавливался в 6,5 часов, причем запрещался детский труд до начала и вечером после окончания работы подростков и женщин; естественно, дети не могли работать ночью. Все они были обязаны ежедневно не менее 2 часов обучаться в школе.
- Учреждалась фабричная инспекция с правом контроля предпринимателей и привлечения их к ответственности за нарушение фабричных законов.

При всей ограниченности и недостаточности фабричного законодательства его роль как средства защиты физических и духовных сил рабочих заслуживает позитивной оценки. Были созданы прецедент и база последующего расширения трудовых прав, их распространения на новые группы трудящихся. Однако этот процесс шел медленно и нелегко. Лишь в 1908 г. либеральное правительство Асквита обеспечило принятие парламентом билля об ограничении времени работы горняков под землей, включая спуск и подъем, 8 часами, а сверхурочные — 60 днями в году. Для остальных рабочих 8-часовой рабочий день официальное признание получил после Первой мировой войны.

Фабричные законы во Франции. Во второй половине 1830-х гг. в стране провели обследование условий труда. Выявленное им физическое и моральное состояние рабочих было столь обескураживающим, что не оставалось ничего другого, как принять в 1841 г. специальный закон, ставший первым во Франции документом, сокращавшим в промышленности продолжительность рабочего дня детей и подростков. Однако фабриканты проигнорировали его под предлогом, что во многих производствах взрослый рабочий не может обойтись без помощи малолетних, а значит, рабочий день для всех категорий занятых на фабрике должен быть одинаковым.

Подъем рабочего движения в дни февральской революции 1848 г. вынудил пойти навстречу требованиям рабочих. По предложению Люксембургской комиссии Временное правительство 2 марта 1848 г. приняло декрет, который уменьшил продолжительность рабочего дня до 10 часов в Париже и до 11 часов в провинции. Поражение Июньского восстания парижского пролетариата привело к откату социальной политики: правительство Кавеньяка 9 сентября 1848 г. расширило границы рабочего времени до 12 часов, причем из этого правила допускалось множество исключений. В жизни этот декрет выполнялся столь же мало, как и закон 1841 г.

В последующие годы при всех политических режимах (Второй империи, Третьей республики) фабричное законодательство характеризовалось крайней робостью. Декреты 1851 и 1864 гг. давали возможность вновь увеличить дневное рабочее время в некоторых отраслях промышленности. В 1874 г. признали возраст в 10 лет как минимальный для приема на работу и

уменьшили продолжительность детского рабочего дня до 6 часов. В 1892 г. был принят и с 1 января 1893 г. вступил в силу "Закон о труде детей, девушек и женщин на промышленных предприятиях", действие которого распространялось на все виды производства и строительства. В соответствии с ним разрешалось принимать на работу детей с 12 лет, если они получили свидетельство о начальном образовании, и с 13 лет — без такового. Рабочий день рабочих и работниц, не достигших 18 лет, а также женщин определялся в 11 часов в день с обязательным одним или несколькими перерывами на отдых продолжительностью не менее 1 часа. Запрещалось использование детей, несовершеннолетних девушек и женщин на ночных работах, а также в шахтах, рудниках и карьерах. Не допускалось принуждать женщин любого возраста, детей и подростков до 18 лет работать более 6 дней в неделю. Без всякой регламентации труда оставались совершеннолетние рабочие-мужчины. Только в июне 1905 г. появился закон, установивший для горняков, занятых на подземных разработках, 9-часовой рабочий день. В следующем году парламент законодательно потребовал обязательного предоставления наемным работникам/цам одного выходного дня в неделю.

Германские фабричные законы. И в государствах Германии фабричное законодательство берет начало с регламентации детского труда. Два прусских государственных института выступили наиболее решительно за его ограничение. Один из них — школа, которая с точки зрения воспитания и культурных потребностей населения высказалась за то, чтобы дети до определенного возраста проходили школьное обучение, а следовательно, в это время не допускались к работе на фабриках. Вторым поборником ограничения детского труда выступило военное ведомство, обеспокоенное недобором в армию, который связывался с ранним вовлечением детей в производство. Им противостояли промышленники и сами рабочие, боявшиеся, что лишатся необходимого подспорья — заработка детей.

Возобладали сторонники регламентации, и Пруссия в 1839 г. ввела закон, разрешавший прием на фабрики и рудники 9-летних детей и установивший для подростков максимальный 10-часовой рабочий день. Однако он почти не применялся. Практическое значение получил закон 1853 г., допускавший детей к работе с 12 лет и сокративший рабочее время 12—14-летних рабочих до 6 часов в сутки. Этот закон оказался более действенным ввиду учреждения фабричной инспекции, хотя поначалу и малочисленной, но представлявшей некоторую сдерживавшую произвол силу.

Законы, в определенной мере защищавшие интересы детей, появились и в других германских государствах (в Баварии, Вюртемберге, Саксонии). Они оказались более умеренными, чем даже до предела ограниченный прусский. Труд малолетних рабочих разрешили с 10, а не с 12 лет, рабочий день подростков установили в 9—10 часов, а не в 6, как в Пруссии. Прусский фабричный закон распространили на всю территорию Германии только в 1869—1871 гг. С крайней медлительностью решались социальные проблемы и с образованием Германской империи, власти которой лишь в 1891 г. законодательно запретили работу детей до 13 лет. Понадобилось 38 лет, чтобы повысить всего на один год возраст детей, допускавшихся к работе в промышленности.

Тогда же, в 1891 г., установили запрет на подземные и ночные работы женщин и ввели обязательный воскресный отдых для всех рабочих и служащих.

Европейские международные конференции по охране труда. Законодательная регламентация труда, достигнутая к исходу XIX в., смягчала крайние формы эксплуатации детей и женщин и практически не защищала интересы рабочих-мужчин. В то же время острота социального вопроса побуждала властные структуры озаботиться изысканием способов сохранения гражданского мира в своих странах. В 1890 г. германский император Вильгельм II обратился к главам других государств с предложением созвать конференцию по охране труда. Она состоялась в марте 1890 г. в Берлине с участием Германии, Великобритании, Франции, Италии, Бельгии, Нидерландов, Австро-Венгрии, Швейцарии, Испании и Португалии.

Конференция признала желательным запрещение труда детей до 12, а в южных странах — до 10 лет, установление для детей до 14 лет 6-часовой и от 14 до 16 лет — 10-часовой работы. Посчитали необходимым, чтобы дети до поступления на производство получили начальное образование. Решили рекомендовать введение для женщин рабочего дня не более 11 часов, а также предоставления им месячного послеродового отпуска. Признали недопустимой работу женщин и детей по воскресеньям и ночью. Относительно взрослых мужчин посчитали достаточным предоставлять им воскресный отдых. Согласились с тем, что контроль за охраной труда должны осуществлять лица, независимые как от предпринимателей, так и рабочих.

Десять лет спустя, в 1900 г., в Париже был образован международный союз охраны труда, который провел ряд международных конгрессов с целью выработать единые рекомендации по трудовому законодательству. После окончания Первой мировой войны, в 1919 г., в составе Лиги наций возникла Международная организация труда. Таким образом именно в XIX веке было положено начало законодательному регулированию труда детей и взрослых рабочих и работниц.

Движение за улучшение условий труда в США. В США пути, методы и условия инкорпорирования женщин в производственную сферу принципиально не отличались от европейских. В этой стране, например, одним из первых фабричных городов был Лоуэлл в штате Массачусетс, ставший крупным центром текстильной промышленности. Здесь заводчики с 1823 г. рекрутировали молодых незамужних женщин для 6 текстильных предприятий. Работа на фабриках была сегрегирована по полу: мужчины работали надзирателями и квалифицированными механиками, а женщины обслуживали прядильные и ткацкие станки. Зарплата работниц варьировалась от 1/3 до 1/2 заработка мужчин — во всех случаях ниже, чем у самого низко оплачиваемого мужчины[299]. И десятилетия спустя положение работавших женщин не улучшилось. В 1888 г. Леонора Барри, председатель комитета женщин, созданного в составе профессионального союза "Орден рыцарей труда", сообщила: средняя зарплата работницы текстильной фабрике компании Патерсон составляет от 2,5 до 3 долларов за 84 часа работы. "Женщины стоят на каменном сыром полу, положение работниц плачевно. От вращающегося цилиндра на них постоянно льется вода. И очень часто им приходится возвращаться домой в мокрой одежде"[300]. Возможно, это крайний случай, но и обобщенные данные по промышленности США свидетельствуют об экономической дискриминации женщин: в 1900 г. их средняя недельная плата составляла 6,17 доллара против 11,16 у мужчин, т.е. почти в 2 раза меньше[301].

Работницы в США постепенно не только осваивали новую для себя работу, но и учились добиваться лучших условий жизни и труда. Самая первая их забастовка прошла в 1823 г. в Нью-Йорке: с требованием повысить заработную плату выступили портнихи швейных предприятий. 29 мая следующего года впервые состоялась совместная забастовка рабочих и работниц швейного предприятия Паутикет. В 1828 г. провели забастовку работницы текстильной фабрики в Дувре (штат Нью-Гемпшир), возмущенные произволом хозяев, которые ввели штрафы за опоздания в 12,5 центов, составлявшие треть дневного заработка, и запретили разговаривать во время работы, если только это не относилось к производству[302].

Владельцы хлопкопрядильных фабрик в Лоуэлле, важнейшем центре текстильной промышленности штата Массачусетс, на экономический спад 1830-х гг. ответили установлением более жесткой дисциплины, увольнением тех, кто отказывался подчиняться,

---

[299] Kerber Linda K., De Hart Jane Sheron (Eds.) Women's America. Refocusing the Past. Fifth Edition. New York, Oxford: Oxford University Press, 2000. P.157.

[300] Трагер Дж. Великие женщины. Хроника. События. Факты. С.296.

[301] Бебель А. Женщина и социализм. С.275.

[302] Трагер Дж. Великие женщины. Хроника. События. Факты. С.235, 240.

занесением в черные списки рабочих, разрывавших годовые контракты, сокращением расходов и снижением зарплаты женщин на 15%[303]. В связи с этим в 1834 г. работницы Лоуэла объявили первую в этом городе забастовку. К ним присоединились 800 работниц Дувра. И хотя эта попытка сопротивления закончилась ничем, она послужила уроком для более успешных выступлений в будущем[304]. В 1836 г. работницы ткацкой фабрики в Лоуэле объявили забастовку во второй раз: 1500 женщин вышли на улицы в знак протеста против падения зарплаты и увеличения рабочих часов[305]. В одном из их манифестов заявлялось: "Как наши отцы сопротивлялись высокомерной жадности британских правителей, так и мы, их дочери, не будем носить приготовленное для нас ярмо"[306]. Маршируя по городу, женщины пели песню: "О, я не могу быть рабыней; я не буду рабыней! О, я так люблю свободу, я не буду рабыней!" Забастовка получила широкий общественный резонанс[307].

В 40-х гг. XIX в. движение за установление 10-часового рабочего дня возглавила Рабочая ассоциация Новой Англии, возникшая в конце 1844 г. В ней главную роль играли работницы текстильных фабрик, создавшие первые союзы фабричных работниц. Созданная в Лоуэлле "Женская рабочая ассоциация за реформы" организовала в 1844 г. новое выступление. Ее руководители во главе с Сарой Багли потребовали организации первых в истории США публичных слушаний по вопросу об условиях работы в промышленности[308]. В законодательные органы штатов направлялись петиции с требованием официального установления 10-часового рабочего дня. В 1847 г. штат Нью- Гемпшир, а в 1848 г. штаты Пенсильвания и Мэн приняли соответствующие законы. Их главным изъяном было отсутствие обязательных и безоговорочных предписаний, обязывавших предпринимателей вводить 10-часовой рабочий день.

Это делало неизбежным продолжение борьбы за улучшение условий труда. Забастовки, еще в 1820-е гг. бывшие исключением, становились все более освоенной формой сопротивления. Движение за сокращение рабочего дня не остановилось на требовании 10-часового рабочего дня. Еще в 1863 г. начались организованные кампании за установление 8-часовой работы. Их результатом было принятие федерального закона о 8-часовом рабочем дне. Но генеральный прокурор, а затем и Верховный суд постановили, что закон не должен распространяться на предприятия, работавшие по правительственным контрактам. Закон был парализован. Это привело к дальнейшему нарастанию движения рабочих, кульминацией которого стали чикагские события 1886 г. К концу века количество выступлений, в том числе с участием женщин, нарастало. С 1895 по 1904 г. американские работницы бастовали 1262 раза, а 83 стачки были проведены исключительно женщинами[309].

Массовые выступления женщин все больше заставляли считаться с их требованиями. В 1868 г. Национальный рабочий союз США созвал конгресс, на котором присутствовали представительницы трудящихся женщин Америки. В одной из резолюций конгресс рекомендовал женщинам "идти на работу, изучать производство, присоединиться к нашим рабочим союзам и формировать свои собственные союзы защиты, а также использовать любое честное средство, чтобы убедить или принудить предпринимателей быть справедливыми по отношению к работницам, выплачивая им равную заработную плату за равный труд"[310]. Впервые в истории США национальная рабочая федерация проголосовала за принцип равной

---

[303] Kerber Linda K., De Hart Jane Sheron (Eds.) Women's America. Refocusing the Past. P.157.

[304] Трагер Дж. Великие женщины. Хроника. События. Факты. С.246.

[305] Kerber Linda K., De Hart Jane Sheron (Eds.) Women's America. Refocusing the Past. P.157.

[306] Dublin Thomas. Women at Work. New York: Columbia University Press, 1979. P.98.

[307] Трагер Дж. Великие женщины. Хроника. События. Факты. С.247.

[308] Kerber Linda K., De Hart Jane Sheron (Eds.) Women's America. Refocusing the Past. P.158.

[309] Трагер Дж. Великие женщины. Хроника. События. Факты. С.313.

[310] Там же. С.277.

оплаты. Тогда же был учрежден пост национального организатора по делам трудящихся женщин, на который избирали Кейт Меллейни. Она на протяжении нескольких лет возглавляла стачечное движение работниц, требовавших улучшения условий труда и повышения заработной платы. В том же 1868 г. в США по инициативе суфражистки Элизабет Стэнтон и профсоюзных активистов была создана Ассоциация трудящихся женщин. Через год в Линне (штат Массачусетс) прошел учредительный съезд по созданию Национальной организации трудящихся женщин под названием "Дочери святого Криспина"[311]. Попытки консолидировать женское движение за улучшение условий труда предпринимались и в последующие годы. В 1903 г. женщины из среднего класса, сторонницы прогрессивных реформ, создали Национальную женскую профсоюзную лигу. Председателем Лиги избрали Мэри Кхью, ее заместителем — Джеймс Адамс. Лига выдвинула три цели: организовать женщин в профсоюзы, проводить в самих профсоюзах разъяснительную работу о допуске женщин в их ряды, добиваться принятия законов об охране труда женщин, минимальной заработной плате и пенсии по старости. Лига, как указывалось в ее уставе, принимала "любое лицо, имеющее решимость оказать помощь уже существующим профсоюзам, среди членов которых есть женщины, а также созданию новых профсоюзов, объединяющих женщин, работающих по найму"[312]. Но значение этой организации ограничилось лишь демонстрацией стремления к переменам в сфере трудовых отношений.

Массовое давление на законодателей имело достаточно скромный результат. Во второй половине 1860-х гг. законодательные органы 6 штатов (Иллинойса, Висконсина, Коннектикута, Миссури, Нью-Йорка, Калифорнии) приняли законы о 8-часовом рабочем дне. Но эти законы содержали многочисленные оговорки, что фактически делало невозможным их использование. Например, закон Висконсина применялся лишь в случае, если не существовало отдельного договора о противоположном. В Иллинойсе установили, что закон вступал в действие при отсутствии противоречившего ему договора. Ни один из принятых штатами законов о 8-часовом рабочем дне не запрещал предлагать контракты, предусматривавшие более длительный рабочий день. Все эти законы не были проведены в жизнь, никаких других попыток законодательно изменить ситуацию долгое время вообще не предпринималось. Немногие из законодательных органов штатов, обладавших прерогативами в сфере регулирования трудовых отношений, были склонны идти на сокращение рабочего времени женщин, как, впрочем, и всех работников. Лишь в 1874 г. законодательное собрание штата Массачусетс приняло закон о 10-часовом рабочем дне для женщин. Его примеру последовал штат Орегон в 1903 г. Более активной была роль местных органов власти. В силу этого средняя продолжительность рабочей недели все же сократилась: с 66 часов в 1870 г. до 54 часов в 1910 г.[313] На федеральном же уровне никаких законов о труде не существовало вплоть до 1930-х гг.

Учительская сфера. Женщины, которые в силу своего социального статуса и имущественного положения не помышляли о фабрике, начали задумываться о том, как вырваться из тесных рамок семьи, найти поле приложения сил вне ее. Представительницы состоятельных, образованных и социально активных кругов притязали не только на то, чтобы отвоевать профессиональные занятия, которые монополизировали мужчины, но стремились добиться гражданского равноправия. В XIX веке в общественное сознание все больше начинает проникать представление о том, что женщины, особенно незамужние, должны приобретать профессию, ибо, как писала английский педагог Барбара Лей Смит в вышедшем в 1856 г. эссе "Женщина и труд", иждивенчество ведет к деградации женщин. Избавление от нее виделось в повышении общего и профессионального образования. Для выходцев из низших слоев

[311] Там же. С.279.

[312] Там же. С.311.

[313] Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. М., 1976. Т.2. С.64.

общества это была возможность содержать себя. Женщины, не нуждавшиеся в заработке, считали необходимым приносить пользу обществу.

Так общество исподволь подводилось к осознанию необходимости профессиональной подготовки, развития женского образования. В этом отношении пример показали США. Здесь в течение 1780—1790-х гг. появилось некоторое количество школ специально для девочек. Они также зачислялись вместе с мальчиками в общественные школы. Результатом стало повышение образовательного уровня девушек, и к середине XIX века он сравнялся с мужским. В связи с основанием большого количества школ в стране возник массовый спрос на учителей. Но поскольку женщинам платили "вдвое, а то и втрое меньше, чем мужчинам"[314], именно их и стали привлекать к преподаванию. Поначалу это были девушки-учителя, имевшими гимназическое образование. Основанную в 1821 г. в городе Троя (штат Нью-Йорк) женскую гимназию к 1872 г. окончили более 12 тыс. выпускниц, которые в основном и составляли контингент женщин-педагогов[315]. В связи с большими потерями мужчин в годы Гражданской войны женщины стали осваивать новые профессии, но и в это время основной рост их по-прежнему происходил в учительской сфере. Во время Гражданской войны и непосредственно после ее окончания сотни тысяч женщин с Севера двинулись на Юг обучать бывших рабов — поступок, который черный историк У. Дюбуа назвал "самым прекрасным мирным сражением XIX века"[316]. Тенденция к увеличению числа женщин в учительской сфере сохранялась на протяжении всего XIX века. К 1869 г. штат Вайоминг официально установил оплату для женщин-учителей наравне с мужчинами. За ним в 1874 г. последовала Калифорния[317]. Учебные заведения для подготовки учительниц учредили по всей стране, а сама эта профессия все больше становилась женской: в 1900 г. более 3/4 всех учителей в стране были женщины[318].

Быстро росло и число женщин-учителей в Великобритании. В мае 1848 г. как следствие волны критических выступлений в адрес правительства, игнорировавшего вопрос об образовании женщин, в Лондоне был открыт первый Королевский колледж, куда принимали девушек с 12 лет. При колледже имелась подготовительная группа для девочек от 9 до 12 лет. Обучение девочек проводилось по широкой программе, включавшей математику, классические дисциплины и спорт[319]. В 1867 г. Жозефина Батлер, Джемима Клаугх и Элизабет Кларк создали Совет содействия высшему образованию женщин. Развитие педагогического образования, в том числе женского, привело к тому, что уже в 1870 г. в числе дипломированных школьных учителей было 6,4 тыс. мужчин и 6 тыс. женщин, причем наметилась отчетливая тенденция к феминизации учительского труда. В начальных школах должности учителей-стажеров[320] занимали 6 тыс. мужчин и 8 тыс. женщин. Через четверть века ситуация разительно изменилась. В 1895 г. дипломированных учителей насчитывалось: мужчин — 21 тыс. и женщин — 32 тыс., а учителей-стажеров соответственно 7,2 тыс. и 27 тыс., т.е. пропорция дошла до

---

[314] Эванс С. Рожденная для свободы. История американских женщин. С.77.

[315] Там же. С.77-78.

[316] Degler Carl. Out of Our Past. The Forces That Shaped Modern America. Third Edition. P.209.

[317] Mofford Juliet H. Women in the Workplace // Women's History: Special Collection Issue. Celebrating Women's History Month. Vol.2. No.1. Spring-Summer. 1996.

[318] Degler Carl. Out of Our Past. The Forces That Shaped Modern America. Third Edition. P.385.

[319] Трагер Дж. Великие женщины. Хроника. События. Факты. С.258.

[320] Учителями-стажерами назначались на срок до 4-х лет выпускники народных школ после сдачи экзамена повышенного уровня. В течение указанного времени должны были выдержать экзамен за учительскую семинарию.

67,7% в пользу женщин[321]. В последующие годы она возросла еще больше: женщины в 1901 г. составляли 75% школьных учителей[322].

Женское высшее образование. Важным этапом на пути к феминизации интеллектуального труда стало распространение на женщин права на получение высшего образования. Первым в США в 1837 г. провел прием студентов независимо от пола колледж Оберлин в штате Огайо[323]. Такое же решение в 1852 г. принял колледж Антиок того же штата. Постепенно стали открывать двери аудиторий для девушек и государственные университеты: в 1855 г. — штата Айова, в 1870 г. — Мичиганский. В 1873 г. начал прием девушек Корнельский университет (штат Нью-Йорк). К концу XIX века движение за женское образование добилось больших успехов благодаря учреждению женских колледжей. Они были либо полностью самостоятельные, наподобие открытых в 1875 г. и существующих до настоящего времени колледжей Веллесли (штат Массачусетс) и Смит, либо т.н. присоединенные[324]. Последние действовали на автономных началах в составе университетов, которые предоставляли помещения, оборудование и преподавателей. Так были созданы колледжи Барнард при Колумбийском, Радклифф при Гарвардском, Пемброук при Браунском университетах. В ряде женских колледжей учебные планы и образовательные стандарты были подняты до уровня лучших мужских высших учебных заведений. Например, женский колледж Брин Мор предъявлял к студенткам такие же требования, что и Гарвардский университет. В 1881 г. и сам Гарвардский университет открыл прием девушек на общих основаниях. В отличие от старых мужских многие женские колледжи были основаны не на средства религиозных организаций, а на деньги, пришедшие из промышленности и бизнеса. И в сфере образования индустриализация сыграла решающую роль в изменении места женщины внутри американского общества. В результате к 1900 г. женщины составляли пятую часть студентов высших учебных заведений США[325].

В Европе высшее женское образование берет начало в 1860-х гг., когда перед студентками открыл двери Цюрихский университет. Швейцарские высшие учебные заведения быстро стали и лидерами, и международными центрами европейского женского образования. В 1906—1907 учебном году студентки в них, не считая вольнослушательниц, составляли 22,3%, а из их числа на каждую швейцарку приходилось десять иностранок. К концу 60-х гг. женщины получили доступ в высшую школу Франции, в 1870 г. — Швеции, в 1875 г. — Дании. Женщин стали принимать крупнейшие университеты Англии: в 1878 г. Лондонский, в 1881 г. Кембриджский и в 1884 г. Оксфордский[326].

Но женщин в университетах было не так уж и много: во Франции, например, в 1905 г. только 5,8%. В Германии последних десятилетий 19 века, несмотря на усилия руководимой Хелен Ланге Всеобщей германской женской ассоциации, движение женщин за возможность профессионального образования не преодолело укоренившуюся альтернативу — “карьера или замужество”. Модель семьи с мужем-кормильцем и женой-хранительницей очага большинство женщин из буржуазных слоев и рабочего класса рассматривали в качестве идеала. Сами же

---

[321] Ностиц Г. Рабочий класс Англии в девятнадцатом столетии. Из общественной истории нашего времени. М., 1902. С.138.

[322] Фадеева Л. А. “Профессиональный класс” в английской социальной истории XIX в. // Новая и новейшая история. 1998. №4. С.63.

[323] Holmes Madelyn. Women in Education // Women's History: Special Collection Issue. Celebrating Women’s History Month. Vol.2. No.1. Spring-Summer. 1996.

[324] Ibid.

[325] Wheeler Thomas. The History of Higher Education in One-Half Chapter // National Forum of Applied Educational Research Journal. Vol.6. No.2. 1993-94.

[326] Кареев Н. И. Очерки социально-экономической истории Западной Европы в новейшее время. Птгр., 1923. С.237.

германские власти и с приходом XX века чинили препятствия женскому образованию. Прусский министр народного просвещения, выступая в 1902 г. перед ландтагом, заявил, имея в виду женщин: “Различия между мужчиной и женщиной, указанные природой и развитые культурой, могут пострадать от посещения гимназий и университетов”[327]. Только 18 августа 1908 г. появился указ, допускавший женщин в качестве полноправных студентов в университеты Пруссии, где до этого времени они могли быть только вольнослушательницами. На всю Германию в 1908 г. приходилось 1077 студенток[328].

Канцелярская работа. Технический прогресс открыл дорогу женщинам к канцелярской работе. В 1867 г. в США появилась первая печатная машинка. С 70-х гг. началось их массовое производство. Редакции газет, деловые конторы, органы управления стали оснащаться “ремингтонами” и “ундервудами”. Работа на них стала чуть ли не монополией женщин. Женщины же взяли на себя и инициативу подготовки соответствующих специалистов. В 1879 в США Мери Фут Сеймор открыла первую школу секретарей-машинисток. Поскольку работа в офисе была чистой и безопасной, женщины из среднего класса рассматривали работу машинистки, бухгалтера и клерка как более предпочтительную по сравнению с трудом на фабрике и стали активно занимать должности конторских служащих. Это привело к тому, что клерки-мужчины уступили им ряд своих функций по ведению делопроизводства и переписке корреспонденции. Большое число женщин, работавших в правительственных офисах в Вашингтоне, вызывало удивление иностранцев. К 1900 г. 75% конторских служащих в стране составили женщины, тогда как в 1870 г. их было только 3%[329].

Женщины в сфере здравоохранения. Медицинская служба милосердия на протяжении большей части XIX в. считалась занятием не для “леди”. Больных из богатых домов обслуживала прислуга под руководством семейного доктора, а общественные госпитали имели репутацию аморальных и антисанитарных заведений. Популярные карикатуры того времени изображали медсестер в виде нетрезвых и невежественных существ. Однако в годы Крымской войны 1853—1856 гг. англичанка Флоренс Найтингейл, которой пришлось преодолеть предубеждение собственной семьи, сумела привлечь к госпитальному делу специально обученных сестер милосердия, придать этому занятию облик серьезной профессии. На фронте солдаты болели тифом, дизентерией, холерой. Нужен был уход за больными и ранеными, и британское командование возложило на Найтингейл организацию сестринской помощи в действовавших частях. Так родилась новая профессия сестры милосердия. Опыт медицинской службы в годы Крымской войны явился решающим аргументом для учреждения в 1861 г. первой официальной женская службы медсестер в английской армии[330]. В последующие годы на их обучение тратили 3 года, после чего выдавали сертификат. Среди медсестер было много образованных женщин из семей священников, офицеров, врачей, торговцев. Социальный статус медсестер стал оцениваться выше, чем гувернанток из богатых домов, хотя зарабатывали они меньше.

В США с началом Гражданской войны 1861—1865 гг. женщины, движимые чувством патриотизма, а подчас и ради заработка, шли на фронт врачами и медицинскими сестрами. С ее окончанием работа медицинской сестры стала одним из видов карьеры, открытой для многих женщин, и это стимулировало создание новых школ по подготовке младшего медицинского персонала. Работа, ранее считавшаяся не подобающей для женщин, стала рассматриваться в качестве занятия, которое особенно им соответствует.

---

[327] Цит. по: Бебель А. Женщина и социализм. С.319.

[328] Там. же. С.322.

[329] Mofford Juliet H. Women in the Workplace // Women's History: Special Collection Issue. Celebrating Women’s History Month. Vol.2. No.1. Spring-Summer. 1996.

[330] Summer Anne. Angels and Citizens: British Women as Military Nurses. 1854—1914. London. 1988. P.67.

Развитие женского образования дало доступ к профессиональным занятиям, о которых раньше женщины не могли и мечтать. Женщины во многих странах стали занимать не только должности младшего медицинского персонала, но и работать врачами. Чтобы добиться этой возможности, им уже во время обучения приходилось преодолевать предубеждение студентов и преподавателей медицинских колледжей. Допущению женщин к профессии врача противились, ссылаясь на то, что их присутствие во врачебном сообществе феминизирует профессию, которая требует исключительно "мужских качеств". К 1858 г. только около 300 из более, чем 18000 выпускников медицинских колледжей США составляли женщины[331]. Ответом на дискриминацию стало создание медицинских колледжей специально для женщин. Первым в их ряду стал в 1848 г. колледж в Бостоне. В 1850 г. член общины квакеров врач Анна Престон открыла женский медицинский колледж в Филадельфии. Эти и другие подобные им учебные заведения помогали женщинам получить профессию, что из-за дискриминации было невозможно в мужских колледжах. Женские колледжи основывали больницы, потому что официальный медицинский истэблишмент не допускал их выпускниц к клинической практике в общественных больницах. В 1857 г. Элизабет Блэквелл, за 8 лет до этого первой среди женщин США получившая диплом врача, организовала в Нью-Йорке больницу для женщин и детей, персонал которой состоял только из женщин. В 1862 г. подобную больницу основали сподвижницы Элизабет Блэквелл сестры Эмили и Мэри Закревские в Бостоне[332]. Несмотря на успех отдельных женских медицинских колледжей, женщины продолжали добиваться права быть допущенными в элитные медицинские колледжи — бастионы мужского образования. Сторонницы женского медицинского образования предложили 500 тыс. долларов медицинской школе университета Джонс Хопкинс на условии, что женщины будут допущены в нее на равных с мужчинами условиях. В 1893 г. школа набрала первый совместный класс и вскоре стала национальным лидером в обучении женщин профессии врача[333].

Женщины в сфере интеллектуальной деятельности. Приход женщин в мужские профессии школьным образованием и медициной не ограничивался, постепенно разворачивался процесс освоения таких видов деятельности, которые в глазах общества считались "еще более мужскими". В этой связи следует отметить, что летом 1899 г. большинство избирателей в кантоне Цюриха высказались на референдуме за допущение женщин к адвокатуре. Право заниматься адвокатской практикой женщины получили затем в Австралии, Голландии, Дании, Канаде, России, Финляндии, США. К 1900 г. только в США было более 1000 женщин-юристов.

Вместе с тем имелись такие сектора интеллектуальной сферы, попытки самореализации в которых встретили наибольшие препятствия. Сама эта тема требует специального исследования, выходящего за рамки данной статьи. Но чтобы указать на наличие проблемы, целесообразно хотя бы пунктирно обозначить факты, ставшие уже хрестоматийными. Определяя первый ряд женщин-интеллектуалов, закономерно предположить наличие значительного слоя женщин, деятельность которых в указанной области подготовила почву для прорыва в будущем сначала наиболее одаренных и, главное, настойчивых из них, умевших использовать малейшие шансы, в частности, в научной карьере. Хотя научная деятельность оставалась практически наглухо закрытой для женщин и только необыкновенные способности помогали немногим из них получить место на кафедрах в университетах, выдающиеся женщины добились результатов мирового уровня. Научные достижения француженки Софи Жермен были столь значимы, что Академия наук в 1816 г. присудила ей золотую медаль. Рекомендации английского энтомолога Элеоноры Ормерод, с 1877 г. публиковавшей

[331] Hudson Patricia L. Women in Medicine // Women's History: Special Collection Issue. Celebrating Women’s History Month. Vol.2. No.1. Spring-Summer. 1996.

[332] Ibid.

[333] Ibid.

"Ежегодный доклад о научных исследованиях по вредным насекомым", помогли спасти половину рогатого скота Великобритании. В 1899 г. выдающемуся русскому математику Софье Ковалевской присвоили звание профессора Стокгольмского университета — в России ей места не нашлось. Марию Склодовскую-Кюри, работавшую во Франции, дважды удостоили Нобелевской премии: по физике в 1903 и химии в 1911 г., но на родине так и не допустили во Французскую академию наук. Если так поступали с корифеями, то как прокладывали себе дорогу женщины — "чернорабочие науки"?

*** *** ***

В XIX в. определение женской политической повестки для женщин из рабочей среды и женщин из среднего класса (в терминологии конца XIX — начала XX вв. — буржуазных женщин) отличалось. Работающих женщин из рабочей среды прежде всего объединяли экономические требования (повышение заработной платы, нормирование труда, ограничение рабочего дня и т.д.), осознание необходимости равных избирательных прав пришло значительно позже: лишь в 1907 г. на первой международной конференции социалисток в Штутгарте был включен в повестку вопрос об избирательном праве для женщин. Что касается женщин из среднего класса (причем в США белых женщин), традиционно не работавших, то первым требованием, которое они выдвинули и на котором сфокусировали свои движения, было достижение политических, в частности избирательных, прав. Более того, антагонизм между женщинами из разных социальных слоев выливался в нелицеприятные замечания по поводу целей каждого из них. Квинтэссенцию этих разногласий выразила Александра Коллонтай, широко известная своей непримиримой позицией в отношении "буржуазных" феминисток: "Женский вопрос, — говорят феминистки, — это вопрос права и справедливости. Женский вопрос, — отвечают пролетарки, — это вопрос "куска хлеба". Женский вопрос и женское движение, убеждают нас буржуазные женщины, возникло тогда, когда сознательный авангард борцов за женскую эмансипацию выступил открыто на защиту попираемых прав и интересов. Женский вопрос, отвечают пролетарки, возник тогда, когда миллионы женщин … оказались выброшенными на трудовой рынок, когда послушно спеша на унылый призыв фабричного гудка, миллионы женщин стали толпиться у фабричных ворот, перехватывая заработок у своих собственных мужей и отцов"[334].

С позиций сегодняшнего дня очевидно, что в споре социалистических и "буржуазных" феминисток не было правых и неправых. Требования женщин из разных слоев общества формулировались под влиянием разных жизненных потребностей. Те, для кого труд являлся источником существования и "куска хлеба", требовали урегулировать трудовые отношения: они тяготели к социалистам с их критикой несправедливостей экономической системы капитализма. Те же, кто в силу принадлежности к среднему классу могли рассматривать работу не в качестве тяжкой необходимости, а как сферу приложения творческих сил и служения обществу, объявляли "войну" политическому и гражданскому бесправию женщин, объединяясь под знаменами суфражизма.

[334] Коллонтай А.М. Женщина-работница в современном обществе // Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической истории и теории. Документальные материалы. М., 1998. С.239.

Н.В. Новикова

ПАЦИФИЗМ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ В БРИТАНСКОМ СУФРАЖИСТСКОМ ДВИЖЕНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Деятельность женщин-пацифисток в годы Первой мировой войны стала предметом довольно пристального изучения и этому нетрудно найти объяснение. Большинство работ, посвященных анализу их неординарных взглядов, вышло в свет в 1980-е гг. — время, когда женское движение снова активизировалось, а основные усилия феминистских групп сосредоточились на борьбе за разоружение и всеобщий мир, против ядерной гонки. Подъем женского пацифистского движения в конце XX в. поставил в центр внимания вопрос о преемственности ранних мирных инициатив женщин и современного этапа борьбы за мир. Историки старались привлечь внимание к опыту и наследию активисток женских кампаний начала века и тем самым не только популяризировали знания и освежали память о них, но и способствовали развитию феминистских идей, осмыслению соотношения феминизма и пацифизма. Так появились эссе Д. Веллакотта и Л. Костин, книги А. Вильтшер, С. Олдфилд, Дж. Альберти и Дж. Лиддингтон335. В этих исследованиях более или менее детально отражена история женских пацифистских обществ и деятельность суфражисток, работавших в них, но уделено мало внимания организационной и, в какой-то степени, идеологической связи этого движения с известными суфражистскими объединениями. Между тем представляется важным показать деятельность и проанализировать наследие феминисток, исповедовавших принципы пацифизма, прежде всего как участниц кампаний за равные политические права британских женщин.

К началу XX в. в британском суфражистском движении выделились два течения, главным образом отражавших изменения в социальном составе участников движения, — либеральное и демократическое, из которых "одно стремилось к допуску в буржуазный мир, другое — в другой мир вообще"[336]. Суфражистская идеология основывалась на либеральных принципах и на признании особой женской социальной роли. В этом смысле Первая мировая война не повлекла за собой изменений в аргументации и риторике британских феминисток. Напротив, в условиях войны эти идеи звучали еще более убедительно и потому оставались в фокусе феминистской пропаганды. В то же время, используя одни и те же доводы, представительницы двух течений в британском суфражистском движении по-разному их интерпретировали и видели различные перспективы движения в годы войны.

В подавляющем большинстве участницы суфражистских кампаний поддержали правительство, объявившее о вступлении в войну, и в дальнейшей деятельности делали акцент на своей патриотической позиции. Такое решение представляется вполне последовательным шагом. Во-первых, не последнее место занимали и соображения тактики. Готовность разделить со всей страной тяготы войны и желание служить Отечеству, по мнению суфражисток, помогли бы обеспечить доверие политической элиты к женщинам. Кроме того, в новых, чрезвычайных условиях, неблагоприятных для развития оппозиционного женского движения, необходимо было продумать особую стратегию, чтобы предотвратить распад и организационный упадок национальных суфражистских обществ. Наконец, как считали британские феминистки,

---

335 Vellacott J. Anti-War Suffragists // History. Vol. 62. October 1977. P.411-425; Ibidem. Feminist Consciousness and the First World War // History Workshop Journal 23. Spring 1987 P.81-101; Costin L. B. Feminism, Pacifism, Internationalism and the 1915 International Congress of Women // Women and Men's Wars / Ed. by J. Stiehm. Oxford and New York, 1983; Wiltsher A. Most Dangerous Women. Feminist Peace Campaigners of the Great War. L., 1985; Oldfield S. Spinsters of the Paris: The Life and Times of F.M. Mayor and Mary Sheepshanks. L., 1984; Liddington J. The Long Road to Greenham. Feminism and Anti-Militarism in Britain since 1820. L., 1989; Alberti J. Beyond Suffrage. Feminists in War and Peace, 1914—28. Basingstoke, 1989.

336 Rowbotham S. Hidden From History. L., 1973. P.50.

дальнейшая судьба движения непосредственно зависела от итогов начавшейся войны. Как для большинства членов крупнейшего Национального союза обществ женского избирательного права, так и для сторонников радикального Женского социально-политического союза патриотическая деятельность являлась продолжением, естественным развитием суфражистского движения в новых условиях. Борьба за политическую свободу женщин, по их представлениям, неотделима от демократической, прогрессивной эволюции общества, и Великобритания, страна, в которой либерализм являлся официальной идеологией, шла в авангарде этого поступательного движения цивилизации. Столкновение с кайзеровской Германией интерпретировалось как схватка за "спасение принципов морали против грубой силы", война в защиту свободы и независимости не только Великобритании, но и других стран, подвергшихся нападению, борьба с милитаризмом вообще. В своей речи, произнесенной в октябре 1914 г. в Карнеги-Холле в Нью-Йорке, лидер Женского союза Кристабель Панкхерст в четких и кратких выражениях сформулировала позицию своей организации по отношению к начавшейся войне, но эти слова в той же степени отражают и мнение участниц Национального союза: "Наша точка зрения [относительно войны — Н.Н.] состоит в том, что сами основы нашего движения за свободу женщин находятся под угрозой. Наша точка зрения в том, что, если наша страна не победит, ценность британского гражданства будет значительно снижена, если не уничтожена совсем. Мы хотим видеть мощь нашей страны сохраненной, так как мы верим, что эта мощь все больше и больше употребляется во благо всего мира"[337].

Адекватность действий правительства не подвергалась сомнению, поскольку суфражистки были убеждены в невозможности урегулирования конфликта, в бессильности дипломатии. Любопытно отметить изменение направленности и тона феминистской риторики в вопросе об ответственности за развязывание войны. В первые дни войны европейский конфликт в суфражистской прессе представлен как "величайший кризис в национальной истории", "армагеддон", "ужасный неописуемый крах". Феминистские издания постоянно напоминали читателю о неизбежных страданиях, связанных с войной, о возможности гибели цивилизации — тематика, прямо противоположная официальной пропаганде. Сохраняя по инерции наступательную тональность, аргументация феминисток в вопросе об ответственности за начало вооруженной схватки основывалась на разделении и противопоставлении мужского и женского социального опыта или, если обратиться к оригинальной лексике, "цивилизации и варварства, духовного и материального, матери, которая думает о будущем счастье ее детей, и грубой, бесчувственной ярости"[338]. Подчеркивалось, что война стала естественным результатом "в человеческом мире, организованном и управляемым исключительно мужчинами, в мире, в котором женщинам дозволено лишь занимать подчиненные и незначительные позиции"[339]. Эта идея буквально пронизывает феминистскую агитацию начального периода войны, и если умеренная и осторожная в высказываниях газета "Коммон Коз" обвиняет в провокации войны дипломатов, финансистов и джингоистскую прессу[340], то радикальная "Сафрэджет", официальный орган Женского социально-политического союза, использует более резкие формулировки. "Созданная руками человека цивилизация, достаточно страшная и жестокая в мирное время, должна быть разрушена, — заявляла в августе 1914 г. К. Панкхерст, редактор "Сафрэджет" и главный идеолог Женского союза, — цивилизация, созданная исключительно мужчинами, — это цивилизация, игнорирующая закон природы, игнорирующая закон справедливого правления. Эта великая война... есть наказание Природы — Божье наказание, которое ложится на людей, держащих женщин в подчинении и тем самым разрушивших идеальный человеческий баланс. Подобно тому, как мы заболеваем, когда игнорируются законы, управляющие человеческим организмом, так мы имеем цивилизацию несовершенную,

---

[337] Pankhurst C. America and the War. [London], 1914. P.6-7.

[338] *Votes for Women*, August 7, 1914. P.680.

[339] *Votes for Women*, August 7, 1914. P.678.

[340] *The Common Cause*, August 7, 1914. P.377.

несправедливую, варварскую в лучшем случае, и обреченную на разрушение, когда игнорируется закон справедливого правления — закон, по которому мужчины и женщины сотрудничают в управлении делами"[341].

Однако спустя неделю характер высказываний суфражисток меняется. В то время как признавалось, что Великобритания или, скорее, "мужчины, которые управляли страной, сделали ошибки в прошлом", вина теперь возлагалась на Германию и Австрию, которые отказались от возможности разрешения спорных вопросов в третейском суде[342]. Таким образом, ведущим в военной риторике патриотически настроенных суфражисток стало понятие "справедливой войны". В упомянутой уже речи К. Панкхерст бросила прямой вызов убеждениям пацифистов, заявив, что не все войны неоправданны. Например, война английских колоний за независимость или война в Италии за национальное объединение и самоуправление — примеры справедливых войн, войн во имя свободы и справедливости[343]. Ту же образность и стиль использовало и руководство Национального союза, определяя это понятие: "Если эта война справедливая, то потому, что это война в защиту свободы и общественного права против господства одной могущественной страны, попирающей независимость других. Ни одна истинная суфражистка не может быть безразличной к судьбе любого народа, малого или великого. Национальность — лишь другая и более сложная форма индивидуальности, а для суфражистки индивидуальность бесценна"[344].

Примечательно, что эти утверждения входили в прямое противоречие с одной из базовых установок феминистской идеологии — отрицанием авторитета и эффективности физической силы как политического средства. Даже при оценке происхождения и характера европейской войны суфражистки продолжали опираться на этот принцип. Кайзеровская, милитаристская Германия "признала в качестве своей национальной религии теорию, согласно которой право находится на стороне сильного, и народы не имеют прав и оправдания существования до тех пор, пока они не обеспечат это с помощью своих вооруженных сил, — утверждала, в частности, К. Панкхерст. — Это теория, которая, к моей гордости, никогда не использовалась моей страной. Это теория, против которой мы сейчас сражаемся в этой войне"[345]. Однако при определенных обстоятельствах суфражистки согласны отойти от этого принципа и использовать аргумент грубой силы для достижения высшей цели. "Когда мы столкнулись со страной, намеревавшейся навязать своё правление другим частям мира посредством физической силы и потому напавшей на нас, — продолжала К. Панкхерст, — мы... вынуждены выбирать из двух возможностей: либо мы должны сдаться, либо мы должны сражаться"[346]. Той же логики придерживалась и глава Национального союза Миллисент Фосетт, доказывая возможность и даже необходимость в известных случаях, когда "обращение к моральной силе было бы бесполезно", применение физической силы[347]. Другими словами, феминистки на практике все же соглашались с правилом "кто силен, тот и прав". В этих рассуждениях проявляется противоречивость и непоследовательность в суфражистской идеологии, что определило слабость позиции либеральных феминистских организаций по окончании войны.

Немногочисленные участницы суфражистского движения — сторонницы пацифистских взглядов, предпочитали называть себя *интернационалистками*348. Тем самым они старались

---

[341] *The Suffragette,* August 7, 1914. P.301.

[342] Ibid. P.1, 7.

[343] Ibid. P.12.

[344] *The Common Cause*, November 24, 1914. P.564.

[345] Pankhurst C. Op. cit. P.3.

[346] Ibid.

[347] *The Common Cause*, July 2, 1915. P.175.

348 Под “пацифизмом” здесь предлагается понимать общественно-политическое движение, а также комплекс теоретических воззрений и идейных устремлений, “указующий на возможность и

подчёркивать общность взглядов и интересов женщин всего мира, а также важность сохранения и развития международного женского движения.

Анализируя написанное о вкладе женщин в пацифистское движение периода Первой мировой войны, необходимо отметить, что авторы большинства сочинений сосредоточили основное внимание на антимилитаристской идеологии и антивоенной деятельности группы суфражисток-диссиденток Национального союза обществ женского избирательного права, близких к лейбористской политике и социалистическому мировоззрению. Подчеркивалась также приверженность к пацифистским идеям и членов группы под руководством Сильвии Панкхерст, которая после разрыва с руководством Женского социально-политического союза все более ассоциировала себя с социалистическим движением. Отсюда складывается впечатление, что инициаторами женских пацифистских кампаний периода Великой войны были исключительно феминистки — сторонницы социализма. И тот факт, что женщины именовали себя не "пацифистками", а "интернационалистками", подкрепляет это представление. Однако, на наш взгляд, такое понимание упрощает и неточно отражает действительность. На самом деле анализ взглядов активисток движения показывает сложность, комплексность воззрений и подходов феминисток к вопросам войны и мира. С. Олдфилд, например, в своей статье попыталась определить политические ориентиры более чем двухсот англичанок, выразивших желание отправиться в Гаагу на пацифистский женский конгресс в 1915 г. По ее подсчетам, "45% из них объявили бы себя прежде всего феминистками, а 10% назвали бы себя социалистками. Вероятно, около 25% сказали бы, что они убежденные квакеры, для которых вера в существование внутреннего света во всех людях составляла центральный жизненный принцип. И последние 20% должны бы были быть названы "идеалистическими гуманистками". Это женщины, которые не могли не вмешаться, не облегчить любой случай страдания, и не только женского страдания, который встречался на их пути"349.

Сторонницы немедленного прекращения военных действий видели существенную связь между пацифизмом и феминизмом, между суфражистским движением и работой по сохранению мира. По их мнению, милитаристская политика и практика подчинения женщин имеют единую природу, а вопрос о соотношении войны и мира тесно сопрягается с вопросом о соотношении физической силы и силы разума в социальных отношениях. В этой связи можно согласиться с предложением английского историка Дж. Лиддингтон, которая считает, что термин "пацифизм" не отражает глубины и многогранности представлений феминисток о мире. Взамен она использует термин "антимилитаризм", который, кстати, являлся ключевым в риторике суфражисток периода Первой мировой войны350. В своей критике войны и физического насилия как средства решения социальных споров феминистки расходились во мнениях по вопросам о принципиальной допустимости вооруженных конфликтов, о возможности компромиссов в женском движении, расколотом войной, о перспективах антивоенного движения в тех условиях. Общим же для взглядов суфражисток являлось понимание милитаризма с его идеологией и системой социальных отношений как прямой противоположности феминизму, его идеалам и принципам. Более того, милитаризм воспринимался как главная угроза социальной гармонии. Как рассуждает автор одного из эссе,

---

необходимость разрешения всех конфликтов ненасильственным путем, установления всеобщего согласия" (Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. М., 1998. С. 9) Как известно, этот термин стали использовать в начале XX в. и, по замечанию К. Роббинс, в Великобритании того периода "точное значение этого термина оставалось неясным. Он мог означать либо жесткое и абсолютное неприятие войн при любых обстоятельствах и отказ от участия в них в каком бы то ни было виде, либо общее предпочтение мира войне, не исключающее в определенных условиях гибкого подхода к этой проблеме" (Там же. С.237).

349 Oldfield S. England's Cassandras in World War One // This Working-Day World. Women's Lives and Culture(s) in Britain 1914—1945 / Ed. by S. Oldfield. L., 1994. P.91.

350 Liddington J. The Long Road to Greenham... P.6.

опубликованного в суфражистской газете, "не кажется невероятным тот факт, что идеалы большинства мужчин отличны от идеалов большинства женщин. Эта разница обычно была затушёвана в суфражистской пропаганде: дискуссия зачастую приводила, и вполне справедливо, к тому, что по большинству вопросов нет существенного раскола общества на две половины, когда мужчины желали бы одного, а женщины — другого. Но милитаризм поднимает другие проблемы"351.

Понимая милитаризм прежде всего как систему отношений, в которых правым оказывается сильнейший, сумевший навязать свою волю другим, суфражистки проводили параллель между домашним насилием и войной. Война же, по их мнению, порабощает женщину, ибо держит её в вечном подчинении и заставляет истощать все свои силы в бесконечном рождении детей, дабы страна могла иметь воинов, необходимых для агрессии или для защиты. Милитаризм, утверждает автор того же эссе, "должен всегда воспроизводить андроцентричное общество, общество, в котором моральное и социальное положение женщин таково, что они являются в значительной степени порабощенной и второстепенной частью сообщества"352. Наконец, господство милитаризма объявлялось суфражистками главным препятствием на пути признания женщин полноправными гражданами страны и предоставления им возможности "быть услышанными" в политике.

Несмотря на принципиальное сходство взглядов и риторики сторонниц пацифистского движения, существовала определенная разница в интерпретации и использовании ими феминистских идей, понимании роли женщины в обществе и влияния войны на положение женщин. Это разнообразие объясняется рядом факторов и, прежде всего, личными и политическими установками каждой из участниц движения. Дж. Лиддингтон попыталась "распутать этот клубок" и предложила различать три традиции в феминистском пацифизме. Старейшую она называет матерналистской, согласно которой считалось свойственным для женщин проводить нешумную мирную пропаганду, используя свой авторитет как матерей, знающих цену человеческой жизни и поэтому инстинктивно настроенных против войны. Вторая традиция связывается с идеологией и практикой борьбы за равные права женщин и основывается на тезисе о традиционном исключении женщин из процесса принятия политических решений и убеждении, что, как только эта ситуация будет исправлена, войны прекратятся. Третью модель Дж. Лиддингтон называет радикальным феминизмом. Его сторонницы подчеркивают значительность половых различий и называют исключительно "мужскими" такие человеческие качества, как склонность к жестокости и агрессии. В силу этого они непосредственно связывают в своей риторике военное нападение и сексуальное насилие353. Классификация, предложенная английской исследовательницей, довольно точно отражает основные направления в феминистской мысли по вопросу о войне и мире. В то же время надо учитывать комплексность и взаимодополняемость этих идей, которые переплетены в текстах и выступлениях феминисток. Не задаваясь целью выделить и дифференцировать ведущие аргументы пацифисток периода Первой мировой войны (в этом стоит согласиться с выводами Дж. Лиддингтон), сосредоточим внимание на анализе и интерпретации наследия суфражисток как участниц *различных женских групп*, сторонниц разных политических стратегий.

Для Национального союза обществ женского избирательного права вопрос об отношении к войне стал роковым. Значительная часть руководящей верхушки организации не согласилась с официальным курсом, на котором настаивала М. Фосетт, и заявила о своей антивоенной, интернационалистской позиции. При этом, по наблюдению австралийской исследовательницы С. Холтон, существовало два подхода интернационалисток к вопросу о войне и мире, наметившихся уже осенью 1914 г. Одна группа, включавшая Х. Сванвик и И.

---

351 *The Common Cause*, February 26, 1915. P.735.

352 Ibid. P.736.

353 Liddington J. The Long Road to Greenham... P.6-8.

Форд, настаивала на немедленной организации антивоенной кампании силами Национального союза, тогда как другая, более умеренная, во главе с К. Маршалл, Э. Кларк и К. Куртни, скептически относилась к возможности активизации пацифистского движения и предлагала использовать организацию лишь для проведения образовательной кампании с целью постепенного обращения общественного мнения к пацифистским идеалам354. С. Холтон обратила внимание лишь на один аспект в работе этой группы пацифисток — понимание ими *задач женской суфражистской организации* на период войны. Однако не менее важным и информативным может быть анализ их идейных представлений и антивоенной деятельности, которая выходила далеко за пределы организованной кампании, инициированной и поощряемой М. Фосетт и ее сторонниками. Поскольку руководство Национального союза резко отмежевалось от любых попыток пацифистов включить предложения последних в официальные документы, а на страницах "Коммон Коз" статьи и эссе интернационалисток публиковались крайне редко, то о взглядах и убеждениях этой группы суфражисток можно судить по памфлетам военного времени, опубликованным при поддержке антивоенных организаций, переписке и мемуарам женщин. Особенно интересными являются работы Х. Сванвик, в которых она изложила и свои представления о природе войн, и своё понимание текущей ситуации. На основе анализа этих источников с большой долей уверенности можно сказать, что эти мысли отражали идеи интернационалисток в целом, идеи, не получившие поддержку большинства в Национальном союзе.

В годы войны Х. Сванвик была, пожалуй, одним из самых плодовитых публицистов, выступавших с позиций пацифизма. В её размышлениях отразились во всей полноте представления феминистов того времени о природе социальных отношений, о причинах войн, о влиянии войны на положение женщин и о месте последних в обществе. Что очень важно, эти воззрения, с одной стороны, стали свидетельством развития феминистской мысли и перспектив женского движения, но, с другой, содержали основные установки либерального феминизма, что и определило их противоречивость и непоследовательность. К примеру, в работах "интернационалистки" отчетливо прослеживается мотив британского национализма и имперского превосходства, когда она рассуждает "как гражданин величайшей империи, которую когда-либо видел мир", или как “женщина Британии"355.

Другими признаками принадлежности политической философии Х. Сванвик к традициям либерального феминизма является её стремление подчеркнуть достоинства женщин как "дарительниц жизни" и "создательниц домашних очагов", а также попытки возложить полную ответственность за развязывание войны на мужской род. В частности, она анализирует целый ряд мотивов, которые заставляют мужчин вести войны. Среди них: "1) традиционное представление о чести и убеждение, что ее можно "защитить" с помощью силы; 2) корыстолюбие и стремление к удовлетворению эгоистических интересов; 3) любовь к власти и к тому, что часто зовется славой; 4) страх"356. Автор отмечает, что указанные стимулы не позволили бы правительствам привести в движение военную машину, если бы не дополнительные мотивы, присущие в целом мужчинам, а именно, "5) праздность ума, которая оставляет право думать и решать за теми, кто ищет выгоду от войны; 6) драчливость; 7) любовь к риску и приключениям и отвращение к однообразию повседневной жизни"357. Большинство этих качеств, заключает феминистка, чужды женщинам, в результате они вынуждены переживать войны, навязанные обществам мужчинами.

Несомненно, эта аргументация совпадает с традиционной феминистской пропагандой, получившей новый импульс с началом мировой войны. В то же время очевидно, что эти доводы не вполне убедительны, и сама Сванвик в другом месте признает: "Когда женщины настроены

354 Holton S.S. Suffrage Days. Stories From the Women’s Suffrage Movement. L., 1996. P.213.

355 Swanwick H.M. I Have Been Young. L., 1935. P.78.

356 Swanwick H.M. Women and War. L., 1915. P.7-8.

357 Ibid. P.8.

милитаристски, зачастую они более неистовы, чем мужчины, по крайней мере, на словах"358. Немного раньше она поясняет, что мужчины бывают более сдержаны в эмоциях, чем женщины, поскольку имеют возможность "выразить" своё мнение в физических действиях, тогда как общество просто "не позволяет" этого женщинам359. Отсюда следует, что все рассуждения об особых "мужских мотивах" и "женских достоинствах" теряют смысл. В мемуарах Х. Сванвик, появившихся двадцать лет спустя, эта тема возникает вновь, и автор, наконец, разрешает для себя это противоречие, формулируя своё понимание ситуации в следующих словах: "Мужчины держали всю власть в своих руках. Только они были дипломатами и министрами иностранных дел, финансистами и производителями военного снаряжения, редакторами и ведущими публицистами. Поэтому, в определённом смысле, мужчины развязали войну. Но они бы не смогли этого сделать, если бы женщины не поддерживали их с восхищением и даже обожанием. Я думаю, что женщины были настолько далеки от свободы, юридически, социально, экономически и политически, что было бы абсурдом ждать, чтобы они были подлинно женственными, стоящими на собственных ногах и думающих по-женски. Они все ещё, в массе своей, воспроизводят слабую версию мужских мыслей... Женщины пытались, в конце концов, быть такими, какими их хотели видеть мужчины"360.

Как видим, Х. Сванвик до конца не сомневалась, что особая социальная роль женщины как заботливой матери способствовала её пацифистской ориентации. И ключом к разрешению проблемы она считала существующие в определенной культуре социальные нормы и ожидания. Та же мысль выражена в ее книге "Основы мира". И в 1937 г. пацифистка писала: "Женщины, даже в этой стране, всё ещё удивительно несознательны. Они всё ещё в большинстве своём ведут паразитическую жизнь. И до тех пор, пока дела обстоят так, они будут только эхом мужчин, а их мнение не будет иметь цены"361. В памфлетах же военного времени это противоречие оставалось очевидным. Особенно ярко оно проявлялось в признаниях автора о невозможности развернуть антивоенную кампанию в тех условиях.

Надо отметить, что в своих знаменитых "военных" эссе Х. Сванвик пыталась, возможно интуитивно, сгладить столь явное несоответствие феминистских пропагандистских клише и действительности и привлечь внимание к "общечеловеческим ценностям и идеалам". "Фактически, — рассуждала она, — жизнь могла бы быть более предсказуемой, если бы мы отбросили глупые фразы вроде "мужские и женские вопросы". Ибо в действительности нет такого деления, и любые человеческие проблемы влияют на всё человечество. И теперь, — заключала автор, — чтобы правильно решать человеческие вопросы, людям необходимо понимать друг друга"362. Эти размышления должны были привести читателя к знакомой суфражистской идее о "правильно управляемом обществе", в котором мужчины и женщины имеют равные возможности в процессе принятия политических решений и разделяют ответственность за эти решения. В военной публицистике Х. Сванвик также использует популярные образы и риторические приёмы, свойственные как суфражистской, так и официальной пропаганде. В частности, журналистка привлекает понятие "пруссачество", чтобы не только обозначить враждебную доктрину милитаризма и господства "аргумента физической силы", но и показать, что соответствующая ему система социальных норм противоположна суфражистским целям и идеалам. Оттого так созвучны суждения Х. Сванвик упомянутым выше высказываниям К. Панкхерст: "Милитаризм — это возведение на трон физической силы как арбитра наций, а при таком решении женщины всегда будут в подчинении. Женщины, чья физическая сила направлена на то, чтобы давать и оберегать жизнь, никогда не будут способны противостоять мужчинам с их деструктивной силой. Если деструктивной силе суждено

358 Swanwick H.M. The War in its Effect upon Women. L., 1916. P.29.

359 Swanwick H.M. Women and War... P.10.

360 Swanwick H.M. I Have Been Young... P.246.

361 Swanwick H.M. The Roots of Peace. L., 1937. P.191.

362 Swanwick H.M. The War in its Effect upon Women... P.4.

доминировать в мире, то мужчина должен доминировать над женщиной, что вредно как для него, так и для неё. Поддержка грубой силы, с помощью которой сильная нация "прорубает себе дорогу" сквозь слабую нацию, аналогична той, что позволяет более сильному мужчине диктовать [свою волю — Н.Н.] более слабой женщине... Требование женщинами свободы основано на том же принципе, что и требование малых стран"363.

Но, в отличие от знаменитой милитантки, Х. Сванвик не идеализирует британскую демократию и заявляет, что "все великие державы построены на милитаристской основе"364. Поэтому в своих убеждениях и действиях она выступала не только за скорейшее прекращение войны с Германией и её союзниками, но, прежде всего, боролась с милитаризмом как определенной общественно-политической системой.

К достоинствам публицистики Х. Сванвик относятся попытки критического анализа положения британских женщин в годы военного кризиса. Прежде всего суфражистка оценивала развернувшуюся войну как тотальную, подразумевая, что европейский конфликт вовлек в свою орбиту не только правительства и действующие армии. Целые общества вынуждены были подчинить свой ритм интересам войны, ни одна социальная группа не смогла избежать трудностей и лишений, связанных с войной, в том числе женщины и дети: "Война ведется мужчинами, но невозможно вести войну только против мужчин. Все войны ведутся и должны вестись как против мужчин, так и против женщин и детей. Когда авиаторы сбрасывают бомбы, когда пушки обстреливают укрепленные города, невозможно обойти женщин и детей, которые случайно могут оказаться на пути365. Даже попытки эвакуации последних из зоны боевых действий, по мнению пацифистки, нисколько не облегчают их положения и не заслоняют реальности войны: "Лучшее, что можно для них сделать, это собрать вместе, подобно больному и старому скоту, кормящих матерей и женщин с детьми и поместить в концентрационные лагеря, чтобы они там гнили, сходили с ума и умирали"366.

Эссе Х. Сванвик "Влияние войны на женщин", появившееся в августе 1916 г., может служить примером военной риторики демократических суфражисток и в сущности является актом разоблачения мифов и пропагандистских стереотипов, использовавших образ британской женщины, или, говоря словами автора, "эксплуатирующих женщин под видом новостей". Так, Сванвик, привлекая внимание к изменению характера коммерческой и политической рекламы и популярного имиджа женщины в ходе войны, буквально обвиняет политиков и прессу в лицемерии. В первые недели войны, утверждает она, политики и журналисты продолжали "не замечать" настоящую жизнь женщины и предпочитали изображать зависимое, субтильное существо, которому война угрожает "стеснённым положением", поскольку "их запасы розового масла могут быть урезаны". Суфражистку оскорбляло и красноречивое противопоставление в одной из прогрессивных ежедневных газет портретов офицеров и отличившихся в боях солдат на первой странице и "жеманно улыбающихся манекенщиц в модных экстравагантных шляпках на последних страницах". Но позже, подчеркивает автор, "когда потребовалась их служба", внимание было привлечено к женщинам, которых изображали теперь как патриоток, способных к любой работе и самопожертвованию. "Миф о женской никчёмности должно быть действительно повержен, если могло быть высказано предположение, что нужна "суперженщина", чтобы пробить проездной билет!" — с горькой усмешкой заключает она367.

Если пацифистка и разделяла мнение многих о том, что война "открыла глаза на реальную жизнь женщин" и изменила общественные представления об их потенциальных способностях, то характер её суждений и выводов резко отличался от "сентиментального" тона официальной пропаганды. Во-первых, Х. Сванвик — одна из немногих, кто задумывался о

363 Swanwick H.M. Women and War... P.4, 6.

364 Ibid. P.7.

365 Ibid. P.1.

366 Ibid. P.2-3.

367 Swanwick H.M. The War in its Effect upon Women... P.4-5.

возможных последствиях войны для социально-экономических отношений в целом и для статуса женщины в частности. Она поставила проблему социальной реадаптации, неизбежной с окончанием войны, и предвидела (как показало время, совершенно справедливо) довольно неблагоприятные перспективы для своих соотечественниц в сфере наемного труда. Суфражистка признавала одним из конструктивных итогов войны широкое привлечение женского труда в самые разнообразные отрасли производства, в том числе и те, доступ в которые до 1915 г. был либо существенно ограничен, либо вовсе закрыт для женщин. "Отчаянная необходимость отбросила многие препятствия, и теперь мы видим, что для блага страны нужна энергичная работа всех, и все, что не способствует или принижает эту работу, уменьшает наши шансы на успех в войне... Это уменьшает наш шанс на успех и в мирное время", — утверждала феминистка368. По её убеждению, благосостояние страны состоит в производстве максимума материальных благ наряду со здоровьем, свободой и счастьем её народа. Соответственно, ключом к всеобщему благу является "полная и продуктивная занятость населения". Поэтому "антисоциально" держать женщин за пределами рынка труда, отмечала Х. Сванвик. Как мужчины, так и женщины должны прислушиваться к урокам войны, важнейший из которых — примеры решения экономических проблем путем взаимодействия, а не конфликтов. Суфражистка, следуя идеям и аргументации социалистов, подвергает критике капиталистическую экономическую структуру, направленную на получение наибольшей прибыли. "Необходима многообещающая и доверительная политика, конструктивная и энергичная, а не принудительная и робкая", — заключала Хелена Сванвик369. Не доверяя ободряющему и оптимистичному тону официальной военной пропаганды, автор считала реальной перспективу удаления женщин с рынка труда с окончанием войны. Фактически она предсказала послевоенный лозунг "Назад в дом!", обращенный к женщинам в период демобилизации. Такое решение расценивалось ею как ошибочное и несправедливое: "Мы должны понимать, что лишать женщин права зарабатывать своим трудом значит отослать их назад в моральное заключение (не говоря о психическом и интеллектуальном голоде), которое они стали только сейчас полностью осознавать", — писала она370.

Во-вторых, Х. Сванвик критически подходила к оценке положения британских женщин в сфере производства. И прежде всего она ставила вопрос о необходимости равной оплаты женского и мужского труда. Патриотический призыв к соотечественницам заменить уходящих на фронт мужчин и предложить свою службу "бескорыстно" считался ею неуместным и вредным, поскольку таким образом подчеркивалась лишь временность и необычность ситуации и закреплялся социальный стереотип женщины как подчиненого и второстепенного члена общества. Оплачиваемая же адекватно работа является не только знаком признания ценности общественного труда женщины, но и стимулом к развитию её индивидуальных качеств, эволюции её самосознания.

Автор не могла обойти своим вниманием и актуальную для военного времени проблему роста проституции, проблему, которой либеральные феминистки во все времена придавали особое значение. В отличие от либеральных феминисток, акцентирующих внимание на более общих, экономических причинах проституции, Х. Сванвик объясняет это "необычное усиление сексуального аппетита среди мужчин и необычную реакцию на него среди девушек" сегрегацией полов, свойственной милитаристскому обществу вообще и многократно умноженной войной. Военное положение приносит неуверенность в завтрашнем дне и особое "безрассудное состояние ума мужчин и женщин"371. Склонность девушек к "вольному поведению" она называет "естественным дополнением мужского безумного стремления убивать". "Если миллионы мужчин обречены на смерть в столь раннем возрасте, то это

368 Ibid. P.6.

369 Ibid.

370 Ibid. P.8.

371 Ibid. P.28.

побуждает каждую молодую женщину обеспечить себе пару и пополнить народонаселение, пока позволяет время". Именно война вызывает такой "всплеск примитивного инстинкта"372.

В этих рассуждениях во всей глубине проявляется нравственная и политическая позиция известной феминистки. Милитаризм и война осуждаются в принципе как варварство и признак нецивилизованных, "примитивных" обществ. Использованию грубой физической силы, даже как средства ведения "справедливой" войны, в философии Х. Сванвик нет оправдания. Несовершенной системе "капиталистической анархии" противопоставляется демократическое правление, основанное на "публичном праве и моральном законе": "устанавливая демократический контроль над внутренней и внешней политикой, наделяя политическими правами и просвещая людей, как мужчин, так и женщин, обеспечивая реальный суверенитет народа... — только так, по-человечески, нам следует устанавливать публичное право", — была убеждена феминистка373. Для женского движения в годы войны она видела только одну перспективу: "каждое суфражистское общество должно быть пацифистским обществом и понимать, что пацифистская пропаганда есть неотъемлемая часть суфражистской пропаганды". Это означало борьбу за установление демократического правления и общественного контроля над политикой, что составляло бы "саму основу свободного и безопасного существования женщин"374.

Взгляды Х. Сванвик в целом вполне адекватно отражают представления и принципы пацифистского феминизма. В её работах эти идеи, не всегда чётко выраженные, а иногда и противоречивые, изложены более или менее системно375. На практике для тех сравнительно немногих женщин, которые посвятили свои силы антивоенному движению, это решение стало интуитивным и даже эмоциональным индивидуальным актом, и каждая подошла к нему по-своему.

Сама Сванвик избрала бескомпромиссный путь, и как только стало ясно, что Национальный союз обществ женского избирательного права отказался официально занять антивоенную платформу, она в знак протеста заявила о своём выходе из исполнительного комитета организации — поступок, который расценивался многими как "слишком поспешный" и вызвавший глубокую личную обиду президента Национального союза М. Фосетт. Свою энергию и способности Х. Сванвик посвятила новой организации — Союзу демократического контроля. Инициатива создания этого общественно-политического объединения принадлежала члену парламента от либеральной партии Ч. Тревельяну и известному журналисту Э. Морелю, которые считали, что мир мог бы быть сохранен, если бы как в Германии, так и в Великобритании существовали подлинно демократические режимы, а также при условии открытой, а не секретной дипломатии, когда общественное мнение было бы полностью информировано и имело бы возможность воздействовать на политику. Новое общество, по их мнению, должно было найти пути и средства, способные укрепить голос общественности. Понимая будущую организацию как выразительницу интересов всего народа, Морель и Тревельян искали поддержку влиятельных политических сил довоенного времени и пытались склонить последних на свою сторону. Поэтому их предложения были обращены прежде всего к социалистам и представительницам женского движения376. В сентябре 1914 г. было

---

372 Swanwick H.M. I Have Been Young... P.252.

373 Swanwick H.M. Women and War... P.5.

374 Ibid. P.11.

375 Об убеждениях и мотивах других пацифисток можно судить главным образом по их письмам и воспоминаниям, а также по изредка появлявшимся заметкам и небольшим статьям в суфражистской прессе военного времени (публикации на антивоенную тему не поощрялись и цензурой, которая была несколько ослаблена только в середине 1915 г.). Анализ этих документов показывает, что работы Х. Сванвик достаточно репрезентативны.

376 Swartz M. The Union of Democratic Control in British Politics During the First World War. Oxford, 1971. P.57.

опубликовано открытое письмо за подписью Ч. Тревельяна, Э. Мореля и других видных либеральных и лейбористских политиков, в том числе Р. Макдональда. Авторы его настаивали на необходимости установления демократического контроля над внешней политикой, на важности создания международной организации для урегулирования интересов различных стран, а также на заключении мира на тех условиях, которые не позволят разрастись новым антагонизмам и войнам в будущем, то есть "без унижения стран, потерпевших поражение, или искусственного пересмотра границ"377. Как видим, новое общественно-политическое движение не ставило своей прямой целью способствовать скорейшему прекращению войны при любых условиях. "При этом считалось, — указывает К. Роббинс, — что в войне виновато правительство, и уделялось мало внимания тому факту, что к войне его, в частности, могло подтолкнуть мнение народа"378. Х. Сванвик нашла созвучными собственному настроению идеи, высказанные в открытом письме; она присоединилась к Союзу, вскоре была избрана в его исполнительный комитет, стала одним из его активных участников379. Её сотрудничество в Союзе продолжалось до 1928 г.

Придерживаясь отчетливо выраженных пацифистских убеждений, Х. Сванвик, однако, связала своё имя с организацией, которую, "по крайней мере, формально", трудно было назвать пацифистской380. Многие её единомышленницы по Национальному союзу искали и находили более действенные способы выразить свой протест против войны. В частности, непосредственно заявить о своей оппозиции можно было через участие в работе Братства противников воинской повинности — ассоциации, объединявшей мужчин призывного возраста, которые отказывались, чаще всего по религиозным соображениям, от воинской службы. Братство было образовано в ноябре 1914 г., но его численность и авторитет долгое время оставались незначительными. В январе 1916 г. в Великобритании была введена воинская повинность для всех одиноких мужчин призывного возраста, а в мае — всеобщая воинская повинность. С этих пор задачи и значение Братства рассматривались современниками уже в несколько ином свете. Если ранее возражения против участия в военных операциях могли вызвать лишь осуждение и даже презрение общества, то теперь отказ служить в армии фактически приравнивался к преступлению, а лица, избегавшие воинской повинности, подвергались заключению под стражу и представали перед военным судом. Для многих из них стал приемлемым вариант альтернативной службы, не предполагавшей непосредственного участия в боевых действиях. Но значительное число возражавших против воинской повинности отказывалось от любого вида работы, связанного с ведением войны. Для "абсолютистов", как их тогда называли, это решение влекло за собой общественный остракизм и тюремное заключение381. Несмотря на это в Великобритании за годы войны 16500 призывников отказались от действительной военной службы, что составило 0,33% от всех призывников и добровольцев382.

---

377 Цит. по: Swanwick H.M. I Have Been Young... P.253-254.

378 Пацифизм в истории... С.241-242.

379 Х. Сванвик мотивом своего вхождения в Союз называла родство убеждений и идеалов. “Это письмо пришлось мне по сердцу”, — писала она в своих мемуарах. (Swanwick H.M. I Have Been Young... P.254) Любопытно, что М. Шварц объясняет её решение “безграничным уважением, испытываемым ею к Морелю”. (Swartz M. Op. cit. P.58) Сванвик же утверждает, что до прихода в Союз она не была знакома ни с кем из подписавших то знаменитое письмо. Шварц вообще предпочитает не упоминать о деятельности женщин, членов исполнительного комитета.

380 Пацифизм в истории... С.241.

381 К. Веллер в своей работе приводит пример, когда десятки “абсолютистов” были приговорены трибуналом к расстрелу. Заключенные были вывезены во Францию для приведения приговора в исполнение, однако решение трибунала в последний момент было отменено. (Weller K. “Don’t be a Soldier!” The Radical Anti-War Movement in North London, 1914—1918. L., 1985. P.49-54.)

382 Ходнев А.С. Международная организация в ожидании приговора? Лига Наций в мировой

До 1916 г. члены Братства пытались активно противодействовать введению закона о всеобщей воинской повинности, апеллируя как к политикам, так и к широкому общественному мнению. Эта работа проходила вопреки цензурным ограничениям и запретам, установленным Законами о защите королевства, и при постоянном надзоре полиции. Неудача не разрушила, но укрепила союз, который стал буквально прибежищем для всех преследуемых по новому закону. Братство предлагало юридическую, материальную, а главное, психологическую помощь тем, кого общество и государство обвиняло в пораженческих настроениях. Многие суфражистки посвятили свои силы работе в этой ассоциации. Мотивы, которыми они руководствовались, на первый взгляд не имели прямой связи с их политическими убеждениями, но были глубоко личными. Х. Митчелл, например, пришла в Братство после того как прояснилась судьба её собственного сына, отказавшегося пойти на фронт по религиозным соображениям. В этом обществе она видела себя прежде всего матерью, для которой естественным являлось стремление защитить и сохранить своих детей. "Считая солдата жертвой войны, как все мы (пацифисты — Н.Н.), я потратила массу времени на письма тем мальчикам, которых я знала, и отправляла посылки для них с теми вещами, которые я могла себе позволить", — писала она, вспоминая о военных годах383. Мемуары Х. Митчелл показывают, что её пацифизм в то время был скорее интуитивным. Лишь позже она осмысливает свою позицию и проанализировала свои убеждения: "Всю мою жизнь я ненавидела войну. Моя мать, дяди которой сражались в Крымской войне, рассказывала нам о них, и как один из них дезертировал, и как его прятали до конца жизни. Сама идея о людях, убивающих друг друга, всегда казалась мне столь отвратительной, что моя первая осознанная мысль после рождения моего ребенка была о том, что он будет воспитан в духе сопротивления войне. Его отец полностью согласился со мной в этом решении. Помимо этических соображений, мы оба были убеждены, что война, в сущности, — борьба за власть, территорию или право торговли, в которой воюют рабочие, и в любом случае они остаются в проигрыше"384.

Изучение биографий женщин, активных членов Братства противников воинской повинности, приводит к выводу о преобладании личностных мотивов в их поступках, чаще всего связанных с их религиозными убеждениями или материнским опытом. В целом характерно, что патриоты и пацифисты по-разному понимали роль и социальную функцию института материнства в период войны. Так, в дневнике убежденной методистки, члена Лиги женской свободы, пацифистки Е. Слосан в сентябре 1914 г. сделана замечательная запись: "Сегодня днем я поссорилась с Фростом по вопросу о войне. Фрост утверждал, что *его* Мать — патриотка, и она охотно послала своих сыновей на войну. Тут он предположил, что если бы я имела сыновей, то я послала бы их в *Церковь*. В гневе я ответила, что у него нет права глумиться над моей религией и что я такая же патриотка, как и любая другая женщина. Только мой патриотизм имеет другую форму — если бы у меня *были* сыновья, я бы послала их на улицу проповедовать мир, а также на линию огня, но не для того чтобы рушить, а сохранять жизни, спасать и ухаживать за ранеными!"385

Этот же спор, в сущности, расколол и руководство Национального союза обществ женского избирательного права. Как уже указывалось выше, его представители расходились в интерпретации основных принципов и идеалов движения, а значит, видели различные его перспективы. В частности, член исполнительного комитета Национального союза К. Маршалл вошла в Братство противников воинской повинности и в 1916—1917 гг. являлась его основным организатором и координатором, поскольку председатель ассоциации К. Аллен находился в

политике, 1919—1946: Очерки истории. Ярославль, 1995. С.49.

383 Mitchell H. The Hard Way Up. L., 1977. P.185.

384 Ibid. P.183.

385 Цит по: Dear Girl. The Diaries and Letters of Two Working Women (1897—1917) / Ed. by T. Thompson. L., 1987. P.249.

заключении, а исполняющий обязанности председателя Б. Рассел относился весьма пренебрежительно к административной работе386. Свою вовлеченность в дела Братства и преданность ему Маршалл объясняла глубоким убеждением, что женское движение в годы войны должно быть неразрывно связано с антивоенным движением. В письмах друзьям она признавалась: "Я не могу не сочувствовать тысячам молодых мужчин, для которых участие в войне означает агонию ума и духа, также как и тела, приношение в жертву всего того, что они так ценят в жизни. Я хочу, чтобы наши убеждения приносили утешение и надежду этим людям, а не только вызов и упрёк. Я хочу заботиться о них, как я хочу заботиться обо всех противниках военной службы, кто уже сдался"387.

Эта работа требовала огромной энергии и увлечённости. Несмотря на давление со стороны общественности и даже близких, негативно относившихся к деятельности Братства, на приступы отчаяния и общую физическую и эмоциональную усталость, Маршалл оставалась на этом посту до конца войны.

Для диссиденток Национального союза обществ женского избирательного права, таким образом, антивоенная работа в том или ином виде стала единственной альтернативой не удовлетворявшему их официальному курсу руководства. Надо признать, ни одно из женских суфражистских обществ Великобритании, заявлявших о своём протесте против войны и неприятии правительственной политики, не сделало пацифистскую деятельность приоритетной. Считая организацию антивоенного движения в стране невозможной, их лидеры искали другие формы для выражения своей позиции и в итоге признавали важным сохранение прежней, довоенной политической линии суфражистских групп.

Речь идет прежде всего о молодом обществе Объединённые суфражисты, руководимом бывшим членом радикального Женского социально-политического союза Эммелин Петик-Лоуренс. В кампании, развёрнутой этим политическим объединением, наблюдалось уникальное соединение свойственного милитанткам уверенного, порой агрессивного, воинствующего стиля, передовых феминистских идей, популярной в то время патриотически-националистической риторики и пропаганды мира. Подобно "патриоткам" Эммелин и Кристабель Панкхерст, члены группы Объединённые суфражисты рассматривали развернувшуюся войну как результат "мужского умения управлять государством" и как окончательное свидетельство "неспособности мужчин держать полный контроль над человеческим сообществом в своих руках"388. В соответствии с традиционными представлениями либерального феминизма, они критиковали мир современной политики, в котором господствует право сильного, мир, который "получил развитие в условиях режима чистого маскулинизма" и "положил человечество на алтарь материализма"389. Но в отличие от милитанток Женского социально-политического союза и умеренных суфражисток Национального союза, Э. Петик-Лоуренс призывала свою организацию к открытому протесту против войны: "Во имя духа человечности ... мы противостоим праву сильного. Веруя в неприкосновенность человеческой жизни, мы противостоим организованному уничтожению человеческой жизни. Война есть апофеоз материализма, силы и жестокости, и женское движение, восстающее против всего этого, должно быть определённым в своём протесте против войны"390.

Важно отметить, что, провозглашая свою решительную оппозицию войне, "варварскому", "архаичному" средству разрешения международных споров, Объединённые суфражисты не оставляли без внимания вопрос о значимости гражданского патриотизма. В этом их антивоенная риторика существенно отличается от аргументации пацифисток-

386 Alberti J. Beyond Suffrage... P. 65; Wiltsher A. Op. cit. P.145.

387 Цит. по: Alberti J. Beyond Suffrage... P.67.

388 *Votes for Women*, October 16, 1914. P.21.

389 *Votes for Women*, June 11, 1915. P.301.

390 Ibidem.

диссиденток Национального союза. Последние предпочитали рассуждать об общечеловеческих ценностях и наднациональных интересах и практически не использовали в своих текстах и речах лексику, навязываемую официальной пропагандой. На страницах же "Воутс фо уимен", официального органа группы Объединённые суфражисты, часто можно встретить статьи и заметки, подчеркивающие патриотическую позицию членов организации, размышляющие о пагубных последствиях войны для генотипа нации, а карикатуры на первой полосе каждого номера газеты подписывались автором не иначе как "Патриот". Однако эти заявления не влекли за собой существенных изменений в политическом курсе и стратегии общества. "Неужели потому, что мы любим нашу страну и наша страна в опасности, мы должны забыть о нашей вере, которой всегда были преданы? Справедливые поступки дают величайшую силу. Разве, поступая справедливо, наше правительство не могло бы лучше помочь нашей стране?" — ставил риторический вопрос автор передовицы "Суфражисты, и патриоты тоже!"391. Справедливость же, по мнению единомышленников Э. Петик-Лоуренс, заключалась в установлении истинной демократии — "единственной силы, способной разрушить милитаризм", признаком которой стало бы наделение полными политическими правами как мужчин, так и женщин392. Поэтому необходимым и наипервейшим шагом на пути к такому идеалу являлось предоставление избирательных прав женщинам: "Что мы имеем в виду под заголовком “Женщины и мир”? Мы имеем в виду, что война развязана правительствами, ответственными только перед мужчинами. Когда настанет мир, он будет заключён правительством, ответственным и перед мужчинами, и перед женщинами. Мы не предлагаем те или иные условия мира, равно как тот или иной вариант завершения войны. Мы требуем ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПРАВА ГОЛОСА ЖЕНЩИНАМ, чтобы, *когда мир будет заключён*, это мог бы быть истинный мир, основанный на действительном согласии представительной демократии"393.

Таким образом, программа-минимум Объединённых суфражистов на период войны предполагала *в первую очередь* борьбу за избирательное право женщин, *и лишь затем* — за прекращение военных действий и заключение мира. Не вполне чёткая политическая позиция руководства по вопросу о войне и мире в определённой степени отражалась на репутации группы в глазах общества и настораживала потенциальных сторонников.

Любопытным проявлением противоречивых настроений в организации стала развернувшаяся на страницах газеты "Воутс фо уимен" дискуссия под общим заголовком "Следует ли женщинам стрелять?". Начало этому обсуждению было положено одной из участниц движения, выступившей с инициативой формирования вооруженных женских добровольческих отрядов, которые могли бы принимать участие в обороне населенных пунктов в случае вторжения противника на территорию страны. Э. Петик-Лоуренс выступила со своей оценкой предложения и высказалась против этой идеи, ссылаясь на известные представления о разных социальных функциях и задачах представителей двух полов: "Существенная функция женщин заключается в дарении, поддержании и сохранении жизни их собственного народа, в то время как главная задача мужчин, пока войну, этот пережиток варварства, терпят в цивилизованном мире, — калечить и уничтожать врага... Стоит женщинам организоваться в боевые полки в одной стране, они будут поглощены милитаристской системой повсюду, и конечным итогом станет шаг назад, к варварству и темноте, вместо шага вперед, к цивилизации и свету"394. Эта реплика вызвала волну писем, авторы которых выступали "за" и "против" вручения ружей женщинам. Необходимо отметить, что масштаб и характер обсуждения оказались неожиданными для руководства. Многие из респондентов не согласились с мнением лидера и доказывали возможность и необходимость создания женских отрядов. Очевидно, что

391 *Votes for Women*, June 4, 1915. P.292.

392 *Votes for Women*, October 16, 1914. P.21.

393 *Votes for Women*, February 19, 1915. P.173.

394 *Votes for Women*, August 28, 1914. P.713.

далеко не все участники движения положительно восприняли предложенную единомышленниками Э. Петик-Лоуренс модель политического поведения, и в группе не существовало единства мнений, в том числе и по вопросу о патриотизме и пацифизме. Тем не менее Объединённым суфражистам удалось стабилизировать численность группы в годы войны и собирать достаточно средств для проведения заявленной кампании. На практике деятельность объединения сводилась к "наблюдению за политической ситуацией", а также "ведению клуба в Саутуарке в попытке сделать жизнь женщин и девушек в отсутствие их соотечественников более терпимой"395.

Однако активность лидеров группы, в частности Э. Петик-Лоуренс, имела гораздо больший размах и результаты. Оставаясь преданной принципам и идеалам женского движения, сформулированным идеологами Женского социально-политического союза, Петик-Лоуренс одновременно имела интернационалистское мировоззрение, и её пацифизм вырастал из уверенности в силе международной организации женщин и убеждения, что "женщины всего мира против войны принципиально"396. В одном из своих интервью она изложила основные положения манифеста, обращённого ею ко всем женщинам. В нём указывалось на "солидарность женщин" и подчеркивалось, что "их интересы, такие элементарные и в сущности одинаковые, настолько универсальны, что никакие национальные различия не могут в них вмешаться". Манифест призывал женщин всех стран к совместным действиям с целью "достижения права голоса в национальных демократиях, а значит власти, дающей возможность принимать участие в решении вопросов мира и войны"397. Не ограничиваясь устными заявлениями, Э. Петик-Лоуренс предпринимала активные попытки воплотить свои идеи в жизнь. Ей принадлежит инициатива проведения кампании "Женская война против войны", которая началась в США в конце 1914 г. Бывшая милитантка избрала именно Америку для организации нового движения, поскольку, по ее мнению, во-первых, американцы "живут в будущем, а не в прошлом", "они одержимы не стариной, но новизной", во-вторых, "все национальности встречаются и уживаются там, теряя свои особые различия и расовые предрассудки", и в-третьих, в Америке "в определённой степени политически признано равенство полов"398. Следует отметить, что среди прочих предложений, выдвигавшихся группой активистов из США и Великобритании — участников кампании "Женская война против войны", было требование созыва международной конференции в Гааге с участием представителей всех национальностей обоих полов.

Несмотря на активную деятельность главного идеолога и организатора группы "Объединённые суфражисты", общество трудно назвать пацифистским. Проповедь мира и борьба за мир стояли на втором месте в его работе и были поставлены в зависимость от основного, с точки зрения единомышленников, политического вопроса — проблемы дальнейшей демократизации избирательной системы. Кроме того, нельзя не учитывать существования определённой поддержки довольно значительной частью участников общества патриотической, национальной политики. Возможно, именно этим объясняется отсутствие прямых заявлений об официальной позиции группы "Объединённые суфражисты" по вопросу об идущей войне.

Подобная ситуация складывалась в Лиге женской свободы — суфражистской организации, образовавшейся в результате первого раскола Женского социально-политического союза в 1907 г. Как и Объединённые суфражисты, Лига провозгласила главной целью в годы войны "сохранение [суфражистского] флага развевающимся" и последовательно придерживалась этой линии. Лидер общества Шарлотта Деспард была известна как

---

395 Sharp E. Unfinished Adventure. Selected Reminiscences from an Englishwoman’s Life. L., 1933. P.163.

396 *Votes for Women*, November 27, 1914. P.70.

397 *Votes for Women*, October 16, 1914. P.21.

398 Ibidem.

интернационалистка и пацифистка, но она опиралась лишь на небольшую группу единомышленников, а проправительственная, патриотическая тенденция в Лиге заявляла о себе с большей силой, чем в организации "Объединённые суфражисты".

Рассматривая вопрос об антивоенной деятельности женских суфражистских организаций, невозможно обойти вниманием и работу "Федерации суфражеток Ист-Энда", возглавлявшейся Сильвией Панкхерст. Окончательный разрыв последней с матерью и сестрой произошел перед самым началом мировой войны, и с тех пор политика Федерации развивалась совершенно независимо от политики Женского социально-политического союза, всё больше сближаясь по духу и целям с радикальными социалистическими организациями. Сама С. Панкхерст никогда не колебалась в своей горячей и бескомпромиссной оппозиции войне, а патриотические призывы матери и сестры воспринимала чрезвычайно болезненно: "Когда я впервые прочитала в газетах, что миссис Панкхерст и Кристабель возвращаются в Англию для организации вербовочной кампании, я рыдала. Мне это казалось трагическим предательством великого движения"399.

На протяжении 1914—1918 гг. С. Панкхерст являлась одним из ведущих ораторов, критиковавших войну с позиций социализма. С самого начала европейского конфликта она пыталась убедить своих соратников в необходимости проводить строгую антивоенную линию, однако только в 1915 г. Федерация официально признала этот курс. Публичная оппозиция военной политике правительства, критика института всеобщей воинской повинности и пропаганда мира стали неотъемлемой и значительной частью работы Федерации наряду с суфражистской агитацией.

Несмотря на вышесказанное, "Федерация суфражеток Ист-Энда", дважды менявшая название в течение войны, что отражало эволюцию политического самосознания организации400, также не может быть названа женским пацифистским обществом. Автор одной из последних биографий С. Панкхерст Б. Уинслоу справедливо указывает на роковое для судьбы этого общественного движения внутреннее противоречие. Перед началом европейского конфликта вся деятельность федерации, существовавшей фактически в пределах *одного* территориального округа, была подчинена *одной* цели — достижению женского политического равноправия. Поэтому её руководство оказалось перед дилеммой при формулировании политической стратегии организации на период войны: либо последовательная оппозиция войне, либо борьба за лучшие условия работы и более высокую заработную плату работниц. В результате лидеры движения решили отстаивать права и интересы *сообщества*, что в данном случае означало поддержку требования равной платы за равноценный труд работниц военной промышленности401. Между тем стремление С. Панкхерст одновременно проводить антивоенную агитацию, продолжать суфражистскую пропаганду и способствовать улучшению благосостояния "своей общины" оказалось трудно реализовать. Чтобы успешно решать социальные проблемы, Федерация вынуждена была обращаться за благотворительной помощью к сочувствующим представителям средних слоев. В то же время члены организации, активисты антивоенной кампании, в своей пропаганде существенно задевали интересы наиболее состоятельных сторонников. Б. Уинслоу показала, как постепенно в период между 1914 и 1917 годами "Федерация суфражеток Ист-Энда" "из политической организации, мобилизовавшей женщин на борьбу за свои политические требования, превратилась в феминистскую благотворительную организацию, пытающуюся обеспечить ту помощь, которую

399 Pankhurst E.S. The Sufragette Movement. An Intimate Account of Persons and Ideals. L., 1931. P. 594-595.

400 В марте 1916 г. она стала называться Суфражистской федерацией рабочих, а с 1918 г. — Социалистической федерацией рабочих.

401 Winslow B. Sylvia Pankhurst. Sexual Politic and Political Activism. L., 1996. P.90.

должно было предоставить государство, чтобы облегчить тяготы войны". Именно такая работа оказалась в фокусе Федерации, и этот поворот С. Панкхерст до конца не осознавала402.

Таким образом, участницы нескольких суфражистских организаций — сторонницы различных политических стратегий, придерживались сходных взглядов по вопросу о войне и мире. Объединяло их, как отмечалось выше, и убеждение в необходимости введения всеобщего избирательного права в стране. Иными словами, они представляли *демократическое течение* в британском суфражистском движении.

Открытая пропаганда пацифизма в стране в тот период была существенно затруднена, но и в этих условиях женщины считали жизненно необходимой работу по формированию общественного мнения в пользу всеобщего мира и находили возможности для антивоенной агитации в той или иной форме. В первые месяцы войны их усилия были разрознены и не находили широкой поддержки. Серьёзным шагом на пути объединения британских сторонниц мира стал международный женский конгресс, проходивший в Гааге в 1915 г.

Инициатива проведения конгресса исходила от датских феминисток, которые, как гражданки нейтрального государства, взяли на себя ответственность созвать женщин всех национальностей и сторонниц различных политических убеждений, чтобы "показать свою способность сохранять солидарность и поддерживать дружбу" в условиях тяжелейшей, крупномасштабной войны, когда "так много ненависти среди народов"403. Конгресс объединил 1136 участников, представителей 12 государств, не считая гостей (на отдельные заседания собиралось более 2 тыс. человек), его работа продолжалась четыре дня, и результатом её стала резолюция, состоящая из 20 пунктов. Наиболее важные положения резолюции сводились к следующему:

1) пересмотр границ только с согласия народов, проживающих на спорных территориях; непризнание права на аннексию;

2) право на автономию и демократическое правление для всех народов; наделение женщин равными политическими правами с мужчинами;

3) решение международных споров в арбитражном суде; санкции против любого государства, прибегнувшего к использованию оружия;

4) демократический контроль над внешней политикой; запрет тайных договоров;

5) всеобщее разоружение;

6) организация постоянно действующей международной конференции (с женским представительством) для решения международных противоречий, вырастающих в результате экономической конкуренции, распространения торговли, увеличения народонаселения и изменений социально-политических условий;

7) посреднические переговоры на непрерывной конференции нейтральных стран как практический шаг к окончанию войны404.

Международный женский конгресс в Гааге стал первым крупным интернациональным форумом с начала мировой войны, а его предложения и резолюции во многом предвосхитили известные политические решения о послевоенном устройстве мира. Конгресс положил начало организованному международному женскому пацифистскому движению, которое существует до сих пор. К сожалению, современники не оценили важность этой инициативы женщин, а политики, по крайней мере на официальном уровне, пренебрегли предложенной возможностью сесть за стол переговоров и предпочли не замечать высказанные в Гааге соображения. Действительно, суждения, высказанные в 1915 г. на пацифистском конгрессе, вряд ли адекватно отражали настроения, доминировавшие в общественном мнении воюющих стран. В то же время и официальная пропаганда с раздражением относилась к миролюбивым инициативам граждан, считая это проявлениями измены и пораженчества. В частности, тон британской прессы,

402 Ibid. P.76.

403 *Jus Suffragi*, 9:6 (1 March 1915). P.245.

404 Wiltsher A. Op. cit. P.94.

освещавшей события в Гааге, можно охарактеризовать в целом как насмешливо-снисходительный: женщинам по-прежнему было отказано в праве участвовать в "высокой" политике, и их попытки "играть в дипломатию" воспринимались не более чем женский каприз или девиантное поведение, "приступ лихорадки"405.

Представляется важным подчеркнуть значение Гаагского международного конгресса 1915 г. для развития женского суфражистского движения в Великобритании. О своём желании принять участие в работе конгресса заявили около 180 англичанок. Разрешение на выезд получили лишь 24, но до Гааги смогли добраться только трое представительниц Великобритании — К. Макмиллан, К. Куртни и Э. Петик-Лоуренс. Этот факт свидетельствует о том, что в 1915 г. сторонниц мира было довольно много среди участников феминистских кампаний. Необходимость сформулировать официальную позицию стала поводом к открытому размежеванию внутри суфражистского движения. Как было показано выше, лидеры Женского социально-политического союза выступили с резкой критикой подобных мирных инициатив, а исполнительный комитет Национального союза обществ женского избирательного права оказался расколотым в результате обсуждения этого вопроса. Менее очевидными эти расхождения были в феминистских обществах, где руководящие позиции принадлежали демократическим суфражисткам, например, в группе Объединённые суфражисты и Лиге женской свободы.

Существенные идейные противоречия среди суфражисток, разное понимание ими места и целей феминистской политики не могли не привести к определённой изоляции демократических суфражисток в организационной структуре британского женского движения. Поэтому появление Женской интернациональной лиги — политической организации, одной из главных целей которой стала работа по созданию механизма для урегулирования международных споров путём арбитража и соглашений406, можно считать закономерным. Лига представляла собой британскую секцию Международного комитета женщин в защиту прочного мира, созданного на конгрессе в Гааге, и была официально образована 1 октября 1915 г. Уже через год Женская интернациональная лига насчитывала в своих рядах 2458 членов, разъезжавших по всей стране с пропагандой мира407. С ростом антивоенных настроений общественности положение и авторитет Лиги всё больше укреплялись, но тем не менее до окончания Первой мировой войны её голос оставался голосом меньшинства.

В заключение важно подчеркнуть, что доминирующей в организованном женском движении на протяжении всей войны оставалась патриотическая деятельность. В центре пропаганды интернационалисток, как и в риторике патриоток, оставался образ Матери. Но социальная роль и значение материнства интерпретировались ими иначе. Они отказывались понимать материнство как национализированную и поставленную на службу конкретного государства функцию. По их представлениям, матери ответственны за судьбу всего человечества, и их задача — сделать всё возможное, чтобы остановить самоуничтожение цивилизации. Поэтому, по мысли этой группы феминисток, антивоенная работа должна быть одним из главных направлений деятельности суфражистских обществ в период войны.

В отличие от либеральных феминисток — сторонниц патриотической линии, которые обосновывали стратегический поворот в движении, ссылаясь на концепцию гражданской ответственности, демократические суфражистки чаще всего апеллировали к понятию моральной силы. В этом прослеживается идейная связь феминистского пацифизма с

---

405 *The Times*, May 18, 1915; *The Manchester Guardian,* April 24, 1915. В карикатурах и фельетонах того времени часто использовалась игра слов “Hague — ague”. Второе слово буквально означает “лихорадочный озноб”.

406 Holton S.S. Feminism and Democracy. Women’s Suffrage and Reform Politics in Britain, 1900—1918. Cambridge, 1986. P.138.

407 Alberti J. Op. cit. P.55.

христианскими обществами мира, хотя формально суфражистские объединения с ними никогда не сотрудничали.

И, наконец, самое главное отличие интернационалисток от подавляющего большинства участниц британского суфражистского движения заключалось в том, что эти женщины "стремились не просто войти в общество, законы которого определены мужчинами, но изменить само это общество"408. Пацифистская пропаганда, делавшая акцент на новой системе ценностей, стала одной из попыток сломать этот мир.

408 Vellacott J. Feminist Consciousness and the First World War // History Workshop Journal 23. Spring 1987. P.86.

А.М. Ермаков

ЖЕНСКАЯ «СЛУЖБА ТРУДА» В ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Нацистскую Германию часто называют «мужским государством», и оснований для такого определения более чем достаточно. Мужчины занимали все без исключения высшие посты в партии и государстве, руководили экономикой и общественной жизнью Третьего рейха. Идеология национал-социализма ограничивала роль женщины домом и семьей, ее долгом перед обществом считались материнство и помощь мужу в ведении сельского хозяйства. Городская служащая или наемная работница промышленного предприятия, по убеждениям нацистских лидеров, должны были уступить свои рабочие места мужчинам. Для воплощения этого общественного идеала в Германии была создана система женских организаций, одной из них была «Имперская служба труда» (РАД)[409].

С целью смягчения последствий массовой безработицы, поразившей Германию в годы мирового экономического кризиса, правительством Веймарской республики в ноябре 1932 г. была основана «Добровольная женская служба труда». Небольшое число безработных молодых женщин могло на несколько месяцев обеспечить себя кровом и питанием в трудовых лагерях, созданных различными политическими партиями и общественными организациями. К концу июля 1933 г. все лагеря были унифицированы нацистами, которые использовали девушек для работы в сельском хозяйстве и оказания помощи многодетным матерям. Труд был подчинен задаче воспитания «работниц» и сочетался с обучением ведению домашнего хозяйства, физическими упражнениями и политическими занятиями. Воспитанию девушек служили также строгий распорядок дня, униформа со знаками различия и система ритуалов. В отличие от мужской «Службы труда», которая с 1935 г. комплектовалась за счет трудовой повинности и каждые полгода принимала около 200 тыс. юношей, женские трудовые лагеря оставались добровольными, не имели единой структуры и финансировались учреждением по борьбе с безработицей — Государственной службой посредничества (РФА). Только в 1937 г. руководство женской «Службы труда» было передано имперскому трудовому фюреру рейхсляйтеру К. Гирлю, который одновременно руководил и мужской РАД[410].

С началом Второй мировой войны мужская «Служба труда» пришла в упадок: срок службы молодых людей был сокращен с 6 до 3 месяцев, многие руководители — «трудовые фюреры» — были призваны в вермахт, созданные из «работников» специальные батальоны выполняли инженерные работы для войск и подчас сражались на переднем крае. Женская РАД, напротив, в течение первых двух военных лет выросла численно и укрепилась организационно. Одновременно она превращалась из учреждения нацистской индоктринации молодежи в одну из организаций принудительного труда. Это угрожало претензиям руководства «Службы труда» на исключительное место трудовых лагерей в системе воспитания Третьего рейха.

Изменения в женских трудовых лагерях определялись в первую очередь положением на рынке рабочей силы. По подсчетам министерства труда, война должна была привести к возникновению дополнительной потребности в рабочей силе в 4,9 млн. человек. В то же время в соответствии с секретным докладом исследовательского бюро по военной экономике Германию в случае войны ожидала острая нехватка женских рабочих рук. По подсчетам специалистов, в экономику страны можно было бы привлечь 3,21 млн. неработающих женщин

---

[409] Der Reichsarbeitsdienst (RAD).

[410] Подробнее см.: Ерин М. Е., Ермаков А. М. „Имперская трудовая повинность“ в нацистской Германии (1933—1945). Ярославль, 1998. С.135-150.

в возрасте 15-65 лет. Но и в этом случае в народном хозяйстве сохранился бы дефицит в 1,69 млн. человек[411].

Это превращало «Службу труда» с 36 тыс. участниц в значительный резерв отмобилизованной рабочей силы. С самого начала войны имперский трудовой фюрер показал, что готов принести доверенных ему девушек в жертву своему честолюбию и жажде власти и использовать их для демонстрации верности немецкой молодежи гитлеровскому режиму. Он отверг множество поступавших из разных инстанций предложений о выводе женских трудовых лагерей из приграничных округов, мотивируя это тем, что их обитательницы будто бы проявили «горячее желание» оставаться вместе с вверенными их попечению крестьянскими семьями и показать, что «девушки не хуже юношей»[412].

В воспитательной и экономической эффективности РАД был убежден не только Гирль, но и глава НСДАП и германского государства — фюрер и рейхсканцлер А. Гитлер. Вместо того чтобы распустить женскую «Службу труда» или нацелить ее на выполнение важных в военном отношении задач, он дал согласие на введение всеобщей трудовой повинности для девушек. Соответствующее распоряжение было подписано им 4 сентября 1939 г.[413] Рассчитывая на скорое победоносное окончание войны, руководство Третьего рейха намеревалось использовать женскую «Службу труда» не как источник дисциплинированной рабочей силы, а как одно из орудий поддержания политической стабильности в стране. Но всеобщий характер трудовой повинности оставался декларативным, поскольку призывать в трудовые лагеря разрешалось только незамужних девушек 17–25 лет, не работавших на промышленных предприятиях, не обучавшихся в школах и профессиональных учебных заведениях и не занятых вместе со своими семьями в сельском хозяйстве. Только эти ограничения позволили К. Гирлю заручиться поддержкой министра труда Ф. Зельдте, генерального уполномоченного по трудовым ресурсам Ф. Тодта и уполномоченного по 4-летнему плану Г. Геринга.

Все же на местах участились конфликты между руководительницами округов женской РАД и биржами труда, так как министерство труда полностью исключало медицинское освидетельствование девушек в округах с большим количеством военных предприятий. Министерским чиновникам удалось настоять на своем. Специальное распоряжение Гитлера предусматривало медицинское освидетельствование девушек только 1921—1922 годов рождения, что составляло потенциальный контингент участниц РАД в 600 тыс. человек. В действительности призывались главным образом 18–летние девушки, которые или потеряли работу из-за перестройки экономики на военные нужды, или были домработницами. Под разного рода исключения попадало до 70% девушек, а все работницы военных предприятий избежали призыва. По другим данным, только 25—30 % девушек, проходивших медицинское освидетельствование, отбывали «почетную службу» в РАД [414]. При ближайшем рассмотрении объявление всеобщей трудовой повинности оказалось только кодификацией идеологических представлений некоторых нацистских руководителей. Так, имперский трудовой фюрер считал ограничения в призыве девушек в РАД временными и неоднократно заявлял о намерении устранить их после войны. В противном случае, говорил он, «Служба труда» «потеряет свою этическую ценность как социально-политическая школа нации»[415].

Уже в ноябре 1939 г. Гирль распорядился об увеличении контингента РАД в 1940 г. до 200 тыс. человек. В действительности даже для набора 100-тысячного контингента ему пришлось перенести на неопределенный срок увольнение «работниц», срок службы которых

---

[411] Центр хранения историко-документальных коллекций (далее — ЦХИДК). Ф.1458. Оп.3. Д.2143. Л.8-об.

[412] Hierl K. Ausgewählte Schriften und Reden. Bd 2. München, 1941. S.321.

[413] Reichsgesetzblatt (далее - RGBl). 1939. S.1693.

[414] Gersdorff U. von. Frauen im Kriegsdienst 1914-1945. Stuttgart, 1969. S.440; Winkler D. Frauenarbeit im «Dritten Reich». Hamburg, 1977. S.89.

[415] Hierl K. Ausgewählte Schriften und Reden. S.320, 325-326.

уже окончился, и распорядиться о безотлагательном зачислении в трудовые лагеря всех желающих. В начале 1940 г. органы РАД перешли к призыву девушек, работавших на военных предприятиях. Руководство «Службы труда» оспаривало даже само наличие освобождения от трудовой повинности для учащейся и работающей молодежи, а возражения военного командования против незаконных призывов характеризовало как «уголовно наказуемый саботаж». Однако и эти меры увеличили количество «работниц» только до 89 тыс., а изначально запланированный 100-тысячный рубеж был достигнут только осенью 1942 г.[416]

Численный рост «Службы труда» на первом этапе войны отчасти был следствием непоследовательной женской политики немецкого правительства. Гитлер колебался между привлечением женщин к производительному труду и соблазном не перенапрягать немецких домохозяек. Результатом этого явилось сокращение в течение двух первых военных лет на 0,5 млн. человек численности женщин, занятых в народном хозяйстве. Поэтому неудивительно, что первый этап войны не принес с собой какого-либо изменения в деятельности женской «Службы труда». В 1939—1940 гг. 90% «работниц» были заняты в сельском хозяйстве и в детских садах, а 98% трудовых лагерей дислоцировались в сельской местности. Гирль заявлял, что помощь и «моральную поддержку» РАД в это время получали 90 тыс. многодетных семей[417].

Пропагандистская направленность деятельности женской «Службы труда» на первом этапе войны особенно ярко проявлялась на восточных территориях, включенных в состав «Великогерманского рейха». Только в гау Вартеланд в течение одного полугодия 1940 г. было открыто 25 трудовых лагерей. Здесь, а также в Западной Пруссии и на присоединенных к Восточной Пруссии и Силезии польских территориях «работницы» выполняли традиционную для женской РАД работу в крестьянских хозяйствах. В бывших польских деревнях они приводили в порядок отнятые у поляков дома и сельскохозяйственных постройки, ожидая прибытия этнических немцев из Эстонии, Латвии, Литвы, Бессарабии и Галиции. После появления переселенцев девушки не только оказывали им помощь в ведении хозяйства, но и вступали на педагогическое поприще, обучая и взрослых, и детей немецкому языку. По убеждению руководства «Службы труда», эта работа была главным инструментом германизации новых территорий. В трудовых лагерях служили вместе как девушки из «старого рейха», так и немки польского, прибалтийского, галицийского происхождения. Пропагандистский эффект вокруг деятельности РАД на бывших польских территориях усиливался благодаря тому, что часть приехавших из Германии девушек по окончании срока службы объявляла о своем желании остаться в «новых восточных областях». В то же время содержание женских трудовых лагерей ежегодно обходилось правительству в 73 млн. марок и, конечно, не окупалось их деятельностью в сельском хозяйстве[418].

Рост женской «Службы труда» был облегчен деградацией мужской РАД. Только благодаря приостановке призыва в мужскую «Службу труда» в 1940 г. женская РАД получила 200 млн. марок. Она использовала и освободившиеся мужские трудовые лагеря. Вместо

---

[416] Decker W. Deutschlands weibliche Jugend im Reichsarbeitsdienst // Jahrbuch des Reichsarbeitsdienstes. 1941. Berlin, 1941; Bajohr S. Weiblicher Arbeitsdienst im «Driten Reich». Ein Konflikt Zwischen Ideologie und Ökonomie // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1980. Heft 3. S.352; RGBl. 1939, S.1687; Iffland T. Organisation und Gliederung des Reichsarbeitsdienstes für die Weibliche Jugend // Jahrbuch des Reichsarbeitsdienstes. 1941. Berlin, 1941. S.59; Watzke-Otte S. «Ich war ein einsatzbereites Glied in der Gemeinschaft»... Vorgehensweise und Wirkungsmechanismen nationalsozialistischer Erziehung am Beispiel des weiblichen Arbeitsdienstes. Frankfurt am Main, 1999. S.108-109.

[417] Decker W. Der Deutsche Arbeitsdienst. S.21-22; Hierl K. Ausgewählte Schriften und Reden. S.308, 320-321.

[418] Kapp G. Einsatz des Reichsarbeitsdienstes für die weibliche Jugend im Wartheland // Jahrbuch des Reichsarbeitsdienstes. 1941. Berlin, 1941. S.80-81; Arbeitsmaiden helfen im Wartheland. 1947. S.5, 10-11; Marawske-Birkner L. Der weibliche Arbeitsdienst. Seine Vorgeschichte und gegenwärtige Gestaltung. Leipzig. 1942. S.243.

существовавшего прежде единого типа лагерей с 1 октября 1940 г. появились малые, средние и большие лагеря. В малом лагере служили руководительница, 3 ее помощницы (заместительница, помощница по хозяйственным вопросам и управляющая), одна претендентка на занятие руководящей должности, 3 старосты. Нижний уровень образовывали 3 подразделения — «товарищества», в каждом из которых было по 11 работниц. В совокупности в таком лагере находился 41 человек. Обычный лагерь включал 4 «товарищества» и насчитывал 54 участницы. Наконец, в большом лагере с 6 «товариществами» несли службу более 80 девушек. Лагеря постепенно укрупнялись и иногда насчитывали до 300 участниц РАД[419].

Постоянно возрастало и количество трудовых лагерей. Если накануне войны их было 800, то осенью 1943 г. — 1756, а в 1944 г. — 3625. За этот же период число групп женской РАД, в которые объединялись 10–15 лагерей, выросло со 150 до 240, а количество самых крупных административно-территориальных единиц — округов благодаря дроблению старых и образованию новых увеличилось с 23 до 31. Например, зимой 1939–1940 г. в Чехии был создан округ XXIV «Богемия и Моравия», а на польских территориях — округа XXV «Данциг — Западная Пруссия» и XXVI «Вартеланд». Гирлю, как правило, удавалось добиваться финансирования растущего аппарата путем предъявления первоначально завышенных требований и последующих уступок в ходе обсуждения этих мероприятий с различными министрами. Только осенью 1943 г. таким способом он получил от министерства финансов дополнительно к бюджету РАД 260 млн. марок на создание новых административных структур[420].

Идеологическая природа женской «Службы труда» вызывала не только конфликты ее руководителей с представителями других государственных учреждений. Противоречия были заложены и в самой РАД. Одно из них проявлялось в том, что управление этой женской организации находилось в руках мужчин. Иерархическую пирамиду венчал имперский трудовой фюрер К. Гирль. С начала января 1940 г. непосредственное руководство женской «Службой труда» осуществлял его заместитель (позднее — инспектор по женской РАД) В. Декер, одновременно занимавший один из высоких постов в мужской «Службе труда». В 1942—1943 гг. эту должность получил Г. Клокнер, а с декабря 1943 г. — доктор Г. Вагнер. Заместителю К. Гирля были подчинены укомплектованные женским персоналом отделы кадров, воспитания и обучения, дисциплины и жалоб, служебный отдел имперского управления РАД. В отдельные округа К. Гирль также назначил мужчин — начальников арбайтсгау мужской «Службы труда». Они стали выполнять все административные функции, а в компетенции руководительниц округов остались только обеспечение добросовестного труда, воспитание, обучение и внутренняя служба. С 1944 г. Гирль мало интересовался женской «Службой труда», вся реальная власть сосредоточилась в руках Вагнера. Он произвел в имперском управлении женской РАД существенные кадровые перестановки и подчинил себе напрямую начальницу имперской школы женской «Службы труда», которая ранее получала директивы от отдела воспитания и обучения[421].

Все остальные руководящие посты в имперском управлении РАД, управлениях округов и групп, школах и трудовых лагерях были заняты женщинами. Нацистская идеология не предусматривала, что женщины могут быть чиновниками и тем более выполнять руководящую работу. Тем не менее должности начальниц в женской «Службе труда» в годы войны заполнили женщины, руководительницы РАД были приравнены к офицерам и государственным чиновникам и получали соответствующее жалованье. Например, начальница лагеря, как правило, в чине «майденоберфюрерин» имела ежемесячно 220 марок, а «штабсоберфюрерин» и

---

[419] Watzke-Otte S. Op. cit. S.108.

[420] Larisch A. von. Die Schulen des Reichsarbeitsdienstes für die weibliche Jugend // Jahrbuch des Reichsarbeitsdienstes. 1941. Berlin, 1941. S.66; Marawske-Birkner L. Op. cit. S. 237; Iffland T. Op. cit. S.60; Gersdorff U. Op. cit. S.413-415, 424-426.

[421] Watzke-Otte S. Op. cit. S.107.

«штабсхауптфюрерин», возглавлявшие управления округов, — соответственно 500 и 625 марок. Кроме того, начальницы «Службы труда», как и другие государственные чиновники, пользовались бесплатным медицинским обслуживанием, могли получать пенсию по старости и материальную помощь из специального фонда. После Второй мировой войны многие руководительницы РАД, используя свой статус чиновников, добились от правительства ФРГ выплаты государственной пенсии[422].

Профессия начальницы в «Службе труда» привлекала многих молодых женщин, однако Гирль не смог решить проблему нехватки руководящих кадров. По мере роста РАД потребность в них возрастала, тем более что административный аппарат «Службы труда» был непомерно велик, достигая 10 тыс. человек. Имперский трудовой фюрер стремился сохранить соотношение 10:1 между «работницами» и начальствующим составом. Он неоднократно пытался добиться увеличения штатов до 15 тыс. человек, т.е. в полтора раза. Потерпев неудачу, Гирль осенью 1944 г. просил профинансировать создание 3900 мест, которые обещал ликвидировать через два года после войны. Имперское управление РАД и министерство финансов пришли к компромиссному решению. Вместо создания новых штатных командных постов в женской РАД была учреждена временная должность «особой руководительницы» («зондерфюрерин»). На эти должности имперский трудовой фюрер рассчитывал привлечь 6 тыс. девушек[423].

Для обеспечения ускоренного выпуска руководительниц женской «Службе труда» в 1940 г. передали 5 лагерных школ «трудовых фюреров», их общее количество достигло 18, а к концу войны — 27. Количество окружных школ за военные годы выросло с 11 до 18. Были внесены изменения в практику отбора и обучения. До войны отбор претенденток зависел от наличия «врожденных способностей», а не от образования, а обучение имело несколько ступеней и продолжалось около двух лет. Теперь девушки, имевшие специальное образование, принимались в РАД в качестве руководительниц трудовых лагерей «на пробную службу» немедленно, а по истечении 4–8 месяцев считались успешно окончившими обучение и зачислялись в постоянный штат. Для девушек без образования сохранялся сложившийся до войны порядок обучения. Однако постоянный кадровый дефицит сохранялся: начальницам «Службы труда» (которые должны были проповедовать идеалы семьи и материнства) запрещалось вступать в брак, но ежегодно каждая десятая из них выходила замуж и увольнялась из РАД[424].

По мере продолжения войны обострялся конфликт между руководством «Службы труда» и государственными органами, заинтересованными в рациональном использовании рабочей силы. В середине октября 1939 г. президенты земельных бирж труда Южной и Центральной Германии предложили освободить некоторые местности от призыва в женскую РАД. Одновременно органы руководства экономикой стремились использовать «работниц» в военной промышленности, «особенно тогда, когда нельзя найти другую женскую рабочую силу», и придать этому труду такой же почетный статус, как и работе в сельском хозяйстве. С подобными предложениями обращались, например, президент саксонской земельной биржи труда и инспекция по вооружению XI военного округа. Президент баварской земельной биржи труда обратился в XIII округ женской РАД с просьбой предоставить 600 «работниц» для военных заводов Мюнхена на осенне-зимний период 1940—1941 г., пока потребность сельского хозяйства в рабочей силе невелика[425].

Сначала К. Гирль успешно отклонял все просьбы военных и экономических инстанций о предоставлении «работниц» в распоряжение военной промышленности. Единственный шаг навстречу экономическим потребностям представляло собой продление рабочего времени

---

[422] Ibid. S.106.

[423] Gersdorff U. Op. cit. S.440, 510.

[424] Marawske-Birkner L. Op. cit. S.241.

[425] Bajohr S. Op. cit. S.351-352; Gersdorff U. Op. cit. S.321.

«девушек» с 42 до 45 часов в неделю. Но этого было недостаточно, поскольку еженедельное рабочее время в промышленности составляло 48 – 54 часа. 12 апреля 1940 г. К. Гирль направил во все министерства проект распоряжения, который предусматривал увеличение контингента женской «Службы труда» до 130 тыс. человек. Так как за этим проектом стоял принципиальный приказ Гитлера, президент РФА Ф. Зируп посчитал всякое сопротивление бессмысленным. Свои возражения высказали министры продовольствия, средств сообщения и почты, Верховное командование сухопутных войск, Верховное командование ВМФ и органы 4-летнего плана. Требования этих министерств и военного руководства сводились к освобождению от трудовой повинности девушек, занятых в подведомственных им сферах. Шеф ОКВ генерал-фельдмаршал В. Кейтель и начальник отдела военной экономики генерал-майор Г. Томас считали, что в сельском хозяйстве можно было без всякого ограничения применять военнопленных, в то время как международные соглашения запрещали их труд в военной промышленности. Отсюда вытекало, что занятость девушек в промышленности важнее, чем работа в деревне. РАД они объявили излишней в военное время. Тогда в августе 1940 г. Гирль предложил Кейтелю согласиться со своим проектом в обмен на обещание впредь учитывать интересы военного производства. На этих условиях Томас был готов уступить имперскому трудовому фюреру, но шеф ОКВ на компромисс с Гирлем не пошел, и проект расширения женской «Службы труда» был провален[426].

Однако вскоре после нападения Германии на Советский Союз, 29 июля 1941 г., был опубликован указ Гитлера о «Вспомогательной военной службе» (КХД)[427]. Часть «работниц», отбывших трудовую повинность, была обязана исполнять шестимесячную «вспомогательную военную службу». Они оставались в трудовых лагерях под командованием руководительниц РАД. «Вспомогательная военная служба» становилась составной частью женской «Службы труда». В доверительной информации для прессы говорилось, что «родители могут быть спокойны»: труд их дочерей в КХД будет осуществляться под «твердым руководством» и использоваться для выполнения задач, которые соответствуют силам девушек. Указ предусматривал применение «девушек КХД» в военных учреждениях, в органах власти, в больницах и других социальных учреждениях и в небольшом объеме — в многодетных семьях. Инициаторы создания КХД — Гитлер, Гирль, министр вооружения и боеприпасов Ф. Тодт и начальник общего войскового управления в ОКХ генерал Ф. Ольбрихт — ставили перед «Вспомогательной военной службой» цель заменить призванных в армию мужчин. Противники КХД утверждали, что расходы на содержание девушек превысят экономический эффект деятельности этой организации: молодые женщины, еще не имеющие достаточного образования, не смогут продуктивно трудиться в конторах, а трудовые резервы экономики, особенно военной промышленности, сократятся. Однако имперский трудовой фюрер отказался предоставить «девушек КХД» для работы на военных предприятиях, поэтому на предварительном обсуждении проекта отдел военной экономики и вооружения ОКВ высказался против создания «Вспомогательной военной службы»[428].

Подписанный Гитлером указ увеличивал число участниц женской «Службы труда» до 130 тыс. и предусматривал дальнейшее расширение организации до 150 тыс. человек. КХД охватила не только «старый рейх», но и была распространена на Эльзас, Лотарингию, Люксембург. Зимой 1941—1942 г. «вспомогательную военную службу» исполняли 47 тыс. бывших «работниц», призванных в РАД весной 1941 г. Участницы КХД носили не униформу, а гражданское платье с особым значком — «брошью КХД». Чтобы гарантировать выполнение воспитательных задач (повиновения, выполнения долга и готовности к работе), паспорт

[426] Winkler D. Op. cit. S.130.

[427] Der Kriegshilfsdienst (KHD).

[428] RGBl. 1941. S. 463; Gersdorff U. Op. cit. S.339.

«Службы труда» и памятная брошь РАД выдавались только по окончании «вспомогательной военной службы»[429].

Организация труда «девушек КХД» в государственных органах и в народном хозяйстве была негибкой и затрудняла, а подчас делала их использование экономически невыгодным. Окружные управления женской «Службы труда» получали заявки от предприятий и учреждений. Руководительница округа должна была изложить свое мнение о той или иной просьбе имперскому трудовому фюреру, который принимал окончательное решение. За счет заказчика «девушки КХД» получали карманные деньги (50 пфеннигов в день), карточки и деньги на покупку одежды (1 марку в день), производилось также обязательное социальное страхование. Заказчик должен был предоставить жилые помещения и обеспечить снабжение трудового лагеря всем необходимым. По возможности при назначении на те или иные виды работ он должен был учитывать «особые пожелания» девушек. Рабочее время, начало и окончание которого устанавливал заказчик, не должно было превышать 51 час в неделю. 13 августа 1941 г. Гирль распорядился, чтобы в особых случаях «девушки КХД» работали сверхурочно без всякой оплаты дополнительных часов[430].

Реакция населения на введение КХД была весьма критической. Служба безопасности (СД) установила, что немцы сомневались в экономической эффективности «Службы труда» и КХД. Было распространено мнение, что обитательницы трудовых лагерей должны работать в военной промышленности, в сельском и домашнем хозяйстве, в здравоохранении, где нехватка рабочей силы ощущалась особенно остро. Указывалось, что руководительницы округов женской РАД не имеют опыта управления трудом и не могут так полно учитывать действительную потребность в рабочей силе, как биржи труда. Крестьяне опасались, что деревенские девушки, выполняющие «вспомогательную военную службу» в органах власти и вооруженных силах, не пожелают возвращаться к сельскохозяйственному труду. Рефреном звучало мнение, что указ о КХД не создаст ни дополнительной рабочей силы, ни возможности распределять имеющиеся силы лучше, чем прежде. Многие предприниматели в промышленности считали, что введение КХД было вообще излишним[431].

По мере того как война на Востоке приобретала затяжной характер, потребность в женской рабочей силе ощущалась все острее. 19 августа 1941 г. представитель концерна АЭГ пожаловался на то, что указ о КХД удерживает в трудовых лагерях «работниц», в которых эта компания испытывала острую нужду. Через министра вооружения и боеприпасов АЭГ потребовал освобождения от «вспомогательной военной службы» 150 девушек. Но лишь после вмешательства Геринга имперский трудовой фюрер пообещал освободить от КХД тех девушек, которые уже работали на военных предприятиях или подали заявления о приеме на работу. На практике учреждения медицинского освидетельствования РАД постоянно создавали трудности тем предприятиям, которые настаивали на освобождении своей рабочей силы от призыва в «Службу труда»[432].

С другой стороны, военная промышленность сразу после создания института «Вспомогательной военной службы» стала претендовать на использование «девушек КХД». 16 августа 1941 г. отдел экономики и вооружения ОКВ высказался за изменение указа о КХД таким образом, чтобы можно было направлять девушек в военную промышленность. Президент земельной биржи труда Центральной Германии 1 сентября 1941 г. предложил заменить участницами РАД 1000 квалифицированных рабочих-мужчин на заводах фирмы «Рейнметалл Борзиг АГ». Он мотивировал это слабой дисциплиной наемных работниц и указывал на воспитательное влияние, которое оказало применение 3600 «работников» РАД на земляных

---

[429] Eberbach. Der Kriegshilfsdienst des Reichsarbeitsdienstes der weiblichen Jugend // Jahrbuch des Reichsarbeitsdienstes. 1943. Berlin, 1943. S.45.

[430] Gersdorff U. Op. cit. S.340-341; RGBl. 1941. S.491.

[431] Gersdorff U. Op. cit. S.350-351.

[432] Bajohr S. Op. cit. S.355.

работах в Центральной Германии. Переговоры президента земельной биржи труда с руководительницей IV округа женской РАД не дали положительного результата. Поэтому, указав на ограничения в получении рабочей силы, которые вызвал указ о «Вспомогательной военной службе», он просил довести его инициативу до имперского трудового фюрера, чтобы снять запрет на работу «девушек КХД» в военном производстве и таким способом «частично компенсировать потери на рынке труда» [433].

Зимой 1941—1942 г. 61% «девушек КХД» работали в вермахте, в административных органах и на транспорте, 35% — в учреждениях здравоохранения и Национал-социалистической благотворительности (НСФ) и только 4% оказывали помощь многодетным семьям[434]. Труд подчиненных Гирля в народном хозяйстве вызывал много нареканий. Самую негативную оценку всех работодателей вызывали высокие расходы, связанные с использованием «девушек КХД» на предприятиях. Для выдачи карманных денег и рабочей одежды одной «работнице» надо было расходовать 45 марок ежемесячно. К этому добавлялись расходы на социальное страхование, питание и расквартирование. Администрации некоторых общин тратили на одну «девушку КХД» до 200 марок в месяц. Эта сумма значительно превышала зарплату наемной служащей той же квалификации, занятой в общинных органах управления. Сельские хозяева вообще были не в состоянии платить участницам КХД по 45 марок, так как в деревне обычная оплата наемных рабочих составляла 25—30 марок. Это в еще большей степени относилось к многодетным семьям и нуждающимся хозяйствам, которым должны были помогать РАД и КХД. Поэтому крестьяне отдавали предпочтение военнопленным и «восточным рабочим», которых они могли заставлять работать сколько угодно, не выплачивая ни единого пфеннига. Кроме того, учреждения женской «Службы труда» показали свою неспособность эффективно распределять вверенную им рабочую силу[435].

В конце 1941 г. ситуация на рынке труда стала еще более напряженной. Количество работающих мужчин сократилось с 24,5 до 19 млн. человек, женщин — с 14,6 до 14,1 млн. Экономика потеряла 6 млн. рабочих и служащих. Использование 3 млн. иностранных рабочих покрывало этот дефицит только наполовину. В это время в женских трудовых лагерях находилось более 90 тыс. девушек, но руководительницы женской РАД в сельской местности буквально навязывали рабочую силу органам власти и крестьянам[436].

Имперское управление РАД предпринимало непоследовательные попытки исправить положение и лучше приспособить женскую «Службу труда» к потребностям народного хозяйства. Например, с 1942 г. под давлением генерального уполномоченного по труду Ф. Заукеля и имперского фюрера молодежи А. Аксмана для оказания более эффективной помощи крестьянам в уборке урожая корнеплодов сроки призыва были изменены так, чтобы летнее полугодие продолжалось 7, а зимнее — 5 месяцев. Вторым отступлением от заведенного порядка было сокращение количества часов на учебные занятия[437]. Это вновь обострило дилемму женской «Службы труда»: она должна была функционировать как воспитательное учреждение, которое выполняет общественно-полезный труд, а не как вспомогательная организация для мелких сельскохозяйственных предприятий, но одновременно быть экономически эффективной.

Учреждения, ответственные за функционирование военной экономики, все чаще стали требовать передачи им права на трудоустройство участниц женской РАД и отмены предписания, согласно которому «работницы» и «девушки КХД» могли размещаться только в трудовых лагерях и работать вблизи них. В январе 1942 г. Геринг уже собирался предложить

---

[433] Gersdorff U. Op. cit. S.348-349.

[434] Eberbach. Op. cit. S.45.

[435] Winkler D. Op. cit. S.130-131.

[436] Thamer H.-U. Verführung und Gewalt: Deutschland 1933—1945. Berlin, 1992. S.718; Seifert M. Kulturarbeit im Reichsarbeitsdienst. Münster, New York, 1996. S.103.

[437] RGBl. 1942. S.336.

Гитлеру распустить РАД, но имперский трудовой фюрер опередил его, заключив соглашение с Тодтом о предоставлении 25—30 тыс. «работниц» для нужд военной промышленности. Нацистская пропаганда заявляла теперь, что работа «девушек КХД» в семьях будто бы оказалась «не вполне целесообразной», так как снижала возможности контроля над их службой и воспитанием. С апреля 1942 г. уже 60% «девушек КХД» были заняты в военной промышленности и на общественном транспорте (кассирами и кондукторами), 13% — в вооруженных силах, 16% — в больницах и НСФ, 11% девушек несли службу в административных органах на присоединенных к рейху восточных территориях. На Востоке в 1943—1944 г. около 1000 из них работали школьными учительницами [438].

И здесь Гирль доказал, что его не волновала личная судьба порученных ему молодых женщин. В 1944 г. он увеличил их рабочее время на промышленных предприятиях с 56 до 60 часов, часто девушки работали и больше. За ночную и сверхурочную работу повышенная оплата не производилась, 5-дневный отпуск предоставлялся только после 6 месяцев службы. В 1943 г. имперский трудовой фюрер запретил выплаты премий и аккордных зарплат, которые предлагали Тодт, его преемник на посту министра вооружения и боеприпасов А. Шпеер и отдельные предприятия: «Руководителям отдельных учреждений запрещается повышать установленные суммы карманных денег и выплат на приобретение одежды. Нельзя выплачивать премии девушкам КХД. Если руководители учреждений хотят вознаградить особенно высокие трудовые достижения, они могут передать группе пожертвования в форме театральных билетов, оборудовать места расквартирования и т.д. Там, где такой возможности нет, предлагается выдавать от имени КХД пожертвования Германскому Красному Кресту»[439].

В то же время участницы РАД по-прежнему могли работать только на предприятиях и в органах власти, вблизи которых были расположены трудовые лагеря. Это приводило, во-первых, к тому, что административные органы небольших общин не получали вспомогательной рабочей силы. Во-вторых, случалось, что военные предприятия в условиях нехватки материалов и рабочих строили бараки для участниц «Службы труда», а потом обещанная им рабочая сила применялась совсем в другом месте. Органы власти, предприниматели и вермахт охотно отменили бы это правило на период войны, но руководство РАД упорно отстаивало свое детище, ведь только в лагерях можно было осуществлять национал-социалистическое воспитание «работниц» и контроль над ними. Как считает немецкая исследовательница Д. Винклер, «Гитлер был убежден в том, что содержание в лагерях РАД было выдающимся решением, которое оберегало девушек от морального ущерба и обеспечивало национал-социалистическое воспитание»[440].

Даже в 1943 г. в выступлениях функционеров РАД, Национал-социалистической партии и Германского трудового фронта, как и прежде, подчеркивались воспитательные задачи женской «Службы труда», которые решались на политических занятиях, в ходе обучения ремеслам и ведению домашнего хозяйства, занятий физкультурой и совместного пения[441]. В лагерях «Вспомогательной военной службы» был установлен такой же распорядок дня, как и в трудовых лагерях. Многочасовая работа на предприятиях и долгий путь к месту работы привели к сокращению часов, отведенных на обучение домашнему хозяйству, но политические занятия и физическая подготовка осуществлялись в прежнем объеме. «Девушкам КХД», как и «работницам» РАД, было запрещено использование парфюмерии, ношение серег и курение. На предприятиях «девушки КХД» должны были избегать любых контактов с военнопленными и иностранными рабочими, постоянно помнить о «пагубности расового смешения» и его «угрожающих последствиях» для «наследственности и чести немецкого народа»[442].

---

[438] Eberbach. Op. cit. S.46-47.

[439] Watzke-Otte S. Op. cit. S.117.

[440] Winkler D. Op. cit. S.131.

[441] ЦХИДК. Ф.1323. Оп.3. Д.110. Л.89.

[442] Watzke-Otte S. Op. cit. S.118-119.

В 1943 г. ухудшение положения на фронтах и напряжение экономики в тылу вызвали новые атаки на женскую «Службу труда». Кейтель, начальник партийной канцелярии М. Борман, руководитель имперской канцелярии Г. Ламмерс и министр внутренних дел В. Фрик попытались лишить руководство РАД влияния на призыв «работниц». Они предложили в целях высвобождения кадров закрыть призывные пункты женской РАД. Гирль возразил им, что призывные пункты выполняют в РАД «жизненно важные функции», без них не будет выполняться поставленная «фюрером» воспитательная задача. Он пригрозил пожаловаться лично Гитлеру, после чего его оппоненты навсегда отказались от своего плана[443].

Тем не менее тотальная война нанесла окончательный удар по ориентации женской РАД на идеологические цели. В июле 1943 г. Гитлер распорядился об использовании 40—50 тыс. «работниц» «для усиления противовоздушной обороны тыла», имея в виду их применение на пунктах связи люфтваффе. 12 августа вышло соответствующее распоряжение имперского трудового фюрера. Тем не менее Гирль заявлял, что этот приказ «не изменит воспитательной задачи» РАД. Хотя служба в военно-воздушных силах, как и работа в народном хозяйстве, осуществлялась трудовыми лагерями, теперь эти лагеря стали более мобильными, их было разрешено переводить из одного округа в другой. В штабах 1-го, 2-го, 4-го и 5-го истребительных дивизионов ПВО назначались специальные руководительницы женской «Службы труда» для осуществления связи с имперским трудовым фюрером. Командированные в люфтваффе «работницы» из Эльзаса, Лотарингии, Люксембурга и Австрии подлежали немедленной проверке. О выявленных «неарийках» руководительница округа должна была немедленно поставить в известность гестапо[444].

Офицеры люфтваффе в течение 4—6 недель обучали поступивших на службу в ВВС девушек и начальниц работе с рациями и другими приборами. Закончив обучение, они обслуживали радары, комплектовали службу оповещения истребительной авиации. Их задачи состояли в обнаружении вражеских самолетов и определении их координат, вызове с земли истребителей и передаче приказов зенитной артиллерии. Первый контингент «военных связисток», как стали называть «работниц», составил 4 тыс. человек, к концу войны их количество выросло до 13 тыс. ВВС обеспечивали их помещениями, обмундированием и продовольствием, платили жалованье. РАД отвечала за воспитание и организацию свободного времени. Трудовую повинность такие девушки отбывали только в течение 2 месяцев. Старые лагеря, обитательницы которых оказались на военной службе, должны были служить своего рода учебными подразделениями для подготовки новых контингентов «работниц» для люфтваффе. Использование в вооруженных силах не принесло с собой повышения оплаты «работниц». Хотя все расходы на содержание трудовых лагерей были возложены на люфтваффе, снабжение, в том числе продовольственное, осуществлялось не по армейским нормам, а по нормам женской «Службы труда». Только сумма карманных денег отличалась от заработка «работниц» на гражданских объектах и составляла 75 пфеннигов в день[445].

В марте 1944 г. в руководстве Третьего рейха возникла мысль о высвобождении 100 тыс. солдат прожекторных батарей за счет «Службы труда». В сентябре Гирль совместно с министром народного просвещения и пропаганды и уполномоченным по тотальной войне Й. Геббельсом выдвинули проект «Вспомогательной оборонной службы». Согласно расчетам имперского трудового фюрера, солдат люфтваффе могли заменить 20 тыс. «работниц» и 80 тыс. повторно призванных уже отбывших трудовую повинность женщин. Законопроект предусматривал возможность призвать для службы в зенитной артиллерии всех женщин моложе 30 лет. Организационная сторона деятельности «Вспомогательной оборонной службы» поручалась Гирлю, военная — вермахту. В эти дни шеф женской РАД Вагнер даже высказал мысль о расширении организации до 500 тыс. человек. Гирль подготовил призыв, в котором

---

[443] Winkler D. Op. cit. S.132.

[444] Gersdorff U. Op. cit. S.398, 400-402.

[445] Ibid. S.405-406, 413-415.

говорилось, что военное положение обязывает женщин и девушек «взяться за оружие, чтобы не попасть в руки большевиков и их пособников». От них требовалась «вера в фюрера» и такие добродетели, как выполнение долга, желание служить, повиновение: «Вера в фюрера и немецкий народ должна придать вам стойкости в тяжелый час… На службе и вне ее постоянно думайте о том, что вы должны стать матерями нашего немецкого народа, чтобы однажды с гордостью и чистой совестью рассказать вашему мужу и вашим детям о ваших переживаниях во время вспомогательной оборонной службы, об этой почетной женской службе в самый тяжелый и великий час Германии»[446].

В октябре 1944 г. имперский трудовой фюрер разослал в различные министерства проект распоряжения «Об использовании женской РАД в вермахте», который, кроме Геббельса, поддержали шеф ОКВ и министр труда. Даже министр вооружения и боеприпасов Шпеер не возражал против повторного призыва в РАД 80 тыс. бывших «работниц». Но оппонентами руководителей «Службы труда» стали Борман и генеральный уполномоченный по труду Ф. Заукель. Последний направил письмо Геббельсу, назвав «Вспомогательную оборонную службу» несовместимой «с элементарными потребностями использования трудовых ресурсов». По мнению Заукеля, медицинское освидетельствование и выполнение других связанных с призывом процедур привело бы к потере рабочего времени и к созданию нового административного аппарата[447].

К этому времени контингент участниц «Службы труда», занятых в вооруженных силах, значительно возрос. Только рейхсмаршал Геринг просил направить в люфтваффе 35 тыс. девушек для службы авиационной связи вместо прежних 11 тыс. и еще 8-10 тыс. — для пунктов управления зенитной артиллерией. В результате в последние месяцы войны только в зенитной артиллерии служило около 25 тыс. «девушек КХД». Если раньше в одном специальном трудовом лагере было 140 солдат и 30 «работниц», то с осени 1944 г. на 130 девушек приходилось только 2-3 унтер-офицера и один офицер. Геринг предлагал продлить срок службы занятых в люфтваффе «работниц» до 18 месяцев. Но против этого возражали Шпеер, Аксман, министр науки, воспитания и народного образования Б. Руст и рейсхляйтер Борман. Они указывали на экономическую неэффективность «Службы труда», на недостаточную для службы в армии профессиональную подготовку девушек, а также на вредное физиологическое и психологическое воздействие на молодых женщин длительного пребывания в трудовом лагере. Противники проекта Геринга опасались, что после отбывания длительной трудовой повинности девушки не смогут выполнить свою «главную функцию» — стать матерями. По инициативе Бормана личный врач Гитлера профессор Т. Морелль в марте 1945 г. составил экспертное заключение, которое подтверждало возможность вреда для здоровья в женской «Службе труда» из-за физических нагрузок и отрыва от семьи и не рекомендовало продлевать пребывание в РАД и КХД. В конечном счете Гирль нашел компромиссное решение: продлевался до полутора лет только срок службы девушек в люфтваффе, время пребывания в КХД оставалось прежним, а девушки, желающие поступать в университеты, увольнялись из «Службы труда» даже чуть раньше остальных[448].

В октябре 1944 г. 30 тыс. участниц КХД начали обучаться обслуживанию прожекторных батарей. Самостоятельные прожекторные батареи «Службы труда» включали 204 девушки и 32 начальницы, которые имели различные звания и выполняли разные функции: командовали взводами, прожекторами, заведовали хозяйством, осуществляли административную деятельность. В ходе теоретического обучения и тренировок девушки изучали типы самолетов и шумы двигателей вражеских машин, учились определять направления полета. На радиоприборах работали в основном девушки, окончившие среднюю школу и прошедшие специальное дополнительное обучение. Помимо того, персонал каждой батареи нес

[446] Watzke-Otte S. Op. cit. S.123-124.

[447] Gersdorff U. Op. cit. S.447-449, 459-460.

[448] Watzke-Otte S. Op. cit. S.110-111; RGBl. 1944. S.97.

круглосуточную караульную службу. Девушки были одеты в мужскую униформу, сапоги и каски. За свою службу они получали 24 марки в месяц, а начальницы — дополнительную «командирскую надбавку». Боевыми действиями этих батарей командовали офицеры, на долю РАД осталось только снабжение и наказание девушек, причем в ряде случаев приговор могли выносить и военно-полевые суды. Предполагалось, что к марту 1945 г. обитательницы трудовых лагерей заменят мужчин на 350 прожекторных батареях, но до конца войны большинство девушек так и не успело закончить обучение[449].

Основным полем деятельности женской РАД на завершающем этапе войны оставалась работа в военной промышленности, которая осуществлялась в сотрудничестве с министерством Шпеера. Этот труд девушек рассматривали как главный, на совещании представителей имперского управления РАД и чиновников министерства финансов в сентябре 1944 г. применение «работниц» в промышленности рекомендовалось «усилить», несмотря на рост потребностей вооруженных сил. Циркуляр Бормана от 16 декабря 1944 г., направленный всем гауляйтерам, поддерживал просьбу имперского трудового фюрера не призывать в «корпус помощниц вермахта» девушек моложе 17 лет, если они еще не отбыли трудовую повинность. Работать в военной промышленности под руководством РАД были обязаны также 35 тыс. студенток. Участницы РАД и КХД по-прежнему оказывали помощь по хозяйству многодетным крестьянкам, но некоторые учреждения требовали вместо этого увеличить контингенты «работниц» и «девушек КХД» в НСФ и Красном Кресте. Приданные этим организациям девушки оказывали помощь населению разрушенных бомбардировками городов, участвовали в расчистке развалин, размещали в лагерях потерявших кров жителей. В это время об использовании «Службы труда» задумался даже рейхсфюрер СС Г. Гиммлер, безуспешно предлагавший использовать «работниц» как надзирательниц в концлагере Равенсбрюк[450].

В конце войны гауляйтеры, используя свои широкие полномочия, стали привлекать обитательниц трудовых лагерей для строительства оборонительных сооружений и поэтому препятствовали эвакуации «работниц» и «девушек КХД» в тыл. Лагерям РАД, которые занимались сельскохозяйственным трудом, также было приказано покидать места своей дислокации последними, чтобы оказывать благоприятное психологическое воздействие на население. Они отступали только тогда, когда все население было эвакуировано, а обстрел врага становился очень интенсивным. Это порождало у родителей страх за судьбу своих дочерей и усугубляло разочарование и недовольство Гитлером и нацистским режимом. Поэтому 19 марта 1945 г. Борман направил гауляйтерам шести западных гау циркуляр, который предписывал не «создавать помех при отступлении не задействованных в вермахте частей женской РАД из областей, находящихся под непосредственной угрозой врага». В последние дни войны многие «работницы» спасались бегством или беспорядочно отступали. В напрасном поиске общих сборных пунктов и быстро перемещавшихся руководящих учреждений они хаотично передвигались по стране[451].

Произошедшие в годы Второй мировой войны изменения в женской «Службе труда» показывают, что она оказалась несостоятельной и как учреждение воспитания молодежи, и как армия принудительного труда. Противоречие между идеологией и реальной политикой изначально было заложено в организации РАД и проявлялось как конфликт между воспитанием в трудовых лагерях традиционных женских «добродетелей» и практических умений, с одной стороны, и созданием для этой цели корпуса руководительниц, наделенных мужскими функциями, с другой. С помощью униформы, строгой дисциплины и муштры из девушек можно было воспитать не любящих жен и заботливых матерей, а солдат тоталитарного государства. На завершающих этапах войны нацистский режим именно так использовал

---

[449] Gersdorff U. Op. cit. S. 439-440, 510; RGBl. 1944. S.97, 332; ЦХИДК. Ф.720. Оп.2. Д.64. Л.279; Hierl K. Im Dienst fur Deutschland 1918-1945. Heidelberg, 1954. S.111; Watzke-Otte S. Op. cit. S.121-122.

[450] Gersdorff U. Op. cit. S.440, 483; Watzke-Otte S. Op. cit. S.125.

[451] Gersdorff U. Op. cit. S.519; Seifert M. Op. cit. S.105-106.

обитательниц трудовых лагерей, заменив ими рабочих военных заводов, радистов, зенитчиков и других военных специалистов. Но громоздкая и негибкая административная структура руководства «Службы труда» создавала множество неразрешимых проблем с использованием девушек в военном производстве и вермахте и обостряла борьбу в «институциональных джунглях» Третьего рейха.

В.В. Фрольцов

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ В 1990-е ГОДЫ

Накануне сентябрьских 2002 г. парламентских выборов в ФРГ в немецком обществе вновь обострилась дискуссия относительно того, как следует оценивать итоги прошедшего после объединения десятилетия. Социал-демократы и "зеленые", получившие власть в 1998 г., предпочитают рассматривать его как период нарастания в едином государстве социально-экономических проблем, которые были обусловлены ошибочной политикой правительства Гельмута Коля, проводившейся в начале 1990-х гг. Однако находящиеся уже 4 года в оппозиции христианские демократы обвиняют в этом самих представителей СДПГ, которые, по мнению кандидата на пост канцлера от ХДС-ХСС Эдмунда Штойбера, не могут проводить эффективную экономическую политику.

В обоих случаях в качестве наиболее наглядного примера неспособности конкурентов решить проблемы в социально-экономической сфере приводится ситуация в Восточной Германии, где на протяжении 10 лет наблюдаются все проявления системного кризиса, связанного с трансформацией в условиях единого немецкого государства политической, экономической и социальной систем бывшей ГДР. Безработица в этой части страны составила в 2000 г. 17,4%, что почти на 10% выше, чем в западных землях. Изменить эту ситуацию не смогли даже огромные финансовые вливания из федерального бюджета и помощь в рамках специальных программ ЕС. При этом уже после 2003 г. новые земли будут лишены значительной части европейских субсидий, поскольку получателями этих финансовых средств станут новые члены ЕС — восточноевропейские государства[1].

В наибольшей степени негативные последствия включения территории бывшей ГДР в экономическую систему ФРГ затронули восточногерманских женщин, которые в объединенной Германии оказались самой незащищенной социально-демографической группой. Более того, можно утверждать, что в 1990-е гг. женщины новых восточных земель потеряли определенную часть тех социальных завоеваний и привилегий, которыми обладали в годы существования ГДР.

Основной причиной этого является, по мнению автора, не столько ошибочная политика федерального руководства, сколько значительные различия в социальном статусе женщин в двух немецких государствах перед объединением. В Западной Германии к концу 1980-х гг. постоянно работали менее 2/3 всех женщин трудоспособного возраста, в то время как в ГДР в 1990 г. этот показатель превышал 90%[2].

Почти абсолютная занятость восточногерманских женщин до объединения объяснялась как идеологическими, так и экономическими причинами. Существовавший в ГДР "реальный социализм" исключал любое уклонение как мужчин, так и женщин от процесса "создания материальных и духовных ценностей". Помимо этого, руководство ГДР не допускало саму возможность существования в стране значительного количества безработных обоих полов и создавало новые рабочие места даже в тех отраслях, где необходимость в этом отсутствовала.

Как отмечает известный немецкий социолог Райнер Гайсслер, массовое привлечение женщин в промышленность и сферу услуг было обусловлено, в первую очередь, спецификой экономической модели ГДР, где низкая производительность труда и вызванный потерями во Второй мировой войне недостаток рабочей силы компенсировались увеличением количества

---

[1] Berg Stefan, Deupmann Ulrich, Reiermann Christian. Buhlen um den Osten // Spiegel. 2001. №18. S.28-29.

[2] Badur Manuela. Junge Frauen aus Ostdeutschland. Individualisierungsprozesse im Zuge der deutschen Einigung // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1999. №12. S.28.

работников за счет восточногерманских женщин. Соглашаясь в целом с этим предположением, вместе с тем следует обратить внимание на то, что, как указывает сам Райнер Гайсслер, в соседней ФРГ проблема нехватки рабочей сила была решена совершенно иным образом. В период "экономического чуда" в этой стране появились сотни тысяч иностранных гастарбайтеров, в то время как еще в 1969 г. более половины западногерманских женщин не работали[3].

Поэтому нельзя недооценивать идеологическую составляющую в формировании активной роли восточногерманских женщин как в производственной сфере, так и в общественной жизни этой страны. Гендерное равноправие руководство СЕПГ рассматривало как одно из наиболее значимых преимуществ существовавшего в стране "социалистического" строя, а восточногерманская пропаганда постоянно напоминала ее жителям об отсутствии такого равноправия в ФРГ.

Правительство ГДР, действительно, сумело достигнуть определенного прогресса в этой сфере. Так, к 1988 г. женщины занимали около трети всех руководящих постов в различных отраслях восточногерманской экономики, хотя на самых высших должностях их было почти так же мало, как и в ФРГ. Вместе с тем анализ соотношения женщин и мужчин в отдельных сферах профессиональной деятельности позволяет утверждать, что в Восточной Германии существовали более благоприятные условия для социальной самореализации женщин, чем в Западной. Например, в 1982 г. 52% восточногерманских врачей и 68% аптекарей составляли женщины, в то время как в ФРГ их общая доля в этих двух отраслях достигла к 1987 г. лишь 46%. Половину судейских должностей в ГДР в 1989 г. занимали женщины, а в соседнем немецком государстве в этом же году было лишь 18% судей и прокуроров женского пола. В восточногерманских средних школах в 1982 г. работало в качестве учителей 70% женщин, в западногерманских в 1989 г. — 55%; должность директоров школ занимали 32% женщин в ГДР (1982 г.), но лишь 20% в ФРГ (1988 г.). В сфере страхования в 1988 г. были заняты 51% женщин на Западе и около 90% на Востоке. Сходная ситуация наблюдалась и во многих других сферах профессиональной деятельности[4].

Немаловажным фактором более активного участия женщин в различных отраслях экономики ГДР являлась специфика формы собственности. В условиях плановой экономики и централизованного перераспределения доходов восточногерманский работодатель мог не опасаться возможных убытков в случае ухода женщины в декретный отпуск или внезапного увольнения по семейным причинам.

Принципиально иная ситуация сложилась в экономике Восточной Германии после объединения, когда началась массовая приватизация находившихся в государственной собственности предприятий. Их новые владельцы стремились прежде всего обеспечить рентабельность производства и по этой причине прибегали к увольнению значительной части персонала, особенно на тех предприятиях, где его численность была искусственно завышена в годы существования ГДР. В наибольшей степени это коснулось крупных промышленных предприятий, на многих из которых основной частью работавших были женщины.

Основными кандидатами на увольнение стали женщины, которые, несмотря на высокий образовательный уровень и профессионализм, не могли выдерживать конкуренцию с мужчинами из-за ставшего решающим для новых работодателей "семейного фактора". Это также осложняло поиск нового места работы, поскольку и в этом случае преимущество, как правило, было у мужчин. В новых экономических условиях полностью лишились возможности трудоустроиться женщины старше 55 лет.

В целом уже к концу 1992 г. почти 2/3 восточногерманских безработных были женщинами. К середине 1990-х гг. сформировалась еще одна негативная устойчивая тенденция.

---

[3] Geissler Rainer. Die Sozialstruktur Deutschlands. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1996. S.281-282.

[4] Ibidem. S.284-286.

В 1995 г. женщины составили 75% от числа тех безработных, которые не могли трудоустроиться на протяжении продолжительного периода. К этому времени не имели работы 11,5% восточногерманских мужчин и почти в 2 раза больше женщин[5].

Немецкий социолог Герхард Энгельбрех попытался обобщить и систематизировать статистические данные по женской безработице. С этой целью он разделил все сферы профессиональной деятельности в ГДР на 3 типа: "традиционно женские" (торговля, страхование, банковское дело), "смешанные" (перерабатывающая промышленность) и "традиционно мужские" (строительство, энергетика, металлургия, горное дело) и рассмотрел процесс их трансформации в условиях реформирования восточногерманской экономики. По мнению этого социолога, традиционно женские сферы производства постепенно превратились в смешанные, смешанные — в мужские, а в традиционно мужских отраслях женщины практически исчезли[6].

В наибольшей мере безработица коснулась жительниц небольших городов с градообразующими промышленными предприятиями. Найти другую работу там было крайне затруднительно, поскольку необходимые предпосылки для развития сферы услуг и появления в ней новых рабочих мест могли появиться лишь с ростом уровня доходов населения, а этот показатель, несмотря на все усилия федерального правительства и гигантские финансовые инвестиции, по-прежнему сильно отставал от западногерманского.

В результате отдельные регионы Восточной Германии превратились в зону хронической безработицы, вынуждая руководство страны содержать их жителей за счет государственного бюджета. Особенно сильно от этого явления пострадали Мекленбург-Предпомерания, Бранденбург и Саксония-Анхальт.

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на тот факт, что, несмотря на массовые увольнения женщин в первые годы после объединения, в середине 1990-х гг. женщины были по-прежнему достаточно широко представлены в различных профессиональных сферах Восточной Германии, и этот показатель оставался в новых землях выше, чем в западной части ФРГ. Об этом свидетельствуют итоги проведенного в таблице 1 сравнения:

Таблица 1

ДОЛЯ ЖЕНЩИН, РАБОТАВШИХ ПО ОТДЕЛЬНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ В ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЧАСТЯХ ФРГ, %

Специальности:	***Восточные земли***	**Западные земли**
Инженеры (1993 г.)	21	7
Врачи и фармацевты (1993 г.)	58	36
Учителя (1994 г.)	78	59
Научные и творческие работники (1993 г.)	30	25
Доценты и ассистенты ВУЗов (1993 г.)	38	19
Профессора (1993 г.)	10	6

[5] Helwig Gisela. Ausgestaltung des Gleichberechtigungsgebotes // Diehl Elke, Faulenbach Juergen, Hesse Christine. Frauen in Deutschland. Auf dem Weg zur Gleichstellung. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1997. S.26.

[6] Engelbrech Gerhard. Frauenerwerblosigkeit in den neuen Bundeslaendern – Folgen und Ausweg // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1994. №6. S.25.

Источник: Geissler Rainer. Die Sozialstruktur Deutschlands. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1996. S.285.

Немаловажным обстоятельством является также сохранение достаточно широкого представительства женщин-студенток в высших учебных заведениях Восточной Германии в 1990-е гг., что демонстрируют данные таблицы 2.

Таблица 2

ДОЛЯ ЖЕНЩИН, ОБУЧАВШИХСЯ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ В ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЧАСТЯХ ФРГ, %

Уровень обучения:	***Восточные земли***	**Западные земли**
Студентки (1994 г.)	48	42
Магистрантки (1992 г.)	31	29
Аспирантки (1994 г.)	15	14

Источник: Geissler Rainer. Die Sozialstruktur Deutschlands. Bonn: Bundeszentrale fuer Politische Bildung, 1996. S.285.

Можно с большой долей вероятности прогнозировать, что отмеченная ситуация в высших учебных заведениях Восточной Германии сохранится на протяжении ближайшего десятилетия. Это утверждение основывается на том факте, что девушки составляют более половины учащихся гимназий новых восточных земель, ориентированных на поступление в университеты. Доля девушек, обучавшихся по так называемым “традиционно мужским” специальностям, на территории бывшей ГДР в 1990-е гг. также была выше, чем в западной части ФРГ. Результаты этого сравнения приведены в таблице 3.

Таблица 3

ДОЛЯ ЖЕНЩИН, ОБУЧАВШИХСЯ НА "ТРАДИЦИОННО МУЖСКИХ" СПЕЦИАЛЬНОСТЯХ В ВУЗАХ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЧАСТЕЙ ФРГ , %

Специальности:	***Восточные земли***	**Западные земли**
Технические науки	21	16
Право, экономика и общественные науки	56	44
Медицина	54	45

Источник: Geissler Rainer. Die Sozialstruktur Deutschlands. Bonn: Bundeszentrale fuer Politische Bildung, 1996. S.280.

Исходя из приведенных показателей, можно утверждать, что ситуация с занятостью и профессиональным ростом восточногерманских женщин едва ли существенно изменится в ближайшие годы. Структура рынка рабочей силы в новых восточных землях в конце 1990-х гг. не претерпела существенных изменений, доля безработных колебалась в пределах 17—18% трудоспособного населения. Вместе с тем, как свидетельствуют данные о женщинах, которые получали или планировали получить образование в университетах, рассчитывая найти

престижную и высокооплачиваемую работу, эта социально-демографическая группа не желает отказываться от достигнутых во время существования ГДР социальных завоеваний. По этой причине многие ее представительницы обречены в ближайшие годы на без- работицу.

Вместе с тем можно констатировать, что, хотя гарантии полного гендерного равноправия во всех сферах профессиональной деятельности ушли в историю вместе с исчезнувшим восточногерманским государством, стремление к максимальной самореализации в общественной жизни продолжает присутствовать в массовом сознании женщин новых восточных земель. Так, в 1993 г. 44% жительниц новых земель считало профессиональный успех весьма важным фактором в своей жизни, а среди потерявших работу так полагали 53%[7]. Более того, 68% опрошенных женщины в возрасте 16—24 лет заявило, что они готовы прервать свою трудовую деятельность только для отпуска по уходу за ребенком. В Западной Германии с этим утверждением согласились лишь 53% опрошенных девушек[8].

Тем не менее особенности современного социально-экономического развития новых восточных земель ФРГ фактически исключают успешную профессиональную самореализацию значительной части молодых жительниц этого немецкого региона.

Существование этого противоречия были вынуждены признать и западногерманские исследователи, которые, как правило, крайне критически относятся ко всем проявлениям так называемого социального “наследия ГДР”. Однако тот же Райнер Гайсслер признает, что в годы “реального социализма” у женщин в Восточной Германии было гораздо больше возможностей для деятельности в сфере экономики, естественных наук и техники, и заявляет, что единственной сферой общественной жизни, где у жительниц новых земель появились дополнительные шансы для самореализации, стала политика[9].

С этим утверждением немецкого социолога можно согласиться, учитывая то обстоятельство, что именно в политической сфере восточногерманские женщины добились в 1990-е гг. определенных успехов, заставив федеральное руководство обратить внимание на те социальные проблемы, с которыми женщины столкнулись в результате реформирования экономики бывшей ГДР. При этом наибольшую политическую активность проявляли восточные немки моложе 35 лет, которые в наименьшей степени были подвержены культивировавшемуся режимом СЕПГ подданническому комплексу по отношению к власти, стремились к максимальной самореализации в общественной и профессиональной сферах и по этой причине не могли смириться с усиливавшимся гендерным неравенством в Восточной Германии.

Так, именно они стали наиболее “проблемным” электоратом для правящей коалиции ХДС-ХСС и СвДП во главе с Г. Колем в 1990-е гг. Итоги федеральных, земельных и коммунальных выборов в 5 новых землях и восточной части Берлина демонстрировали, что именно эта социально-демографическая группа наиболее критически относится к проводившейся федеральным правительством экономической политике и отказывает ему в доверии. При этом необходимо отметить, что ухудшение положения женщин в Восточной Германии не могло остаться без внимания и в западных землях страны, большая часть молодых жительниц которых также не одобряли как консервативную гендерную политику правых партий в целом, так и ее реализацию в отношении восточногерманских женщин[10].

---

[7] Schroeter Ursula. Ostdeutsche Frauen im Transformationprozess: eine Soziologische Analyse zur Sozialen Situation den Ostdeutschen Frauen (1990-1994) // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1995. №20. S.37.

[8] Helwig Gisela. Ausgestaltung des Gleichberechtigungsgebotes // Diehl Elke, Faulenbach Juergen, Hesse Christine. Frauen in Deutschland. Auf dem Weg zur Gleichstellung. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1997. S.24-25.

[9] Geissler Rainer. Die Sozialstruktur Deutschlands. Bonn: Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1996. S.303.

[10] Boesch Frank. Kontinuitaet im Umbruch. Die CDU/CSU auf dem Weg ins neue Jahrhundert // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2000. №5. S.16-17.

Результаты сравнения количества голосов, отданных немецкими избирательницами и избирателями моложе 35 лет партиям правящей коалиции (ХДС-ХСС и СвДП) и левой оппозиции (СДПГ, “Союз-90—зеленые”, ПДС) в ходе выборов в бундестаг 1994 г. представлены в таблице 4.

Таблица 4

КОЛИЧЕСТВО ГОЛОСОВ, ОТДАННЫХ ИЗБИРАТЕЛЯМИ МОЛОЖЕ 35 ЛЕТ ПАРТИЯМ ПРАВЯЩЕЙ КОАЛИЦИИ И ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ НА ФЕДЕРАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ 1994 г., %

Правящая коалиция	**Женщины 18-24**	**Мужчины 18-24**	**Женщины 25-34**	**Мужчины 25-34**
ХДС-ХСС	30,8	35	29,1	34,9
СвДП	6,2	6,7	4,9	5,7
Левая оппозиция				
СДПГ	36,5	32,7	42,5	36,7
“Зеленые”	15,8	12,9	14,2	11,5
ПДС	5,5	4,8	5,6	5,2

Источник: Schultze Rainer-Olaf. Die Bundestagswahl vom 16. Oktober 1994 // Zeitschrift für Parlamentfragen. 1995. №2. S.347.

Участие восточногерманских женщин в общественно-политической жизни не ограничивалось лишь активным “протестным” голосованием на выборах всех уровней. В 1990-е гг. в Восточной Германии появилось достаточно много женщин-политиков, которые принадлежали к различным партиям и, исходя из собственного видения оптимального решения социальных проблем новых земель, старались защитить интересы их населения как на региональном, так и на общефедеральном уровнях.

Наиболее успешную карьеру в объединенной Германии сумела сделать бывшая активистка восточногерманского диссидентского движения “Демократический перелом” Ангела Меркель, которая в 1990 г. вступила в ХДС и стала депутатом бундестага, выиграв выборы в избирательном округе в одном из самых социально неблагополучных регионов — Мекленбурге-Предпомерании[*]. В январе 1991 г. молодая женщина-политик заняла пост федерального министра по делам женщин и молодежи, а в 1994 г. возглавила министерство по делам экологии, защиты окружающей среды и безопасности ядерных реакторов. Не менее успешно продвигалась и ее партийная карьера. В декабре 1991 г. А. Меркель стала заместителем председателя ХДС, в 1993 г. — лидером земельной организации христианских

[*] Более подробно об Ангеле Меркель см.: Фрольцов В.В. Почему Ангела Меркель не стала канцлером ФРГ? Политическая биография председателя ХДС // Иной взгляд. Междисциплинарный альманах гендерных исследований / Под ред. И. Чикаловой. Мн., 2002.

демократов в Мекленбурге-Предпомерании, а в 1998 г. заняла пост генерального секретаря — второй по значимости в федеральном руководстве этой партии[11]. Однако вершиной ее политической карьеры стало избрание председателем ХДС в 2000 г., после того как ведущие деятели этой партии были вынуждены уйти из большой политики из-за обвинений в причастности к незаконному финансированию партии. В 2001—2002 гг. А. Меркель рассматривалась как один из наиболее вероятных кандидатов на пост федерального канцлера от христианских демократов. Однако отсутствие реальной поддержки среди консервативно настроенной западногерманской элиты, а также негативный имидж "политика-осси" (т.е. выходца из Восточной Германии) среди части населения западной части ФРГ помешали ей стать таким кандидатом[12].

В мае 2001 г. председателем наиболее радикальной партии левой оппозиции — ПДС — была избрана Габриэла Циммер, которая до этого являлась руководителем фракции левых социалистов в ландтаге Тюрингии. Так в ФРГ появилась еще одна партия, возглавляемая женщиной-политиком из Восточной Германии. Фигура нового лидера ПДС, по мнению ее руководства, должна стать дополнительным фактором для усиления авторитета этой политической силы, которая в 1990-е гг. стремилась стать главным представителем и защитником интересов населения новых земель, в т. ч. восточногерманских женщин[13].

Помимо А. Меркель и Г. Циммер, смогли добиться определенных успехов в сфере политики и многие другие женщины-политики из восточной части ФРГ. В избранном в сентябре 1998 г. бундестаге 14 созыва интересы 5 новых земель представляли 125 депутатов, из них 46, или 37%, — женщины[14]. В таблице 5 показано число женщин-депутатов от каждой из 5 новых земель и восточной части Берлина.

Таблица 5

ЖЕНЩИНЫ — ДЕПУТАТЫ ОТ ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ, ИЗБРАННЫЕ В БУНДЕСТАГ В 1998 г.

Федеральные земли:	**Количество депутатов от каждой земли в бундестаге**	**Число женщин**	**Количество депутатов, избранных в округах**	**Число женщин**
Бранденбург	23	7 (30%)	12	2 (17%)
Мекленбург-Предпомерания	15	7 (47%)	9	4 (44%)
Саксония	37	12 (32%)	21	3 (14%)
Саксония-Анхальт	26	11 (42%)	13	4 (31%)
Тюрингия	25	9 (36%)	12	3 (25%)

Источник: Deutsher Bundestag. 14.Wahlperiode. Bonn: Neue Darmstaedter Verlagsanstalt, 1999. S.47-50.

Среди восточногерманских женщин-политиков регионального уровня следует в первую очередь назвать Регину Хильдебрандт, которая в 1990-е гг. занимала должность министра по

[11] Deutsher Bundestag. 14.Wahlperiode. Bonn: Neue Darmstaedter Verlagsanstalt, 1999. S.176.

[12] Hildebrandt Tina u.a. Tag der freien Aussprache // Spiegel. 2001. №6. S.28-30.

[13] Berg Stefan, Hielscher Almut. "Asyl vor uns selbst" // Spiegel. 2000. №21. S.42-44.

[14] Deutsher Bundestag. 14.Wahlperiode. Bonn: Neue Darmstaedter Verlagsanstalt, 1999. S.47-50.

социальным вопросам в правительстве Бранденбурга и продемонстрировала способность решать многие социально-экономические проблемы этой земли, не обращаясь за помощью к федеральному руководству[15]. В середине 1990-х гг. женщины-министры появились и в правительствах других новых земель[16].

Однако наиболее активно женщины-политики проявили себя в 1990-е гг. в Берлине. Так, член городского правительства Ингрид Штамер возглавила в 1995 г. избирательную кампанию социал-демократов в ходе выборов в берлинскую палату депутатов, сумев тем самым бросить вызов пользовавшемуся значительной популярностью среди берлинцев правящему бургомистру Эберхарду Дипгену. Еще одна активистка СДПГ, Кристина Бергманн, победив на этих выборах в одном из восточноберлинских избирательных округов, вошла в коалиционное городское правительство в качестве заместителя правящего бургомистра, сохранив при этом пост сенатора по вопросам труда и женщин[17].

Еще более широко женщины представлены в руководстве берлинской организации ПДС. Ее лидер Петра Пау в 1998 г. была избрана в бундестаг по избирательному округу Берлин-Центр — Пренцлауэр Берг, на территории которого расположены многие государственные учреждения. Победа именно в этом округе женщины-политика, которая придерживается радикально левых и феминистских убеждений, явилась очередным свидетельством недовольства значительной части восточных немцев политикой федерального правительства в отношении новых земель. В результате выборов 1998 г. сумела сохранить депутатский мандат и заместитель руководителя фракции ПДС в бундестаге Кристина Люфт, которая до этого дважды побеждала в избирательном округе Берлин-Фридрихсхайн — Лихтенберг. Таким образом, в нынешнем составе нижней палаты немецкого парламента депутаты-женщины представляют население 2 из 5 избирательных округов бывшей столицы ГДР[18].

Однако даже столь солидное представительство женщин из Восточной Германии в сфере политики до сих пор не помогло найти эффективный подход к решению социальных проблем, с которыми восточные немки столкнулись в результате включения новых земель в экономическую систему ФРГ. Безработица, усиление гендерного неравноправия в профессиональной сфере, более низкий уровень жизни по сравнению с западной частью страны — все эти вопросы стали ключевыми в ходе начавшейся в Германии в январе 2002 г. избирательной кампании. Однако ни правящая коалиция СДПГ и “зеленых”, ни партии правой оппозиции ХДС-ХСС и СвДП, ни ПДС пока не смогли предложить последовательной программы улучшения социального положения восточногерманских женщин.

Исходя из этого, можно утверждать, что в ближайшие годы в решении социальной проблемы едва ли будет достигнут значительный прогресс, а это, в свою очередь, означает, что противоречия между завышенными социальными запросами восточных немок и отсутствием реальных возможностей для их полной реализации будут углубляться. Это обстоятельство способно обусловить более высокую степень участия восточногерманских женщин в политике, а именно в деятельности тех партий и движений, которые предложат самую радикальную и последовательную программу преодоления усиливающегося гендерного неравенства в новых восточных землях ФРГ.

---

[15] Yoder Jennifer. The Regionalisation of Political Culture and Identity in Postcommunist Eastern Germany // East European Quarterly. 1998. XXXII, №2. P.218.

[16] Schmitt Karl. Die Landtagswahlen 1994 im Osten Deutschlands. Früchte des Föderalismus: Personalisierung und Regionalisierung // Zeitschrift für Parlamentfragen. 1995. №2. S.291-292.

[17] Jesse Eckhard, Michel Marko. Die Wahl zum Berliner Abgeordnetenhaus vom 22.Oktober 1995: Das erneute Bündnis zweier Verlierer // Zeitschrift für Parlamentfragen. 1996. №4. S.599-600.

[18] Deutsher Bundestag. 14.Wahlperiode. Bonn: Neue Darmstaedter Verlagsanstalt, 1999. S.169, 193; Wüllenweber Walter. PDS: “Von Osten her uffbrechen” // Stern. 1995. №47. S.220.

И.И. Юкина

ФОРМИРОВАНИЕ ФЕМИНИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ (вторая половина XIX — начало XX веков)

В пореформенной России Феминистский дискурс формировался в узком кругу образованных женщин. Это была неоднородная по своему социальному происхождению группа. В ней были и выходцы из разночинной среды, и городские дворянки «средней руки», и представительницы элиты. Так, редактор-издательница «Друга женщин» А.И. Волкова принадлежала к известному московскому купеческому роду Вишняковых. Но критический феминистский дискурс объединил этих женщин. Дискурсивная практика российских сторонниц равных прав развивалась как через речевую коммуникацию, так и посредством создания и тиражирования феминистских текстов — публицистики, беллетристики и даже научных исследований. С их образцами мы можем познакомиться на страницах женских журналов[452], справочных изданий для женщин[453], брошюр, издававшихся женскими организациями[454], а также через «основную» прессу[455]. Женская пресса являлась субкультурным ресурсом женского движения, создателем нового дискурса[456]. Появление такой прессы является признаком протестного движения и наличия оппозиционного сознания. Следует заметить, что российские, как тогда говорили, «равноправки» никогда не подменяли разговор о профессионализме, активизме и гражданской позиции своих персонажей разговорами об их личной жизни. Эта особенность феминистских текстов представляется принципиальной позицией — разделять жизнь женщины (как и мужчины) на частную и публичную сферы. Из-за этой установки практически отсутствуют опубликованные биографические данные о русских феминистках — за исключением первых участниц женского движения, жизнеописания которых сделаны в другой культурной традиции и по преимуществу биографами-мужчинами.

В России «женские журналы», издававшиеся и редактировавшиеся женщинами, впервые появились в 1880-е гг. Авторами статей в них также в подавляющем большинстве были женщины. Этих изданий было немного. Они не были коммерческими, не только не приносили прибыли, но, по воспоминаниям, были убыточны и поддерживались за счет личных средств издательниц и пожертвований. Так, московский литературный и научный журнал «Друг женщин» (1882—1884 гг.), с 1883 г. выходивший под эгидой А.И. Волковой, его второй владелицы, прекратил свое существование «за истощением средств, которые она могла тогда лично пожертвовать на это дело, далеко не окупавшееся»[457]. К такого рода изданиям, обращавшихся к образованным женщинам, можно также отнести петербургские литературный журнал «Женское дело» (1898—1900 гг., редактор-издательница А.Н. Пешкова-Толиверова) и ежегодник «Первый женский календарь» (1899—1916 гг., составитель и редактор-издательница П.Н. Ариан). Эти издания правомерно определить в качестве ранних феминистских. Они писали о проблемах женщин, демонстрировали женский взгляд на события окружающего мира, расширяли круг «женских» тем (за счет ранее невидимых или табуированных), формировали новый язык и новую концепцию женщины.

---

[452] См.: «Женский вестник»; «Женское дело»; «Союз женщин»; «Женская мысль».

[453] См.: Спутник женщин. Настольная книга для женщин под редакцией Н.А.Лухмановой. СПб., 1898; Женская энциклопедия. М., 1915.

[454] См., напр., Шахматова Н.А. Что такое феминизм? Реферат. Читанный 12 марта 1912 г. в Московском отделении Российской лиги равноправия. Из-ние Российской Лиги Равноправия Женщин. М., 1912; Гуревич Л.Я. Вопрос о равноправии женщин в Первой Государственной Думе. Из стенографических отчетов о заседаниях Государственной Думы. Пг., Из-ние Всероссийской Лиги Равноправия Женщин, 1917; Покровская М.И. Защитники и противники равноправия женщин в Первой Государственной Думе. Реферат, прочитанный 16 марта 1907 г. в собрании Петербургской клуба Женской прогрессивной партии. Издание Женской прогрессивной партии. СПб., 1907.

[455] См., напр., Шапир О.А. Вопреки обычаю // Новости и Биржевая газета. 1-ое изд. 1891. №132, 14 мая. С.2-3; Ее же: Женское бесправие // Биржевые ведомости. 1916, 16 июля. С.2.

456 Барт Р. Разделение языков // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.

[457] Вертинский И. Анна Ивановна Волкова. Биографический очерк // Волкова А.И. Воспоминания, дневник и статьи. С прил. биогр. очерка, двух фототип. порт. А.И.Волковой и трех указателей. Нижний Новгород, 1913. С.XX.

В начале XX в. круг феминистской периодики расширился за счет петербургского ежемесячного общественного научно-литературного журнала «Женский вестник», «посвященного равноправию и улучшению положения женщин», (1904—1917 гг., редактор-издательница М.И. Покровская)[458]; петербургского журнала «Союз женщин», «посвященного вопросам, связанным с борьбой за равноправие женщины и, главным образом, за ее избирательные права как первому необходимому шагу на пути ее освобождения», (1907—1909 гг., редактор-издательница М.А.Чехова)[459] и киевского двухнедельного художественно-литературного журнала «Женская мысль», «посвященного женскому равноправию и улучшению экономического положения женщин», (1909—1910 гг., редактор М.П. Свободина)[460]. Эти феминистские издания определили собственные специфические темы, не поднимавшиеся «основной» прессой, предложили иное направление анализа, критиковали общественные стереотипы, создавали феминистский дискурс. В них гендерное неравенство признавалось основой всех социальных конфликтов. Со страниц журналов раздавался голос женщины-гражданки, чутко реагировавшей, чаще всего через деятельность женских организаций, на политические события, включенной в созидательную, гуманистическую деятельность «русской общественности» и этим менявшей социальный и политический контекст своего времени.

Силами участниц женского движения, среди которых было немало профессиональных писательниц, литературных работниц и журналисток, развивалась феминистская беллетристика. Возможности художественного текста использовались ими для иллюстрации своих идей на страницах феминистских изданий. Наряду с малохудожественными, но «идейными» рассказами и зарисовками, появлялись и настоящие бестселлеры, вызывавшие живой интерес публики и критики. В первую очередь это относится к произведениям Ольги Шапир — популярной писательницы рубежа веков. О. Шапир исследовала феномен «новой женщины», выражала позицию, жизненные устремления этой группы женщин, выступала адвокатом их прав и свобод. Она продемонстрировала обществу новый, неизвестный образ русской женщины — сильной не жертвенностью и самоотречением (чертами, которые в русской литературе рассматривались как составляющие идеала русской женщины), но обеспокоенной собственной судьбой, имеющей собственные интересы в жизни и не подменяющей их интересами семьи и детей. На страницах своих романов О. Шапир провозгласила новые женские добродетели: прагматизм, профессионализм, работоспособность, самодостаточность, свободу от «рабства любви». Ее героини стремились к тому, чтобы «… быть свободной! Человеком быть, а не женщиной»[461]. Феминистские воззрения писательницы удачно сочетались с ее беллетристическим даром и популяризировали идеи женской самостоятельности, женской субъективности, отторжения «власти рода». Они оказались актуальными и востребованными российской читающей публикой.

Что касается научных исследований, то потребность в знаниях о женщинах стала очевидной далеко не сразу. В 1860-е гг., в период постановки и формулирования «женского вопроса», проблема представлялась довольно ясной: поскольку социальные роли женщины рассматривались через призму ее биологических особенностей, то и обоснование необходимости расширения рамок женской активности аргументировались «природным предназначением женщины». Идея «просвещенного материнства», идея милосердия и сострадательности как качеств имманентно присущих женщинам были очень популярны в среде «прогрессистов». Все эти идеи носили утилитарно-прикладной характер и потому послужили толчком к ряду инновационных проектов, инициированных мужчинами. Рассматривая женщину как социальный резерв, «печальники женского вопроса» аргументировали необходимость и полезность использования «свойств и качеств женщины, которые ей даровала сама природа», на нужды общества. Наиболее известные из этих инициатив — подготовка сестер милосердия известным хирургом Н.И. Пироговым для участия в Крымской войне, открытие в Петербурге в 1858 г. по инициативе известного педагога В.Н.

---

[458] Женский вестник. 1904. №1. С.1.

[459] Союз женщин. 1907. №1. С.1.

[460] Женская мысль. 1909. №1. С.1.

[461] Шапир О.А. Дорогой ценой // Собр. соч. СПб., 1910. Т.4. С.187.

Острогорского общедоступных женских гимназий с целью просвещения девочек — будущих матерей; издание в 1859—1862 гг. отставным артиллерийским офицером В.А. Кремпиным журнала наук, искусств, литературы для взрослых девиц «Рассвет». Смыслом и целью жизни женщины определялось не только личное материнство, но социальное материнство, и в этом современники-мужчины видели смысл женской эмансипации — «воспитание себя для борьбы и жертвований — вот где должна она искать эмансипации»[462]. Сами женщины отнюдь не возражали против такой постановки вопроса, напротив, встречали его с воодушевлением[463]. Под лозунгом использования «природных качеств женщин на пользу обществу» состоялся их прорыв в публичную сферу.

Общероссийская дискуссия по «женскому вопросу» возбудила исследовательский интерес к этой теме. Женщина стала объектом поло-детерминированных исследований. Юристы, историки, этнографы, литературные критики стали разрабатывать женскую тему[464]. Особенно активно изучалось прошлое русской женщины[465]. В исторических исследованиях разрабатывались традиционные темы женского труда, исторического прошлого женщин и новые темы, в частности, — истоков гендерного неравенства, причин подчиненного положения женщин. Очень часто эти исследования публиковались на страницах женских журналов. Была даже предложена исследовательская стратегия — увидеть историческую эпоху через роль в ней женщины. По этому поводу Д.Л. Мордовцев писал: «История русской женщины не только пополняет собой русскую историю вообще, но и уясняет ее более чем вся сумма прочих исторических материалов"[466]. Характерно, что сам термин «история женщин» как направление исследований в исторической науке впервые прозвучал на страницах женского журнала: «История

---

[462] Пирогов Н.И. Вопросы жизни. // Морской сборник. 1856. №9, июль. С.595.

[463] См., напр., А. Жалоба женщины // Современник. 1857. №5. С.56-65; А.С. Отрывок из письма дамы о женском воспитании в городе N. // Воспитание. 1860. № 2. С.107-113; А. Х-ва. Письма к русским женщинам // Журнал для воспитания. 1857. №1. С.41-52; №3. С.304-321; А. Х-ва. Письма к русским женщинам. О недостатках современных женщин, в зависимости от их малообразованности // Журнал для воспитания. 1860. №2. С.114-128; №3, с.161-175; Бурнашева К. Мы сами женщины виноваты // Журнал для воспитания. 1858. №1, отд. 3. С.252-256; В-ая. Отголосок на "Жалобу женщины". // Современник. 1858. №2. С.366-374; Надежда Д<естунис> Чему мы, женщины, учились? // Русская беседа. 1859. №3. С.21-50; Словцова-Камская Е.А. Женщина в семье и обществе (написано в 1860 г.) // Исторический вестник. 1881. №8. С.765-782.

[464] См., напр., Афанасьев А.Н. Литературные труды княгини Е.Р.Дашковой // Отечественные записки. 1860. Т.126. С.181-218; Буслаев Ф.И. Идеальные женские характеры Древней Руси // Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т.2. С.238-268; Веселовский А. Из истории развития личности: Женщина и старинные теории любви // Беседа. 1872. №3. С.245-299; Ешевский С.В. Царствование Елизаветы Петровны // Отечественные записки. 1868. №5-7; Ефименко А.Я. Крестьянская женщина // Дело. 1873. №2; Лудмер А.Я. Бабьи дела в мировом суде // Юридический вестник. 1885, №11; Лудмер А.Я. Бабьи стоны: Из заметок мирового судьи. // Юридический вестник. 1884. №11. С.446-447; №12, с.658-679; Михневич О.В. Женское правление и его противники // Исторический вестник, 1882. №2. С.261-271; Щапов А.П. Значение народной женщины в антропологическом и социальном развитии русской народности // Щапов А.П. Соч. СПб., 1906. Т.2. С.31-54; Щапов А.П. Влияние общественного миросозерцания на социальное положение женщины в России // Щапов А.П. Соч. СПб., 1906. Т.2. С.55-101; Щапов А.П. Положение женщины по допетровскому воззрению // Щапов А.П. Соч. СПб., 1906. Т.2. С.105-154; Харламов И. Женщины в русской семье // Русское богатство. 1880. №3. С.59-107; №4, с.57-111.

[465] См., напр., Шульгин В.Я. О состоянии женщины в России до Петра Великого. Киев, 1850; Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI—XVII вв. // Соч. в 2 тт. Т.2, М., 1872; Женщина по понятиям старинных книжников // Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872; Мордовцев Д.Л. Русские женщины нового времени. В 3 тт. СПб., 1874; Михневич В.О. Русская женщины XVIII столетия. Исторические этюды. Киев-Харьков. 1895; Шашков С.С. Исторические судьбы женщины. Детоубийство и проституция. СПб., 1871; Очерк истории русской женщины. СПб., 1872; История русской женщины. СПб., 1879.

[466] Мордовцев Д.Л. Русские женщины нового времени. В 3-х тт. СПб., 1874.Т.2. С.IX.

женщин есть существенная часть общей истории человечества», — писала В. Смирнова[467]. Соглашаясь с принятой установкой что «очерки жизни и деятельности исторических женщин разных эпох и разных народностей <…> служат хорошей иллюстрацией к истории женщин»[468], автор предлагает и другое направление анализа: “Расположенные в хронологическом порядке эти характеристики (деятельности женщин — И.Ю.) дают понятие о некоторых эпохах в истории женщин”[469].

Принципиально новый этап в научных исследованиях связан с вступлением самих женщин на поприще науки, хотя не все женщины-историки придерживались феминистских воззрений. В конце XIX в. профессиональная карьера в качестве ученого была уделом единиц образованных женщин. Их нанимали на непрестижные, «невидимые» должности переписчиц, домашних секретарей, переводчиц. Тем не менее, получив исследовательский опыт, они начинали разрабатывать собственные темы, делая объектом исследования женщин[470]. Например, это произошло с Н.А. Белозерской, которая работала на историка Н.И. Костомарова, делая для него выписки в Публичной библиотеке; писала рецензии в исторические журналы за Д.Л. Мордовцева; переводила исторические романы и исследовательские работы для «Исторического вестника»[471].

Можно без преувеличения сказать, что труды женщин о женщинах в истории[472], литературе[473], политике[474], экономике (о труде женщин)[475] были

---

[467] Смирнова В. Исторические женщины по Шерру // Друг женщин. 1883. №3. С.65.

[468] Там же. С.66.

[469] Там же.

[470] Белозерская Н.А. Княгиня Зинаида Александровна Волконская // Исторический вестник. 1897, март-апрель; Ее же: Княгиня Д.Х.Ливен // Исторический вестник. 1898, март; Женский вопрос. Исторические очерки // Женское дело. 1899. №1. С.3-23; №2, с.27-49; №3, с.24-41; № 5, с.59-82; Женщина в Греции // Женское дело. 1899. №1, 2; Римлянки // Женское дело. 1900. №2-3; Происхождение императрицы Екатерины I // Исторический вестник. 1902. №1

[471] Белозерская Н.А. (Надежда Александровна Белозерская, урожденная Генъ) Автобиография // Исторический вестник. 1913, июнь. С.933.

[472] См., напр., Горбунова М.К. Положение женщин в средние века в Западной Европе // Друг женщин. 1883. №2. С.56-68; №3, с.80-96;Ефименко А.Я. Крестьянская женщина // Дело. 1873. №2; Ее же. Народные юридические воззрения на брак // Знание. 1874. №1. С.1-45; Щепкина Е.Н. Воспоминания и дневники русских женщин // Исторический вестник. 1914. №8. С.536-555; Женское население Петербурга. // Образование, 1897. №5-6. С.218-232; Женщины в русских университетах // Вестник Европы. 1912. №9. С.362-377; Из истории женской личности в России. Лекции и статьи. СПб., 1914; Женское движение в годы Французской революции. Пб., 1921.

[473] См., напр., Колтоновская Е. Женские силуэты. СПб., 1912; Лухманова Н. Женщина как объект литературы // Спутник женщин. Настольная книга для женщин под редакцией Н.А.Лухмановой. СПб., 1898, с. 36-43; Николаева М.К. (Цебрикова). Наши бабушки. По поводу женских характеров в романе “Война и мир” // Отечественные записки. 1868. №6. С.167-192; Ее же: Превыспренные героини // Русское богатство, 1891. №12. С.101-164; Жорж Санд // Отечественные записки. 1877. №6; Женские типы Джорджа Элиота // Женское дело. 1899, кн. IX (сентябрь). С.20-38; кн. X (октябрь), с.23-55; кн. XI (ноябрь), с.67-79; кн. XII (декабрь), с.90-120; Из огня да в полымя // Вестник Европы. 1871, кн. 6. С.603-647; Псевдоновая героиня // Отечественные записки. 1870. №5; Русские женщины-писательницы // Неделя. 1876. №13-14. С.430-443; №21-22; Щепкина Е. Женская личность в старой русской журналистике // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. №7, отд.2. С.80-119; Она же: Дамские и модные журналы былых времен. Библиографическая заметка // Союз женщин. 1909. №5-6. С.24-26; Женские типы Пушкина // Вестник Европы. 1911. №6; Литература о женщинах // Союз женщин. 1909. №7-8. С.9-12; Чебышева-Дмитриева Е. Русская женщина в изящной литературе и журналистике // Женское дело. 1900. №8-9; Янчевская М.М. Женщины у Вейнингера. СПб., 1909.

[474] См., напр., Вахтина М.Л. Роль женщины в исторической революции и другие доклады. СПб., 1911; Исполатова С. Самосознание женщины как фактор обновления общественного строя. Изд. 2-ое (доп). М. 1917; Клирикова О.Н. Женская культура. СПб., 1909; Кальманович А.А. Конечная цель женского движения // Союз женщин. 1908. №19. С.3-7; Чеботаревская А. Женщины настоящего и

социальным заказом движения, развивались как его когнитивная практика и формировали феминистский дискурс.

Тенденция развития «женских исследований» силами активисток феминистского движения, проявившаяся в Западной Европе, повторилась и в России. Характерным примером может служить основание в 1904 г. Комиссии по исследованию женского труда при Русском женском взаимно-благотворительном обществе для сбора информации об участии женщин в общественном производстве, изучения их правового положения и условий их работы. Комиссия собирала статистический материал, обсуждала доклады исследовательниц, влияла на тактику своей «материнской» организации[476]. Автор фундаментального исследования по женскому образованию Е.Ф. Лихачева, историк российского женского движения Е.Н. Щепкина, врач-гигиенист М.М. Волкова, статистик и историк М.К. Горбунова, юрист А.М. Евреинова являлись участницами русского женского движения. Даже та малочисленная группа женщин-ученых, которые сумели сделать профессиональную карьеру в науке и не занимались специально «женскими исследованиями», выражали свое сочувствие движению. Это — математик С.В. Ковалевская, чье имя связанно с деятельностью многих женских организаций; историк А.Я. Ефименко, организовавшая общество трудовой помощи женщинам; философ М.В. Безобразова, передавшая гонорар за публикацию своих воспоминаний «на нужды женского дела». Это был знак корпоративной солидарности.

На страницах феминистских изданий мысль о языке, приспособленном для выражения мужской жизненной позиции, мужской активности, не копцептуализировалась и не формулировалась, но проблема эмпирически была определена — невозможность использования имеющегося языкового инструментария для описания женской активности. Появились устойчивые выражения типа «мужское правосудие»[477], «мужское чванство»[478] и др., демаркирующие посредством языка разделение общества по гендерному признаку на «мы» и «они», демонстрирующие собственную отстраненность. Была предпринята попытка изменить существующие в языке стереотипы половой дифференциации, приспособить его для описания собственной практики, ввести в употребление термины, обозначающие профессиональную и общественно-политическую деятельность женщин. Это было обособление языковыми средствами своего направления в широком потоке общественных движений. С другой стороны, это обособление, отмежевание от внешнего мира способствовало процессу формирования коллективной идентичности внутри движения. Обращение «сестры»[479], употребление в отношении своих коллег понятий «равноправки», «феминистки», «мы», «наши» было обычным

будущего. СПб., 1909; Чего ждет русская женщина. Доклады, читанные на публичном собрании, организованном Всероссийской Лигой Равноправия Женщин 18 ноября 1916 г. Пг., Из-ние Всероссийской Лиги Равноправия Женщин, 1917.

[475]Вернадская М.Н. Аристократический труд // Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб., 1862. С.325-333; Она же: Еще о женском труде. // Там же. С.136-146; Назначение женщины // Там же. С.116-135; Свобода выбора труда // Там же. С.83-93; Булгакова Е.И. Страничка из жизни киевских работниц. Киевское отд. Российского общества защиты женщин. Киев, 1906; Пальчинская Н. Женский труд в Англии. Впечатление от франко-британской выставки // Союз женщин. 1908. №9. С.13-16; Пальчинская Н. Участие женщин в движении безработных в Англии // Союз женщин. 1909. №2. С.3-9; Пружанская М.О. Материалы для истории медицинского прошлого женщины // Медицинское обозрение. 1883, т. XX, июль. С.126-136; т. XX, октябрь, с.561-589; Сольская Ольга. Работница и страхование. СПб., 2-е изд., 1913; Турже-Туржанская Е. Белые невольники (Домашняя прислуга в России). Смоленск, 1906; Тыркова А. Женский труд и проституция // Русская мысль. 1910. №6.

[476] Русское женское взаимно-благотворительное общество. Отчет за 1906 г. СПБ, 1907. С.152.

477 Покровская М.И. Женщина и суд // Женский вестник. 1910. №11. С.217-219.

478 Женское дело. 1900. №3. С.77.

479 Женский вестник. 1917. №5-6. С.1.

делом в феминистской периодике и женских изданиях той поры. Несмотря на унифицирующее давление языка официальной прессы, культурной традиции, многие понятия из словаря равноправок вошли в политический дискурс того времени и активно использовались. Сегодня они звучат странно, а некоторые из них воспринимаются просто как языковая аномалия.

На рубеже веков словарь равноправок пополнился такими понятиями, которые «*заставляли* говорить те явления, которые им определялись»[480]: «авиаторша»[481], «ассистентка»[482], «ветеренарша»[483], «делегатка»[484], «депутатка»[485], «диспутантка»[486], «доверительница»[487], «докторша»[488], «журналистка»[489], «защитница женских политических прав»[490], «инициаторша», «кастелянша»[491], «конгрессистка»[492], «контролерша»[493], «корректорша»[494], «лектрисса»[495], «лекторша»[496], «магистрантка»[497], «маслоделка»[498], «операторша»[499], «ораторша»[500], «организаторша», «истица» — «ответчица»[501], «присяжная переводчица»[502], «политико-экономистка»[503], «председательница»[504], «фельдшерица»[505], «филантропка»[506], «юристка». Это был не жаргон, это был другой язык — язык другой «профессиональной и социальной зоны»[507].

Русский язык обогатился понятиями «гимназистка», «епархиалка», «курсистка», «вольнослушательница». Появилось слово «дьяконисса»[508] в связи с попыткой ввести в 1911 г.

---

480 Барт Р. Разделение языков // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С.524.

481 Женский вестник. 1910. №10. С.216.

482 Женская энциклопедия. М., 1915. Т.1. С.205.

483 Друг женщин. 1884. №7. С.104.

484 Мирович Н. Женское движение в Европе и Америке. М., 1907. С.10.

485 Сборник на помощь учащимся женщинам. М., 1901. С.247.

486 Женщина, защищающая свою диссертацию на ученом диспуте с целью получения ученой степени магистра, доктора // Женская энциклопедия. М., 1915. Т.1. С.205.

487 Женщина, выдавшая доверенность // Женская энциклопедия. М., 1915. Т.1. С.103.

488 Друг женщин. 1884. №7. С.104.

489 Женская энциклопедия. М., 1915. Т.1. С.205.

490 Сборник на помощь учащимся женщинам. М., 1901. С.245.

491 Женская энциклопедия. М., 1915. Т.1. С.205.

492 Мирович Н. Женское движение в Европе и Америке. М., 1907. С.10.

493 Женское дело. 1899. №12. С.152.

494 Женская энциклопедия. М., 1915. Т.1. С.205; Друг женщин. 1883. №4. С.1.

495 Профессиональная чтица. // Женская энциклопедия. М., 1915. Т.1. С.206.

496 Женское дело. 1899, кн.1. С.143; Женский вестник. 1910. №10. С.214; Союз женщин. 1908. №2. С.18.

497 Женщина, выдержавшая экзамен на степень магистра, но еще не защитившая магистерскую диссертацию // Женская энциклопедия. М., 1915. Т.1. С.205.

498 Друг женщин. 1882. №3. С.79.

499 Женщина-врач, производящая операцию // Друг женщин. 1883. №7. С. 81.

500 Союз женщин. 1908. №12. С.279.

501 Женская энциклопедия. М., 1915. Т.1. С.209.

502 Женщина, исполняющая обязанности переводчицы в суде // Женская энциклопедия. М., 1915. Т.1. С.207.

503 Сборник на помощь учащимся женщинам. М., 1901. С.245.

504 Там же. С.250.

505 Женская энциклопедия. М., 1915. Т.1. С.209; Друг женщин. 1884. №7. С.104.

506 Сборник на помощь учащимся женщинам. М., 1901. С.250.

507 Барт Р. Разделение языков // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С.524.

508 Там же. С.205.

институт дьяконисс в России и созданием первой общины в Москве. Создавался ассоциативный, символический ряд профессиональной и общественной деятельности женщин. Понятия осмыслялись, обкатывались в публицистике, рефлексировались в беллетристике, научных трудах. Так, публицистические статьи расширили смысловое поле, изменили коннотации и частоту употребления таких понятий как «прогрессистки»[509] — не только деятельницы общественных, преимущественно радикальных движений, но и члены Женской прогрессивной партии; «феминистки»[510] — не только в отношении участниц международного женского движения, но и в отношении россиянок; понятие «артельщица» в трактовке равноправной с мужчинами-артельщиками женщины-члена артели[511], «воспитательница» как род профессиональной деятельности. В беллетристике мы находим отражение процессов самоидентификации женщин, рефлексию на эту тему собственного самоопределения. Говорит героиня рассказа М. Скавронской "Записки корректорши", опубликованного в женском журнале «Друг женщин»: «Я корректорша. Так называют и называли меня во многих типографиях, в которых я читала корректуру. Очевидно, что слово корректорша не правильно и должно означать жену корректора, а не женщину, занимающуюся корректурой. <…> Понимая неверность окончания в слове корректорша, некоторые авторы, сочинения которых я корректировала, пытались называть меня корректриссой, славянофилы называли меня корректоркой, но ни то, ни другое окончательно не утвердилось, и меня продолжают называть корректоршей, так по примеру других называю и я себя»[512].

Активистки движения, помимо сотрудничества с прессой, практически все занимались просветительской деятельностью и активно работали с широкой публикой, выступали с докладами, лекциями и рефератами. Это была и общественная деятельность, и вид заработка. Так, по воспоминаниям сына известной журналистки и писательницы А.В. Тырковой, мы знаем, что у Ариадны Владимировны был разработан цикл лекций по «женскому вопросу», с которыми она выезжала в провинцию на заработки[513]. Пафосом и риторикой ее лекций, судя по запискам И.С. Книжника-Ветрова, законспектировавшего одну из них, были развитие идеи о глобальном значении «женского вопроса»[514]. На обширном материале Тыркова доказывала, что «женский вопрос» — не женский, а общечеловеческий и призывала женщин к духовной борьбе за свободу от внутреннего рабства, традиций, сковывавших женскую инициативу. Она считала необходимым через «политическое и духовное творчество коллектива» влиять на политику и культуру в интересах не только женщины, но и общества. Председательница Женской прогрессивной партии М.И. Покровская неизменно выступала на тему проституции, будь то съезд ремесленников или студенческая аудитория, интерпретируя тему в соответствии с уровнем и запросами аудитории. На съезде ремесленников она говорила о нуждах петербургских ремесленниц и «выталкивании» их в проституцию[515]; на лекции перед студентами в Юрьеве-Дерпте в 1910 г. — о «врачебно-полицейском контроле за проституцией с этической и санитарной точек зрения». Пафосом ее выступлений была защита «падших сестер» — жертв «социальной организации общества» и мужского лицемерия. Заканчивались ее речи, как правило, призывом к мужчинам отказаться от пользования проституцией, к обретению нравственной и физической чистоты.

---

509 Союз женщин. 1908. №2. С.12.

510 Ватсон М. Международный женский конгресс в Париже // Женское дело. 1900, кн. VI-VII. С.146-157.

511 Женская энциклопедия. М., 1915. Т.1. С.219.

512 Скавронская М. Записки корректорши // Друг женщин. 1882. №4. С.19.

513 Борман А.А. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн. Вашингтон, 1964.

514 Книжник-Ветров И.С. Ф.352, оп.1. №1529.

515 Хроника // Женское дело. 1900. Кн.V. С.133.

Мода на лекции по «женскому вопросу» всколыхнула страну в период подготовки Первого женского съезда (декабрь 1908 г.) и долго не спадала после него. Равноправки поддержали этот интерес публики. В Петербурге постоянным местом публичных лекций и дискуссий по «женскому вопросу» был зал Соляного городка (ул. Пантелеймоновская, д.2). Даже отрывочные сведения о выступлениях в нем дают представление о спектре обсуждавшихся проблем и политических лидерах, их презентировавших: «Семейный вопрос при свете социализма» (январь 1908 г., выступление Александры Коллонтай); «Роль права и нравственности в борьбе с проституцией» (26 апреля 1910 г., выступление известного юриста А.П. Елистратова); «Ответ на женский вопрос» (10 февраля 1914 г., публичное собрание Русского Женского Взаимно-Благотворительного Общества); «Новая женщина в борьбе за счастье» (22 февраля 1914 г., лекция А.В. Тырковой).

Особенное внимание равноправки оказывали провинции. «Лекторши» разъезжали по городам и весям с речами о «политическом, экономическом и моральном бесправии <...>, тяготеющем над всем бабьим царством»[516]. Так, лекция А.А. Кальманович «История женского движения и его задачи» имела успех в Ростове-на-Дону, Нахичеване, Таганроге, Армавире, где, по свидетельству Союза женщин, она прочла ее 22 раза[517]. Тыркова зимой 1909 г. посетила Минск, Вильно, Ковно, Белосток, Гродно. Это было не только словесное оформление общественной деятельности, но собственно сама политическая деятельность. «Большинство из того, что происходит в социальной сфере <…> опосредуется языком, <…> побуждается и стимулируется языком, задается и программируется языком <… >. Нужные слова, подходящие по времени фразы и более сложные формы речи — настоящий ритуальный вербализм — являются мощными факторами действенных перемен в социальных действиях и взаимодействиях»[518].

На таких публичных мероприятиях лидеры достигали согласия по поводу постановки проблем, приходили к единому пониманию понятий, категорий, терминов, при помощи которых описывали социальную реальность. «Познание <...> категорий, которые делают социальный мир возможным, суть, главная задача политической борьбы, борьбы столь теоретической, сколь и практической, за возможность сохранить или трансформировать социальный мир, сохраняя или трансформируя категории восприятия этого мира»[519]. Результатом являлось формирование новых интеллектуальных рамок, парадигм, в которых описывался, познавался и изменялся окружающий мир. Дуэли с идеологическими противниками, обмен идеями и аргументацией приводили к достижению политической цели — воздействию на мировоззрение аудитории, иногда к сближению позиций.

Публикации, речи, диспуты, лекции рождали новые мысли, аргументацию, новую духовность и реальность, вливались в общий поток оппозиционных настроений: «обострение женского сознания, желание бороться за право, за свободу, за всю полноту человеческой личности, были ценным вкладом в историю развития русской общественности…»[520] Результатом являлось изменение концептуальной картины мира, расширение горизонтов самих участниц движения и им сочувствовавших. Эта перемена стала мощным мобилизационным ресурсом для самого феминистского движения.

---

516 В провинции // Союз женщин. 1909. №5-6. С.20.

517 Союз Женщин. 1907. №4. С.20.

518 Hertzler J.O. A Sociology of Language. N.Y. 1965. Цит. по Ушакин С.А. Речь как политическое действие // Полис. 1995. №5. С.142.

519 Бурдье П. Социология политики. М., 1993. С.66.

520 Тыркова А.В Анна Павловна Философова и ее время // Сб. Памяти А.П. Философовой. СПб., 1915. Т.1. С.434.

И.Р. Чикалова

И.АРМАНД И А.КОЛЛОНТАЙ: ФЕМИНИЗМ, КОММУНИЗМ И ЖЕНСКИЙ ВОПРОС РОССИИ

Инесса Арманд и Александра Коллонтай были первыми руководителями созданного ими в 1919 г. женотдела для решения женского вопроса в условиях политического хаоса первых лет большевистской власти. Начиная с 1970-х гг. жизнь, творчество и взгляды А. Коллонтай были подробно исследованы западными специалистами, благодаря которым она предстала как одна из ключевых фигур не только социалистического, но и феминистского движения. Ее теоретические работы оказали сильное влияние на англо-американских феминисток, среди которых имя Коллонтай стало более популярным, чем в самой России. Что касается И. Арманд, то она была политически менее независима и не так ярка, более предсказуема, чем Коллонтай. Если она и упоминается в западной и русскоязычной литературе, то в основном в качестве протеже В.И. Ленина и его предполагаемой пассии, всегда остававшейся у него в тени. Ради справедливости следует заметить, что полоса забвения была прервана появлением в 1992 г. монографии Ральфа Элвуда о ней[521]. Безусловно, будучи ровесницей Коллонтай, но прожив значительно более короткую жизнь, Арманд и написала намного меньше, и осталась в истории скорее пропагандистом и практическим организатором работающих женщин, чем теоретиком. Обе они — и Коллонтай, и Арманд — имели необычные для женщин их происхождения биографии, в связи с чем некоторые факты из них заслуживают быть отмеченными.

Некоторые факты из биографий А. Коллонтай и И. Арманд

Александра Михайловна Коллонтай (1872—1952) родилась в Санкт-Петербурге в семье генерала, получила соответствующее ее среде домашнее образование и воспитание. С детства много читала, что позволило сформировать независимое мышление. В 16 лет сдала экстерном экзамен на аттестат зрелости за гимназический курс. Затем посещала частные курсы, занималась под руководством известного историка литературы В.П. Острогорского. В 1893 г. вышла замуж, как впоследствии сама она писала, «отчасти в виде акта протеста против воли родителей», но мир семейного благополучия был слишком тесен для нее, и в 1897 г. оставляет мужа, сохранив его фамилию. В 90-х гг. Коллонтай работает в культурно-просветительских обществах, склоняясь к народничеству и терроризму. Приобщение к рабочему движению побудило ее примкнуть к марксистскому лагерю. В 1898 г. Коллонтай публикует первую свою работу: «Основы воспитания по взглядам Добролюбова» и в том же году уезжает учиться в Цюрихский университет. Пробыла Коллонтай в Швейцарии, а затем и в Англии недолго, но знакомство с европейским социалистическим движением укрепило ее марксистские убеждения. По возвращении в 1899 г. в Россию писала статьи, во время новых поездок за границу установила личные контакты с К. Каутским, Р. Люксембург, П. Лафаргом, Г.В. Плехановым, включилась в политическую борьбу. До 1906 г. разделяла платформу большевиков, разойдясь с ними, вошла в меньшевистскую фракцию и лишь в 1915 г. вновь вступила в большевистскую партию. Угроза судебного преследования заставила Коллонтай бежать из России, и с 1908 по 1917 г. она находилась в политической эмиграции. Там она стала убежденной феминисткой, опубликовала ряд статей по женскому вопросу, дискутируя по проблемам "семья и домашний труд", "материнство", "семейные отношения", "сексуальность", "проституция". Ее статьи, и политическая пропаганда были направлены против западных феминисток из среднего класса (буржуазных феминисток в терминологии того времени).

---

[521] Elwood Ralph Carter. Inessa Armand: Revolutionary and Feminist. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

После возвращения из эмиграции Коллонтай активно участвует в подготовке революции. На VI съезде РКП(б) ее избирают членом Центрального Комитета. Она становится членом Исполкома Петроградского и Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов, а после Октябрьской революции — народным комиссаром государственного призрения в первом советском правительстве. После смерти Арманд в 1920 г. возглавила женотдел при ЦК РКП(б).

Проблемы А. Коллонтай начались на пике ее карьеры. Любовная связь и выход замуж за члена российского правительства бывшего матроса Павла Дыбенко, который к тому же был на целых 17 лет младше ее, спровоцировали саркастические комментарии со стороны коллег, включая Ленина. Последний не разделял ни ее политических, ни феминистских идей. Разногласия между Коллонтай и Лениным в особенности возросли в связи с ее участием в «рабочей оппозиции», требовавшей невмешательства РКП(б) в работу советских и профсоюзных органов, передачи профсоюзам вопросов организации и управления производством. Разгром «рабочей оппозиции» на X съезде партии повлек устранение Коллонтай с ключевых постов, и в 1921—1922 гг. она работала секретарем Международного женского секретариата при Коминтерне. Переход на дипломатическую работу отдалил Коллонтай от внутрипартийной борьбы и, возможно, спас от репрессий. В 1922 г. она получает назначение в Норвегию, где работает в представительстве СССР сначала советником, затем временным поверенным в делах, а с 1924 г. — полпредом и торгпредом. Коллонтай стала первой женщиной в столь высоком дипломатическом ранге. В 1926—1927 гг. она — полпред СССР в Мексике, в 1927—1930 гг. снова полпред в Норвегии, а с 1930 по 1945 г. полпред, а затем посланник в Швеции. После возвращения в Москву до конца жизни Коллонтай работала советником в Министерстве иностранных дел.

Инесса Федоровна Арманд (урожденная Стеффен, 1874—1920) родилась в Париже в актерской семье. После смерти отца Инессу забрали в Москву бабушка и тетя, благодаря которым она смогла получить всестороннее образование. В 18 лет вышла замуж и родила пятерых детей от Александра Арманд, русско-французского промышленника, филантропа, депутата Московской городской думы с 1901 г., которого оставляет, влюбившись в его младшего брата Владимира, своего ровесника и студента Московского университета. С 1904 г. являлась членом РСДРП, активно участвовала в революции 1905—1907 гг., неоднократно арестовывалась. В 1909 г. эмигрировала за границу, обосновалась в Брюсселе, а затем в Париже, где жили В.И. Ленин и Н.К. Крупская. В эмиграции работала секретарем Комитета заграничной организации РСДРП. В 1912 г. нелегально вернулась в Россию и в качестве представителя ЦК партии занималась в Петербурге подготовкой к выборам в IV Государственную думу. Была арестована, но в 1913 г. бывший муж Инессы добивается ее освобождения под залог и помогает выехать сначала в Краков, а затем в Париж. В 1914 г. Инесса становится близким другом Ленина, история их отношений длится около двух лет. В годы Первой мировой войны участвовала в работе 3-й международной конференции женщин-социалисток в Берне (1915 г.), международной конференции пролетарской молодежи (1915 г.), конференциях социалистов в Циммервальде (1915 г.) и Кинтале (1916 г.). После Февральской революции вернулась в Россию. С утверждением Советской власти работает в Москве, занимая посты члена губкома партии, губисполкома и председателя губсовнархоза. С 1918 г. вплоть до своей преждевременной кончины в 1920 г. являлась заведующей женотделом при ЦК РКП(б). В эти годы под псевдонимом Елена Блонина опубликовала десятки статей в газете "Правда" и журнале "Коммунистка", несколько памфлетов, в которых страстно защищала требование равных прав для женщин.

Семья, домашний труд и материнство

Поскольку Коллонтай и Арманд в качестве определяющего фактора социального устройства видели классовые, а не гендерные отношения, анализ гендерных ролей и их

трансформация не были центральной темой их теоретических работ. Главный фокус они делали на освобождении женщин от тягот домашнего труда. Обе, и Коллонтай и Арманд, в вопросе женских прав придерживались опиравшейся на марксистскую доктрину концепции пролетарского феминизма. Маркс не усматривал в эксплуатации женщин особой специфики, которая отличала бы ее от угнетения мужчин в капиталистической системе. Он не считал, что у женщин могут быть какие-то особые проблемы, которые нельзя было бы поставить и решить отдельно от общеклассовых и общеэкономических. Две ключевые работы находятся у основания пролетарского марксистского феминизма — "Происхождение семьи, частной собственности и государства" Ф. Энгельса и "Женщина и социализм" А. Бебеля, вышедшие в 1884 и 1885 гг. соответственно. Вторая приобрела особенно широкую популярность в Западной Европе и США. В основе теоретической концепции пролетарского феминизма находились три основных постулата:

1. Женщины-рабочие угнетены капиталистической системой в той же степени, что и мужчины, поэтому они должны присоединиться к классовой борьбе рабочих против политического и экономического угнетения.

2. Поскольку женщины разделены между собой в соответствии с классовой структурой, в обществе не существуют специфические женские интересы, отличные от классовых, и нет женских проблем, которые могли бы быть сформулированы отдельно от общих классовых и экономических. Правда, Бебель, в частности, допускал некоторое сглаживание противоречий между женщинами разных классов вследствие того, что у них все-таки есть определенные общие проблемы и интересы. Например, существующая моногамная семейная структура выступает в качестве инструмента обеспечения мужского превосходства. Но и при этом союзы между пролетарскими женщинами и женщинами из буржуазной среды возможны только для осуществления высшей цели — помощи мужчинам-рабочим в их борьбе за преобразование капиталистического общества в социалистическое.

3. Полная эмансипация женщин возможна только при социализме, ибо тогда будут исключена основная причина их эксплуатации — частная собственность на средства производства.

Хотя Коллонтай и Арманд, вслед за Марксом и его последователями, были убеждены, что решение проблемы женской эмансипации может произойти только при социализме, они первыми среди российских социал-демократов подошли к идее, что должны быть найдены особые подходы к работающим женщинам. Обе они считали, что решение женского вопроса лежит скорее в обеспечении экономических возможностей для этой группы женщин, нежели в предоставлении политических прав, которых добивались "буржуазные" женщины. В то же время они осознавали, что освобождение женщин не произойдет автоматически посредством изменений в экономических субструктурах или посредством развития соответствующего законодательства. Дополнительно должны быть преобразованы семейная организация, распределение домашних и материнских (родительских) обязанностей, воспитание детей и сексуальные отношения. В 1918 г., делая обзор результатов работы первого общероссийского съезда трудящихся женщин (1908 г.), Арманд отмечала, что вопросы защиты материнства и детства, ведения домашнего хозяйства рассматривались на нем не потому, что другие проблемы не интересовали работающих женщин. До тех пор, пока старые формы семьи, домашней жизни и воспитания детей не будут изменены, невозможно искоренить эксплуатацию и создать нового человека[522].

Коллонтай и Арманд рассматривали реорганизацию домашней работы и воспитания детей в качестве основной в вопросе трансформации семьи. Домашний труд отомрет и станет излишним при социализме[523]. Он должен быть заменен общественными кухнями, столовыми,

---

[522] Арманд И.Ф. Задачи работниц в Советской России // Арманд И.Ф. Статьи, речи, письма. М., 1975. С.68-69.

[523] Kollontai Alexandra. Communism and the Family // Alix Holt (ed.) Alexandra Kollontai: Selected

яслями, прачечными и другими благами, которые помогут освободить женщин от их домашних нагрузок. Взамен освобожденные от бытовых забот женщины будут включаться в социально полезную работу[524]. Арманд рассматривала реорганизацию домашней жизни в качестве не только интегративной части социалистического строительства, но и необходимого условия женского освобождения и самоопределения, предположив, что их успех должен быть связан с социализацией домашнего труда и воспитания детей. При сохранении старой формы семьи, в которой домашний труд и забота по воспитанию детей полностью лежат на женщине, невозможно воспитать нового человека и построить социализм[525]. Коллонтай придерживалась той же позиции. Таким образом, обе они не рассматривали женский вопрос в качестве самостоятельного и отдельного, решение которого явилось бы частью реализации либерального требования распространения гражданских прав на новые группы населения и включения категории "женщина" в концепцию гражданства. Более того, будучи марксистками, они были убеждены, что у женщин нет отдельных специфических задач и их борьба должна объединяться с борьбой мужчин-рабочих. В этом отношении они противопоставляли свою позицию взглядам западных либеральных феминисток и отвергали любую солидарность с ними и их движением[526].

Поскольку взаимодействие "приватного" и "публичного" пространств является особенно актуальной темой для современных феминистских дебатов, интересно проследить, как Арманд и Коллонтай подходили к этой проблеме. Позиция последней является исключительно революционной. Коллонтай в статье "Коммунизм и семья" пишет, что вопрос освобождения женщины от тягот материнства решится сам собой, поскольку пролетарское государство установит совершенно новый принцип: забота о подрастающем поколении превратится из заботы семьи в заботу государства. Материнство будет охраняться не только в интересах женщины, но прежде всего в интересах переходной на пути к социализму национальной экономики: необходимо спасти женщин от непродуктивной траты энергии, которая может быть эффективно использована в интересах коллектива. Необходимо защитить их здоровье, чтобы гарантировать трудовой республике приток здоровых рабочих в будущем[527].

Отвечая на вопрос, почему женщина должна быть освобождена от бремени домашних забот, Коллонтай утверждает: "трудовая республика видит женщину прежде всего в качестве трудовой частицы"[528]. Арманд, хотя и проявляла большую сдержанность в своих рассуждениях, в работе "Освобождение от домашнего рабства" высказывает похожие взгляды. Домашний труд, включая приготовление еды, стирка, уборка, уход за детьми должны быть перемещены из сферы приватных женских забот в общественную и поддерживаемую государством. Таким образом, обе они связывали необходимость эмансипации женщин от бремени домашних забот исключительно с задачами социалистического строительства. Женщины призваны были стать дополнительной силой в его построении.

Реорганизация семейной жизни должна была состояться не только во взаимоотношениях между мужчинами и женщинами, но и в отношениях "мать — ребенок". Материнство для Коллонтай не означало обслуживание и даже воспитание ребенка, но только две обязанности — рождение самого ребенка и вскармливание его материнским молоком. Обеспечив эти функции, женщина имела полное право считать, что ее долг выполнен. В свою очередь, государство обязано создать для беременной женщины все необходимые условия, а женщина — соблюсти правила разумного поведения во время беременности, помня, что в эти месяцы она не

Writings. New York: W.W. Norton and Company, 1977. P.255.

[524] Арманд И.Ф. Освобождение от домашнего рабства // Арманд И.Ф. Статьи, речи, письма. С.65.

[525] Там же. С.69.

[526] Арманд И.Ф. Борьба работниц за последние годы // Арманд И.Ф. Статьи, речи, письма. С.77.

[527] Kollontai Alexandra. The Labour Women in the Revolution of the Economy // Alix Holt (ed.) Alexandra Kollontai: Selected Writings. P.142.

[528] Ibid. P.143

принадлежит себе, но служит обществу, "производя" из своей плоти и крови новую "трудовую частицу"[529].

Коллонтай считала, что поскольку работающая женщина не имеет ни времени, ни возможности воспитывать детей, общество, взяв на себя решение этой задачи, станет чем-то вроде второй матери для ребенка. Она предложила установить новый принцип: забота о подрастающем поколении, которая так тяжело ложится на плечи женщин, не является частным семейным делом, но социальной функцией государства, которое должно дать женщине возможность участвовать в производительном труде, не насилуя ее природу, не вынуждая отказываться от материнства[530]. В свете этого Коллонтай не считала, что у женщин может быть собственный выбор. За нее этот выбор делает государство. При этом мнение самих женщин, их приверженность ценностям традиционной семьи не учитывались.

По крайней мере, одна позитивная сторона может быть выделена в этих предложениях: хотя концептуализация понятия патриархат произойдет только в 1970-е гг., Коллонтай и Арманд объективно предлагали программу, способствующую не только освобождению женщин, но и подрыву традиционных устоев патриархата. Тем не менее, поскольку в системе семейных патриархатных отношений мужчина «замещался» государством, обе они игнорировали анализ поведения мужчин в семье, не дискутировали вопрос о новых обязанностях, которые в результате они должны взять в семье на себя. Они не считали это проблемой. Стоит ли говорить, что при таком подходе не вырабатываются ни идеологические, ни практические стратегии по их изменению.

Если в Новое время в буржуазном обществе женщина не рассматривалась в отрыве от семьи и воспитания детей, т.е. вне приватной сферы, то в Новейшее время, в советском обществе, она волевым идеологическим решением и с помощью специальных мер включалась в сферу общественного. Технически осуществить это было возможным, принизив роль мужчины в качестве кормильца семьи. Это и произошло. Заработная плата сокращалась в размерах настолько, что у семьи не мог оставаться только один кормилец. Новая советская семья экономически была в состоянии существовать при условии, что все ее взрослые члены трудоспособного возраста работали в качестве наемной силы. Таким образом, попутно решалась задача организации тотального контроля со стороны государства над каждым в отдельности и всеми вместе взятыми членами общества.

[529] Ibid. P.144.
[530] Ibid. P.143.

Гендерные роли в приватной сфере, "свободная любовь" и сексуальность

Эти темы не обсуждались ни в партийных газетах, ни в женских изданиях, включая журнал "Работница", ни тем более в школах. Только Коллонтай интересовалась ими с социалистической и феминистской перспективы, но ее работы были мало известны в стране, что не мешало партийным лидерам критиковать их. В то же время благодаря эффекту, произведенному работами Зигмунда Фрейда, дискуссии по поводу сексуальности были характерны для европейских интеллектуальных кругов.

Арманд в своей частной жизни была эмансипирована настолько, насколько вообще могла себе позволить женщина. Однако ее взгляды на проблему гендерных ролей в приватной области, сексуальности и свободы в любви трудно комментировать и сравнивать с революционными идеями Коллонтай на этот счет. Она практически не оставила материала для исследователя. Арманд, будучи преимущественно прагматиком, не проявляла особого интереса к более широким аспектам «женского вопроса», таким как сексуальные отношения, женская сексуальность и проституция, которые интересовали Коллонтай еще до 1914 г. Единственный документ, вышедший из-под пера Арманд, — сделанный ею в начале 1915 г. в Берне набросок памфлета о любви, браке и семье, к которому, несмотря на критику Ленина, продолжала собирать материал. Тем не менее она не завершила и не опубликовала эту работу. Возможно, как предполагает Элвуд, она просто решила, что не стоит подвергаться из-за нее резкой критике со стороны Ленина[531]. В отличие от Коллонтай она все же не была сильна в теоретических вопросах. В любом случае некоторое представление об этом памфлете дает опубликованная переписка между ней и Лениным[532]. Арманд понимала "свободу любви" (выражение, за которое критиковал ее Ленин) как свободу выбора партнера для брака, как моногамные отношения, свободные от религиозных и социальных предубеждений и лицемерия, как брак между двумя равными людьми, основанный на любви, а не на контракте. В то же время она испытывала внутренний протест против перемены, происходившей с женщиной после замужества. В одном из писем дочери она вспоминает поразившую ее фразу из романа Льва Толстого "Война и мир". Самой неприятной и шокирующей вещью была перемена, происшедшая с Наташей Ростовой после того, как она вышла замуж за Пьера Безухова: Наташа превратилась в "самку". Это выражение показалась Арманд до крайности оскорбительным, больно задело и сформировало твердое убеждение никогда не становиться "самкой", но всегда оставаться "человеком"[533].

Для Маркса и Энгельса сексуальность не была предметом, заслуживающим серьезных дискуссий. Энгельс в работе "Происхождение семьи, частной собственности и государства" вообще не касается этой темы, а Ленин рассматривал ее как "буржуазную" проблему, не имеющую отношения к марксизму и бесполезную для революции. В противовес им Коллонтай считала, что приватная сфера тоже может быть политической и горячо интересовалась этим предметом. Отрицая викторианские и романтические образы феминной хрупкости и нормы домашней жизни среднего класса, она искала новые определения для феминности и моральных стандартов и пыталась внедрить их в революционную культуру. В этом отношении она далеко ушла от марксизма.

Еще до революции она инициировала дискуссии "о запутанном узле персональных отношений", "о загадке любви", "о сексуальном кризисе", "о сексуальной драме" и "о мимолетной страсти". Она изобрела термины "бескрылый эрос" и "крылатый эрос" и использовала их с тем, чтобы дифференцировать секс без любви ("бескрылый эрос") и секс, богатый эмоциями ("крылатый эрос"). Во время революции именно "бескрылый эрос", удовлетворяющий эротическое желание, позволяет концентрироваться на политической деятельности, в то время как "крылатый эрос" съедает внутреннюю энергию и слишком отвлекает революционеров от их предназначения. Она также критиковала воздержание как вредное, потому что "сохранение здоровья включает полное и правильное удовлетворение

---

[531] Elwood Ralph. Inessa Armand: Revolutionary and Feminist. P.151.

[532] См.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. Т.49. С.51-52, 54-57.

[533] Арманд И.Ф. Статьи, речи, письма. С.247.

потребностей человека, и поэтому такая важная потребность организма, как сексуальное желание, не должно подавляться[534]. Она отмечала, что вопрос о взаимоотношениях между полами является таким же древним, как и само человеческое общество, и не понимала, почему он должен игнорироваться[535]. Сексуальное освобождение было для нее существенной чертой революционного процесса, а здоровая сексуальность — атрибутом новой коммунистической женщины.

Цель сексуального равенства Коллонтай видела в создании симметричных сексуальных ролей у мужчин и женщин. На вопрос о том, ведет ли революционная свобода женщин от экономических ограничений и от буржуазной морали к промискуитету, она отвечает следующим образом: хотя идеальным остается моногамный союз, базирующийся на взаимной любви, он не должен консервироваться под принуждением. Новая женщина должна быть свободна в выборе собственного пути. Свои взгляды на то, какие мужские черты неприемлемы и должны быть изменены, Коллонтай формулирует в своих литературных произведениях. Она написала повесть "Большая любовь" и несколько коротких рассказов, изданных в 1923 г. в сборнике под общим названием "Любовь пчел трудовых". Прежде всего Коллонтай критикует "грубый индивидуализм" во взаимоотношениях, при котором одни члены семьи (мужчины) используют других (женщин) для получения духовных и физический удовольствий, не обращая внимания на их нужды и желания. Индивидуалистическое поведение должно быть заменено "жизненным правилом, в соответствии с которым к человеку следует относиться с большим уважением"[536]. Однако, Коллонтай не шла дальше замечаний о необходимости независимости и достоинства, и не развила систематических взглядов на предпосылки к освобождению от различных форм сексуального подчинения.

Другой литературной иллюстрацией ее взглядов на сексуальность и о том, какие сексуальные отношения должны быть установлены в качестве нормы между новыми мужчинами и женщинами, стал рассказ "Любовь трех поколений" (1923). Третье поколение — это молодое поколение, вступившее в жизнь сразу, после революции. Оно репрезентирует авторские идеи о взаимоотношениях между полами. В 1925 г. анонимные опросники были разосланы тысячам студентов в разных городах с вопросами об их сексуальной жизни. Ответы продемонстрировали, что для большей части опрошенных она, особенно первый опыт, не имел ничего общего с любовью. Многие из них добавляли, как бы обыгрывая отрывок из рассказа Коллонтай: "У нас нет времени играть в любовь, наша работа не оставляет нам времени для этого"[537]. Партийная элита была шокирована идеями Коллонтай. Она предпочитала не связывать сексуальную жизнь с потребностями человека при социализме.

Вместо заключения

В 1920-е гг. были осуществлены некоторые идеи женской эмансипации. В 1920 г. женщины приобрели право на легальный бесплатный аборт в больницах. Новое семейное законодательство в 1926 г. упростило процедуру развода, была предоставлена законодательная защита женщин, проживавших в гражданском браке. Он приравнивался к официально зарегистрированному. После отъезда в 1922 г. Коллонтай из страны дебаты по женскому вопросу еще некоторое время продолжались. Однако с укреплением диктатуры Сталина они были полностью прекращены. Вопросы распределения домашних обязанностей, женского самоопределения и сексуальности были целиком исключены из публичного политического дискурса. В 1932 г. женотдел вообще был упразднен. В 1930-е гг. Сталин свернул

[534] Kollontai Alexandra. Theses on Communist Morality in the Sphere of Marital Relations // Alix Holt (ed.) Alexandra Kollontai: Selected Writings. P.229.

[535] Ibid. P.237-249.

[536] Kollontai Alexandra. The Labour Women in the Revolution of the Economy // Alix Holt (ed.) Alexandra Kollontai: Selected Writings. P.241.

[537] Halle Fannina. Women in Soviet Russia. London: Routledge, 1934. P.116.

прогрессивную политику предшествовавшего десятилетия в отношении семьи и женщин. В 1936 г. аборт опять поставили вне закона, получить развод стало трудней, восстановили различие между незаконнорожденными и рожденными в браке детьми. Семья официально провозглашалась социалистической, а женская эмансипация — уже состоявшейся. Женщины официально были объявлены важным трудовым ресурсом для промышленности и сельского хозяйства и "незаменимыми" труженицами дома. Начался новый этап в истории советских женщин, и его характерной чертой стала двойная эксплуатация их труда: более дешевого по сравнению с мужским на производстве и совершенно бесплатного — дома.

Ю.В. Градскова

КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОГО КУЛЬТУРНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА 1920-х ГОДОВ

Законодательством революционного времени "женщина" была уравнена в правах с "мужчиной" и приобрела как те права, которыми до революции обладали только мужчины, так и те, которые мужское население России получило в результате революции. В отличие от представителей либеральной оппозиции царизму многие идеологи большевистской революции, считали, что решение "женского вопроса" отнюдь не сводится к провозглашению прав, а предусматривает продолжительную работу по достижению практического равенства мужчины и женщины в различных сферах жизни (производство, образование, семья и т.д.)[538]. Классики марксизма не разрабатывали особой теории полового вопроса и во многом следовали идеям просвещения — свобода человека интерпретировалась как свобода воли, контроль разума над биологией[539]. Сущности и формам проявления "полового вопроса" в России накануне и после революции[540], противоречиям практических последствий большевистской схемы решения "женского вопроса", нашедшим свое выражение в феномене "гендерного контракта работающей матери"[541], посвящено много работ в России и за рубежом[542]. В то же время дискурсивно-просветительский и телесный аспекты решения этой проблемы и их влияние на репрезентации различий "мужского" и "женского" исследованы явно недостаточно.

"Рост сознательности" и "повышение культурного уровня" (наряду с включением женщин в общественное производство) были призваны маркировать продвижение по пути решения "женского вопроса". Упоминаются они среди прочих и в качестве основания для признания этого вопроса "решенным". Так, в 1930 г. Л. Каганович писал по поводу закрытия женотдела ВКП(б) в журнале "Коммунистка", который будет закрыт менее чем через год: "женщину пора уже начать выдвигать не как женщину, а как работника, полноправного, выросшего, развившегося"[543]. Поэтому, стремясь найти ответы на противоречивые итоги

---

[538] Градскова Ю. "Обычная" советская женщина: обзор описаний идентичности. М., 1999.

[539] Наиболее полное исследование взаимоотношений дискурса женской эмансипации и сексуальной свободы было осуществлено Л. Энгельстайн на материале дореволюционных дискуссий по половому вопросу. Говоря о России начала XX века она в том числе отмечает, что "принятие Россией модифицированных викторианских принципов совпало по времени с выступлением против них на самом Западе", (Энгельстайн Л. Ключи счастья: секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX—XX веков. М., 1996. С.15.

[540] Голод С. XX век и традиции сексуальных отношений в России. СПб., 1998; Лебина Н. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920—30-е гг. СПб., 1999; Эткинд А. Эрос невозможного, история психоанализа в России. СПб., 1993; Энгельстайн Л. Ключи счастья: секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX—XX веков. М., 1996; Atwood L. The new Soviet Man and Woman. Indiana University Press, 1990; Stites R. Women's Liberation Movement in Russia. Princeton, 1978.

[541] Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России/ Материалы первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям. М., 1997; Захарова Н., Посадская А., Римашевская Н. Как мы решаем женский вопрос // Коммунист, 1989. №4. С.56-65; Buckley M. Women and Ideology in the Soviet Union, University of Michigan Press, 1989; Clements B. The Daughters of Revolution: the History of Women in the USSR. Illinois, 1994.

[542] В них содержатся описания недовольства существовавшими семейными нормами, последствий законодательного изменения этих норм для различных слоев общества, конкретных примеров экспериментирования в области "новых отношений между мужчиной и женщиной", "нового быта" коммун.

[543] Коммунистка, 1930. №2-3. С.5.

"решения женского вопроса" в СССР, мы неизбежно вновь обращаемся к особенностям и противоречиям деклараций относительно "повышения культурного уровня" женщин, их дискурсивным отличиям от манифестов женского освобождения, свойственных второй волне феминизма на Западе.

Целью данной статьи является рассмотрение лишь одного аспекта советской политики "повышения культурного уровня", а именно — "вписывание" ценностей нового культурного порядка в традиционный дискурс описания женственности и мужественности. Внимание будет сосредоточено на особенностях дискурсивного конструирования различий "женского" и "мужского", трансформации представлений о "женском" в рамках дискуссии о "половом вопросе" в первое десятилетие после революции — период наибольшей популярности идеологии "освобождения женщины" и декларируемого политического, социального и правового равенства мужчины и женщины. Для понимания изменений характера репрезентаций и самоидентификации женщин в советском и постсоветском обществе является актуальным исследование методов конструирования и значений "женского" и "мужского" в процессе "повышения культурности". Особенно интересной и малоисследованной представляется с этой точки зрения та часть материалов культурной революции 1920-х гг., которая, как казалось бы на первый взгляд, не имеет непосредственного отношения к решению "женского вопроса" в публичной сфере — популярные брошюры об эволюции человека, о браках и разводах, личной гигиене и половой морали членов нового общества. Они легли в основу написания данной статьи.

Сначала я позволю себе коротко напомнить участников дискуссии. Ими являлись, с одной стороны, партийные и комсомольские работники разного ранга, в том числе высокопоставленные советские чиновники, ответственные за "решение женского вопроса" (Л. Троцкий, С. Смидович, А. Коллонтай), а с другой — медики и психологи (А. Залкинд, А. Немилов, М. Рубинштейн). Судьба участников дискуссий была различна: одни из них будут впоследствии обвинены в контрреволюционной деятельности, высланы и даже убиты, другие — "исключены из советской истории" (А. Залкинд), третьи — войдут в советские энциклопедии в качестве выдающихся деятелей советской науки и культуры (Н. Семашко, В. Кетлинская). Все участники дискуссии, даже если и не выражали, то явно ощущали "подрывное влияние трансформации интимности на современные институты в целом"[544] и придавали "решению" полового вопроса огромную значимость для дальнейшего укрепления новой власти. Необходимо отметить, что ни одна из известных мне статей или брошюр не написана от имени той или иной женской группы или организации, ни в одной из них не имеется ссылок на публикации дореволюционных активисток либерального женского движения, писавших о "половом вопросе" с точки зрения "интересов женщин" (см., например, работы М. Покровской, М. Вахтиной[545]). Публикации женщин-авторов — А. Коллонтай и С. Смидович — вызывали большую полемику и чаще других сопровождались негативными отзывами.

Закон эволюции и подтверждение "естественных" оппозиций "мужского" и "женского"

По мнению авторов, истинный подход к решению проблем человеческого общества должен опираться на данные науки, в том числе биологии; "природа" должна быть поставлена на службу "человеку". "Биологический подход и есть именно и марксистский и революционный подход к делу…и всякий марксист должен непременно быть и биологом"[546]. На первый взгляд,

[544] Giddens A. The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Erotism in Modern Societies. Stanford, 1993. P.3.

[545] Покровская М. Как женщины должны бороться с проституцией // Айвазова С.Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998. С.247-256; Вахтина М. Брачный вопрос в настоящем и будущем // Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998. С.272-277.

[546] Немилов А. Биологическая трагедия женщины. Очерки физиологии женского организма. Л., 1930.

могло показаться, что речь идет о реабилитации "природы". Однако обращение к природе было необходимо лишь для подтверждения неизбежности прогресса, приводящего к появлению человека, а вместе с ним и культуры: "Сильное развитие полового аппарата, сексуальность, в широком смысле этого слова была одним из тех факторов, которые выдвинули человека на его исключительное место в ряду других живых существ"[547].

Кроме того, утверждение природного как "естественного", т. е. правильного, неизбежно влекло за собой представление о незыблемости (естественности) природных различий и, следовательно, неизбежности разных моральных, психологических и социальных норм поведения женщины и мужчины. Параллельно с этими утверждениями провозглашалось социальное равенство мужчины и женщины, которое не могло быть оспорено открыто, т. к. сама попытка сделать это означала переход тонкой грани "революция/контрреволюция", "свои/чужие" и выход за пределы дискуссионного поля. Последствия биологических различий, таким образом, первоначально не связывались с "главной" (общественной, коллективной) жизнью женщины, а чаще всего пояснялись примерами из повседневной жизни и семейных отношений. Семейная жизнь, как проявление того "частного", что должно отмереть в результате революции, придает этим примерам характер временности и случайности, сопровождаясь пояснениями типа "пока", "до сих пор", "все еще": "Между тем сейчас и еще в ближайшие годы девушка будет связана хозяйством и семьей и не только может, но и должна нести часть домашней работы. Ибо плоха будет та девушка, которая начнет "раскрепощаться" за счет нагрузки своей матери, тетки или других членов семьи"[548].

Главную роль в преобразовании быта участники дискуссий отводили государству, которое должно сгладить и уравновесить природные различия с помощью присвоения значительной части тех функций, которые раньше выполняла женщина. Однако большинство авторов брошюр вынуждены признать, что "пока" государство не готово осуществить ожидания: "Государство теперь настолько еще бедно, что не может взять на себя обеспечение вашей брачной жизни, воспитания детей, обеспечения родителей"[549]. Таким образом, бытовое неравенство мужчины и женщины с оговоркой о его "временности" фактически легализуется.

С другой стороны, авторы многих публикаций развивали традиции Просвещения, предписывая "природу" в большей степени женщине, чем мужчине. По их мнению, женщина должна была больше преодолевать свое "природное", устремляясь к "культурному". Образцом в большинстве произведений, очевидно, является мужчина. Основные этапы его взросления описываются в качестве общечеловеческих. "В детстве в своей спальне ребенок растет в условиях как бы возрожденного матриархата, окруженный женщинами. Среди них отец — часто чужой человек. Первые признаки половой жизни у юноши имеют безличный характер, у него еще не установились индивидуальные требования к женщине"[550].

Лишь в некоторых публикациях, преимущественно в тех, где автор — женщина, речь идет о взрослении абстрактного "человека", чьи половые признаки "не имеют значения для социальной жизни". Тем не менее, взрослая женщина, в отличие от мужчины, не скованного репродуктивным циклом, хранит в своем теле живую часть "природы" — органы репродукции. Именно эта часть природы призвана обозначать инаковость. Значительная часть публикаций содержит подробные схемы устройства женской репродуктивной системы, схемы мужского тела отсутствуют. Устройство женской репродуктивной системы обусловливает отличную от мужской (представляемую как "менее устойчивую", "менее уравновешенную" — все с отрицательным знаком) психику — недостаток, который на поведенческом уровне должен компенсироваться особыми моральными нормами: повышенной сдержанностью и стыдливостью. "Длительная половая верность как нельзя более кстати для психофизиологии

С.208.

[547] Там же. С.14.

[548] Кетлинская В. Девушка и комсомол. Л., 1927. С.51.

[549] Семашко Н.А. Новый быт и половой вопрос. М., 1926. С.27.

[550] Томилин С.А. Проблема пола. Харьков, 1926. С.29.

женщины"[551]. И наоборот: "свободная любовь", случайные связи и непостоянство чужды самой природе женщины"[552].

Можно сказать, что участники дискуссий по половому вопросу использовали "природные различия" для переосмысления провозглашенного равенства и оправдания сначала сексуального, а затем — и социального неравенства. Дискуссия показывает сохранение двойного стандарта и его прежних обоснований: природу женщины в мире культуры ожидает трагедия. "Те немногие радости, с которыми связана у женщины служба "гению рода", совершенно не окупает тех страданий и невзгод, которыми полна жизнь каждой, даже совершенно нормальной женщины"[553].

Повышение культурного уровня и проблема личного выбора

"Половой вопрос", задававший рамки дискуссии, не предполагал уделять внимание предпочтениям, потребностям, прихотям и желаниям конкретной женщины и конкретного мужчины. Напротив, подход к нему был глобальным, он рассматривался как следствие пересечения "природы" и "культуры". Следуя психоаналитической теории раннего Фрейда, многие участники дискуссии утверждали необходимость сублимации (перевода в культурные формы) энергии тех инстинктов, которые достались человеку от животного. Одним из наиболее опасных в своем природном, "неокультуренном" выражении представлялся половой инстинкт. В связи с этим на повестку дня встала задача срочного обучения масс новой "культурности", которая позволила бы не проявиться всем отрицательным чертам человека-животного, помогла преобразованию сексуальной энергии в энергию социального творчества.

Буржуазная культура, с этой точки зрения, представлялась в качестве несовершенной сублимации, искажающей "естественное" в человеке, прикрывающей его ложным "культурным". Одним из наиболее ярких проявлений ложной буржуазной культуры провозглашались сексуальные отношения ради удовольствия: "самое невоздержанное животное — это буржуа, давший волю своему прогнившему естеству"[554]. Новое "культурное" имело значение "относящегося к победившему классу" и требовало ограничения наслаждений ради общественной деятельности или "естественного" стремления к деторождению. Н. А. Семашко призывал: "Почаще вспоминай данные науки, урок революции: воспитывай себя общественно, "ущемляй" низменные инстинкты, развязывай общественные. Топи половую энергию в общественной работе. Хочешь решить половую проблему — будь общественным работником, товарищем, а не самцом и самкой"[555].

Из идеи необходимости контроля над человеческой природой делали вывод, что он должен быть внешним (так как личность неразвита и человеку трудно себя контролировать). Поэтому все чаще звучал тезис о том, что тело не принадлежит человеку[556]. Именно на фоне подобных рассуждений наиболее ярко и объемно вырисовывались контуры будущей тоталитарной идеологии. По словам Преображенского, "с точки зрения социалистической является совершенно бессмысленным взгляд отдельного члена общества на свое тело как на свою личную собственность, потому что индивид есть лишь отдельная точка на переходе от прошлого к будущему"[557]. Казалось бы, утверждение недопустимости гедонистических

[551] Залкинд А.Б. Половой вопрос в условиях советской общественности. Л., 1926. С.53.

[552] Кетлинская В. Девушка и комсомол. С.64.

[553] Немилов А. Биологическая трагедия женщины. Очерки физиологии женского организма. С.61.

[554] Смидович С. О любви // Половой вопрос. М., 1925. С.28.

[555] Семашко Н.А. Новый быт и половой вопрос. Цит. по: Симонов И.С. Школа и половой вопрос. Л., 1926. С.53.

[556] Венцом дискуссии становятся известные 12 тезисов А. Залкинда, включающие оценку "полового влечения к классово-враждебному объекту" как "извращение, подобное половому влечению к крокодилу", и утверждение "права класса на вмешательство в половую жизнь своих сочленов" (Залкинд А.Б. Половой вопрос в условиях советской общественности. Л., 1926. С.49-59).

[557] Цит. по: Ласс Д.И. Современное студенчество. М.-Л., 1928. С.10.

устремлений, ограничение частного, личного, животного является гендерно-нейтральным. Однако нет оснований согласиться с этим выводом. Н. А. Семашко утверждал: "Старая привычка искать в женщине более нравственного, более скромного в половом отношении человека, чем в мужчине, по существу не "предрассудок", а инстинктивное (несознательное) оформление особенностей половой жизни мужчины и женщины"[558].

На фоне общего оперирования абстрактными и собирательными категориями — "природа", "класс", "культура", "коллектив" — выделяются работы Л. Троцкого и А. Коллонтай, которые, обращаясь к проблеме "повышения культурности", говорили о человеческой личности. Троцкий, например, в работе "Вопросы быта" подчеркивал: "Основная форма борьбы за большую устойчивость и культурность семейных связей и отношений состоит в повышении человеческой личности"[559]. Несмотря на то, что и эти два автора придают большое значение личности лишь для того, чтобы снова вернуться к интересам коллектива, нельзя не отметить позицию Коллонтай, предполагавшей все же возможность гедонистического сценария сексуальных отношений между мужчиной и женщиной и женской инициативы в этих отношениях. Наделение Коллонтай другими партийными лидерами ярлыком "сторонницы свободной любви" (интерпретируемой чаще всего как безответственные сексуальные отношения, отказ думать об их последствиях), на мой взгляд, не противоречит возможности рассматривать сегодня ее взгляды как начало создания теории новых телесных личностно-диалогичных взаимоотношений между мужчиной и женщиной (в противовес как инстинктивно-репродуктивным, так и внетелесно-товарищеским). "Если в любовном общении ослабеет слепая, требовательная всепоглощающая страсть, если отомрет чувство собственности и эгоистическое желание "навсегда" закрепить за собой любимого, если исчезнет самодавление мужчины и преступное отречение от своего "я" со стороны женщины, то зато разовьются другие моменты в любви. Окрепнет уважение к личности другого, умение считаться с чужим правом, разовьется взаимная душевная чуткость, вырастет стремление выявлять любовь не только в поцелуях и объятиях, но и в слитном действии, в единстве воли, в совместном творчестве"[560].

В дискуссиях по "половому вопросу" на фоне многократно повторявшихся утверждений о свободе и равенстве, новом быте и новой морали практически отсутствуют упоминания еще о двух условиях "женского освобождения", без которых вряд ли возможно представить себе феминистскую революцию 1970-х гг. на Западе — во-первых, доступность контрацепции и, во-вторых, — равное распределение родительских обязанностей. В то время как феминистская революция 1960—1970-х гг. непосредственно была связана с сексуальной революцией и началом массового использования новым поколением гормональных таблеток, материалы дискуссии по "половому вопросу" уделяли крайне мало внимания этой проблеме. Даже разрешение аборта по желанию женщины объявлялось скорее вынужденной мерой, уступкой бедности, чем "революционным завоеванием" по раскрепощению женщины[561]. В дореволюционных как российских, так и зарубежных публикациях по "половому вопросу" (в том числе и в переиздававшейся в советской России работе немецкого врача А. Фореля) проблема контрацепции неоднократно обсуждалась. А. Форель, например, приводит довольно подробное описание способов предохранения от беременности, доступных как женщине, так и мужчине, особо отмечая, что женщина может и имеет право защищаться от притязаний пьяного мужа[562]. В то же время в большинстве советских публикаций 1920-х гг. любые способы предохранения от нежелательной беременности объявлялись половыми извращениями и относящимися к "ложной культуре". С. Смидович подчеркивает, например, что к услугам

[558] Семашко Н. Против алиментной эпидемии или на алименты надейся, а сама не плошай. М., 1927. С.11.

[559] Цит. по: Цуккер. Предисловие к работе А. Фореля // Форель А. Половой вопрос. Харьков, 1928. С.10.

[560] Коллонтай А. Дорогу крылатому эросу // Вопросы жизни и борьбы. М., 1924. С.181.

[561] Семашко Н. Против алиментной эпидемии или на алименты надейся, а сама не плошай. С.10-11.

[562] Форель А. Половой вопрос. Харьков, 1928. С.250-251.

французского буржуа "все самые новейшие презервативы"[563]. Таким образом, само использование противозачаточных средств представлено как признак буржуазности, принадлежности к контрреволюции и нарушения "естественности".

В большинстве брошюр женщина выступает как неразрывно связанная с детьми, всячески подчеркивается, что мужчина "по природе" свободен от последствий полового акта. Хотя в соответствии с большевистской теорией частная и "узко замкнутая семья" должна была вскоре уступить место коллективному воспитанию детей, тексты брошюр изобилуют указаниями на то, что "пока" женщина ответственна за детей. В одной из статей сборника 1923 г. И. Степанов сочувствует женщине, утверждая, что новый закон о браке поставил женщину "в мучительное положение", так как именно она должна заботиться о потомстве (для исправления этого автор предлагает введение налога на бездетных)[564]. Сама забота о потомстве выглядит прежде всего как забота материальная и "естественная", обеспечивающая скорее выживание, чем эмоциональное развитие.

"Повышение культурного уровня" как способ утверждения различий

Одной из основных проблем, обсуждавшихся участниками дискуссии по "половому вопросу", выступили трудности контроля над "природной частью" человека в целом. Способы решения усматривавшегося противоречия в условиях "нового общества" сформулированы по-разному. Д. Ласс, в результате социологического исследования полового поведения студенчества пришедший к неутешительным выводам об уровне его "сознательности", пишет о необходимости изменения экономической политики в отношении полового вопроса, решения вопроса о стипендиях, улучшения жилищных условий[565]. Эти материальные меры должны поддерживать усилия, направленные на повышение сознания: чтение курса лекций по половой гигиене, развитие физической культуры. Однако большинство участников дискуссии, вероятно осознавая невыполнимость пожеланий изменения экономической политики, превыше всего ставили воспитательные меры. Казалось бы, ограничения, контроль над собственной "природой" в интересах революции в равной степени относились как к мужчине, так и к женщине. Но содержание публикаций свидетельствует, что женщины постепенно теряли даже ограниченные возможности контролировать свое тело. В то же время, по утверждению авторов большинства публикаций, "природа женщины" вследствие ее низкого культурного уровня, особого природного устройства требовала большего контроля над ней: "конечно, материнство — это обязанность каждой здоровой женщины"[566]. Однако женщина не просто обязана использовать на благо общества свои природные отличия, но и фактически (вследствие невозможности использовать средства предотвращения беременности) сделать подконтрольной обществу свою сексуальную жизнь: "Он (т.е пролетариат) требует, чтобы женщина сознательно и по-классовому ответственно выбирала отца своего ребенка"[567]. Такой контроль, по мнению многих участников и участниц дискуссии, не ограничивает свободы женщины, он вполне соответствует ее "природе". Наблюдавшиеся в обществе неудачи "уравнивания" мужчины и женщины авторы многих брошюр также относят к "естественности" природных различий. Стремясь проиллюстрировать это, В. Кетлинская пишет: "Небезынтересен и такой пример: одна яркая поклонница "нового быта", носившая кепку, кожанку, низкие каблуки и стриженые волосы, задумала выйти замуж за одного комсомольца… и к своей красной свадьбе приобрела туфельки на каблуках, тонкие чулки, коротенькое светлое платье... гони природу в дверь, она войдет в окно"[568]. Следовательно, и социальная ответственность женщины представлялась как

---

[563] Смидович С. О любви // Половой вопрос. М., 1925. С.124.

[564] Степанов И. Проблемы пола /Вопросы жизни и борьбы. М., 1924. С.207.

[565] Ласс Д.И. Современное студенчество. М.-Л., 1928. С.213.

[566] Кетлинская В. Девушка и комсомол. С.15.

[567] Цуккер. Предисловие к работе А. Фореля // Форель А. Половой вопрос. Харьков, 1928. С.10.

[568] Кетлинская В. Девушка и комсомол. С.63.

отличная от мужской. В сексуальном поведении она должна была быть более сознательной, чем мужчина: "нужно самым резким образом предупредить против распространенного даже среди сознательных женщин взгляда: "раз мужчине можно (в половом отношении), почему женщине нельзя? Это — неравенство, предрассудок, "как мужчина, так и женщина". Этот взгляд вреден. Половая жизнь женщины вовсе неодинакова с мужской. Поэтому-то женщина есть женщина, а мужчина есть мужчина"[569].

*** *** ***

Таким образом, к середине 1920-х гг. появилось сомнение в возможности/необходимости достижения полного равенства "женщины" и "мужчины", а барьером к достижению его вновь оказалась "природа". Природные различия между мужчиной и женщиной виделись столь преувеличенно большими, что они практически сводили на нет провозглашенное социальное равенство. Различия в устройстве репродуктивного аппарата становились главным условием выделения "мужского" и "женского" в послереволюционном дискурсе. Часть гендерных различий представлялась как исключительно половые, т.е. "естественные". При этом обходилось молчанием, что "естественная" часть гендерных различий конструируется не на основе чисто физиологических особенностей, а на основе социальных значений их последствий. В результате способность вынашивания и рождения детей постепенно и неизбежно превращала "женщину" не просто в "другую", а в худшую по отношению к "мужчине".

[569] Семашко Н.А. Новый быт и половой вопрос. С.89.

Г.Г. Карпова,
Е.Р. Ярская-Смирнова

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЖЕНСКОГО ДНЯ. 1920—2001 ГОДЫ

Наблюдение относительно устойчивых социальных структур и процессов позволяет более объёмно и всесторонне понять смысл и перспективы социальных изменений, происходящих в современном российском обществе. В этой статье мы обращаемся к анализу форм социальной жизни, принципиально выведенных за пределы ежедневного рутинного существования. Речь идёт о феномене праздника как важнейшего элемента социальной истории и своеобразного индикатора социокультурной системы. Для возникновения праздника необходимо существование некой ценности, признанной в социальной группе и в то же время дислоцирующейся за пределами праздника. В данном случае мы рассмотрим гендерные аспекты советской социальной политики сквозь призму газетных репрезентаций Международного женского дня. Изучение истории советских праздников[570] позволяет проявить те идеологические формулы, которые были задействованы государством в целях более эффективного социального управления. Анализируя динамику образа 8 Марта в советской и постсоветской прессе, мы увидим, как менялись приоритеты социальной политики в отношении женщин.

Для того чтобы проследить эволюцию женского образа, нами был проведен анализ содержания газет, выходивших к 8 Марта, на выборке не реже, чем через каждые 5 лет, с 1920 по 2001 г. Чаще, чем раз в 5 лет, анализировались праздничные выпуски газет, относящиеся к таким периодам и событиям, как Великая Отечественная война, смерть и разоблачение культа личности Сталина, первые годы перестройки. Мы рассматривали газеты, приуроченные к Международному женскому дню и выходившие между 7 и 9 марта (в зависимости от режима выхода газет, от дня недели). Используя качественный подход к анализу содержания[571], мы рассмотрели все без исключения материалы выпусков «праздничных газет», попавших в нашу выборку. Структура этих выпусков достаточно стабильная и включает правительственные и официальные поздравления, репортажи, посвященные «женской теме»; юмористические публикации и комиксы и, начиная с 1980-х гг., довольно представительную рекламу подарков и развлечений, приуроченных к празднику.

При анализе публикаций мы учитывали принятую исследователями хронологию советской гендерной политики[572]: 1920-е гг. — социальный эксперимент, связанный с реформированием семьи и быта, 1930—1950-е гг. — трудовая мобилизация женщин, 1960—1970-е гг. — модификации контракта «работающая мать». В исследовании использовались материалы двух советских газет в качестве образца легитимного дискурса, представляющего государственную точку зрения по всем основным вопросам, включая гендерные отношения. Это — «Известия», одно из наиболее читаемых центральных изданий, и «Коммунист» — одна из самых популярных местных газет. К настоящему времени газеты обрели относительную независимость от государства, сохранив ведущую позицию в российском информационном пространстве: «Известия» стали наиболее влиятельной газетой либерального направления; а «Коммунист», изменив с 1991 г. свое название на «Саратовские вести» (СВ), превратился в один из массовых информационных печатных органов Саратовской области. В целях сравнительного анализа из подшивки отобраны выпуски «праздничных» газет, центральной темой которых ввиду специфики праздника 8 Марта выступает образ женщины-современницы.

---

[570] Будина О.Р., Шмелева М.Н. Проблема традиционности современной бытовой культуры русского городского населения // Сов. этнография. 1987, №6. С.15-26; Коньков Р., Лепилин Я. Ленинский день: Сб. материалов для школьной и клубной работы. М.; Л., 1926; Лаптева Л.С. Функции массовых праздников // Парк и отдых: Труды НИИ культуры. Вып., 2. М.: НИИ культуры, 1976. С.170–189; Полищук Н.С. У истоков советских праздников // Сов. этнография. 1987. № 6. С.3-15; Праздники и обряды как элемент социалистической культуры // Вопр. науч. атеизма. 1980. № 26. С.165-177; Трудовые традиции, праздники, обряды рабочего класса / Капто А.С., Довбуш М.Д., Закович Н.М. и др. Киев: Вища шк., 1984; Строительство коммунизма и преодоление религиозных пережитков. М., 1966; Тульцева Л.А. Современные праздники и обряды народов СССР / Отв.ред. Бромлей Ю.В. М., 1985; Цехновицер О. Праздники и революция. Л., 1931.

[571] См. Мещеркина Е. Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения // Введение в гендерные исследования. Санкт-Петербург, 2001. С.197-237; Ярская-Смирнова Е.Р. Одежда для Адама и Евы. Очерки гендерных исследований. М.: ИНИОН РАН, 2001. С.52-92.

[572] Пушкарева Н.Л. Русская женщина в семье и обществе X—XX вв.: этапы истории // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С.3-14; Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. №3/4. С.171-181.

Было проанализировано 30 выпусков праздничных номеров газет, в том числе 20 номеров «Известий» и 10 номеров «Коммуниста». По «Известиям» отбирались выпуски не только от 8 но и 9 и 7 марта. «Коммунист» всегда выходил только одним праздничным номером. Из прочитанных газет было отобрано 43 и 15 единиц анализа по «Известиям» и «Коммунисту/СВ» соответственно. Содержание отобранных публикаций полностью посвящено «женской теме», в данной выборке представлена гендерная политика, декларируемая в лозунгах и текстах-обращениях правительства, списках награжденных женщин, перечне их заслуг, репортажах журналистов, в интервью с героинями, и, чуть позже — в том материале (в виде различных публикациях и рекламы), который подается как тема «по поводу женщин». Данная выборка позволила охватить период с момента становления Советской Республики до событий современности, отразить развитие советской гендерной политики с 1920 г. по наши дни.

Политика репрезентаций и репрезентация политики

Политическая направленность праздника в дореволюционный период и первое десятилетие советской власти определялась эмансипаторной риторикой женского движения и социалистической идеологии, будучи обусловлена необходимостью привлечения женских масс к активной политической деятельности. В первые годы советской власти большевики в ответ на политическую необходимость создали и реформировали образ новой советской женщины, определили ожидаемые от нее роли и обязанности, причем язык празднования 8 Марта использовался, чтобы усилить именно общественную сторону жизни советской женщины. Для этого периода, как указывает Н.Л. Пушкарева, характерно «весьма ограниченное восприятие женского движения лишь как «части революционного потока» в марксистско-ленинской теории. Большевики, пришедшие к власти в октябре 1917 г., во-первых, не без издевок «отменили» деятельность женских «буржуазных» организаций. Во-вторых, негласно было объявлено, что научный интерес представляет лишь вопрос о «женском ферменте» (выражение К. Маркса) в истории большевистской партии и рабочего движения. Женщины не представляли собой класса; следовательно, их статус и устремления как социальной группы, объединенной внеклассовыми интересами, казались вымыслом, фикцией[573]. И хотя первая советская конституция 1918 г. подтвердила политическое и социальное равноправие мужчин и женщин, которое в течение долгих лет было целью женского освободительного движения в России, большевистская идеология настойчиво подчеркивала классовый характер равноправия, отдавая приоритет интересам и потребностям женщин «трудящихся классов» — рабочих и крестьянок. Таким образом, как справедливо отмечает Ю. Градскова, «пролетарский вариант гендерного равноправия сразу же исключил из сферы своего действия значительную часть женского населения России»[574] — интеллигенцию, духовенство, прислугу, иные «чуждые классовые элементы». Этим и определяется тот факт, что «женская тема» в публикациях послереволюционных лет и в последующие десятилетия обсуждалась в рамках «решения женского вопроса», «освобождения женщины от рабского домашнего труда в условиях строительства социализма»[575].

Начиная с 1920-х гг. из политической акции, содержанием которой была борьба женщин за свои права, 8 Марта превратилось в Международный день работниц, получивший официальный статус праздника, хотя и не ставший выходным днем. В праздничных публикациях к женщинам обращаются исключительно как к работницам и крестьянкам: *«Привет работнице и крестьянке в международный коммунистический день! Международный женский день мы отмечаем как великий смотр трудящихся женских масс, объединившихся против буржуазного строя. Сегодня, 8 Марта трудящиеся женщины будут выставлять международные требования»* (Известия, 8 марта 1925).

Равенство перед законом значило, что гражданские и политические права, ранее отсутствовавшие, существовали теперь для всех, за исключением прежних «эксплуататоров», и адресатами праздничных поздравлений выступают работницы и крестьянки. При наличии в СССР ограниченной системы средств массовой информации, инструментальный и креативный потенциал Международного женского дня использовался большевиками в целях пропаганды целей и задач революции среди полуграмотного населения[576]. Центральная советская газета «Известия» акцентирует внимание на идее В.И. Ленина о том, что необходимо «*втягивание в политику именно тех, кто был всего более угнетен при капитализме, а втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин*» (Известия, 8 марта 1925). Газета Коммунист также апеллирует к

[573] Пушкарева Н.Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С.72.

[574] Введение в гендерные исследования. М., 2000. С.95.

[575] Самойлова Н.К. Работницы в Российской революции. Пг., 1919; Курская А. Участие женотделов в проведении кампании по ликвидации неграмотности // Коммунистка. М., 1923. №8. С.10-11; Ковнатор Р.А. Женский вопрос в свете ленинизма // Там же. 1925. №1; Крупская Н.К. Женщина страны Советов — равноправный гражданин. Сборник статей 1917—1937 гг. М., 1938. Приводится по: Пушкарева Н.Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С.69-95.

[576] Chatterjee Ch. Celebrating Women: International Women's Day in the Soviet Union, 1917—1939. Indiana: Indiana University Bloomington, 1991.

высказываниям В.И. Ленина: «*Дело Советской власти будет доведено до конца, когда в нем примут участие миллионы работниц и крестьянок*» (Коммунист, 7 марта 1925). В выпуске Известий от 9 марта 1925 г. приводятся сталинские слова: «*Трудящиеся женщины, работницы и крестьянки являются величайшим резервом рабочего класса. Выковать из женского трудового резерва армию работниц и крестьянок, действующих бок о бок с Советской армией пролетариата — в этом решающая задача рабочего класса*». В день 8 Марта местная газета пестрит лозунгами: «*Работницы и крестьянки, ближе к советам, органам власти, управлением страной!*», «*Укрепим союз работниц и крестьянок!*» (Коммунист, 7 марта 1925).

Международный женский день использовался большевиками для конструирования идеологически-ориентированного публичного пространства в противовес традиционной для женщины политически-нейтральной приватной сфере[577]. В официальных обращениях партии и правительства к трудящимся женщинам, постановлениях к Международному коммунистическому женскому дню — отсутствие всякой лирики. Здесь «самоотверженные и мужественные» женщины, раскрепостившиеся от цепей рабства и мелкособственнического уклада жизни, как важнейший ресурс политической лояльности и экономической стабильности ставятся на один уровень с мужчинами, приобщаются к политической и общественной деятельности, в том числе благодаря новой семейной политике, допускавшей аборт и разводы.

Как указывает Н.Л. Пушкарева, 1920-е гг. характеризуются лавиной научных публикаций, посвященных «раскрепощению» женщины в Советской России: «Поначалу — в 20-е гг. — появлялись по большей части лишь статьи в журналах, доказывавшие значительность участия женщин в революции и Гражданской войне, затем стал обобщаться опыт работы женсоветов и женотделов, созданных в первые послереволюционные годы, процесс ликвидации неграмотности среди женщин, вопрос о праве женщин на гражданский брак, свободный развод и аборты. Огромное место в исследовании «женского вопроса» стали занимать ставшие к тому времени модными социологические исследования типа «Женский труд в СССР» или «Безработица среди женщин и борьба с нею», в которых обосновывалась необходимость и перспективность использования женского труда в промышленном производстве, в том числе в традиционно «не-женских» отраслях (металлургии, тяжелой промышленности, строительстве, тракторном деле)»[578].

Культурному и социальному раскрепощению женщины способствует семейная политика государства, а точнее первый ее этап. Упрощенная процедура заключения брака и развода, декрет о разрешении медицинских абортов по желанию женщины — все перечисленные положения нашли свое подкрепление в изданном в 1926 г. законодательстве о браке и семье. В этом же духе звучат и стихи Н. Асеева, обращенные к женщине — работнице и крестьянке. Текст изображен на знамени, которое держит в руках работница — пролетарка: *«Быт — Кащей, // С ним на борьбу // От пеленок и щей! // Работница мира, сорви чадру, // Сама управляй судьбой, // Лишь тот тебе муж, и друг, и брат, // Кто трудится рядом с тобой!»* (Известия, 8 марта 1925)

Читаем здесь же: «*Женщины продолжают оставаться домашней рабыней, несмотря на все освободительные законы, но ее давит, душит, отупляет, принижает мелкое домашнее хозяйство, приковывая ее к кухне и детской, расхищая ее труд работой, по дикости непроизводительною, мелочною, изнервливающею, отупляющею, забивающею*» (Известия, 8 марта 1925).

Однако разрешение разводов и абортов само по себе не могло полностью решить проблему гендерного равенства в частной жизни. Сыграли свою роль экономические проблемы, воспрепятствовавшие государству взять на себя функции материального обеспечения и воспитания детей, создания «*укрупненного, общественного, социалистического быта*» (Известия, 8 марта 1930). И хотя женщин интегрировали в совокупную рабочую силу, раннебольшевистские мечты о переводе домашних функций в публичную сферу так и не были реализованы за исключением ухода за детьми. Даже в крупных городах фактические права женщин при устройстве быта и распределения обязанностей в коммунах постоянно нарушались, а женщины нередко рассматривались не как равноправные участницы сексуальных отношений, а лишь как объект мужского сексуального желания[579].

В период индустриализации, коллективизации и партийных чисток провозгласили, что равенство полов достигнуто, хотя это было далеко от истины. С начала 1930-х гг. в Международный женский день пресса регулярно утверждала, что в СССР женщины не только радовались формальному правовому равенству, но и реализовывали равные права на практике (Известия, 8 марта 1933). Теоретические аргументы 1920-х гг. о домашнем

---

[577] Ibid.

[578] Пушкарева Н.Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С.72-73.

[579] Введение в гендерные исследования. М., 2000. С.101.

труде, материнстве, браке и сексуальности были вытеснены утверждениями, которые связали равенство полов с событиями Октябрьской революции, коллективизацией сельского хозяйства и построением социалистической экономики. Равенство полов, в соответствии с официальной идеологией, было достигнуто в результате фундаментальных изменений в обществе, в связи с чем никакой особой дискуссии о женщинах не требовалось, поскольку их жизнь рассматривалась теперь лишь как часть советской системы[580].

К началу 30-х гг. по мере укрепления тоталитарных государственных структур Коммунистическая партия все меньше нуждалась в женских общественно-политических организациях. Продвижение к идеалу «тотального равенства» требовало насильственного стирания всяких культурных различий (гендерных, этнических, социальных). Пролетарско-интернационалистский дискурс[581] дополняется кодами сравнения социального положения советских женщин с ситуацией их сестер за рубежом — сравнения, которое осуществлялось в пользу социалистического образа жизни и социалистических принципов равноправия. «*Советская женщина — строитель коммунизма*, — цитируем праздничный выпуск газеты Известия, — *советские женщины — самые счастливые женщины в мире! Они завоевали себе почетное место в рядах строителей социализма, пользуются всеми правами наряду с мужчинами*» (Известия, 8 марта 1930). На смену образа большевички, сподвижницы рабочего класса, резерва армии труда на первый план выступает «*освобожденная, культурная и социально раскрепощенная женщина*» (Известия, 7 марта 1941). Газета Коммунист в этой связи приводит слова Ленина:«*Настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, массовая перестройка его в крупное, единое социалистическое хозяйство.*» (Коммунист, 7 марта 1930).

Второй этап в семейной политике относится к середине 30-х гг. В 1936 г. знаменитая сталинская Конституция провозгласила: «В СССР решена задача огромной исторической важности — впервые в истории на деле обеспечено подлинной равноправие женщин». По выводам Н.Л. Пушкаревой, «в работах второй половины 30-х гг. появилось настойчивое противопоставление «ужасного прошлого» русских женщин и их «прекрасного настоящего». «Рабская забитость» женщин при капитализме противопоставлялась свободному труду на социалистическом производстве»[582]. Укрепляющееся тоталитарное государство пытается ограничить свободу частной жизни, применяя все более жесткие методы контроля. Юридически эта тенденция была закреплена в законе об отмене абортов по желанию женщины (1936 г.), усложнением процедуры развода (1944 г.). Между государством и женщиной укрепляется сформировавшийся с первых дней советской власти гендерный контракт «работающей матери»[583], продолжает развиваться система институциональной поддержки сочетания материнства с оплачиваемой занятостью женщин на рынке труда. Для женщины семья оставалась частью предписанной ей государством роли, неизбежным противовесом работе, эквивалентом личного времени. При советском режиме государство частично создавало условия для реализации этой модели. Советский женский идеал — «работающая мать» — предполагал институциональную поддержку трудовой и материнской мобилизации «советских гражданок». В первую очередь, в праздничных газетах все чаще звучат хвалебные слова в адрес матерей и того, кто обеспечивает счастливое материнство: «*Материнство окружено в Советской стране всенародным почетом и заботами государства. Это ярко выражено в усилении помощи матерям. Советское государство, коммунистическая партия, дала неисчерпаемые возможности советской женщине для творческого труда и счастливого материнства*» (Известия, 8 марта 1935).

В то время как практическая программа по организации общественного быта, стартовавшая с конца 20-х гг., все более сокращалась, пропагандистские обещания улучшения положения женщин в будущем за счет создания фабрик-кухонь, столовых, общественных прачечных звучали все громче, становились одним из важнейших механизмом манипулирования женским сознанием. Неоднократно высказывается и форсируется мысль о том, что Октябрьская революция дала женщине равные права с мужчинами. Сам тон этих заявлений так или иначе ставит трудящуюся женщину в позицию получателя даров. Факт того, что «равные права» были «переданы» женщине показывает существование определенного неравенства и представления о вторичности женщины по отношению к мужчинам — освободителям. Женщина — объект, которому приносят, передают, оказывают помощь, поднимают

---

[580] Buckley M. Women and Ideology in the Soviet Union. New York, London: Harvester Wheatsheaf, 1989. P.112.

[581] 8 Марта за рубежом // Сб. статей к международному женскому дню. М.; Л., 1930.

[582] Пушкарева Н.Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С.73.

[583] Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. №3/4. С.171-181.

на высоту, дают возможность и, разумеется, ждут огромной благодарности: «*Высокие, благородные качества воспитаны в советской женщине партией Ленина-Сталина, плод завоеваний революции, принесший трудящимся женщинам подлинное освобождение. Советское государство подняло женщину на невиданную высоту, оказало огромную помощь, создало возможность пользоваться всеми правами*» (Известия, 7 марта 1941).

В прессе четко определено семантическое поле образа советской женщины: «трудящиеся женщины, женщины-работницы, ученые, колхозницы, женщины-матери, воспитывающие новое поколение строителей коммунизма». Привлекая идею Ч. Четтерджи, отметим, что «именно Международный женский день использовался большевиками для конструирования нейтрального публичного пространства в противовес традиционной для женщины приватной сфере»[584]. Проецировался образ женщин как «великой силы советского общества», «великой армии труда» и «колоссального резерва рабочей силы». По образному выражению М. Бакли, идеологический прожектор высвечивал их коллективные достижения, но не проблемы, с которыми они сталкивались[585]. Социалистический реализм выносил на повестку дня визуальные образы женских ролей. Иллюстрации и фотографии в советских книгах, журналах и газетах, которые ранее посвящались политической мобилизации женщин, сейчас показывали счастливых улыбающихся энтузиасток, уверенно ведущих тракторы и работающих на фабриках, собирающих урожай с потрясающей скоростью и выполняющих стахановские задачи на капустных полях(Известия, 8 марта 1930).

С середины 1930-х гг. масштабы празднования Международного женского дня приобрели государственный размах. Публичный характер праздника активно поддерживался международным движением женщин за свои права. Обмен поздравительными адресами, отчеты о положении женщин в других странах мира, конференции и слеты, приуроченные к Международному женскому дню, расширяли публичное пространство празднования. Из публикаций праздничных выпусков газет этих лет явствует, что Международный женский день в разной степени отмечали в целом ряде государств, включая Советский Союз и Китай, Англию, Германию, другие страны Европы и Америки, где существовало женское рабочее движение. Большое место в обзоре новостей в газетах, посвященных 8 Марта, занимают заметки о деятельности активистов женского движения левой ориентации — «*Собрание в США в честь международного женского дня*»; «*Английская женщина на боевом посту — письмо из Англии*», «*Только в 1942 г. в Англии начали отмечать Международный женский день как широкий национальный праздник. В нынешнем году объединенный комитет по проведению 8 Марта провел большой митинг, требуя равное положение с мужчинами, полное выражение своих демократических требований*»; «*Прибытие делегации советских женщин в Хельсинки*» (Коммунист, 9 марта 1945). В других материалах демонстрируется международная солидарность женских организаций, при этом зачастую в подтексте присутствует ведущая роль Советского Союза «*Приветствия из-за границы от женщин мира по случаю международного женского дня: от национального комитета Международного женского дня из Лондона, из Софии, Варны, от федерации славянских женщин из Монреаля*», а иногда эта ведущая роль репрезентируется напрямую: «*Собрание в США в честь международного женского дня. Женский комитет американо-советской дружбы устроил прием в честь Международного женского дня, где присутствовала супруга президента США Элеонора Рузвельт и супруга государственного секретаря США, посла СССР в США Громыко и др. Они отметили, что всех женщин мира объединяет дружба, взаимопонимание, сотрудничество и единство в борьбе за мир. И ведущая роль в международном женском движении принадлежит советской женщине*» (Известия, 9 марта 1945).

По словам М. Бакли, «Миф стал навязываемой реальностью, тогда как аспекты реальности игнорировались. Женщины в большей степени показывались как экономический ресурс, а не категория людей, стремящихся к личному самовыражению в творческой работе и финансовой независимости. Не было дискуссии об агониях и радостях освобождения или о том, как справиться с сопротивлением и враждебностью к новым ролям женщин. Это было идеологическими областями умолчания»[586]. Счастливое положение трудящейся женщины в стране социализма постоянно сравнивается с бедственным положением женщин за рубежом: «*Привет работнице и крестьянке в международный коммунистический день! Международный женский день мы рассматриваем как великий смотр трудящихся женских масс, объединившихся против буржуазного строя. Капиталистический мир имеет для них только презрение, отказывает им в действительном равноправии как в семье, так и в обществе, дает им лишь крохи, лишь бумажные права*» (Известия, 7 марта 1941). И здесь советским женщинам

[584] Chatterjee Ch. Celebrating Women: International Women's Day in the Soviet Union, 1917—1939. P.29.
[585] Buckley M. Women and Ideology in the Soviet Union. P.113.
[586] Ibid. P.115.

не дают забыть, кому они обязаны своим нынешним положением: «*Советские женщины — самые счастливые женщины в мире!*» (Известия, 8 марта 1941).

Освобождение женщин в этот период рассматривалось лишь как часть классовой борьбы. А поскольку официальная идеология зафиксировала триумф социализма, это означало, что освобождение женщин осуществилось. Пропаганда сфокусировалась на вкладе женщин в индустриализацию и коллективизацию в 1930-е гг. и участие женщин в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. В годы войны приоритетным кодом в репрезентациях женщин вновь становится их труд на благо Советской Родины, во имя Победы: «*Советская женщина доказала, что по праву может называться достойной дочерью героического народа. Международный женский день — день дальнейшего усиления помощи Красной Армии, дальнейшего укрепления военной и экономической мощи советского государства. Родина ждет от советской женщины дальнейших подвигов в работе для фронта. Помыслы каждой советской патриотки должны быть направлены на еще более энергичный труд, непрестанное увеличение выпуска вооружения, боеприпасов, чтобы новыми подвигами приблизить час полной победы над врагом*» (Известия, 8 марта 1945). В течение всех военных лет в праздничных выпусках газет формируется образ женщин как патриотов, которые боролись с фашистами на фронте, выхаживали раненых и праздновали триумфальную победу Красной Армии над врагом.

Традиционный смотр достижений советской женщины дополняют свидетельства ее активного участия в военных действиях. Наряду с уже ставшим традиционным образом женщины — труженицы появляются новые героини — «*блестящие мастера военного дела — летчицы, связистки, снайпера, зенитчицы, военврачи*» (Известия, 8-9 марта 1945). Это, как правило, сильные, яркие характеры, но все чаще в создании «положительного образа» героинь используется описание тех качеств, которые указывают не на «абсолютное равенство» мужчины и женщины и их идентичность, а на то, что должно быть присуще женщине. Конечно, речь идет не о подборе персоналий, а о тональности дискурса — вот, например, слова одной из героинь, Героя Советского Союза авиатора С. Никулиной в статье «Наша боевая жизнь»: «*Мы не суровы по характеру — нас заставили быть такими. Пройдя всю войну, мы сохранили мягкость и нежность, свойственные советской женщине. Стараемся сделать свое жилище уютным и красивым, любим цветы и стихи, но пока делаем суровое дело*» (Известия, 8 марта 1945).

На страницах праздничных газет красной нитью проходит обращение: «К новым подвигам, советские патриотки!» (Известия, 8 марта 1945). Но кто же на самом деле является героем дня? Ради чего советская женщина самоотверженно работает и мужественно переносит тяготы войны? Легитимный дискурс содержит ответы на эти вопросы: «*В отечественной войне советские женщины защищают свою родную власть, давшую им свободу, все политические права, возможности для творческого труда и счастливого материнства*» (Коммунист, 9 марта 1945). Даже в праздничном дискурсе женщины уходят на второй план: они «*оказались достойными своих отцов и сыновей, мужей и братьев, защищающих Родину от немецко-фашистских извергов*» (Известия, 8 марта 1945); ее поступки должны заслуживать «патриархального» одобрения: «*Великий Сталин высоко оценил труд и борьбу советских женщин. Советская женщина доказала, что по праву может называться достойной дочерью героического народа: она многое перенесла, несет на себе тяжелое бремя, стала главой семьи, приняла на себя труд мужчин во имя Родины, благословив воинов на смертный бой с врагом*» (Известия, 8 марта 1945).

С новой силой в прессе военных и послевоенных лет звучит тема материнства: «*Тысячи многодетных матерей, вырастивших своих сыновей храбрыми и бесстрашными воинами, удостоены правительственных наград*». Праздничный выпуск газеты «Известия» публикует указ о награждении многодетных матерей. Эту тему развивает и газета «Коммунист» Так, в статье «Советские женщины в Отечественной войне» вполне конкретно обозначена главная функция советской женщины: «*Советская женщина вырастила доблестных воинов, задача советской власти — забота о женщинах — матерях, ведь они призваны воспитывать наших детей*» (Коммунист, 8 марта 1945). В целом газетные публикации военного времени сохраняют героический пафос, но к концу войны — в 1945 г. — появляются и лирические страницы, в статьях встречаются обращения к женщинам как «милым подругам», «верным женам», «любимым матерям», публикуются.стихотворения (Софронов «О любви», «Письма на фронт» — Известия, 8 марта 1945).

Исследования историков убеждают в том, что героическая символика женского образа была важным дискурсивным кодом военного времени и последующего десятилетия советской власти: по данным Н.Л. Пушкаревой[587], в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. вышло немало агитационно-публицистических очерков (в том числе в виде брошюр), в которых настойчиво акцентировалась тема традиционности в России женского героизма, самопожертвования, самоотдачи. Этот мотив прозвучал и в первой диссертации о русских женщинах-врачах, защищенной в трудных условиях войны[588]. Ту же направленность сохранили и исследования по истории «решения женского вопроса в СССР», выпущенные в послевоенные 40—50-е гг. Женский вопрос окончательно стали определять как «неотъемлемую часть общей борьбы рабочего класса за свое освобождение», который поэтому «мог быть решен лишь при условии полного равноправия трудящихся»[589].

В условиях военного времени становится первоочередной необходимость дальнейшей институциализации советской семьи. В 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР принимает указ, согласно которому лишь зарегистрированный брак считается легитимным и порождает права и обязанности супругов[590]. Фактически этот указ перекладывал всю ответственность за внебрачную связь, всю тяжесть ее последствий целиком и полностью на женщину и рикошетом — на рожденных ею детей[591]. В дополнение к этой мере государство усложнило процедуру развода, который теперь считался признаком «моральной неустойчивости» гражданина и влек за собой серьезные административные и партийные взыскания. В праздничном обращении к советским женщинам находим сталинские постулаты о «решенном женском вопросе»: «*Большой теплотой и заботой окружены женщины в нашей стране. Партия и правительство создают все условия для того, чтобы советские женщины могли спокойно учиться, работать, расти, полностью осуществлять великие права, предоставленные им Сталинской Конституцией, детские сады, ясли, детские санатории и женские консультации, помощь многодетным и одиноким матерям. Где, в какой еще стране существует забота о женщинах-матерях? Где еще женщины пользуются такими правами? Нет в мире такой другой страны*» (Известия, 9 марта 1950). Соответственно, каждая из статей о женщинах-современницах неизменно заканчивается словами огромной благодарности «товарищу Сталину». В данном случае он выступает как «отец народа», благодетель, гарант свободы и независимости советской женщины: «*Стремление к светлой цели, твердость духа, беспредельная верность советскому народу, неиссякаемая энергия, выдержка в бою и в труде все эти благородные качества советских патриоток привил нам великий Сталин. Товарищу Сталину мы обязаны всеми нашими успехами*» (Коммунист, 8 марта 1950). Лирическая страница газеты Известия представлена стихотворением Е. Шевелевой: «В агитпункте»: «*Заговорили о труде и о растущем изобильи // О Сталине в наш женский день мы горячо заговорили*» (Известия, 8 марта 1950).

В первые послевоенные годы обе газеты представляют читателю типичный сценарий проведения Международного женского дня: «*8 Марта прошло общемосковское собрание, посвященное Международному женскому дню, где присутствовали представители многочисленной армии трудящихся женщин, знатные стахановки, прославленные героини труда. Председательствующая объявляет собрание открытым. Звучит гимн СССР. Избирается почетный президиум во главе с тов. Сталиным. Звучит доклад. Праздник проходит в обстановке огромного политического подъема, победоносной борьбы за коммунизм. В передовых рядах бойцов за построение коммунизма — советские женщины. Наравне с мужчинами ведут активную борьбу. Женщина живет радостной и счастливой жизнью, и этим она обязана родному советскому правительству*». Далее следуют слова благодарности коммунистической партии и лично товарищу Сталину: «*С большим подъемом собравшиеся участники приняли приветствие тов. Сталину*». Юные москвичи приветствуют своих матерей и старших сестер и поздравляют их с праздником 8 Марта (Известия, 8 марта 1950).

Женщина вновь выступает в роли реципиента, принимающего политические и социальные блага, субъектом, которого «поддерживают», «открывают радостную жизнь», «поднимают на недосягаемую высоту». Положительные героини, как правило, — женщины, достигшие высокого положения благодаря советской власти:

---

[587] Пушкарева Н.Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С.73-74.

[588] Коненко Е. Девушки-героини. М., 1941; Советская женщина — защитница Родины. Иваново, 1942; Розова К.Л. История первых русских женщин-врачей. Дисс... к.и.н. М., 1945. Подробнее литературу см.: Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974. Приводится по: Пушкарева Н.Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С.69-95.

[589] Бильшай В.Л. Советская демократия и равноправие женщин в СССР. М., 1948. Цит. по: Пушкарева Н.Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С.69-95.

[590] Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. №32..

[591] Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1988. С.77.

Статья «Дочери Казахстана» рисует образ «*активной участницы грандиозных событий», которой «советская власть открыла светлую и радостную жизнь. Она едет большую многогранную работу, возглавляет институт биологии АН Казахской ССР. Первая среди женщин-казашек, кандидат и доктор. Казахский народ высоко оценил заслуги – послал депутатом в Верховный Совет СССР*» (Известия, 8 марта 1950).

Подобным образом представлена судьба героини очерка «Женщины русских селений»: «*Колхозный строй поднял крестьянку Веру Ивановну Соколову, государство пригласило на службу участкового зоотехника. В годы войны организатор, боец, служит народу всеми приобретенными знаниями, агитатор, руководитель зоотехнического кружка при избе- читальне, член лекторской группы, борется за общественное богатство колхоза, за Сталинский устав колхозной жизни, за процветание Родины, благоденствие народа и государства*». Галерею женских образов продолжают молдавская певица М. Чабан — «*дочь крестьянина, бедняка, ее жизнь была наполнена горечью беспросветной жизни в порабощенной Молдавии. Счастье принесла Советская власть, великий русский народ, рука братской помощи, широкая дорога к свету*» и «знатный мастер нефтедобычи» — «*замечательный образ казахской женщины, ставшей благодаря советской власти передовым человеком, крупным производственником и государственным деятелем. До советской власти была нищей батрачкой, не грамотной, не имела никакой квалификации. Советская власть обучила грамоте. Сейчас она лучшая нефтяница*» (Известия, 8 марта 1950). В галерее женских образов появляются матери-героини. Так, «*уборщица товарищ Федорова — мать семи детей*» обращается в своем выступлении лично к товарищу Сталину, чтобы передать «*великое материнское спасибо за счастливую жизнь, за заботу о нас, простых людях*» (Коммунист, 8 марта 1950).

Пропаганда материнства была созвучна идеологии анти-абортного законодательства 1936 г. и подкреплялась фактами о развивающейся системе здравоохранения, образования и социального обеспечения. Аборт перестает быть частным делом: личное становится политическим. Материнство представляется как высшее право женщины при социализме, социальная ответственность женщин перед государством, которой нельзя избежать[592]. В послевоенное время государство поощряет матерей-одиночек ввиду демографического дисбаланса по полу. Складывается определенный образ «советской гражданки», «работающей матери», транслируемый со страниц газет с нескрываемой симпатией: «*Требовательная к себе и энергичная, хрупкая светловолосая женщина*». Сын и дочь — пионеры, ее отличает «нежная материнская любовь». «*Заботливая мать, заботливая хозяйка, депутат, Герой Социалистического Труда*» вступает в партию, она «*выросла и окрепла вместе со страной*», ее отличает душевная теплота: «*Сила в голосе, строго обставленный кабинет», деловая женщина, богатая трудовая биография, "горит в работе*"»; «*Наша настоящая советская гражданка, сочетающая мужество работника, творца нового общества, с истинной нежной женственностью*»; «*Светлой дорогой, при товарищеской поддержке рабочего коллектива, партии и советской власти движется все вперед и вперед наша советская женщина*» (Известия, 8 марта 1950).

Приватизация политического

После смерти Сталина официальная идеология все меньше присутствовала в частной жизни. В отличие от строгого контроля над соблюдением семейных ролей и сексуальным поведением советских граждан в 1930—1950-е гг., в более мягкой практике позднего социализма государственная политика нашла свое выражение в манипулировании моральными категориями «прочной социалистической семьи». Категория положительных героинь этого периода связана с традиционными образами женственности: верная подруга, ждущая своего мужа; ухаживающая за больным возлюбленным; самоотверженная, образцовая мать; умелая домохозяйка. В то же время, конечно, нельзя сказать, что роль советской женщины как матери рисуется исходя из однозначно прагматических соображений. Существует определенная идеологическая традиция, подчеркивающая активное участие женщин в общественной жизни, следуя которой женщина должна быть активной и самостоятельной гражданкой своей страны. В каждом официальном отчете о достижениях советских женщин приводятся цифры о занятости женщин в сфере производства, на руководящих постах, в сфере науки, искусства. В праздничных номерах появляется реклама подарков к Международному женскому дню. Как правило, это предметы бытовой техники, швейные машины, посуда.

Со второй половины 1950-х гг., несмотря на то, что в публичном дискурсе день 8 Марта все еще остается «смотром достижений советских женщин», на приватном, межличностном уровне, в кругу семьи, на производстве, по личному ощущению Международный женский день становится всенародным праздником — «Праздником 8 Марта». Происходит постепенная «приватизация» праздничного пространства, что, однако, не означает сокращения его масштабов. Международный день трудящихся женщин трансформируется в «женский день» — праздник всех женщин, невзирая на возраст и статус занятости. Из Международного женского дня он

[592] Buckley M. Women and Ideology in the Soviet Union. P.131.

превращается в праздник мам, бабушек и внучек, торжество в семье, небольшом коллективе на работе, школьном классе. Приватизация 8 Марта воплощается в практиках потребления, освоения пространства и праздничного времени. Несмотря на то, что празднование зачастую сохраняет свой традиционный сценарий, включая официальные поздравления, подведение итогов, бюрократические моменты, связанные с ритуалами публичных заседаний и награждений, в тех же официальных обращениях все чаще появляются теплые, носящие более личный характер слова, адресованные женщинам, в репертуаре приглашенных артистов эстрады вместо патриотического репертуара появляются песни о любви.

Таким образом, именно со второй половины 1950-х гг. происходит символическая приватизация праздничного пространства 8 Марта при одновременном увеличении его масштабов. Несмотря на то, что в публичном дискурсе 8 Марта все еще остается «смотром достижений советских женщин», Международный женский день становится всенародным праздником. Как пишет М. Бакли, «После героического языка сталинской эпохи, восхвалявшего достижения женщин в промышленности, сельском хозяйстве, обороне и материнстве, наступило официальное признание, что успехи женщин при социализме на самом деле были скромными… но женский вопрос все еще официально считался «решенным». Во время хрущевского правления существовало противоречие между идеологическими утверждениями об успешности освобождения женщин при советском социализме и более реалистическими наблюдениями о жизни женщин… Больше места в «Правде» и «Известиях» от 8 марта, например, посвящалось участию женщин в политике, порой захватывая и выпуски от 9 марта»[593]. При этом призывы ЦК КПСС к советским женщинам более активно участвовать в политической и общественной жизни могли соседствовать на одной странице с утверждениями об освобождении советских женщин при социализме (Правда, 8 марта 1957).

По выводам С. Айвазовой, только после смерти Сталина откровенно патриархатный крен в государственной политике начинает выравниваться, а противоречия в законодательстве о социальном статусе женщин — постепенно сниматься и отчасти загоняться внутрь. Задачей социальной политики становится совмещение принципа свободы и равенства граждан того и другого пола с принципом защиты и укрепления социалистической семьи как базовой ячейки общества. В годы «оттепели» реформа образования (1954) восстановила смешанное по полу образование, в 1955 г. был вновь легализован аборт[594], а кодекс РСФСР о браке и семье 1969 г. значительно упростил развод, восстановил возможность установления отцовства как в добровольном, так и в судебном порядке[595]. В новом законодательстве о браке и семье речь впервые шла не столько о долге и обязанностях женщин, сколько об их «правах», здесь делался акцент на понятиях «счастливое материнство и детство», «поощрение материнства»[596]. В прессе, выпускавшейся к дню 8 Марта в 1970—80-е гг., официальные обращения к женщинам сменяются камерными поздравлениями в их адрес. К «трудящимся советским женщинам» все чаще обращаются как к просто женщинам, женам, матерям, подругам.

В историографической работе Н.Л. Пушкаревой[597] указывается, что код «раскрепощения» женщин в годы советской власти[598] остается центральным для советских историков 1960—1970-х гг., как и в довоенные десятилетия. В этих исторических публикациях утверждалось, что ко времени их написания «женский вопрос в СССР решен» (при этом расширились хронологические рамки: вместо конца 1950-х гг. стали указывать время написания работы).

Одним из изменений в политике гендерных репрезентаций начиная с 1960 гг. стал постепенный отказ от «идеологии бесполости», отсутствия существенных отличий между мужчиной и женщиной, апелляции к «естественным» гендерным различиям. Падение рождаемости способствовало усилению пропаганды того, что женщина в первую очередь является матерью: «*С чувством глубокой признательности мы обращаемся к женщине-матери. Она дарит ребенку жизнь, стоит у его колыбели, отдает тепло и нежность своей души, стремится вырастить достойного гражданина нашей Родины*» (Известия, 7 марта 1960). Портреты сексуально

---

[593] Ibid. Pp.139-141.

[594] Об отмене запрещения абортов. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. // Постановления КПСС и Советского правительства об охране здоровья народа. М., 1958. С.333.

[595] Гендерная экспертиза российского законодательства / Под ред. Л.Н. Завадской. М., 2001. С.106.

[596] Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1988. С.80.

[597] Пушкарева Н.Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С.69-95.

[598] Ткаченко В.М. Опыт решения женского вопроса в СССР. Минск, 1975; Шахмет А.В. Коммунистическая партия — организатор вовлечения женщин в социалистическое строительство. Л., 1977; Опыт КПСС в решении женского вопроса. М., 1981. Цит. по: Пушкарева Н.Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С.69-95.

привлекательных красавиц на обложках журналов и страниц газет заменили работниц в косынках. Со страниц газет и с телеэкрана мужчины все чаще призывают вернуть «женщине — женственность», а женщины выражают тоску о «настоящем мужчине».

Спад рождаемости, уменьшение размеров семьи, постарение населения вследствие урбанизации, индустриализации и людских потерь в 1970-е гг. вызывают к жизни дискуссию о том, как поощрить многодетную семью, при этом роль мужчины как отца семейства, как воспитателя детей не проблематизируется. Именно к 1970-м гг., кстати, относится зарождение отрицательного отношения к буржуазному феминизму[599]. Итог законодательных поисков в направлении равенства мужчин и женщин — Конституция 1977 г., одна из тем которой — равномерное распределение семейных обязанностей между супругами. Советская семья перестала быть чисто патриархальной, хотя еще не стала эгалитарной, партнерской. Официальная идеология по-прежнему не может признать в мужчине полноценного члена семьи, отца, имеющего те же, что и женщина, права, связанные с рождением и воспитанием детей, а также базируется на классическом советском понятии «женщина-мать», а не на понятии полноценной гражданки, для общественного признания которой не нужны никакие дополнительно обозначенные функции[600].

Начало 1980-х гг. характеризуется четким акцентом на роль женщины как матери и воспитателя детей. В опубликованных прессой отчетах о достижениях женщин в общественной и политической жизни все чаще подчеркивается важность образа женщины-матери, хранительницы домашнего очага. В середине 1980-х гг. публичный дискурс и социально-экономические реалии возвращают женщину в семью, постепенно происходит и деполитизация «женского праздника», его публичное пространство приватизируется. Появление в конце 1980-х гг. новой идеологии в отношении женщин связано с политикой М. С. Горбачева, который внес в общественную дискуссию женского вопроса «идеологический диссонанс»[601], предлагая наряду с продвижением женщин по службе и улучшением их условий труда «вернуть женщине ее истинное призвание»[602].

Именно этим вызваны выступления М.С. Горбачева в начале перестройки, призывающего вернуть «женщину домой». В 1987 г. он заявляет, что поскольку социалистическое развитие не оставило для женщин времени для их домашней работы, воспитания детей и семейной жизни, перестройка может вернуть женщинам их предназначение. Аргументы Горбачева беспрецедентны для советского прошлого и конфронтируют с марксизмом: перестройка приведет к экономической эффективности и избытку рабочей силы, а женское участие в рабочей силе плохо влияет на демографию, поэтому часть женщин рекомендуется высвободить из экономики, тем самым будет смягчен и эффект безработицы[603]. Если раньше женщина определялась как «работающая мать», долг которой — трудиться, производить будущее поколение работников, а также следить за домашним хозяйством, а взамен рассчитывать на защиту государства и независимость благодаря доступу к оплачиваемой работе, то в середине 80-х гг. публичный дискурс и социально-экономические реалии возвращают женщину в семью, постепенно происходит и деполитизация «женского праздника», его публичное пространство приватизируется. При этом акцент смещается на традиционные символы женского: пробуждение природы, цветение, плодородие, красота.

Восьмое марта в 90-х годах: политика потребления

Начиная с 1990-х гг. «изменение положения женщин вновь стало рассматриваться как один из приоритетов. Но по-прежнему различия между мужчинами и женщинами признавались непреложными: материнство и воспитание детей рассматривалось как «неотъемлемые и незаменимые функции» женщин»[604]. К 1990-м гг. увеличивается количество сатирических образов в выпусках газет, посвященных Женскому дню: в графике и слове высмеивается амбивалентное отношение общества к женщине и быстро сформировавшиеся традиции: «единственный день в году, когда отцы семейств моют посуду, а мужчины в транспорте уступают место с улыбкой — ваш день» (Известия, 8 марта 1990). Революционный пафос полностью исчез. Политические призывы заменяются более мягкими формами «пожелания»: «*Россия пока мало что хорошего сделала для женщин. Наше общество остается сугубо мужским, все важные решения принимаются мужчинами. Дело не в законах, а в социальной*

[599] Ibid.

[600] Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1988. С.81.

[601] Buckley M. Women and Ideology in the Soviet Union. Pp.194-195.

[602] Горбачев М. Перестройка и новое политическое мышление. М, 1988.

[603] Buckley M. Women and Ideology in the Soviet Union. P.199.

[604] Тартаковская И.Н. Социология пола и семьи. Самара, 1997. С.48.

психологии, которую изменить очень трудно. Но изменения вероятны, если сами женщины станут активнее их добиваться» (Известия, 8 марта 1995). Вместо женской солидарности — мимоза, вместо прав — открытки с праздничными восьмерками.

Пропагандистский тон практически полностью заменяет мягкий, а иногда и грустный юмор: «*Наша изнуренная жизнью и деятельностью женщина как правило чувствует себя таковой два раза в году — 8 Марта и 23 февраля — в одном случае ее поздравляют, а в другом — нет, но и то, и другое означает, что она женщина. При этом мужчины круглогодично и всесезонно пьют за прекрасных дам, выходит потребность в них еще сохранилась*» (Известия, 8 марта 1995). С юмором и всерьез в 1990-е гг. день на страницах газет 8 марта предпочитают обсуждать вопросы женственности, об этом говорят само название статей: «*Побольше бы женственности*», «*Еще раз о женщине*»: *«В этот день приятно сообщить отрадные факты о положении женщин. Сегодня таковых немного, хотя, конечно не без них. Например в Удмуртском госуниверситете снова возродились высшие женские курсы, вручили студенткам билеты, и теперь у юношей есть шанс жениться на курсистках*» (Известия, 9 марта 1995).

Единственное, что может напомнить нам о смысле празднования Международного женского дня в былые времена — это праздничные обращения представителей административных структур, например, как в этом обращении руководителя областной администрации: «*Уважаемые женщины области! Сегодня в центре внимания мужчин, общества, государства — мать, труженица, юная надежда семьи и близких, дорогая и любимая. Пусть всегда мужское внимание ободряет и поддерживает вас*» (СВ, 7 марта 2001).

Вместе с тем вряд ли можно говорить о полном исчезновении политического и идеологического аспекта празднования 8 Марта. Однако эта идеология меняется. Газетные репортажи отмечают факты, когда некоторые политические акции женщины приурочивают к Международному женскому дню: «*В международный женский день от Могилы Неизвестного Солдата у Кремлевской стены начнется Марш матерей, конечная цель которого — город Грозный. Марш будет делать остановки по дороге в Чечню во многих городах России, проводить митинги, шествия, пикеты и молитвы. В Саратове Марш пройдет 9 марта*» (СВ, 7 марта 1995). Однако это лишь небольшая заметка в ряду поздравлений, рекламного блока, предлагающего подарки к 8 Марта: «*Только 7 и 8 Марта! Дорогие мужчины! Сделайте подарок женщинам, которые рядом с вами. Подарите своей любимой отдых!*» или «*Бытовая техника от фирмы Партия — замечательный подарок для милых дам*» (СВ, 7 марта 1995).

Наиболее политизированные репрезентации женщин можно встретить с начала 1990 г., в левой и националистической прессе. Подробный анализ символического дискурса современной националистической прессы в отношении женщин можно найти в работе Т. Барчуновой, которая отмечает, что главными отличительными особенностями этого дискурса является виктимизация, деперсонализация и объектификация женщин[605]. Заметим, что представление женщин как объектов действия широко присутствует в современной националистической прессе — в терминах покорения, насилия. Напомним, что объектификация женщин, но «с обратным знаком» — в терминах эмансипации, возвышения — встречается в газетных статьях 1920—1930-х гг., когда сталинские газеты с воодушевление писали о достижениях советской политики в своем противоположном значении.

[605] Барчунова Т. Вариации в ж-миноре на темы газеты «Завтра» (женщины в символическом дискурсе националистической прессы) // Потолок пола / Под. ред. Т.В. Барчуновой. Новосибирск, 1998. С.47-90.

В настоящее время празднование 8 Марта все более подчиняется законам общества массового потребления, занимая свое место в империи праздничного бизнеса[606]. Развивается индустрия цветов и женских подарков. Реклама подарков в праздничных выпусках газет вносит свой вклад в создание женского образа, где подчеркивается приватность, интимность в праздновании женского дня. Общество массового потребления требует от женщины быть красивой и привлекательной. Этого помогают достичь средства по уходу за телом, косметика, широко рекламируемая как «*лучший подарок для любимой женщины»* (Известия, 8 марта 1995), модная одежда, шейпинг. Общество потребления заставляет традиционно смотреть на самих себя с точки зрения потребителей рекламируемых продуктов, как в известном слогане об эксклюзивной косметике: «*Ведь я этого достойна*». Здесь женщина — идеальная домохозяйка, которая, чтобы проявить себя, должна быть в курсе экономичных и эффективных моющих средств и продуктов быстрого приготовления, или молодой, стройный, следящий за собой сексуальный объект, занятый в модельном бизнесе.

Женщина — хранительница очага, организатор мужского потребления. Так воспроизводится патриархальная идеология в отношениях между полами. Подобные образы современной женщины охотно демонстрируются, даже с некоторой иронией, со страниц праздничных выпусков газет: «*Трудно будет представить, что будет твориться в Ижевске через 4,5 года, когда высшие женские курсы дадут первый выпуск, и из дверей выйдут 35 красивых и не в меру образованных женщин. Некоторые пройдут по улицам города пешком и все встречные оценят их грациозную походку как следствие уроков хореографии. По окончании курсов девушки получают высшее образование — историческое. Более того, в программу включены такие неожиданные предметы, которые дают, к примеру, навыки цветовидения, связанные с умением комбинировать цвета и воспринимать мир в красках (надо полагать, в политической сфере это поможет девушкам отличать красных от белых, а в обыденной жизни — быстро распознавать голубых). Возможно, руководитель курса имеет в виду нечто возвышенное, но, на мой взгляд, взгляд мужчины и главы семьи, наибольшая таинственность в современных условиях заключается в том, как женщина ухитряется спланировать семейный бюджет, накормить детей и прожорливого мужа и свести финансовые концы с концами. Для любой выпускницы полученные знания дадут возможность работать гувернерами, секретарями-референтами — успехи в труде ей гарантированы, а что же в личной жизни? Эти перспективы наилучшим образом отражены в уже возникшей на курсах поговорке: «Я с дипломом ВЖК найду любого мужика». Правоту этих слов подтверждает Г. Мерзлякова: «Мы дадим девушкам такое образование, что нашим воспитанницам не придется искать мужчину — он сам прибежит*» (Известия, 9 марта 1995). Согласимся с И. Тартаковской, которой, «обращаясь к современному положению женщин в нашей стране, приходится констатировать, что патриархатные взгляды в России глубоко укоренены»[607].

Значительное место занимает тема «мужских» и «женских» занятий, профессий, увлечений. К примеру, этой проблеме посвящено рассуждение С.Ястржембского о женщине в армии «*На меня больше всего произвели впечатление женщины, командированные в Чечню*», Статья о Светлане Савицкой: «*Светлана осваивает мужскую профессию летчика-испытателя*», комментарии к женскому футболу: «*И в футболе она остается женщиной. Вот так, оказывается, не обязательно быть мужчиной, чтобы уметь кататься на лыжах, играть в футбол, плавать, бегать, задерживать нарушителей и стрелять. Можно обладать всеми этими качествами и одновременно быть обаятельной, привлекательной девушкой и приятной собеседницей. До 25 лет ко всяческим экспериментам слабого пола в области футбола я относился скептически, считая, что это занятие пародирует всю красоту и сущность футбола*» (Известия, 7 марта 2001). Все чаще появляется дискурс о смысле празднования 8

[606] Политические традиции 8 Марта до сих пор активно поддерживаются в ряде стран, в том числе в Австралии, где для женских движений характерны левые взгляды (см. http://www.isis.aust.com/iwd/stevens/contents.htm; http://www.isis.aust.com/iwd/events.htm).

[607] Тартаковская И.Н. Социология пола и семьи. С.48.

Марта. Так, в интервью с режиссером А. Дзекуном выяснилось, что он сторонник отмены праздника 8 Марта. «*Женщины украшают нашу жизнь красотой, добротой, обаянием и помнить об этом мы должны все время, обеспечивая им достойные условия существования, делать это мы должны все время, а не один день в году*» (СВ, 8 марта 1995). По сути, как справедливо отмечает И. Тартаковская, «речь идет всего лишь о модификации патриархатной идеологии, которая из государственно-патриархатной становится либерально-патриархатной. С уходом с семейной авансцены государства мужчин и женщин связывает преимущественно секс, а иногда — и вообще ничего не связывает, кроме общих проблем и взаимных противоречий»[608].

Некоторые публикации транслируют сексизм в отношении женщин. К примеру, в статье «Праздничное "построение"» полпред президента Виктор Казанцев поделился своими мыслями по женскому вопросу: «*Даже в названиях женских организаций «Эхо войны», «Лига защиты», чувствуется напряженность. И вообще, если много женских организаций, трудно разговаривать*». Заканчивается статья на оптимистической ноте: «*А чтобы фемины не заговаривались, им было предложено пить минеральную воду и есть мороженое. На десерт пообещали концерт*» (Известия, 7 марта 2001).

Наши наблюдения позволяют сделать вывод о комплементарной структуре праздников, сфокусированных на гендерных идеалах: 23 февраля и 8 Марта сегодня образуют единую систему созависимых и взаимодополняющих ритуальных практик. Тенденция к изменению празднования 23 февраля и 8 Марта связана не только с приватизацией политического, но и подчеркивает гендерный дисбаланс. 8 Марта воспринимается сегодня как «женский день», а 23 февраля — как День защитника Отечества, праздник «профессиональной маскулинности». И хотя 23 февраля с принятием в начале 2002 г. нового Трудового кодекса стал выходным днем, мы можем в определенной степени отнести его к ряду профессиональных праздников, подобно дню геолога, железнодорожника, рыбака. Образ женщины как защитницы Отечества весьма маргинален и присутствует лишь в официальном дискурсе, а в приватном праздновании чествуют мужчин вне зависимости от их отношения к Вооруженным Силам. В наблюдении организационных практик празднования 23 февраля было отмечено, что праздничные поздравления носят гендерно-ориентированный характер. Понятия «защитник» и «мужчина», имеют, как правило, тождественное значение. Приведем пример типичного поздравительного адреса к Дню защитника Отечества: «Дорогие мужчины, поздравляем с праздником — Днем защитника Отечества. Желаем быть всегда здоровыми, крепкими, бодрыми и веселыми!» (Плакат с поздравлением автотранспортного предприятия). Респонденты отмечают, что «*это праздник традиционно мужской и как-то в голову не пришло вспомнить, что и женщины тоже служат в Вооруженных силах. К тому же женщины все равно без праздника не останутся — впереди 8 Марта*». Очевидно, «мужской день» предоставляет возможность для женщин совершить ответный, или, скорее, предупредительный, акт «отдаривания», когда предоставится возможность оказать особое внимание, расположение, подбора подарка. Как отмечает одна из респонденток, «*надо же когда -то и мужчин поздравлять*». Современные практики празднования 23 февраля и 8 Марта связаны не только с приватизацией политического, но и подчеркивают гендерный дисбаланс: 8 Марта воспринимается сегодня как «женский день», а 23 февраля — как День защитника Отечества, праздник «профессиональной маскулинности». Образ женщины как защитницы Отечества маргинален и присутствует лишь в официальном дискурсе, а участники празднования в приватном пространстве чествуют мужчин, вне зависимости от их отношения к Вооруженным Силам. Структура праздников, сфокусированных на гендерных идеалах, комплементарна: 23 февраля и 8 Марта сегодня образуют единую систему созависимых и взаимодополняющих ритуальных практик.

В 2001 г. мы отметили «юбилейный» женский день. С момента первого празднования Международного женского дня исполнилось 90 лет, и газета «Известия» излагает читателю чисто «мужской взгляд» на суть «женского праздника»: «*Ничего удивительного, что женский*

[608] Тартаковская И. Мужчины и женщины в легитимном дискурсе // Гендерные исследования. 2000, №4 (1). С.264.

день придумала некрасивая женщина — в конце концов недостаток обожания всегда обостряет социальное и классовое чутье. Клара Цеткин была дурна собой, а поэтому весь ее душевный пыл ушел на борьбу за лучшую участь для себе подобных». И далее: «*И вообще, признайтесь в любви какой-нибудь Кларе Цеткин, живущей неподалеку. Избавьте барышню от душевных страданий. Глядишь, тогда не понадобится изобретать социально озабоченные праздники, ходить колоннами, бороться за ущемленные права и напоминать миру, таким образом, о своем присутствии*». Пожалуй, стоит согласиться с автором в одном: «*Пора привыкать к тому, что все мы — люди. Все достойны уважения. Все можем претендовать на простое человеческое счастье. Поэтому, так уж и быть, с Международным женским днем поздравляю всех. И мужчин тоже*» (Известия, 7 марта 2001).

Анализ калейдоскопической картины современных российских масс-медиа (см. таблицу) вскрывает властные отношения, которыми пропитана «сфера пола». Праздник же оказывается выразительным средством государственной идеологии[609]. В символическом ряду современного женского праздника знаки эмансипации и материнства вытесняются кодами приватности, интимности, подчеркивая новые акценты в образе феминности. Наблюдается «модификация патриархатной идеологии, которая из государственно-патриархатной становится либерально-патриархатной»[610].

Таблица

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ В ДИНАМИКЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

[609] См. об этом: Глебкин В.В. Ритуал в Советской культуре. М.: Янус – К, 1998; Щербинин А.И. Тоталитарная индокринация: у истоков системы. Политические праздники и игры // Полис.№ 5, 1998. С.79-96.

[610] Тартаковская И. Мужчины и женщины в легитимном дискурсе // Гендерные исследования. 2000, №4 (1). С.246-265.

Период	***Специфика гендерной политики***	***Дискурсивные коды 8 Марта***	***Дискурсивные коды женских ролей***
1917-1930	Становление советской республики через диктатуру рабочих и работниц; I этап семейной политики — период сексуального и семейного раскрепощения женщины.	Наш красный праздник, день работниц, день борьбы за коммунизм, праздник освобождения от гнета капитала.	Работницы и крестьянки советской республики, живые рабочие силы трудовой республики; товарищи-работницы, большевички, сподвижницы рабочего класса, резерв армии труда.
1930-1940	Второй этап семейной политики, ужесточение контроля и регулирования семейных отношений.	Международный женский день — великий смотр трудящихся женских масс, объединившихся против буржуазного строя.	Самоотверженные и мужественные женщины, советские гражданки, трудящиеся женщины; женщины-работницы, ученые, колхозницы; женщины-матери, обладающие правом счастливого материнства, воспитывающие новое поколение строителей коммунизма.
1941-1945	Великая Отечественная война; усиление патриотизма в праздничном дискурсе.	Международный женский день — день дальнейшего усиления помощи Красной Армии, дальнейшего укрепления военной и экономической мощи советского государства.	Советские женщины защищают свою родную власть, давшую им свободу, все политические права, возможности для творческого труда и счастливого материнства, воспитывающие новые поколения строителей коммунизма.
1945-1953	Обстановка политического подъема; в первых рядах бойцов за построение коммунизма — советские женщины.	Международный женский день представителей многочисленной армии трудящихся женщин, знатных стахановок, прославленных героинь труда.	Активная участница грандиозных событий, мать-героиня; советская патриотка, «обладающая благородными качествами, которые привил нам великий Сталин»; сочетающая мужество работника, творца нового общества с истинной женственностью.
1953-1960	Практика позднего социализма, манипулирование моральными категориями «прочной социалистической семьи».	День подведения итогов своих усилий в борьбе за равноправие и социальный прогресс в обстановке резкой идеологической борьбы.	Дочери, внучки, советские женщины, труженицы, матери, борцы за мир.
1960-1985	Возвращение к идеям «естественных гендерных различий», отказ от «идеологии бесполости».	Международный женский день, Всенародный праздник — праздник 8 Марта; «приватизация» праздничного пространства, трансформация его в праздник всех женщин, невзирая на возраст, социальное положение, занятость.	Женщина-мать, соратница, преданная Родине строительница коммунизма, создает «основу счастливой советской семьи»; «женщине-женственность»; «хранительница домашнего очага».
1985-1990	«Возвращение женщины домой» (М.Горбачев); возможность и	Праздник Весны и Любви; деполитизация «женского праздника»; акцент смещается на	Милые женщины, нежные заботливые матери, верные подруги, любимые, жены, дочери,

	обязательность совмещения женщиной двух ролей: работница и мать.	традиционные символы женского в народной праздничной культуре: пробуждение природы, цветение, плодородие, красота.	подруги.
1990-2001	Подчинение 8 Марта законам массового потребления.	Всенародный женский праздник, приватность и интимность в праздновании «женского дня».	Красивая, привлекательная, деловая женщина; подарите своей любимой; сделайте подарок женщине, которая рядом с вами.

Заключение

В результате проведенного анализа мы получили представление о социальной сущности праздника 8 Марта, а также причинах его функционирования в российском социуме. В праздничной риторике особый интерес представляет семантика гендерных ролей. Знаковая система праздничных поздравлений и приветствий в средствах массовой информации является символическим инструментом гендерной политики. Идиллическая картина взаимоотношений между полами, нарисованная советскими газетами, держится на поддержке и опеке государства. Обе советские газеты принадлежат к единому дискурсу, демонстрируя приверженность одним ценностям и властным отношениям. Гендерные роли и связанные с ними ценности определены достаточно четко (хотя нюансы могут различаться в разных изданиях). Все положительные герои находят свое счастье в единении со своим народом и государством, причем семья, по сути, является одним из его институтов, работающим, по мысли журналистов, в гармонии с остальными. При этом советские идеологические ценности прекрасно уживаются с патриархатными: первенство мужчин отчетливо прослеживается в структуре дискурса. Что касается прессы постсоветского периода, то практически ни одна из газет не дает позитивного образца конструирования гендерных ролей ни для мужчин, ни — в особенности — для женщин. Анализ наглядно демонстрирует направление изменений смыслов и форм празднования в конкретных социальных условиях. В свою очередь, праздничная культура активно воздействует на конструирование гендерных ролей. В результате рассмотрения идеологии и практик празднования Международного женского дня по материалам двух советских (а затем — российских) газет, наблюдая изменения в подаче праздничных материалов в СМИ, мы пришли к выводу о постепенном повышении роли экономической компоненты праздничной культуры, а также о том, что политический праздник постепенно приватизируется, теряет свою изначально весьма мощную политическую окраску. Международный женский день становится объектом потребления экономической структуры современного общества, происходит утилизация праздника за счет расширения и специальной организации экономического пространства.

Критическое прочтение газетных публикаций о «женском» празднике, вошедшем в качестве составного элемента в самую сердцевину советской культуры, позволяет увидеть тот контекст, в котором развивалась социальная политика на протяжении десятилетий. В этом контексте, на наш взгляд, имеют значение такие его составляющие как соотношение местного и центрального уровней в дискурсе социального контроля и особенности этого контроля, проявляющие себя в различных традициях гендерно-ориентированных праздников. В отличие от обсуждения социальных проблем, где местные газеты имеют тенденцию в большей степени фокусироваться на этой проблематике в новостях и комментариях, чем центральные, праздничная тематика 8 Марта не имеет такой особенности. Гендерный дискурс, способ восприятия и обсуждения пола, более универсален и независим от географического места на карте России, во всяком случае, на территориях, населенных по преимуществу русскими. В условиях переходного периода обнаружили себя значительные различия в качестве жизни между различными регионами, но общая история и культура

продолжают воспроизводить себя с неизменным постоянством, имея общий вектор изменений. Это вектор направлен на изменение масштаба — способы и формы социального контроля переходят с макроуровня к микроуровню. Государственное регулирование, вторгающееся в приватное пространство, постепенно, задолго до перестройки стало замещаться воздействием рекламы, культуры потребления.

Проведенный контент-анализ центральной газеты «Известия» и регионального печатного издания «Коммунист» («Саратовские вести»), выходящих в канун Международного женского дня и на 8 Марта, показал, с каким завидным постоянством с 1920 по 2001 г. те или иные формы официального обращения и поздравления советских женщин содержат перечень достижений правительства и подчеркивают роль женщин в общественно-политической жизни страны. Эта «праздничная» традиция в большей степени сохранилась и в наши дни. Праздник используется для демонстрации успехов как на личностном уровне — успехов глав государств и ведущих политиков, так и на уровне партий, правительства, государства, нации. Вместе с тем намечается тенденция деполитизации гендерно-ориентированного праздника и подчинение его практик требованиям общества массового потребления. Модификация праздника в обществе массового потребления выражается в разнонаправленных тенденциях: с одной стороны, происходит символическая приватизация официальных праздников и становится более явным утилитарный характер празднования. С другой стороны, праздник остается инструментом регулирования социальных отношений и способом канализации групповых интересов, что проявляется в его политической ангажированности и ритуальной формализованности.

Т.А. Ровенская

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РУССКОГО ЖЕНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ 1980-х —1990-х ГОДОВ

В 1980-е гг. русская литература вступила в новый исторический этап, связанный с кризисным для России периодом «перестройки» и «постперестройки». Сам этап 1980-х —1990-х гг. в контексте попыток интеграции историко-культурного опыта стран Восточной Европы и России в конце XX в. получил более широкую характеристику как «переходный период». Особое место в довольно предсказуемой картине литературных движений этого периода занимает женская литература. Особое — в первую очередь из-за отсутствия аналогичных прецедентов в другие не менее трагические эпохи социальных потрясений. В этой связи было бы интересным взглянуть на женскую литературу как на социально-культурный феномен в целом, тем более что для этого имеются самые серьезные основания. К концу 1980-х гг. русская женская проза выделяется из общего литературного процесса, представляет собой практически не встречавшийся ранее в истории русской литературы тип творческого объединения по гендерному признаку и организует свое мировоззренческое и художественное пространство[611]. Своим новым, во многом провокационным принципом объединения, острыми программными материалами и самими произведениями новая женская проза вызвала ожесточенные и противоречивые дискуссии в критике, публицистике и литературоведении.

Возникновение данного явления породило огромное количество закономерных вопросов, а именно: что скрывается за понятием «женская литература»; какие причины обусловили обособление новой женской прозы; что концептуализирует ее творческую самостоятельность; обладает ли она характерными мировоззренческими и эстетическими особенностями. И наконец: ограничивается ли данное явление границами литературного пространства, и если нет, то как далеко простирается ее «топография»; а также, как соотносится русская женская проза конца 1980-х — начала 1990-х гг. с феминистскими теориями, воплощенными в исследованиях западных ученых? **Активность и эмоциональность откликов на эти и другие вопросы свидетельствуют о злободневности и актуальности проблем, связанных как с самим фактом возникновения подобного феномена, так и с особым мировоззрением, которое легло в его основу. Первоначальные попытки**

[611] Единственная в России попытка создания женского творческого союза принадлежала в начале XX в. писательнице Л. Зиновьевой-Аннибал. По аналогии с регулярными встречами на «башне» «друзей Гафиза», проводимыми Вяч. Ивановым, она создала «женский Гафиз», известный также под именем «Фиас». Однако первая же встреча разочаровала ее участниц, повторные попытки ими не предпринимались. В связи с этим трудно оценивать опыт «Фиас» как удавшийся эксперимент женского творческого объединения. Вместе с тем, формирование феномена интересующей нас женской прозы 1980-х гг. уходит своими корнями в ту же острую потребность в консолидации женского культурного опыта и творческих сил, которая руководила писательницами и поэтессами Серебряного века, что позволяет говорить о некой преемственности идеи необходимости женских творческих союзов. Подробнее о судьбе союза «Фиас» см.: Михайлова М. Страсти по Лидии. Творческий портрет Л. Зиновьевой-Аннибал // Преображение. 1994. №2. С.144-157.

некоторых отечественных критиков отрицать факт и возможность существования женской прозы лишь подтвердили ее наличие[612]. Более того, эти подчас резко негативные отклики способствовали дальнейшему развертыванию дискуссий на страницах литературных изданий и подтолкнули к более серьезным и всесторонним исследованиям данного вопроса, которые нашли свое отражение в статьях, монографиях и диссертационных работах, увидевших свет в нашей стране и за рубежом.

Анализ литературной ситуации, сложившейся в России в середине 1980-х гг., дает возможность проследить истоки феномена женской прозы в русле общелитературного контекста, а также выявить тенденции его обособления как внутри данного контекста, так и в рамках канонической культурной традиции в целом.

Умонастроение писателей и писательниц 1980-х гг. было далеко не гармонично. Мотивы их творчества скорее мятежны, чем сбалансированы, что делает невозможным рассмотрение литературы данного периода ни в аспекте следования какой-либо определенной традиции, ни в единоконцептности разрушения ее. В первой половине 1980-х гг. литература в России продолжала развиваться в двух основных культурных напластованиях: официальном и оппозиционной по отношению к нему культуре андеграунда. Эти направления нашли отражение соответственно в формате «толстых журналов», «самиздата» и «тамиздата». Политические перемены второй половины 80-х гг. сотрясли основы идеологических установок официальной литературы: продолжая двигаться по проложенным рельсам, она перестала отвечать быстро сменяющимся реалиям социальной и культурной жизни России на этапе глобальных перемен. В образовавшуюся нишу хлынул поток запрещавшейся на протяжении долгих лет литературы — как созданной внутри страны, так и русской эмиграции. Читатели заново открывали для себя Булгакова, Мандельштама, Пастернака, Платонова, Набокова, Солженицына, неизвестные произведения известных и практически неизвестных им авторов. Эпохи, стили, события перемешались, так как читатель воспринимал вновь возвращенную литературу в контексте происходящих вокруг него перемен. Однако эти перемены не могли не найти свое отражение и в литературе непосредственно периода 1980-х гг. Одна из первых серьезных попыток выделить некоторые общие признаки нового художественного направления, предпринятая «по горячим стопам», принадлежала критику Н. Ивановой[613].

Обобщая ее наблюдения и выводы ряда других критиков[614], высказанные в тот же период, можно заключить, что идейно-эстетическая концепция литературы 1980-х гг. характеризовалась следующими моментами. Во-первых, это принципиальный отказ от следования сложившимся литературным стереотипам. В своем стремлении слиться с реальностью во всех, вплоть до самых отталкивающих форм ее проявления, новая проза предпринимает попытку выхода за пределы литературы. Во-вторых, она программирует последовательное нарушение всех правил поведения и ставит своей задачей

---

[612] См., напр.: Кузнецов Ю. Под женским знаком // Литературная газета. 1987. 11 ноября.

[613] См.: Иванова Н. Намеренные несчастливцы? О прозе «новой волны» // Дружба народов. 1989. №7. С.239.

[614] См. работы Л. Аннинского, Г. Белой, С. Чупринина, Е. Шкловского, М. Эпштейна и др.

разрушить нормы советской принудительно-целомудренной, «пуританской» морали («это, по меткому замечанию С. Чупринина, когда грешить-то можно, да попадаться нельзя»[615]). В-третьих, ее отличает то, что А. Синявский назвал «повышенным чувством художественной формы»[616], т.е. поиск новых формальных средств. При этом она принципиально антиэстетична. М. Эпштейн связывал появление данного направления с распространением тенденций поставангардизма. Вот как характеризовал критик внутреннюю эстетику литературы 1980-х гг.: «Именно альтернативная литература позволяет наиболее отчетливо ощутить, что в созданном нами мире царит хаос: закономерности здесь нарушены, связи порваны, нравственные основания человеческой природы размыты и едва ли не уничтожены»[617]. С начала 1990-х гг. эти тенденции были соотнесены со стремительным развитием культуры альтернативного сознания — постмодернизмом.

Эти и другие существенные черты литературы 1980-х гг. позволили начать разговор о литературе «новой волны», представленной такими именами, как Е. Попов, В. Сорокин, Д. Пригов, В. Ерофеев, В. Нарбикова, Л. Ванеева и многими другими. Л. Аннинский, не сочувствуя в целом общему характеру этой литературы, анализируя внутреннее состояние авторов, назвал восьмидесятников «поколением оглашенных»[618]. Одновременно появились и другие названия: С. Чупринин вводит термин «другая (иная) проза», М. Липовецкий называет ее «артистичной прозой», Е. Шкловский — «бесприютной прозой». Новая проза не избежала и своеобразных «описательных» характеристик: так, Д. Урнов, дискутируя с С. Чуприниным, называет ее «плохой прозой», а критик И. Штокман — «жестокой прозой». Термины «альтернативная литература» и «проза новой волны» в критике этих лет прижились лучше других и стали устойчивыми определениями этого литературного направления. Отвергавшаяся в 1980-е гг. редакциями толстых журналов, «новая волна» входила в отечественную литературу через альманахи — своеобразные преемники традиции самиздатовских журналов литературного андеграунда. В альманахах «Весть» и «Зеркало» печаталась проза Е. Попова, В. Пьецуха, а также концептуалистов и метафористов. «Конец века» публиковал В. Сорокина, Э. Лимонова. Помимо маргинального «Апреля», популярностью пользовались также альманахи «Чистые пруды» и «Московский вестник» и многие другие.

Важной особенностью данного периода явилось то, что именно в рамках литературы «новой волны» возник литературно-художественный феномен, ставший известным под именем «современная русская женская проза», «новая русская женская проза» или в своем сокращенном варианте — «женская проза»[619]. Разделяя кризисное мировоззрение альтернативной литературы и

---

[615] Цит. по: Шкловский Е. Из немоты // Литературное обозрение. 1989. №4. С.16.

[616] Цит. по: Иванова Н. Намеренные несчастливцы? О прозе «новой волны» // Дружба народов. 1989. №7. С.240.

[617] Эпштейн М. О новых тенденциях поставангардизма // Новый мир. 1989. №12. С.228.

[618] Аннинский Л. Шестидесятники, семидесятники, восьмидесятники. К диалектике поколений в русской культуре // Литературное обозрение.1991. №4. С.10.

[619] Оперируя в дальнейшем сокращенным термином «женская проза», мы вместе с тем не считаем его наиболее удачным из-за его традиционно широкого использования в отношении любой литературы, созданной женщиной. Однако вводить новый термин в

концептуальную поэтику бунта против общественного и литературного догматизма, она, тем не менее, заявляет о коренном отличии своего видения обстоятельств и особенностей сложившегося социального и духовного кризисов. Корень этих отличий определяется, по мнению писательниц, спецификой «женского взгляда» и женского социального и культурного опыта, традиционно занимающих маргинальное положение в системе социальных и общественных ценностей и культурных ориентиров. Принадлежность женщины к маргинальной группе делает уязвимым и зависимым не только положение самой женщины, но и репрезентируемую ею систему феминных ценностей. Применительно к литературной ситуации 1980-х гг. об актуальности данного тезиса свидетельствует тот факт, что, даже двигаясь в русле демократического по своей природе потока литературы «новой волны», писательницы неизменно оказывались на его периферии в роли неизменного «вторичного чужого» относительно него. С одной стороны, этому способствовала непоколебимость культурно-идеологического штампа о «второсортности», формирующего отношение ко всей женской литературе в целом. С другой, — мировидение писательниц и способы отражения ими мира занимали пограничное положение даже в контексте «альтернативности» новой прозы, ибо суть отличий лежала в специфике гендерного преломления окружающей действительности и характере интерпретации практикуемых традиций. Обособление на основе социо-половой общности закономерно повлекло за собой формирование и отстаивание женской прозой своего собственного художественно-эстетического и языкового пространства.

Анализ новой женской прозы позволяет выделить несколько этапов в формировании данного феномена. *На первом этапе* произошла актуализация женской темы в журналистике и литературном творчестве женщин. Этому способствовало не только усиление антисоветских настроений в обществе периода застоя, но и политика замалчивания специфически женских проблем, а также изоляция, которую испытывали женщины, стремившиеся добиться самореализации в социальной и культурной жизни советской России. На фоне острейшего кризиса сознания происходит процесс поиска и самоидентификации личности, и конкретно — женщины, осознание ею себя как категории Иного (пользуясь термином Симоны де Бовуар) сначала вместе с общей направленностью диссидентского движения, а впоследствии относительно его, ибо оно развивалось как традиционное правозащитное движение и не учитывало специфики положения и проблем женщин[620]. Важной чертой этого этапа стали первые серьезные попытки женщин с новых позиций осмыслить

то время, как сами писательницы рассматриваемого периода заявляли себя представительницами женской прозы, что и в значительной мере повлияло на рассмотрение их творчества в современной отечественной критике в данных терминологических рамках, не представляется целесообразным. Вместе с тем, теоретическая концептуализация осознанной творческой инициативы писательниц женской прозы конца 1980-х — начала 1990-х гг., являющаяся задачей нашего рассмотрения, позволит глубже проникнуть в суть такого привычного и понятного на первый взгляд явления, как женская проза в целом.

[620] Об этом свидетельствует книга Людмилы Алексеевой «История инакомыслия в СССР», а также материалы ее интервью. См. Ажгихина Н. «Я никогда не хотела быть мужчиной» // Корни травы (шестнадцать интервью). М., 1996. С.6-10.

свои социокультурные роли, давно вступившие в острое противоречие с системой традиционных культурных мифов и идеологических стереотипов.

Начало этому этапу было положено в середине 1979 г., когда из ленинградских нонконформистских изданий — журнала «37» и альманаха «Часы» усилиями Анны Малаховской, Татьяны Горичевой и Татьяны Мамоновой родился альманах, названный ими «Женщины и Россия». Позже А. Малаховская основной пафос этого издания определит так: «Мы открыли для себя и хотели открыть для окружающих нас женщин, что причина несчастий каждой из нас не в том, что каждая такая уж невезучая и неумелая, не в ее личной, так называемой судьбе, а в каких-то гораздо более широких, всеохватывающих законах, по которым живет наш мир. Как мы узнали позднее, в этом же пафос у многих других женских изданий во многих странах мира»[621].

Этими же журналистками вскоре был создан журнал «Мария», несколько номеров которого, к счастью, успели увидеть свет в самом начале 1980-х гг. Начав с публикаций, затрагивающих такие острые социальные и общественные проблемы, как состояние родильных домов, абортариев, детских садов, школ, проблемы семьи, они поднялись на новый уровень онтологического осмысления мира. Работа клуба «Мария» выявила острую потребность современной женщины в осознании собственного места в окружающем мире. Это влекло за собой разрушение ею привычных культурных мифологем и стереотипов[622]. В клубе обсуждался широкий круг вопросов: политические, философские, религиозные, художественное творчество женщины, проблемы воспитания детей, старости и многие другие. Члены клуба впервые подняли в России разговор о запущенных патриархатной моделью цивилизации губительных механизмах жизни, осуществляющих контроль над огромным женским потенциалом.

Судьба клуба и журнала «Мария»[623] наглядно продемонстрировала, как тоталитарно-патриархатное государство отнеслось к идее формирования женского творческого союза, сделавшего первую попытку выйти за рамки социального и культурного универсализма[624]. В появлении альтернативного

---

[621] Из выступления А.Н. Малаховской на первой Московской феминистской конференции «Женщина как объект и субъект в искусстве», проходившей в марте 1990 г. Текст выступления см. в журнале «Феминф» 1992. №1. С.5.

[622] Так, например, в материале «Ведьмы в космосе» впервые в России исследовался архетип женщины-разрушительницы, говорилось о том, какие чудовищные формы приобретает женский характер под воздействием современных условий жизни.

[623] Судьба первого женского издания и клуба оказалась трагичной. Деятельность клуба, его издания и создатели подверглись жестокому преследованию со стороны советской власти практически с начала их работы, с сентября 1979 г. В январе 1980 г. первый номер журнала «Мария» был конфискован в макете во время обыска. Его восстановили только к 5 мая 1980 г. 9 июля 1980 г. трем активисткам клуба под угрозой ареста было предложено покинуть страну. Дело первой редакции журнала «Мария» продолжили Т. Беляева и Е. Дорон (Шаныгина) и др. В 1981 г. и они подверглись преследованию, многие были изгнаны с работы, потеряли средства к существованию, некоторые арестованы и угрозами и пытками приведены к «раскаянию» в содеянном, многим пришлось покинуть страну.

[624] Феминистская писательница и критик М.Арбатова отмечала, что реакция, которую вызывали у советской и у постсоветской идеологической цензуры проблемы, связанные с миром и образом жизни женщины, была более агрессивной, чем на какие-

феминистского взгляда на окружающую действительность власть и общество почувствовали угрозу не меньшую, если не более опасную, чем «антисоветская пропаганда». Но если для властных институтов это было, в первую очередь, очередное столкновение с инакомыслием, то в более широких масштабах конфликт отражал собой более серьезную борьбу за сохранение контроля над женской персоналией. Трудно было предположить после этого, что последующее появление женской прозы будет встречено если не с энтузиазмом, то хотя бы с пониманием и терпимостью.

Несмотря на недолгий срок своего существования, журнал и клуб «Мария» сыграли значительную роль в либерализации сознания своих современниц, так или иначе оказавшихся среди непосредственных участниц их работы или читательниц. Важность этой инициативы трудно переоценить — впервые в Советском Союзе прозвучал голос женщин, высказывающихся по острейшим проблемам современности: Афганская война, последствия всеобщего равенства, экология земли и человеческих отношений и многим другим. На страницах этого издания впервые в нашей стране появились исследования по женскому литературному творчеству и публикации произведений забытых русских и современных писательниц, не прошедших официальной цензуры[625].

Второй этап развития женского движения в России, охватывающий конец 1980-х (а точнее, 1988 г.) — середину 1990-х гг., осуществлялся в значительной степени в области женского художественного творчества. Именно на эти годы приходится появление и стремительное развитие женской литературы в форме совместных литературных сборников, поэтому настоящий этап можно было бы условно назвать коллективным литературным проектом.

Определяющим моментом данного этапа стало объединение писательниц, внешне имеющих даже больше черт различия, чем сходства, под знаменем независимого женского творчества. Именно в 1988 г. в России впервые за всю ее историю появилась литературная группа женщин-писательниц, названная ими «Новые амазонки». Как вспоминает об этом Светлана Василенко, одна из основательниц группы, встретившись однажды в Центральном Доме Литераторов с Ларисой Ванеевой и взаимно ужаснувшись произошедшим друг с другом за последние несколько лет переменам — следствием нищей жизни и безуспешной борьбы за опубликование своих произведений, — они внезапно со всей остротой осознали, что «дальнейшее наше выживание как писателей зависит только от нас, от наших совместных усилий, что в одиночку нам не пробить стену мужских предрассудков и прямого мужского противостояния»[626].

либо другие, более политизированные вопросы. «Разговор о родах, абортах, женской правовой, творческой и сексуальной невостребованности советская государственная цензура выстригала из литературы еще проворней, чем призывы к свержению режима. А постсоветская общественная цензура, глотающая все, что угодно, от порнографии до фашиствующей идеологии, реагировала на этот разговор брезгливым ужасом или покровительственной насмешкой» (Арбатова М. Женская литература как факт состоятельности отечественного феминизма // Преображение. 1995. №3. С.27.).

[625]Об истории первого в СССР феминистского клуба и одноименного журнала «Мария» см.: Малаховская А. 20 лет тому назад в Ленинграде зародилось женское движение (К истории первого феминистского журнала «Мария») // Вы и Мы. Диалог женщин. 1999. №9 (25). С.25-31.

[626] Василенко С. Новые амазонки (Об истории первой литературной женской

К подобному заключению привел анализ не только собственных судеб, но и судеб подавляющего большинства их талантливых сокурсниц и коллег-писательниц: их прозу очень хвалили на семинарах в Литинституте, но когда дело дошло до бесед с редакторами относительно публикации, все они вдруг услышали: «Это бабья проза! Пойми, мы не можем печатать все эти ваши бабьи вопли-сопли!» или: «Ты пишешь о женщинах. Но ваши чисто женские проблемы никому не интересны». Доходило и до откровенной грубости: «Ты пишешь, как будто вечно беременная!» Или: «нас не интересует женская психопатология!» Как следствие, после успешнейшего дебюта в журнале «Литературная учеба» рассказа «За сайгаками» С. Василенко не смогла ни добиться публикации своих последующих произведений, ни даже найти работу, близкую к специальности, поэтому, чтобы оставалось время для творчества, она предпочла заливать зимой катки для детей. Схожесть того, что пришлось пережить ее коллегам, не позволяет говорить о каких-то случаях индивидуального неудачничества или досадном недоразумении. Галина Володина, ученица Ю. Трифонова, работала дворником и не печаталась. Драматург и прозаик Нина Садур работала уборщицей в театре и не печаталась. «Где-то бродит ненапечатанная Валерия Нарбикова, хотя все ее друзья по андеграундной тусовке напечатаны, и не раз — потому что мужчины; где-то в Перми голодает Нина Горланова с четырьмя детьми, хотя в столе у нее лежит несколько романов, которые издательства не хотят печатать, сторожем работает Елена Тарасова, чья повесть «Не помнящая зла», тоже нигде не напечатанная и написанная еще до Литинститута, сделала ей громкое имя»[627]. После печальных размышлений С. Василенко и Л. Ванеева пришли к выводу, что писательницам необходимо «бороться, а не ждать, пока мы все погибнем поодиночке»[628]. Тогда же они решили собрать неопубликованные талантливые рукописи не пробившихся к читателю писательниц и издать сборник новой женской прозы.

Итак, писательницы нашли свой способ заявить о себе и о единстве своих взглядов, их произведения составили семь центральных сборников современной женской прозы[629]. Один за другим увидели свет сборники «Женская логика» (М.,1989), «Не помнящая зла» (Сост. Л Ванеева. М., 1990), «Чистенькая жизнь» (Сост. А. Шавкута. М.,1990), «Новые амазонки» (Сост. С. Василенко. М., 1991), «Абстинентки: сборник современной женской прозы» (М., 1991), «Жена, которая умела летать: Проза русских и финских писательниц» (Сост. Г.Г. Скворцова и М.-Л. Миккола. Петрозаводск, 1993), «Glas». Глазами женщины» (Дайджест. 1993). Издания включали в себя повести, рассказы, пьесы, сказки, стихи как уже получивших некоторую известность Людмилы Петрушевской, Зои Богуславской, Татьяны Толстой, Светланы Василенко, Валерии Нарбиковой, так и мало известных или совсем неизвестных в то время писательниц Ларисы Ванеевой, Юлии Немировской, Марины Вишневецкой,

---

писательской группы. Постсоветское время» // Женщины: свобода слова и свобода творчества. М., 2001. С.84.

[627] Там же. С.83.

[628] Там же. С.84.

[629] Помимо этих изданий, замеченных критикой и дошедших до читательской аудитории, необходимо вспомнить и те, чье появление осталось почти незамеченным, но без которых картина женской прозы этого времени была бы неполной: Мария. Петрозаводск, 1990; Миля смерти. Тверь, 1992; Русская душа: Сборник поэзии и прозы современных писательниц русской провинции. Wil-helmshorst, 1995.

Нины Садур, Нины Горлановой, Елены Тарасовой, Ольги Татариновой, Татьяны Набатниковой, Ирины Полянской, Марины Палей, Светланы Васильевой, Галины Скворцовой, Эллы Орешниковой и других.

Идея первых из увидевших свет женских сборников «Женская логика» и «Чистенькая жизнь» была позаимствована у группы «Новые амазонки», что объясняет отсутствие внутренней целостности идейной задачи изданий и некоторую художественную неровность опубликованных в них текстов. В предисловиях составители этих сборников объясняют их появление «подъемом новой «женской» волны в литературе», однако, не вдаваясь в причины ее возникновения, они спешат поставить все точки над «i»: «На каком-то «ниже среднего уровне», конечно, происходит разделение «женской» и «мужской» прозы. Если же планка художественности поднимается выше, то ясно видно: существует только одна литература — настоящая»[630]. При помощи такого рода комментариев, предваряющих тексты писательниц, серьезность поднятой самим фактом появления этих сборников проблема сразу снижалась и нивелировалась.

В отличие от двух названных изданий составители сборников «Не помнящая зла» и «Новые амазонки» — группа «Новые амазонки», в которую входили Л. Ванеева, С. Василенко, В. Нарбикова, И. Полянская, С. Васильева, Н. Горланова, Е. Тарасова, Н. Садур и Н. Искренко, — ставили своей задачей серьезную проработку концепции женской литературы и новой женской прозы, в частности. По словам С. Василенко, этими сборниками они хотели «заявить о себе, как о принципиально новой группе — женщин-писателей — молодых, тридцатилетних, образованных, самостоятельно мыслящих, независимых женщин-писательниц, пишущих новую женскую прозу»[631].

Этими сборниками они хотели доказать, что «пишущая женщина в наше время не исключение из правил, а потребность времени — само время нуждается в пишущей и творящей женщине». Доказательство последнего тезиса авторы видят в первую очередь в том, что «ни одно время не рождало сразу столько женщин-художников»[632].

Эти сборники, наконец, должны были доказать, что «женская проза также разнообразна и так же талантлива, как мужская». Поэтому в них вошли произведения всех существовавших на тот момент направлений: авангарда, постмодернизма, нового реализма, модернизма, нового сентиментализма и др. Однако при этом группа «Новые амазонки» была уверена, что женская проза — явление уникальное, и уникальность ее заключалась в фигуре творческого субъекта. Как говорили сами члены группы, «Великая немая заговорила». Под «Великой немой» ими подразумевалась женщина, вынужденная молчать на протяжении тысячелетий. Поэтому в понятие «женская проза» они вкладывали не просто биологический фактор авторства, а «уникальный мир женщины, мир ее чувств, ощущений, ее миросозерцание, ее объяснение мироустройства, вылившееся на бумагу»[633]. Все эти особенности ложились в основу формирования нового направления в литературе — женской литературы.

При том, что структура каждого из сборников группы «Новые амазонки» отвечала определенной идейно-художественной задаче авторов, взятые вместе с

---

[630] Чистенькая жизнь. М., 1990. С.3.

[631] Василенко С. Новые амазонки // Женщины: свобода слова и свобода творчества. М., 2001. С.84-85.

[632] Там же. С.85.

[633] Там же.

другими, они, сборники, дополняли друг друга, образуя логически очерчиваемый контур самостоятельного литературно-эстетического феномена. Авторы сборников осознавали, что широкий круг читателей не имел ранее возможности ознакомиться с творчеством большинства писательниц по уже указанной причине: почти все они за редким исключением ранее не печатались: Л. Ванеева — около двадцати лет, Г. Володина — около десяти лет, С. Василенко — около семи и т.д. Чтобы дополнить авторский текст информацией о судьбе автора и ее произведений, каждая публикация или подборка текстов писательниц в сборниках предварялась краткими биографическими справками — своеобразными «автографами» авторов. Такая презентация имела вид рассказа писательницы о своей жизни и творчестве или обращения к читателям. Часто они сопровождались фотографией автора. Так, «Новые амазонки» знакомили публику с именами и обликом писательниц, что делало контакт с ними более личным, ощутимым. Соединение в восприятии читателя образа писательницы с особенностями проблематики ее произведений и художественной манеры было призвано создать полноценное впечатление о ее творчестве. Это приобретает особую важность при знакомстве с женской прозой, так как она изначально направлена не на «объективное» (в патриархатном значении), но на гендерно мотивированное воспроизведение окружающего мира. При этом критерием подлинности становится степень субъективности авторского мировосприятия и способов передачи своих мыслей и чувств. «Автографы» писательниц, т.е. их рассказ о себе, дают, таким образом, ключ к пониманию психологической и идейной логики их произведений, их эстетического своеобразия. Это наиболее актуально для таких авторов, как Л. Ванеева, Н. Габриэлян, Л. Фоменко, привлекающих обширный автобиографический материал и осуществляющих в своем творчестве процесс глубокой саморефлексии. В случае, когда сюжеты произведений мало соотносимы с жизнью автора, возникает потребность оговорить в предисловии степень дистанцирования субъекта творчества от мира чувств героев. Так, например, делает А. Сельянова, призер международного конкурса женского рассказа: «Я решила не вдаваться в подробности собственной биографии …исходя из того, что все, о чем пишу, никогда не было тесно связано с событиями моей личной жизни. … поэтому, это — я, а это — мой рассказ»[634]. Таким образом, писательницы определяют осознанную субъективизацию в качестве критерия подлинности женской прозы.

Все сборники «Новых амазонок» сопровождались предисловиями, носившими программный характер. В них не только выразилась общая позиция авторов, но и по-своему была поставлена проблема необходимости выработки новых методологических подходов, адекватных настоящему феномену. Утверждая женскую прозу как часть феминной культуры, издатели и авторы призывали читателей попытаться, отбросив готовые клише и предубеждения, взглянуть на мир «женскими глазами». В этой связи манифесты представляют интерес в качестве одного из основных источников для формирования принципов рассмотрения явления в целом. Соответственно возникает необходимость наряду с характером отбора, размещения текстов в сборниках и самими художественными текстами исследования и текстов предисловий.

Предисловие к сборнику «Не помнящая зла» авторы начинают с программного заявления: «…женская проза есть. Она существует не как

[634] Чего хочет женщина. М., 1993. С.100.

прихоть эмансипированного сознания, во что бы то ни стало пытающегося возвести самое себя в категорический императив. Она существует как неизбежность, продиктованная временем и пространством»[635].

Далее авторы обосновывают выделение женской прозы в отдельное направление тем, что «есть мир женщины, отличный от мира мужчины»[636]. Из данного тезиса вытекает предположение о существовании объективных отличий в мировидении и художественных формах его выражения, основанных не только на природной, но, что важнее, на гендерной разности. И опять идет диалог с последовательно выражающим взгляды общества оппонентом: «Мы вовсе не намерены открещиваться от своего пола, а тем более извиняться за его «слабости». Делать это также глупо и безнадежно, как отказываться от наследственности, исторической почвы и судьбы»[637]. Это очень важный момент: писательницы вводят категорию пола в парадигму категорий рассмотрения и характеристик, используемую традиционным литературоведением, признавая тем самым ее актуальность на современном этапе развития литературного процесса.

Присоединяясь к призыву Д.С. Лихачева о необходимости возрождения в России исконного человеческого достоинства, прозвучавшему в 1985 г., писательницы предлагают свое прочтение принципов этики: «Свое достоинство надо сохранять, хотя бы через принадлежность к определенному полу (а может быть, прежде всего через нее)». Таким образом, отстаивание своего достоинства писательницы считают одной из основных задач, стоящих перед женской прозой на этом этапе. При том, что само это слово не так давно вернулось в наш обиход и еще не вполне прижилось в нем, примечательно, что именно писательницы 1980-х гг. определили его в качестве принципиальной задачи своей этики. Они заговорили о необходимости сохранения себя как личности через осознание своей психологической и культурной индивидуальности, через постижение своего маскулинного или феминного происхождения. Настоящий тезис программы выявляет намечающуюся тенденцию рассматривать предмет социальной, индивидуальной этики и этики искусства в ключе гендерной парадигмы. Морально-этические категории в таком контексте получают гендерное звучание. Женская проза актуализирует необходимость культурно-социальной реабилитации женского, феминного начала в системе общественных ценностей, в свою очередь требующих пересмотра, тем более что понятие «достоинство мужчины» в условиях глубокого кризиса традиционных морально-этических установок также требует коррекции. Таким образом, происходит расширение и демократизация понятия «человеческое достоинство».

Уделом женщины 1980-х—90-х гг., убеждают писательницы, является уже не только «область чувств и детская», как у женщины XVIII века, у нее пропала «интересная бледность» женщины XIX века, она перестала быть только читателем. Она необратимо изменилась, и «мир чувств, главным носителем которого женщина всегда продолжала оставаться, получил драматическую множественность преломлений и отражений в реальности»[638]. За ее плечами лежит огромный исторический, социальный и культурный опыт. И

---

[635] Не помнящая зла. М., 1990. С.3.

[636] Там же.

[637] Там же.

[638] Там же. С.4.

писательницы попытались привлечь к нему внимание общества через художественное слово, поскольку именно литература всегда несла в России функцию летописца времени, быта и нравов. Авторы данного сборника видят себя «проводниками определенной социальной информации», обладающими «новым, "стереоскопическим" взглядом на действительность»[639]. Но к объединению своих творческих усилий авторов, по их словам, подтолкнуло не только понимание того, что у женщин есть общий опыт. Для них «важна мысль о возможности какого-то врожденного, но затерянного знания, связывающего человека с миром»[640]. Именно женщина, в данном случае благодаря своему психобиологическому детерминизму, ощущает себя стоящей ближе к таинствам жизни и смерти и являющейся проводником главных, сакральных законов бытия. Таким образом, объединение совершенно непохожих между собой писательниц под эгидой «женской прозы» еще одной своей целью имеет объединение усилий, призванных обозначить и сформулировать то, что не сможет сделать никто другой, кроме женщины.

Как утверждают писательницы, у женщины есть свой секрет выживания и преодоления зыбкости и нестабильности социального бытия и культурных реалий: «Драматизму существования можно противостоять за счет исконно данного нам свойства: домашней приверженности определенному «кругу занятий», из которого не вырваться, да и не надо…». Бытовая жизнь, в которую вольно или невольно вовлечена женщина, по мнению авторов, не просто сводится к кругу утомительных обязанностей, но определяет то особое измерение, в котором протекает жизнь женщины, рождает свое бытие. В высоком смысле этого слова это бытие имеет свои законы, свой порядок, оно наполнено особой значимостью и определяет своеобразие и характер взгляда женщины на окружающий мир[641]. «Для женщины замкнутый бытовой круг, круг ада, — это еще и круг жизни, предполагающий нескончаемость пути, его высокое постоянство»[642].

Образ круга, как показывает анализ произведений разных писательниц, — важный элемент в системе символов женской прозы и получает в ней особую, женскую интерпретацию: для женщины «прощение и продолжение» составляют основу человеческой жизни. И эта связь человека через пуповину с матерью и через нее со всем миром не прервется до тех пор, пока человек будет уважать и соблюдать законы этого бытового бытия. Ее беспокоит и пугает то, что в современной жизни этот разрыв происходит все чаще.

Одновременно маргинальное положение, которое женщина занимает в социуме и культуре, делает ее чувствительным камертоном многих изменений, происходящих вокруг нее. В этом контексте женский опыт исключительно важен для выявления зон социальных и культурных аномалий. Иными словами, в своем манифесте писательницы заявляли о намерении выполнить миссию, цель которой они видят в заполнении реального вакуума в понимании и освещении этих явлений и проблем.

---

[639] Там же.

[640] Там же.

[641] Проблема быта — бытия в женской прозе затрагивалась многими критиками. См., напр.: Куралех А. Быт и бытие в прозе Л. Петрушевской // Литературное обозрение. 1993. №5. С.63-67; Казарина Т. Бедные родственники. Рецензия на сборник Л. Улицкой // Преображение. 1996. №4. С.169-173 и др.

[642] Не помнящая зла. С.4.

Предисловие к сборнику «Новые амазонки» можно рассматривать как творческо-эстетический манифест женской прозы. В нем авторы создают обобщенный образ творческого субъекта, то есть, по сути дела, рисуют «автопортрет» создательницы современной женской прозы. Образ амазонки, по мнению писательниц, также наиболее полно отражает и идейно-эстетическую направленность настоящего направления. Безусловно, в этой характеристике присутствует доля эпатажа, но как художественный прием она была призвана усилить концептуальность данной символики. В образе новой амазонки авторы попытались обобщить основные черты современной женщины, реалии ее повседневной жизни, обозначив при этом их эстетическую составляющую[643].

Таким образом, литературно-художественный феномен новой женской прозы определяет новый гендерно мотивированный взгляд писательниц на окружающий мир, предполагающий особый угол зрения, принцип выбора и освещения главных, с точки зрения женщины, проблем и новые подходы к их интерпретации. В его основу ложится собственно феминный опыт, опыт внешней поведенческой практики и внутреннего, субъективного чувствования, индивидуальные для каждой писательницы. В понимании группы «Новые амазонки» пространство женской прозы начинает представлять собой не место резервации женщины в литературе, как это часто комментировалось в критике и воспринималось общественным мнением адекватно традиционной парадигме сознания, а, по сути дела, творческую мастерскую, в которой происходит работа по «изменению сознания» женщины и обретение ею собственного голоса. Вместе с тем, и это особенно четко просматривается в первых сборниках женской прозы, авторы часто неосознанно воспроизводят и утверждают патриархатные черты национального контекста и идеологизированные социально-культурные конструкты.

Женщина конца 1980-х — начала 1990-х гг. заявила о себе как об активной, творческой индивидуальности. Литература и публицистика становятся сферами не только проявления, но и демонстрации ее потенциальной творческой энергии. Знаменательно, однако, что писательницы, по их собственным словам, с энтузиазмом первооткрывателей «изобретали велосипед»: в начале 90-х гг. они ничего не знали о международном женском движении, о том, что понятие «женская литература» давно не просто существует в западной филологии, а является предметом самого серьезного и междисциплинарного исследования. Однако то, что, сами того не подозревая, русские писательницы пошли тем же путем, что и несколько десятилетий прежде их западные коллеги, говорит о существовании некоей внутренней исторической логики событий, актуализировавшей гендерный дискурс в последней трети XX в. и выведшей женское литературное творчество на поверхность культуры в разных странах мира. Одновременно напрашивается мысль о возможности существования общего феминного, очевидно, архаического источника, из которого женщины черпают свой творческий импульс, знания и опыт, независимо от национального и культурного контекста.

Рассматриваемый, собственно литературный, этап происходит на фоне появления в России женских организаций, таких как Информационный Центр Независимого Женского Форума, феминистские клубы «Преображение» и

---

[643] Более подробный разбор текста манифеста к сборнику «Новые амазонки» см. в статье: Ровенская Т. Новые амазонки в интерьере женской прозы // Иной взгляд. Международный альманах гендерных исследований. Минск, 2000, май. С.32-33.

«Гармония», Московский Гендерный Центр, САФО (Самодеятельная Ассоциация Феминистских Организаций) и многих других. На базе женских общественных и культурных союзов (к середине 1990-х гг. на территории России их было зарегистрировано более 300[644]) происходило зарождение и активное развитие в России независимой женской прессы[645]. Работа женских организаций и союзов по всей России охватывает самые разные направления: это и создание архивов, баз данных, библиотек, в том числе и электронных, осуществление юридической, социальной и психологической поддержки женщин, организация работы Телефонов Доверия и Центров оказания помощи. Особое место занимают толстые журналы образовательной и культурной направленности, такие как «Преображение», «Женщина и культура», «Все люди — сестры», «Мария» и другие[646]. Этот этап характеризовался расцветом женских творческих инициатив.

На одной из таких инициатив хотелось бы остановиться поподробнее: в 1993 г. прошел Международный конкурс на лучший женский рассказ. Идея проведения такого конкурса родилась среди членов литературной секции феминистского клуба «Преображение». Учредителями конкурса стали также литературно-публицистический журнал «Октябрь» и Колумбийский университет (США). Участвовавшие в конкурсе произведения составили достаточно объемную и многогранную картину современной женской прозы, раскрыли своеобразие манеры и стилистики женского письма. Они также позволили существенно расширить представление о темах и проблемах, волнующих писательниц.

Благодаря инициативе феминистского клуба «Преображение», по итогам конкурса был выпущен сборник лучших рассказов «Чего хочет женщина…» (Сост. Трофимова Е. И., 1993), в который, помимо трех призеров: повестей «Любовь в резиновых перчатках» Н. Горлановой и «Не покупайте корову, если не умеете ее доить» Е. Каплинской и рассказа А. Сельяновой «Новое поколение», вошли произведения О. Татариновой, Н. Голосовской, Р. Полищук, М. Урусовой и других. Заслуга конкурса заключалась еще и в том, что он выявил новые писательские имена (М. Кирпичникова и М. Александрова из Москвы, Л. Агеева из Санкт-Петербурга, С. Боим из Бостона, А. Волек из Парижа) и позволил опубликовать рассказы этих писательниц, расширив тем самым географию женской творческой инициативы и новой женской прозы[647].

Примечательно, что одновременно с основным на конкурсе работало феминистское жюри. Критерии оценки, которыми оно руководствовалось, дают наглядное представление о тех задачах, которые ставились феминистками перед

---

[644] Айвазова С. Женское движение в России: традиции и современность // Формирование гендерной культуры у студенческой молодежи. Набережные челны, 1995. С.25.

[645] Подробнее об этом см. мою работу: Ровенская Т. О чем до сих пор молчали женщины, или Прогулки по страницам независимой женской прессы // Русские женщины в XX веке. Опыт эпохи. CD.

[646] Более подробную информацию о женских общественных и культурных объединениях см., напр.: Либоракина М. Обретение силы: российский опыт. Пути преодоления дискриминации в отношении женщин (культурное измерение). М., 1996.

[647] Подробнее о конкурсе 1993 г. см. Трофимова Е. О книжных новинках русской женской прозы // Преображение. 1995. №3. С.105-112.

женской литературой на данном этапе. Так, среди основных назывались способность авторов к самостоятельному осмыслению положения женщины в современном обществе и культуре, желание найти себя и свое место в мире, осуществление ею глубокой и трудной внутренней работы по преодолению комплексов никчемности, ущербности и вины, постоянно внушаемых женщине и всячески в ней поддерживаемых. Очевидно, что эти критерии имеют мало общего с тем представлением о женственном, соответствие которому навязывается женской литературе традиционной критикой в качестве образца и ею же впоследствии осуждается.

Тот факт, что феминистское жюри не присудило никому первой премии свидетельствует о том, что новая женская проза в целом не отвечает ожиданиям феминистского прочтения, а самосознание и творческие задачи подавляющего числа писательниц не отражают собственно феминистского мировоззрения. Однако жюри выделило рассказы некоторых писательниц (О. Лобовой, О. Ложкиной и Л. Романчук) за феминистский подход к раскрытию темы, что позволяет говорить о присутствии отдельных феминистских тенденций в творчестве современных писательниц.

Безусловно, работа феминистского жюри помогла выявить ряд особенностей женской прозы начала 90-х гг. Вместе с тем, сфокусировав свое внимание преимущественно на уровне самосознания современной женщины, феминистки не смогли правильно оценить те моменты, о которых писательницы предпочитали не говорить напрямую. Большинство представленных на конкурс рассказов воспроизводили, по мнению феминисток, стереотип отношения к женщине, царящий в обществе патриархатного типа, когда героиня сама возобновляет ситуацию своего унижения и страдания. И это положение — быть постоянно подавляемой и приносящей себя в добровольную жертву близким людям и жизненным обстоятельствам — принимается в качестве естественной и правомерной роли женщины в обществе. Признавая справедливость данного социального диагноза, нельзя не заметить, что практически ни одна писательница не обошла в своем рассказе и, более того, многие вывели на первый план, пожалуй, самый болезненный для женщины конфликт: конфликт между жестким требованием соответствовать определенному комплексу представлений о ее потенциальных способностях, возможностях, желаниях, ее роли и месте, которое общество отводит ей, и внутренним, часто неосознаваемом, представлением о них самой женщины.

Писательницы часто намеренно изображают своих героинь в кризисных ситуациях, где перемешаны осколки разбитых судеб, надежд, семей и нереализованного творческого потенциала. Искалеченное женское тело становится авторской художественной метафорой насилия властных структур и стратегий над женщиной. При этом сами героини часто не отдают себе отчета, в какой мере этот конфликт оказывает влияние на их судьбу, к каким губительным последствиям для их личности и взаимоотношений с окружающими он приводит. Они продолжают искать причину неизменных и неизбывных неудач в себе, не подвергая сомнению правильность существующего порядка. Героини Р. Полищук («Прощальная симфония»), О. Татариновой («Сексопатология»), А. Волек («Моя богиня»), С. Боим («Салат под русским соусом») только начинают интуитивно догадываться, что потеря себя — лишь следствие долгой цепи односторонних компромиссов и добровольного отказа от своего голоса, языка и тела, табу на желание. Горечь разочарования, неизменно и закономерно настигающая героинь, рождает

мощный эффект неприятия и протеста, сознательно программируемый писательницами. Однако именно из-за того, что авторская позиция в отношении этих и других социально-культурных проблем часто выражена лишь косвенно и лишена последовательности, феминистская критика имеет основание говорить о недостаточном уровне самосознания авторов.

Обеспокоенность феминистской критики объясняется тем, что неспособность героинь к самоактуализации в этом контексте может традиционно восприниматься читателем как естественные качества женщины, а глубокие социальные и культурные проблемы рискуют получить трактовку как имеющие частный характер. По всей вероятности, именно эта двойственность ментальности женщин-писательниц привела к тому, что женская проза конца 1980-х — начала 1990-х гг. с диаметрально разных позиций подверглась критике как со стороны феминисток, так и со стороны традиционной критики[648]. Обе стороны были склонны видеть в этом a priori слабость женской литературы, а не вполне закономерную особенность текущего этапа ее развития, имеющую глубокие культурно-исторические корни.

Интересной и знаменательной особенностью настоящего периода явилось и то, что при достаточно слабом резонансе, вызванном появлением данного феномена в широких читательских и филологических кругах, он становится предметом пристального внимания и изучения западных литературоведов. Во многом благодаря их усилиям с конца 1980-х гг. произведения русских писательниц становятся доступными зарубежным читателям. Так, в финском переводе увидели свет два сборника: «Мимочка отравилась» (1989)[649] и «Какой прекрасный день» (1992)[650], куда вошли также и образцы дореволюционной русской женской прозы. На английском языке вышли сборники: «Балансирующее искусство: современные женские рассказы» (1989)[651] и «Транзитная жизнь: Сборник современной русской женской прозы»[652], «Проза русских и польских писательниц»[653], а также сборник “Диалоги”[654], включивший в себя произведения русских и американских писательниц. Отдельно следует выделить антологии, хронологически охватывающие двухвековой опыт русской женской литературы, и антологии, построенные по жанровому признаку. Среди них наиболее репрезентативными являются работы К. Келли[655], Д. Эндрю[656] и К. Томей[657]. Заслуживает внимания и тот факт, что на

---

[648] Подробнее о реакции критики на новую женскую прозу см.: Сатклифф Б. Критика о современной женской прозе // Филологические науки. 2000. №3. С.117-133.

[649] Mimotska ottaa myrkkya: Venalaisten naisten kertornuksia 1800-luvulta / Toirn A. Rosenholm. Helsinki, 1989.

[650] Mika ihana paiva! Kertornuksia VenaJalta / Toirn A. Rosenholm. Helsinki, 1992.

[651] Balancing Acts: Contemporary Stories by Russian Women / Ed. H. Goscilo. Bloomington; Indianapolis, 1989.

[652] Lives in Transit: A Collection of Recent Russian Women's Writing / Ed. H. Goscilo.

[653] Russian and Polish Women’s Fiction. Translated and ed. by H.Goscilo. The University of Tennessee Press Knoxville.

[654] Dialogues. Literary and Cultural Exchanges between (ex)Soviet and American Women. S.H. Aiken. A.M. Barker. Durham and London, Duke University Press, 1994. (Рецензию на этот сборник см.: Денисова Т. Женский диалог через океан // Вопросы литературы. 1996. Вып.II. С.378-381).

[655] An Anthology of Russian Women's Writing, 1777—1992 / Ed. C. Kelly. Oxford, 1994.

полках, отведенных русской литературе, во всех профессиональных художественных библиотеках мира наряду с классиками обязательно присутствуют отдельные произведения и антологии русской женской литературы.

Появление феномена новой женской прозы оказало несомненное влияние на формирование и интенсивное развитие в России нового этапа независимого женского движения, которое, в свою очередь, составило тот идейный и стилистический контекст, в котором настоящее явление приобретает особое общественно-культурное значение, а его рассмотрение — теоретическую, методологическую и терминологическую базы.

Следующий этап, начало которого можно условно датировать 1994—1995 гг., ознаменовался, с одной стороны, упрочением положения уже имеющих свою историю женских общественных объединений и дальнейшим укреплением их связей с зарубежными коллегами, с другой, обнаружением сложностей в идейном союзе с отечественными общественными и правовыми институтами и отсутствием поддержки и понимания среди широких слоев российских женщин. По-видимому, только национально-культурным своеобразием нашей страны можно объяснить то, что более чем за 10 лет в России не прижилось ни демократическое, ни собственно феминистское сознание. На этом фоне, а также на фоне стремительно прогрессирующей коммерциализации книжного рынка происходит изменение и формы существования женской прозы. Перестали выходить программные документы, редкими стали совместные художественные проекты писательниц. Однако говорить о творческом конце феномена женской прозы было бы и преждевременно и безосновательно. Пока женщины будут обращаться к перу и бумаге, чтобы рассказать о своем видении окружающей действительности, поднять завесу над своим внутренним миром, миром чувственным, эмоциональным и подвижным, поделиться собственным жизненным и духовным опытом, женская проза будет существовать.

Изменение издательской политики объясняется, в частности, тем, что задача предыдущего этапа, этапа коллективной инициативы, была писательницами частично выполнена, они вернулись в литературу, нашли своего читателя, доказали свою творческую состоятельность, провозгласили существование независимой женской литературы как части особой феминной культуры и привлекли к ней внимание культурной общественности. Имена таких писательниц, как Светлана Василенко, Нина Горланова, Нина Садур, Людмила Улицкая, Ирина Полянская, Лариса Фоменко, Нина Габриэлян и других, не только вписаны в историю современной русской литературы, но и в достаточной степени определяют ее лицо. Женская проза сумела завоевать определенное место в литературном пространстве и проложить дорогу новым писательницам. И это наглядно доказывает появление в литературе последних лет большого числа молодых талантливых писательниц (например, Маргарита Шарапова, Елена Черникова, Анастасия Гостева), новых жанров, завоевавших у читателей огромную популярность (например, женский детектив), оригинальных стилистических форм. В связи с этим стоит отметить еще одну

---

[656] Russian Women's Shorter Fiction: An Anthology 1835—1860 / Ed. J. Andrew. Oxford, 1996.

[657] Russian Women Writers. Vol.1-2 / Ed. K. Tomei. Garland Publishing inc. W-J. and L., 1999.

важную черту данного периода, а именно, тяготение писательниц к работе с крупными жанровыми формами. Так, роман увлек признанного мастера венков рассказов и новелл Т. Толстую, создавшую антиутопию a la Rustic «Кысь», а также Л. Петрушевскую, Н. Габриэлян и много других писательниц.

Стали возможны и межгендерные авторские союзы, такие как, например, В. Букур и Н. Горланова, И. Смирнов и Н. Григорьева. Более того, написанный в соавторстве В. Букур и Н. Горлановой «Роман воспитания» (Новый мир 1995. № 8,9) рассматривался среди номинантов на премию Букера. Первой же женщиной-писательницей, получившей эту премию, стала по результатам 2001 г. Л. Улицкая за свой роман «Казус Кукоцкого». Таким образом, реалии конца 1990-х — начала 2000-х гг. убедительно свидетельствуют о том, что, приняв на себя основной удар, женская проза предшествовавшего десятилетия способствовала подготовке в России почвы для более серьезного и объективного отношения к женскому творчеству, его эстетике и проблемам, им поднимаемым.

Данный этап мог бы быть охарактеризован следующей формулой — индивидуальный женский проект на российском книжном рынке. Во второй половине 90-х гг. писательницы отдают предпочтение авторским сборникам и публикациям в периодических литературных изданиях, «толстых журналах», что было совершенно невозможным еще в начале этого десятилетия. Крупнейшие в России издательства, такие как «Вагриус» и «Летний сад», а впоследствии и «Эксмо» публикуют не только отдельные сборники произведений писательниц, но и создают целые серии. В рамках проекта «Настоящая женская проза» издательство «Вагриус» (1999 г.) выпустило серию «Женский почерк», в которой уже опубликованы авторские сборники Светланы Василенко, Марины Вишневецкой, Наталии Медведевой, Ирины Полянской, Нины Садур, Ольги Славниковой, Людмилы Улицкой, Галины Щербаковой. Подобная «смена курса», в которой не последнюю роль сыграла необходимость адаптации к новым условиям книжного рынка, неизбежно потребует от исследователей и нового, более индивидуализированного подхода к изучению феномена женского литературы в контексте идейно-эстетического своеобразия творчества каждой отдельной писательницы.

Сведения об авторах

Буланакова Мария Александровна — аспирантка кафедры истории средних веков Санкт-Петербургского университета, ассистент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета.

Вонсович Лариса Васильевна — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Белорусского коммерческого института управления.

Градскова Юлия Владимировна — кандидат политических наук, доцент, лаборатория развития гендерного образования педагогического факультета Московского государственного университета.

Ермаков Александр Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета.

Карпова Галина Геннадьевна — кандидат социологических наук, кафедра социальной антропологии и социальной работы, сотрудница Центра социальной политики и гендерных исследований Саратовского государственного технического университета.

Кись Оксана Романовна — этнолог, младшая научная сотрудница Института народоведения Национальной академии наук Украины, соучредительница и сопредседательница Львовского научно-исследовательского центра "Женщина и общество".

Коган Игорь Леонидович — кандидат культурологии, заведующий научно-исследовательским отделом Белорусского государственного университета культуры.

Мазарчук Дмитрий Валерьевич — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Минского института управления.

Новикова Наталья Валентиновна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета.

Ровенская Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Суковатая Виктория Анатольевна — кандидат философских наук, доцент кафедры теории культуры и философии науки Харьковского национального университета, Харьковский центр гендерных исследований.

Сурта Елена Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Белорусского государственного педуниверситета имени Максима Танка

Тугай Владимир Васильевич — кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Белорусского государственного педуниверситета имени Максима Танка.

Фрольцов Владислав Валерьевич — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

Чикалова Ирина Ромуальдовна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белорусского государственного педуниверситета имени М. Танка.

Юкина Ирина Игоревна — кандидат социологических наук, заведующая кафедрой Гендерные исследования Невского Института Языка и Культуры (Санкт-Петербург).

Янчук Елена Ивановна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета.

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной антропологии и социальной работы, со-директор Центра социальной политики и гендерных исследований Саратовского государственного технического университета.